

JERZY J. WIATR

*Socjologia
stosunków
politycznych*

PAŃSTWOWE WYDAWNICTWO NAUKOWE
WARSZAWA 1977

7111
899

ЕЖИ ВЯТР

*Социология
политических
отношений*

Перевод с польского

Под редакцией и с предисловием
доктора философских наук, профессора
Ф. М. БУРЛАЦКОГО

515211

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
Москва 1979

Запорізька обласна
Обліотека
ім. О. М. Горького

Перевод с польского
В. И. СКЛЯРА (главы I—V)
А. Н. НИКОЛАЕВА (главы VI—XIV)

Редактор И. В. КОЛОСОВА

© Państwowe wydawnictwo naukowe
Warszawa 1977

© Предисловие и перевод на русский язык
Издательство «Прогресс» 1979

В 10505—903 24—79
006(01)—79

0303000000

Предисловие

Предлагаемая читателю книга известного польского ученого Ежи Вятра представляет собой важную веху в развитии польской политической науки. Она является продолжением его работ, вышедших ранее: «Общество. Введение в систематическую социологию» и «Марксистская теория общественного развития». По замыслу автора его новое исследование в совокупности с прежними должно дать систематическое изложение проблем социологии политических отношений на основе марксистской теории общественного развития.

Прежде чем перейти к анализу книги Е. Вятра, отражающей уровень разработки теоретических проблем социологии политических отношений нашими польскими коллегами, хотелось бы отметить важнейшие вехи становления и развития марксистской теории политики.

Буржуазные ученые пытались выдать себя за первооткрывателей в области политических наук, заявляя, что научная разработка проблем политики будто бы не имеет прочных традиций в марксизме-ленинизме. Но это неверно. Само возникновение на рубеже XIX и XX веков буржуазной политической науки связано, с одной стороны, с практическими потребностями государственно-монополистического капитализма, а с другой — явилось реакцией на марксизм, на учение о классовой борьбе, о классовом характере государства.

Нет нужды доказывать, что К. Маркс и Ф. Энгельс на протяжении всей своей деятельности уделяли большое внимание изучению политики, политической власти, характера политической деятельности, формулируя требования пролетарской политики в противоположность политике правящих классов. «Действительно, можно без преувеличения утверждать, — справедливо отмечает Е. Вятр, — что именно с Маркса начинается история

социологии политических отношений» (с. 33). К. Маркс и Ф. Энгельс не только разработали общетеоретические, методологические основы науки о политике, но дали блестящие образцы конкретного анализа политических процессов, деятельности государства, политических партий, отдельных вождей и т. п.

Эта традиция была развита В. И. Лениным. Разработка политики как науки была выдвинута им как одна из важнейших теоретических задач. Ленин создал теорию социалистического государства, партии нового типа, всей системы политического руководства обществом со стороны рабочего класса применительно к эпохе империализма и пролетарских революций. В его работах мы находим все основные идеи, касающиеся диалектического метода и социологического анализа политических явлений. Анализируя политические явления своего времени, В. И. Ленин тщательно и конкретно исследовал классовую природу власти и управления, структуру и деятельность партий, профсоюзов, борьбу классов и отдельных групп, политическое поведение масс и их вождей, социальную психологию. Он изложил основы науки о социально-политическом управлении, представляющей собой важнейшую составную часть науки о политике.

В период между двумя мировыми войнами, в особенности после второй мировой войны политические исследования получили широкое развитие во всем мире. Объяснение этому факту, на наш взгляд, следует искать не только в общем процессе интеграции и дифференциации социальных наук в этот период, но в первую очередь в невиданном увеличении удельного веса политики в жизни человеческого общества. Развитие мирового революционного процесса, социальные революции, потрясшие до основания капиталистический мир, образование системы социализма, крах колониальных империй и возникновение многих десятков новых национальных государств в Азии и Африке, обострение и усложнение классовой борьбы на мировой арене — эти и многие другие факторы поставили в центр внимания исследователей проблемы государства, политических систем об-

щества, характера политических движений, внутреннюю и международную политику в самых разнообразных ее аспектах.

В условиях нарастания революционных тенденций в обществе буржуазия была поставлена перед необходимостью создания и использования новых методов воздействия на народные массы и управления ими. Потребность в таких методах особенно сильно стимулировала развитие буржуазной политической науки.

В книге Е. Вятра содержится интересный, хотя и довольно беглый очерк становления политической науки, а также критический анализ западных теорий. Степенный объемом книги, автор, конечно, не мог исчерпать эту обширную тему. Необходимо дальнейшее исследование этих теорий, особенно современной политической идеологии, с марксистских позиций, а также той роли, которую они играют в современных политических движениях и идеологической борьбе.

Марксистская политология ведет разнообразные исследования по широкому кругу проблем политических отношений в странах социализма, капитализма, развивающихся странах, а также политических отношений на мировой арене. Признанием ее достижений явилось проведение в Москве в 1979 году конгресса Международной ассоциации политических наук. Это дает новый стимул для успешного развития политических исследований в нашей стране и в других странах социализма.

Следует заметить также, что немалую роль в распространении политической науки сыграла ЮНЕСКО, которая не только санкционировала автономность политической науки как самостоятельной отрасли знания, но и многими средствами содействовала ее дальнейшему распространению. На конференции Ассоциации политических наук в 1949 году было решено употреблять термин «политическая наука» в единственном числе и было признано, что основным предметом политической науки являются власть и государство. Тем самым была принята попытка внести определенную ясность в те споры, которые ведутся между представителями различных наук в странах Запада: юристами, которые

утверждают, что в основе политической науки лежит наука о государстве; философами, которые рассматривают политическую науку как одну из разновидностей философии; социологами, которые под политической наукой понимают науку о власти; историками, которые определяют предмет политической науки под углом зрения исторической эволюции политического процесса. Политическая наука как самостоятельная отрасль знания получила признание в Польше, Венгрии, Югославии.

Польские политологи, и в их числе один из пионеров польской политической науки Е. Вятр, вносят значительный вклад в марксистскую политологию. Автор характеризует социологию политических отношений как ту часть социологической теории, которая изучает сферу борьбы за политическую власть и ее осуществление. Общетеоретическую часть социологии политических отношений, по мнению автора, составляет политическая социология, или социологическая теория политики. Кроме этого, социология политических отношений включает социологию политических движений и политических партий, социологию государства и его отдельных институтов, социологию политического сознания, социологию политического поведения, социологию международных отношений.

Тем самым, судя по структуре книги, автор рассчитывает создать интегральный теоретический труд. Этот замысел имеет свои достоинства: такие, как систематизация теоретических проблем политики, классификация основных категорий и понятий, разработка типологии многих сторон политического процесса. Книга достаточно органично объединяет критический анализ истории политической науки и современной буржуазной политической социологии, исследование политических аспектов классовых и национальных отношений, проблем политической культуры, политического руководства и лидерства, психологических аспектов политического поведения, типологии политических движений и партий и т. д.

Определенная слабость такого подхода состоит в том, что некоторые проблемы анализируются недостаточно

глубоко (например, социология международных отношений). Трудности возникают также из-за смешения уровней и подходов к рассмотрению проблем — философского, социологического, политологического, юридического. Это затруднило осуществление достаточно полного и последовательного анализа всех затронутых проблем.

Наиболее важная часть книги посвящена теоретическим основам социологии политических отношений, то есть вопросу о государственной власти. Поэтому автор характеризует социологическую теорию политики прежде всего как теорию политической власти.

Действительно, в центре самого представления о политике лежит понятие власти. Для понимания предмета политики как науки существенны такие признаки власти: во-первых, взаимосвязь с политической системой и, во-вторых, право и способность к принятию обязательных и значимых для всего общества решений. Такая позиция, на наш взгляд, учитывает как институциональный, так и функциональный подходы к изучению политического процесса.

Политическая система в этом случае представляет собой не просто сумму входящих в нее институтов, а систему взаимосвязей классов, социальных слоев и групп (например, государственного и партийного аппаратов), вырабатывающих и проводящих в жизнь авторитетные решения. Под авторитетными решениями мы понимаем такие решения (не обязательно выраженные в правовых нормах), осуществление которых обеспечивается либо с помощью принуждения, либо посредством убеждения или иных воздействий. Политическая система и политическая власть являются, таким образом, основным объектом политического исследования, тем, что составляет сердцевину всех наук, изучающих политику.

Вторым важнейшим моментом, существенным для науки, изучающей политику, являются методология, методы и методика исследований. Конкретное изучение политических явлений основывается на 1) методологии исторического материализма, 2) методах материалистической теории политики, 3) конкретно-социологической

методике. Такое разграничение, как нам представляется, отвечает трем уровням исследования: методология вырабатывается историческим материализмом, метод лучше всего характеризует политическую теорию «среднего уровня», а методика — конкретное исследование политической жизни. Е. Вятр, хотя и не делает подобного разграничения, тем не менее использует в своей работе все многообразие современных методов изучения политических явлений.

К числу важнейших методов, которые используются в исследованиях политики, относятся: 1) изучение влияния экономики, культуры и других факторов на политический процесс; 2) дифференцированный анализ социальных общностей (класс, нация, социальная группа), их роли в политической жизни; 3) структурно-функциональный анализ политических институтов (государство, партия, политический режим); 4) системный анализ больших и малых политических структур; 5) комплексный анализ политического управления и руководства обществом; 6) коммуникационный анализ взаимодействий элементов политического процесса; 7) анализ соотношения сил как фактора формирования политических отношений, особенно на международной арене; 8) анализ политической динамики; 9) сравнительный метод сопоставления близких или противоположных политических систем; 10) методы политического планирования и прогнозирования и другие.

Всестороннее изучение политических отношений требует применения всех этих методов в их совокупности на основе марксистской методологии, вырабатываемой историческим материализмом. Е. Вятр в своей работе чаще всего пользуется социологическим и структурно-функциональным анализом, а также опирается на материалы эмпирических исследований, проведенных польскими и западными учеными. Достоинством его работы является также и то, что немалое место в ней занимает сравнительный анализ политических институтов и других явлений в странах социализма и капитализма. Основные направления социологических исследований политики и политических отношений определяются

содержанием самого понятия «политика», а также спецификой социологического подхода к анализу политических явлений.

В советской политологии в последние годы формируются несколько самостоятельных научных направлений: социология (или теория) политики; социология (или теория) политических систем; социология (или теория) международных отношений. Нам представляется, что такой подход позволяет более предметно рассмотреть каждый из присущих этим направлениям объектов исследования.

Остановимся подробнее на основных направлениях социологических исследований политики и политических отношений. Теорию политики в систематизированном виде можно было бы представить примерно следующим образом: 1) предмет, методология, методы и методика изучения политики; 2) цели политики и политическая власть; 3) субъекты и объекты политики; 4) цели и средства в политике; 5) элементы политической системы; 6) общественно-политическое сознание и политическая культура; 7) политическая активность членов общества; 8) политическое руководство и лидерство; 9) политика и средства массовой информации. При такой структуре теория политики выступает как теоретическая дисциплина, содействующая конкретному изучению политических процессов, отдельных проблем, и заключает в себе общую постановку основных тем политики как науки.

Исследование теории политических систем включает в себя не только анализ политических институтов, всех элементов политической системы, что достаточно широко представлено в работе Е. Вятра, но и их взаимодействия в политическом процессе. Изучением политических систем занимаются философия, теория государства и права, экономическая наука и история, каждая из которых применяет специфические для них методы. Что нового в исследование политических систем вносит социологический подход? Если философия интересуется прежде всего происхождением и развитием государства, закономерностями перехода от одного типа государства

к другому в широких рамках общественно-экономических формаций, то в основе социологического подхода лежит прежде всего выявление структуры и форм функционирования политической системы и ее отдельных элементов.

Важную задачу социологического анализа составляет изучение форм и методов косвенного воздействия на политику буржуазного государства угнетенных классов, революционных или оппозиционных сил. В послевоенный период в развитых капиталистических странах осуществлен целый ряд социальных и экономических реформ. Марксистская литература, объясняя причины тех или иных уступок, сделанных буржуазией рабочему классу, справедливо подчеркивает активную борьбу пролетариата и других угнетенных слоев общества. Необходимо тщательный анализ того, в результате каких классовых движений, через какие конкретные механизмы — профсоюзное движение, печать, парламентскую борьбу, забастовки, манифестации и т. п. — рабочему движению удалось добиться тех или иных социальных преобразований.

Изучение государственно-бюрократического механизма, того, какими конкретно путями экономически господствующие классы, прежде всего монополистический капитал, добиваются проведения выгодной им политики через этот механизм, также составляет важную задачу теории политических систем. Известно, что внутри государственно-бюрократического аппарата капиталистического общества идет процесс дифференциации. В частности, огромное место в современных империалистических государствах занял механизм управления экономикой. Это выдвигает новые проблемы перед рабочим и коммунистическим движением капиталистических стран. Одна из них состоит в том, чтобы, используя различные методы политического давления в борьбе за коренные реформы, попытаться воздействовать на государственно-бюрократический механизм, в особенности в сфере управления экономикой. Другая заключается в том, чтобы в ходе осуществления социалистических революций дифференцированно подойти к различным ча-

стям государственного механизма, имея в виду максимально сохранить тот аппарат управления экономикой, который может быть в преобразованном виде поставлен на службу новой, народной власти.

Самостоятельное значение имеет вопрос о путях и методах воздействия трудящихся масс, их авангарда — рабочего класса и коммунистических партий — на политическую жизнь в своих странах. Парламентская и внепарламентская борьба компартий, создание общественных организаций различного типа, активное воздействие через коммунистическую и некоммунистическую печать, радио и телевидение, забастовочное движение, демонстрации, проникновение в государственный аппарат и армию — все это представляет самый живой интерес не только для ученых-марксистов, но и в особенности для политической практики мирового коммунистического и рабочего движения.

Самостоятельное научное направление составляет социологическое исследование международных отношений и мировой политики. Е. Вятр специально оговаривает в своей работе, что не ставит задачу основательного рассмотрения данной проблемы. Тем не менее теория (или социология) международных отношений представляет собой крупное направление политологии, еще недостаточно разработанное учеными-марксистами. Применение системного, структурно-функционального и социально-психологического анализа может содействовать изучению важных проблем войны и мира, международных конфликтов, оптимизации международных решений, процессов интеграции и интернационализации, развития международных коммуникаций, взаимосвязи внутренней и внешней политики государства.

Остается бесспорным вывод о том, что внешняя политика определяется в первую очередь внутренней, что та и другая служат в конечном счете выражением потребностей экономически господствующего класса. Анализ современной политической жизни позволяет обнаружить более глубокую взаимосвязь между внутренней и внешней политикой. Необходимо учитывать и ряд

дополнительных факторов, оказывающих влияние на формирование внешней политики, например защиту национальных интересов господствующим классом в связи с растущими противоречиями между империалистическими государствами и т. д.

С другой стороны, международная политика становится одним из факторов, особенно сильно влияющих в нашу эпоху на внутреннюю политику. В этом отношении характерны примеры развивающихся стран с неустоявшимися политическими институтами. Процессы их дальнейшего развития в большей степени зависят не только от внутренних факторов, но и от международных, от влияния социалистической и капиталистической систем, от развития экономических и политических взаимоотношений с ними.

Конкретно-социологический подход может найти применение и при анализе отношений между социалистическими государствами. Изучение этого типа отношений неразрывно связано с проблемой развития мировой социалистической системы.

В. И. Ленин сформулировал принципы мирного сосуществования стран с различным социальным строем¹. Он подчеркивал, что социализм, как социальный строй, выражающий коренные интересы рабочего класса и всех трудящихся, стремится к сохранению мира между народами и государствами².

В то же время Ленин считал необходимым поддерживать все революционные силы в странах капитализма, укреплять солидарность с рабочим и национально-освободительными движениями.

В связи с этим возникает острая политическая и научная проблема: как сочетать принцип мирного сосуществования стран с различным социальным строем, невмешательства в дела других народов и государств с интернациональной поддержкой революционного движения во всем мире? Для правильного решения этих вопросов необходимо тщательное изучение соотношения

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 197.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 148, 297.

сил в международном масштабе, глубокий анализ политических противоречий внутри империалистического лагеря, составление долгосрочных прогнозов взаимоотношений между государствами.

Оценивая работу Е. Вятра как заметное явление в социологической теории политических отношений, следует отметить некоторые различия в подходе автора к ряду проблем по сравнению с позицией советских ученых. Это относится, например, к вопросу о соотношении между национальным характером и политическими отношениями. Е. Вятр полагает, что национальный характер оказывает влияние на направление эволюции политической системы, причем в процессе постепенной эволюции модификации подвергаются не только политические институты, но и черты национального характера, создавая в результате новое, более гармоничное целое. Национальный характер, по мнению автора, в значительной степени определяет поведение наций в кризисных ситуациях.

Советские ученые придерживаются иной точки зрения. Они считают, что на политические институты и политические отношения наряду с определяющими социально-классовыми факторами влияет политическая культура, которая включает национальные традиции, а не национальный характер.

Не вполне совпадают представления советских ученых и их польского коллеги по вопросу о функциях социалистического государства. Е. Вятр стоит в основном на точке зрения, которая была принята в советской науке в 30 — 40-х годах, когда считалось, что главными внутренними функциями социалистического государства являются хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная. Между тем в советской литературе сейчас широко исследован вопрос об экономических, социальных и идеологических функциях социалистического государства, а также о функциях политической системы социалистического общества в целом, что является шагом вперед в разработке общей теории социалистического государства и права.

Несмотря на отдельные различия в подходе к рассмотрению некоторых вопросов, в целом работа Е. Вятра представляет собой значительный вклад в исследования важных, во многом еще мало разработанных теоретических проблем.

Ф. Бурлацкий

От автора

Книга, которую я отдаю на суд читателя, является попыткой систематического, основанного на принципах марксизма изложения социологии политических отношений. Я стремился к тому, чтобы в ней было дано толкование основных положений и гипотез марксистской социологии политических отношений, но в некоторых случаях руководствовался своим, разумеется не бесспорным, пониманием относительной важности отдельных проблем.

Разрабатываемая с марксистских позиций социология политических отношений — это, в сущности, социологическая теория, объясняющая как совокупность сложных процессов, происходящих в макроструктуре общества, так и ряд политических процессов на уровне микросоциологии. В связи с этим возникает немаловажный вопрос: как избежать того, чтобы толкование социологии политических отношений не превратилось в еще одно изложение социологической теории или же (что особенно важно для понимания явлений политики) теории общественного развития как части марксистской социологической науки? Решая эту проблему, я сократил до самого необходимого минимума изложение общих социологических положений. Более подробно читатель может с ними познакомиться в ранее вышедших двух моих работах: «Общество. Введение в систематическую социологию» и «Марксистская теория общественного развития»¹. В совокупности обе эти работы и данная книга представляют собой полное изложение марксистской социологии, теории общественного развития и социологии политических отношений. Анализ связей между ними, приводимый в первой главе данной книги, объясняет, почему именно эти три работы я представляю как фрагменты единого целого.

515211

Запорізька обласна
бібліотека
ім. О. М. Горького

В ходе работы над книгой о социологии политических отношений я столкнулся также с вопросом о том, как соотнести рассматриваемую проблематику с проблематикой политических наук вообще и с наукой о политике как особой, интегрированной теорией политики. На мой взгляд, первая проблема решается легче, поскольку социология политических отношений является одной из политических наук и независимо от того, как бы мы хотели трактовать ее взаимосвязи с другими политическими науками, входит в систему дисциплин, занимающихся изучением политики. Соотношение социологии политических наук и интегрированной науки о политике представляется более сложным, тем более что становление последней, по мнению некоторых ученых, происходит именно на основе социологии политических отношений. Не заходя так далеко, я тем не менее убежден в большом значении социологии политических отношений для формирования науки о политике, которая не может обойтись без солидного социологического фундамента. Но это должна быть дисциплина, интегрирующая различные взгляды, учитывающая не только социологическую, но также правовую, экономическую и историческую точки зрения. Не сомневаюсь, что если бы мы уже сегодня располагали такой интегрированной наукой о политике, то ее систематическое изложение в ряде моментов могло бы совпасть с систематическим изложением социологии политических отношений. Поскольку же процесс формирования интегрированной науки о политике в силу объективных причин протекает медленно, тем более важной представляется систематизация теоретического достояния отдельных, подлежащих интеграции политических наук. В этом смысле изложение социологии политических отношений не подменяет изложения науки о политике, но служит шагом к появлению в будущем именно социологического толкования марксистской науки о политике.

Настоящая книга представляет собой попытку систематического изложения теоретических проблем социологии политических отношений на уровне, достигнутом современной наукой. Последняя основывается как на

проверенном опыте прошлого, так и на результатах современных исследований. И в том и другом случае особенное внимание мы обращаем на марксистское понимание социологии политических отношений. Однако следует прямо сказать, что в XX веке в силу разных причин марксистские исследования политических отношений развивались неравномерно, зачастую лишь следуя за политической практикой. Я старался учесть в своей работе также и то, что во многих областях социологии политических отношений учеными-немарксистами разрабатывались новые проблемы, происходили поиски новых подходов к обобщению политической практики нашего динамичного века. В науке не может быть места для не критического восприятия и для не критического отрицания каких-либо и где-либо возникающих утверждений и гипотез. Марксистскую социологию политических отношений нельзя строить как герметически замкнутую систему, изолированную от других научных направлений. Только критически усваивая все ценное и обоснованно отвергая все ошибочное, можно использовать достижения различных теоретических направлений для развития марксистской социологии политических отношений. Этим объясняется мое стремление к тому, чтобы систематическое изложение марксистской политической социологии в данной работе было одновременно позитивной критикой важнейших течений в современной социологии политических отношений.

Разрабатываемая в книге проблематика является не только предметом научного анализа, но нередко и объектом острой идеологической борьбы. Марксистская социология политических отношений развивалась в процессе борьбы с буржуазными концепциями и ревизионизмом. Это нашло отражение в работе, хотя я не считал возможным и необходимым затрагивать все возникающие в этой области проблемы. Анализ многих аспектов полемики с антикоммунистическими или ревизионистскими концепциями дан в двух моих книгах: «Современный антикоммунизм и общественные науки», «Закат эры идеологии?» — и других². Более того, эти концепции, в частности ревизионистские концепции последних лет,

почти не содержат в себе чего-либо нового, и вступать с ними в полемику не имело бы смысла. Следует, однако, помнить, что четкое изложение марксистской социологии политических отношений — это научный ответ на чуждые и враждебные нам концепции. Тем самым он становится элементом идеологической борьбы в науке.

Данная книга рассчитана на широкий круг читателей. Социологию политических отношений — под тем или иным названием — изучают студенты, занимающиеся социологией, политическими науками и правом. Изучению этих предметов предшествует серьезная подготовка в области других общественных наук. Социологией политических отношений интересуются люди разных профессий. Исследование, отвечающее таким широким интересам, должно иметь свою специфику. Оно не может содержать только то, что уже бесспорно (если вообще в науке это возможно) установлено и доказано. Подобное исследование должно давать различные варианты толкования проблем, для которых еще не найдено полных и окончательных ответов. В этом смысле оно скорее будет поощрять читателей к самостоятельным поискам решений, чем осложнять их. В данной работе нашло отражение и такое понимание марксистской социологии политических отношений, которое принадлежит автору, и только автору.

Общие вопросы

1. Предмет и сфера исследования социологии политических отношений

Предмет социологии политических отношений в современной науке еще не имеет точного определения, которое удовлетворяло бы всех и с которым бы все были согласны. В самом широком смысле можно сказать, что социология политических отношений — это часть социологической теории, объясняющая такие явления, как борьба за власть и осуществление власти, поскольку именно эти явления составляют сущность политики¹. Однако следует сразу же заметить, что такая формулировка слишком обща, чтобы служить исчерпывающим определением предмета, известного в Польше чаще всего под названием «социологии политических отношений»², а в других странах — «политической социологии». Отдавая себе отчет в том, что многими авторами, хотя и не всеми³, термины «политическая социология» и «социология политических отношений» (в какой-то мере то же самое означает термин «социология политики») воспринимаются как синонимы, я в свое время предложил их разграничить⁴ и сейчас хотел бы развить эту мысль далее.

Под политической социологией мы понимаем социологическое объяснение проявления власти, а также

такую интерпретацию общей социологической теории, которая проблеме власти отводит центральное место. Таким образом, это особый подход к социологической теории и одновременно к теории политики, акцентирующий внимание на связи существующих в области политической власти отношений со структурой и развитием общества как единого целого. Изложение такой политической социологии на базе марксизма является, по сути дела (на что уже обращал внимание Юлиан Хохфельд⁵), изложением марксистской социологической теории, во всяком случае ее сущности. Это, следовательно, и есть социологическая теория политики, составляющая общетеоретическую часть социологии политических отношений.

В отличие от таким образом понимаемой политической социологии *социология политических отношений* — понятие более емкое. Это выделившаяся часть социологии, объясняющая борьбу за власть и осуществление власти в установившихся формах общественной жизни и указывающая на объективные предпосылки этих явлений и их влияния на жизнь общества. Политическая социология составляет теоретическую основу социологии политических отношений, сфера исследования которой гораздо шире и включает в себя не только общее теоретическое толкование предмета, но и ряд конкретных утверждений.

В научной литературе различие между политической социологией и социологией политических отношений проводится относительно редко. В то же время различия между социологией политических отношений (в меньшей степени политической социологией) и наукой о политике представляют собой одну из наиболее спорных и до сих пор окончательно не решенных дефиниционных проблем. Некоторые социологи трактуют социологию политических отношений просто как науку о политике. Так поступает Хохфельд, интерпретируя подобным образом точку зрения Штаммера. Пожалуй, то же самое считают и Дюверже, для которого политическая социология и наука о политике являются синонимами⁶, и Швартценберг, рассматривающий политическую соци-

логию как часть науки о политике⁷. Другие авторы ищут для науки о политике какую-то особенную, только ей присущую область исследования, сталкиваясь при этом с нелегкой задачей разграничения науки о политике и социологии политических отношений. Мейно проводит такое разграничение, которое вряд ли приемлемо именно из-за очень существенного сужения области социологии политических отношений, идентичной, в его терминологии, политической социологии. Поскольку, пишет он, задачей науки о политике должен был бы быть «исчерпывающий анализ политической жизни», то политической социологии оставалось бы единственно исследование политического поведения и явлений бюрократизма⁸.

Таким же неубедительным представляется мне и метод разграничения науки о политике и политической социологии, используемый Бендиксом и Липсетом. «Подобно науке о политике, — пишут они, — политическая социология занимается проблемами разделения и осуществления власти в обществе. Однако в отличие от науки о политике она не исследует институциональные условия разделения и осуществления власти, а принимает их как данное. Таким образом, наука о политике исходит от государства и изучает, как оно влияет на общество, в то время как политическая социология исходит от общества и изучает, как оно влияет на государство, то есть на формальные институты, служащие разделению и осуществлению власти»⁹. Но в конце концов сами авторы признают, что такое различие было более явным в прошлом столетии, чем в нынешнем. Сегодня было бы трудно утверждать, что современная наука о политике отличается господством, а тем более монопольным, институционального толкования проблем — во всяком случае, со времени введения бихевиористского¹⁰ подхода. Собственно бихевиористское течение, особенно популярное на Западе в 50 — 60-х годах, представляло собой реакцию на бывшее господство институционального направления.

Марксизму не нужно было ожидать «бихевиористской революции», чтобы избежать институциональной,

формально-правовой односторонности в изучении политики. Исходя из анализа общественно-экономической структуры (базиса) и объясняя развитие политической надстройки влиянием базисных явлений, марксизм в то же время уделял большое внимание анализу институциональной зависимости. Тем самым именно марксизм с самого начала ввел понятие комплексное, преодолевающее ту односторонность, которую Бендикс и Липсет хотели бы представить основой различия между политической социологией и наукой о политике. Упомянув об их точке зрения, нельзя не признать правоту Сартори¹¹, который видит в таком различии тенденцию к социологическому редукционизму в интерпретации политических явлений.

Авторы-марксисты акцентируют внимание на связи между социологией политических отношений и марксистской наукой о политике. Делает это не только Ю. Хохфельд, для которого социология политических отношений является «объединяющей и главной наукой о политике»¹², но также Ф. Бурлацкий, который рассматривает науку о политике как социологическую дисциплину¹³. В последнем случае мне, однако, не ясно, должна ли социологичность науки о политике заключаться только в том, что она применяет социологическую интерпретацию явлений, или также в том, что выбор проблем ее исследований определяется предметной областью социологии*. Видершпиль в опубликованной несколько лет назад работе о предмете марксистской «социологии политической жизни» пишет, что объединяющую роль во всей совокупности исследований в области политики должен играть «исторический материализм, основополагающей частью которого является теория классовой борьбы и государства, а следовательно, теория политики». При этом он указывает на необходимость обогащения исторического материализма новыми

* В советской науке не делается различия между социологией политических отношений и социологией политики. Они рассматриваются как синонимы, поскольку посвящены изучению проблем борьбы за власть и осуществления власти. — Прим. ред.

ми результатами исследований и опытом борьбы за социализм. В результате Видершпиль приходит к выводу, что «теория политики, разработанная в соответствии с положениями марксизма, должна быть теорией социологической, должна применять социологический, полный, обобщающий анализ». В то же время автор понимает, что такая теория не может разрабатываться одними социологами, а только в сотрудничестве с представителями других наук, занимающихся исследованием политической жизни. При этом Видершпиль требует от таких наук их «социологизации», а от социологии — «политизации». На этой основе, считает он, можно было бы достичь интеграции политических наук¹⁴. С другой стороны, но более специализированно, с политико-правовой точки зрения, социологическую позицию отстаивает и исходит из нее Соболевский¹⁵. Анализируя эту позицию (в рецензии на книгу Соболевского¹⁶), я выделил три последовательных элемента социологического подхода, касающихся политико-правовых проблем и учитывающих социологическую интерпретацию политических явлений:

1) определение места упомянутых теоретических концепций в конкретной исторической и общественной ситуации, изучение их генезиса и функций с точки зрения расстановки социальных сил, в условиях которой они проявляются и укреплению или изменению которой способствуют;

2) применение «реалистичной» интерпретации, то есть сопоставление теоретических положений с реальной деятельностью политических институтов и реальным политическим поведением граждан;

3) использование для доказательства взаимно дополняющей научной документации в области политической мысли и государственного права, с одной стороны, и политической социологии и исследуемой политической науки — с другой.

Даже признавая значение социологической интерпретации политических явлений, мы вовсе не делаем из этого вывода об идентичности социологии политических отношений и науки о политике. Разграничением между этими дисциплинами служит упоминавшееся ранее раз-

лично между политической социологией и социологией политических отношений. Таким образом, социология политических отношений — это фактически одна из нескольких политических наук, чьи достижения составляют основу эмпирической науки о политике. Само собой разумеется, что результаты исследования социологии политических отношений таким же образом составляют эмпирическую основу социологической теории. В то же время политическая социология является одной из основных, но не единственной теоретической интерпретацией политики и только в комплексе с другими дисциплинами может составить теорию политики, то есть именно науку о политике. Этими другими теоретическими дисциплинами, которые должны объединиться с политической социологией, являются прежде всего выводы политической экономии, теории государства и права, теории международных отношений, а также таких граничащих с ними наук, как политическая география или даже получившая известность в последнее время политическая биология¹⁷. Именно поэтому наука о политике является наукой специфической. Эта ее специфичность заключается в равнозначности составляющих ее дисциплин, а не в преобладании одной из них.

Абстрагируясь от утверждений Юлиана Хохфельда, положившего начало развитию социологии политических отношений в Польше, я тем не менее разделяю его убеждение в том, что социологический подход играет большую роль в создании марксистской науки о политике. По этому вопросу между марксистскими авторами нет разногласий.

Говоря о создании комплексной, интегрированной науки о политике, я выделил политическую экономию. Однако существует также проблема связи между социологией политических отношений как дисциплины всесторонней и политической экономией. Некоторые западные авторы полагают (на мой взгляд, ошибочно), что «новая политическая экономия» должна стать основой современного направления в исследовании политики, а социология политики останется важной, но лишь периферийной дисциплиной. Именно так ставит вопрос Уиль-

ям Митчелл, который видит будущее теории политики в переходе от политической социологии к политической экономии¹⁸.

Достаточно рациональным, но в определенном отношении и ошибочным, обедняющим толкование политических явлений мне представляется указание на возрастающую роль экономических и даже экономико-математических моделей в анализе политических явлений. Действительно, в условиях XX века, когда политика государства нацелена в большой степени на решение экономических проблем, связь между социологией политических отношений и политической экономией приобретает огромное значение. Очень метко это обстоятельство подметил В. Наройек, работа которого хотя бы с этой точки зрения представляет собой одну из наиболее оригинальных теоретических концепций в социологии политических отношений. Наройек пишет, в частности, что «марксистская экономическая социология должна разрабатываться как социология политических отношений в широком понимании — отношений между системами общественных интересов, создаваемых деятельностью экономических механизмов. Но тогда, однако, под социологией политических отношений следовало бы понимать не ту специализированную ветвь отраслевой социологии, занимающуюся проблемой общественного поведения в связи с деятельностью политических институтов, для которой больше подходило бы название социологии политики... а определенный метод рассмотрения общественных отношений как игры групповых интересов»¹⁹.

В целом соглашаясь с необходимостью сочетания экономико-социологической перспективы, опирающейся на основательный фундамент политической экономии, с перспективой социологии политических отношений, я не вижу в этом повода для создания двух различных социологических дисциплин, посвященных политике. Тем более что одна из них (та, которую Наройек называет «социологией политики») не имеет в его трактовке ясно определенного предмета и представляет собой разве что резерват, в котором бы проводилось такое «социологиче-

ское» исследование политики, которое отказалось бы от одного из важнейших объяснений, именно социологического, то есть объяснения в категориях групповых интересов. Зато само требование тесной связи марксистской социологии политических отношений с марксистской политической экономией (здесь я согласен с Наройеком), что можно назвать «экономической социологией»²⁰, исходит из предпосылок марксистской теории общественного развития и является одной из характерных черт марксистского метода разработки этих дисциплин*.

Подобно тому как социология политических отношений основывается на положениях исторического материализма — принимая во внимание ту большую роль, которую марксизм отводит экономике во всей общественной жизни, в том числе политической, — из этих же положений следует и связь социологии политических отношений с историческими науками, и даже прямая необходимость разработки этой социологической дисциплины как дисциплины исторической. На мой взгляд, это не является специфической чертой социологии политических отношений, а скорее свойство социологии вообще. В чем же заключается исторический характер социологии как научной дисциплины?²¹

Я бы определил социологию как историческую науку, исходя не из типа ее суждений, то есть не из того, доминируют ли в ней исторические обобщения, а из того, как они формируются. Социология выступает как историческая наука, поскольку предпринимает исследование действительности: а) в процессе изменений, б) в историческом контексте, в котором исследуемая действительность выступает. Первое условие, как правило, соблюдается, за исключением обзорных, касающихся какого-то отдельного момента специальных анализов, о которых можно сказать, что они являются только

* В советской науке политическая экономия представляет собой самостоятельную дисциплину — одну из составных частей марксизма-ленинизма. — *Прим. ред.*

частью более широкой программы исследований, учитывающих в своих предпосылках изменчивость общественной жизни. Историческое мышление в первом из выделенных значений является общей чертой социологии, так как она исходит из того, что изучаемые ею процессы не носят статичного характера. Иначе обстоит дело с другим критерием историчности социологии. Многие социологические работы оперируют историческим методом именно в том смысле, что он ограничивает исследуемые явления определенным временно-пространственным критерием, то есть стремится объяснить их (генетически, структурально и функционально), исходя из их места в структуре или культуре, к которым они принадлежат. Эта черта, однако, присуща не всем социологическим исследованиям. Зачастую обвинение социологии в антиисторизме относится к работам, игнорирующим именно такой, конкретно-исторический анализ ситуации, в которой проявляются исследуемые явления.

Современная социология — это в огромной степени наука историческая, но таковой она воспринимается скорее интуитивно, чем в силу сознательного, методологического ее осмысления. Последнее в настоящее время приобретает все больший вес и ведет, на что есть основания надеяться, к уточнению условий, необходимых для развития социологии как науки исторической, с характерными для нее теоретическими обоснованиями.

На мой взгляд, они сводятся к трем условиям:

Во-первых, необходимо дальнейшее развитие марксистской теории общественного развития как основы социологической теории, и особенно разработка ее составной части — учения об общественно-экономических формациях, поскольку изучение формаций позволяет ограничить общественные явления историческим контекстом.

Во-вторых, необходимо дальнейшее развитие марксистской методологии, в частности марксистского исторического подхода, при выработке обобщающих теоретических выводов.

В-третьих, необходимо расширение сравнительных исследований, оперирующих как материалом различных

стран, так и различных периодов, чтобы получить эмпирические основания для теоретических обобщений.

В частности, изучение политики открывает большие возможности для исторических толкований. Оно акцентирует внимание на роли, которую играет история в науке о политике²². В не меньшей степени это касается и социологии политических отношений, которая в историческом подходе может найти путь к расширению области исследований и сопоставлений, не ограничиваясь только современностью.

Когда мы задумываемся над вопросом, должна ли социология быть наукой исторической, мы сталкиваемся с тем фактом, что общественно-технические функции социологии могут быть выполнены тем лучше, чем больше эта дисциплина будет выступать как наука «теоретическая», при условии что термин «теоретичность» противопоставляется «историчности». Знание общих, независимо от времени и пространства действующих закономерностей составило бы самую надежную основу эффективной деятельности²³. Я думаю, что такой аргумент грешит абстрактностью. В самом деле, если бы мы обладали богатым знанием таких универсальных закономерностей, в достаточной степени проверенных, это было бы очень ценной основой эффективной деятельности. Однако такого знания у нас нет, и из характера общественной жизни следует, что (о чем уже говорилось), возможно, его и не будет. Но мы будем располагать все более богатой системой конкретно-исторических объяснений, все более подробно уточняющих необходимые условия появления определенных зависимостей, вследствие чего сами эти зависимости будут четко относиться к определенному историческому контексту. На этом же пути социология, облегчая понимание не только отдельных явлений, но и всей комплексной ситуации, в которой они выступают, с каждым разом будет приносить все большую практическую пользу. Потому с точки зрения практики общественной деятельности социология должна разрабатываться как наука историческая. В полной степени это касается и социологии политических отношений.

Определяя социологию политических отношений как ту часть социологии, которая объясняет явления борьбы за власть и осуществления власти в установившихся формах общественной жизни, мы можем следующим образом определить предметную область этой дисциплины.

Общетеоретическая часть социологии политических отношений определяет, в самых общих понятиях, социальные основы и социальные действия (силы, цели, результаты) установившейся в обществе власти²⁴. Таким образом, здесь вступают в силу законы и гипотезы, объясняющие генетические и функциональные зависимости между политическими и неполитическими общественными явлениями. Эта часть социологии политических отношений является именно политической социологией, понимаемой как общесоциологическая теория политики. Она находит применение в специальных разделах социологии политических отношений, занимающихся описанием и анализом отдельных областей политической жизни.

К специализированным разделам социологии политических отношений, в частности, относятся:

- 1) социология рабочих движений и политических партий;
- 2) социология государства и его отдельных институтов (например, представительных органов, армии, гражданской администрации);
- 3) социология политического сознания, в том числе общественного мнения и политической идеологии;
- 4) социология политического поведения;
- 5) социология международных политических отношений²⁵.

Каждый из этих разделов социологии политических отношений можно было бы трактовать, по крайней мере до определенной степени, как самостоятельную область, например как социологию семьи, деревни, свободного времени и т. п. Существуют также исследования, посвященные социологии партии²⁶ или социологии армии²⁷, а также научные учреждения, специализирую-

щиеся в этих областях. Это, однако, не меняет положения вещей, если речь идет о статусе таких поддисциплин в рамках социологии политических отношений. Они являются частью более широкого целого, которое объединяет общесоциологическую теорию политики (политическую социологию) и отдельные социологические поддисциплины, занимающиеся анализом политических отношений. Именно такое соединение я называю социологией политических отношений, которую можно представить следующей схемой:

Социология политических отношений

Общетеоретическая часть	Политическая социология				
	Социология политических движений и партий	Социология государства	Социология политического сознания	Социология политического поведения	Социология международных политических отношений
Отдельные разделы					

II. Элементы домарксовской социологии политических отношений

Общеизвестно, что первую развитую и цельную систему социологии политических отношений создал Карл Маркс. Это признают не только исследователи-марксисты, но и ученые-немарксисты, такие, например, как Бендикс и Липсет¹. Действительно, можно без преувеличения утверждать, что именно с Маркса начинается история социологии политических отношений. Ибо даже далекие от марксизма направления социологии политических отношений XIX и XX веков развивались главным образом под влиянием марксистской концепции или в полемике с ней.

Однако интеллектуальные перевороты в науке никогда не происходят без предварительного накопления знаний. И хотя нельзя говорить о существовании социологии политических отношений до Маркса, ее элементы встречаются во многих общественных и политических теориях прошлых столетий. Извлекая ныне эти элементы, я стремился к четкому выделению истоков социологии политических отношений как эмпирической, объясняющей науки и к отделению ее элементов от значительно чаще встречающихся в политической и общественной философии нормативистских теорий. Правда, связь между объясняющей социологической теорией политики и нормативистской теорией существует, но это связь между двумя самостоятельными дисциплинами. В данной работе меня интересует социология политических отношений как наука эмпирическая, объясняющая, а не нормативистская политическая теория. Поэтому и в исторической части я буду касаться лишь элементов социологии политических отношений как объясняющей теории². Если же в этой главе я обращаюсь к истории политической мысли, то только в той мере, в какой это необходимо для разработки социологической темы.

Первые попытки в области социологической интерпретации (говоря современным языком) политической жизни предпринимались уже в Древней Греции. У Платона (427—347 до н.э.), несмотря на то, что его «Государство» является прежде всего утопией идеального общества, находим ряд важных социологических обобщений. Например, Платон указывает на связь между различием человеческих потребностей, разделением труда и возникновением общества, которое он называет государством. Он первым обращает внимание на существующую связь между ведением войн и социальным строем государства; поскольку войны нельзя вести без специально подготовленных для этого людей, то с этой целью должна образоваться обособленная группа военнослужащих. Еще ближе подходит Платон к социологической интерпретации политической жизни в «Законах», где дается реалистическая для того времени картина социальной и политической эволюции человечества. Исторические перемены он трактует как результат продолжительных изменений в образе жизни народов, особенно миграции и изменений в способах добывания средств к существованию (переход от скотоводства к земледелию), причем образование монархии или объединение племен — а следовательно, и изменения политического характера — объясняет переменами в образе жизни, то есть социологически. Требуя, наконец, упразднения неравенства, возникающего из права наследования, Платон указывал, что условием достижения этой цели является лишение семьи влияния на воспитание детей; тем самым он предвосхитил то направление более поздней политической социологии, которое исходит из непреодолимого противоречия между требованиями равноправия и автономности семьи по отношению к государству.

Еще дальше Платона в создании социологической теории политики пошел другой великий философ древности — Аристотель (384—322 до н.э.). Главное отличие Аристотеля от других древних философов, в частности от Платона, заключается в том, что он впервые в истории общественной мысли применил эмпирический

метод — наблюдение и индукцию. О том, что есть, он судит, опираясь на фактический материал, и, следовательно, с точки зрения метода поступает, как современный социолог политики. В «Политике» Аристотель исходит из анализа возникновения и функций государства. Он выводит их из самых ранних общественных связей: половой, необходимой для существования вида, и связи между хозяином и рабом, необходимой для образования стабильного социального объединения. На этих двух связях зиждется дом (или «семья», понимаемая в условиях рабовладельческого строя как семья господина вместе с невольниками). Над семьей возвышается община, а над ней стоит уже государство, как третья и высшая форма общества. Государство, таким образом, обязано своим существованием объективным, жизненным потребностям людей. В то же время, однако, лишь оно обеспечивает полный расцвет личности, так как по своей природе человек — существо общественное. Отсюда Аристотель и делает свой труднодоказуемый вывод о том, что общество предшествует личности.

У Аристотеля мы находим также обстоятельное изложение теории общества (IV книга «Политики»), предпосылки которой можно встретить у более ранних мыслителей Востока, главным образом Индии. Аналогия, проводимая Аристотелем между общественными классами и отдельными системами одного организма, представляет собой предпосылку политической концепции солидарности, отрицающей борьбу в обществе.

Эта концепция (образец политической доктрины умеренности) предполагает, что демократия может успешно функционировать только при условии, если она опирается на средние слои общества: в условиях Древней Греции — на среднезажиточных свободных людей. Это первое социологическое определение предпосылок эффективно функционирующей демократии, — определение, к которому неоднократно обращались в последующих столетиях.

Европейское средневековье не изобиловало сколько-нибудь значительными теориями социологического характера. Они появились лишь в эпоху Возрождения и

позднее. Но во времена средневековья творил мыслитель, которого ныне считают предвестником современной социологической мысли. Это был арабский ученый Ибн Хальдун (1332—1406), открытый европейской мыслью очень поздно, лишь в XIX веке. Основной труд Ибн Хальдуна — «Введение в историю» — представляет собой изложение науки об обществе как таковом. По мнению Ибн Хальдуна, эта наука методом наблюдения и логического мышления должна определять общественные права. Рассматривая, таким образом, различия между человеком и другими живыми существами, Ибн Хальдун считает, что одним из таких различий является то, что человек испытывает потребность во власти. Анализируя общественную связь явлений (обозначая ее термином «асабийя»), он видит в ней отражение условий, в которых живет племя. По мысли Ибн Хальдуна, общественная связь едва ли не в идеальной форме наблюдается у кочевников. Она является условием возникновения политической жизни. Таким же образом Ибн Хальдун дает социологическое объяснение политической власти и форм политической жизни, выводя их из общественной связи, а последнюю — из условий жизни людей. Ссылаясь на свою теорию общественной связи, Ибн Хальдун трактует и эволюцию политической власти у кочевников пустыни источник власти традиционного вождя морален, поскольку исходит из общественной связи. Однако постепенно власть вождя может возрасти за счет применения силы. Контакты и конфликты с другими племенами приводят либо к равновесию сил, либо к завоеваниям и расширению государства. В расширяющихся границах государства оказывается все большее число племен, которые в конечном счете могут свергнуть господствующую династию, после чего история циклично повторяется. Учение Ибн Хальдуна содержит еще две социолого-политические теории: теория конфликта между общественными группами, согласно которой конфликт есть движущая сила развития, а также теорию кругообращения руководящих групп. Некоторым образом Ибн Хальдун предвосхищает Гумпловича с одной стороны, и Парето — с другой.

Европа эпохи Возрождения дает всем областям науки новый импульс. Это касается и политической мысли, самым выдающимся и наиболее оригинальным, выходящим за рамки своего времени представителем которой был Никколо Макиавелли (1469—1527). Он, как и Ибн Хальдун в арабском мире, решительно выступал за разделение аналитической, объясняющей науки о политике и морали. Он утверждал то, что есть, не смешивая знания о действительности с рассуждениями о том, что и как должно быть. Комментируя письма Макиавелли, польский правовед Константы Гжыбоский во введении к труду Макиавелли «Государь» особенно подчеркивал реализм великого флорентийца. «Все фундаментальные положения Макиавелли, — писал Гжыбовский, — основываются на понятии «ситуация». Понятие «ситуация» — понятие динамичное в противоположность средневековой статике. Это понятие релятивное в отличие от абсолютных и неизменных оценок и средневековых ценностей. Отсюда и относительность оценки государственных организмов, и относительность оценки человеческих характеров, и относительность оценки деятельности властей. Нет идеального строя вне времени и пространства, есть только строй, адекватный ситуации. Нет неизменных черт человеческого характера, постоянны лишь элементы, которые составляют характер человека и проявляются по-разному в разных обществах, в условиях разных эпох, в разных комбинациях. И нет неизменно хороших и неизменно плохих методов управления людьми, есть только методы, адекватные ситуации и неадекватные ей. Макиавелли, таким образом, зачеркивает то направление политической мысли, начало которого идет почти от Гесиода с его наукой о «естественной» и неизменной справедливости, проходит через весь античный период, было перенято христианством, возродилось в светской форме в XVII и XVIII веках в школе естественного права. В своем релятивизме, сочетающемся с историзмом, он же выступает предвестником той школы, блистательными создателями которой были Монтеスキе и Бёрк»³.

Макиавелли решительно отвергал умозрительную

оценку политических проблем, противопоставляя ей опыт исторических событий. Он верил также в то, что история повторяется и, оценивая дела минувшие, мы получаем знания о настоящем и будущем. Политическую деятельность он выводил из эгоистических человеческих стремлений к материальным выгодам и самосохранению. Властителю он советовал использовать именно эти тенденции для достижения своих целей. Эти элементы его теории (в частности, «Государя» как наиболее обобщающего труда, в котором делаются социально-практические выводы из исторических рассуждений, приводимых в других работах) ставят Макиавелли в ряды самых выдающихся предвестников социологии политических отношений⁴.

Несколько позже, после Макиавелли творил французский теоретик государства Жан Боден (1530 — 1596). В его «Шести книгах о республике» мы находим в зачаточной форме сформулированную теорию, согласно которой государство обязано своим возникновением господству одной группы над другой. Эта концепция получила распространение в немарксистской политической социологии XIX века благодаря Людвигу Гумпловичу.

Элементы социологических объяснений встречаются также в политической теории Томаса Гоббса (1588 — 1679). В своем «Левиафане» он обосновывал возникновение политической власти категориями социальной психологии — ссылаясь именно на общий страх в отношениях между людьми, не организованными в государство, на страх, причины которого кроются в злых, агрессивных чертах человеческой природы. Гоббс отмечал наличие связи между частной собственностью и установлением государства, что было важным шагом к социально-экономической интерпретации возникновения государственной власти. Он был одним из первых мыслителей, исследующих государство рациональным методом, свободным от каких-либо теологических украшений⁵.

Социологические концепции встречаются также у самого известного оппонента Гоббса — Джона Локка (1632 — 1704), в частности во втором из его «Двух

трактатов об управлении государством», где он изложил свою политическую концепцию. Локк создал свою систему политической философии как четкое обоснование английских революций XVII столетия. Его концепция выдвигает на первый план те аргументы, которые доказывают право народных масс на революцию и вместе с тем определяют границы права согласно с интересами имущих классов. Отсюда у Локка и решительная защита собственности, и его политический либерализм. Такое сочетание делает Локка классиком буржуазной либеральной концепции. С точки зрения социологических объяснений, приводимых Локком, наиболее существенным, на мой взгляд, является его размышление об экономических основах государства.

Соглашаясь с мнением Аристотеля о человеке как существе общественном, Локк справедливо утверждал, что человеческие общества не являются обществами политическими без таких определяющих условий, как территориальная общность, общее право и наличие власти, способной решать споры и наказывать преступников. Возникновение политического общества есть результат соглашения, ограничивающего свободу отдельного человека. Значит, должна быть убедительная причина, способствующая тому, что люди одобряют создание политической власти и готовы ей подчиниться. Эта причина — желание сохранить свою собственность. Таким образом, социологической основой государства является частная собственность, получившая развитие с появлением денег как товара. Следующим важным моментом у Локка является отделение государства от власти (отождествляемых многими ранними мыслителями, в том числе Гоббсом). Отсюда следует два рода соглашения: общественный договор, который устанавливает государство, и правительственный договор, который устанавливает власть. Революция свергает власть, но не уничтожает государство; нарушение властью правительственного договора дает людям право (и обязывает их) на революцию, что, однако, не ликвидирует государства. Следовательно, в этой форме мы имеем не только экономическое толкование генезиса государства, но

и важное для политической социологии разделение государства и власти с указанием на сменяемость последней.

Восемнадцатый век вместе с кризисом феодального общества приносит заметное оживление политической мысли и новые теоретические концепции, объясняющие политические отношения. Все чаще в них встречаются элементы объяснений, к которым сегодня можно было бы применить термин «политическая социология». Такие социологические элементы мы находим у Давида Юма (1711 — 1776), хотя он отвергает концепцию общественного договора и выдвигает тезис, согласно которому у истоков любого государства находится сила, выражающаяся в захвате власти или завоевании. Такой отказ от концепции общественного договора в пользу реалистического и исторического толкования генезиса государственной власти представляет собой важный шаг к социологической интерпретации явлений политической жизни.

С другой стороны, свой вклад в создание элементов социологии политических отношений внесли представители исторического эволюционизма: Шарль-Луи Монтескье (1689 — 1755) во Франции, Иоганн Готфрид фон Гердер (1744—1803) в Германии, Эдмунд Бёрк (1729—1797) в Англии и Адам Фергюсон (1723—1816) в Шотландии. Они рассматривали всю общественную жизнь, в том числе политическую, как результат исторического процесса, большую роль в котором играют факторы географические, особенно климат. В своем основном труде, посвященном политике («О духе законов»), Монтескье выступил против мнения, согласно которому существуют абсолютно плохие правовые и политические системы. Каждую систему следует оценивать, утверждал он, с точки зрения создавших ее условий. Политические и правовые институты должны быть приспособленными к характеру людей, жизнь которых они регулируют, а этот характер есть продукт географических условий, в частности климата. Насколько акцент на географические факторы суживает социологическую концепцию Монтескье, настолько его исторический ре-

лятивизм в оценке политических институтов представляет собой важный, существенный вклад в науку. Другим важным моментом социологической интерпретации государства является то значение, которое он придавал гармоничному взаимодействию политических институтов и обеспечению необходимого контроля над ними со стороны общества.

К географическим объяснениям прибегал также Гердер, хотя он в большей степени, чем Монтескье, подчеркивал влияние врожденных человеческих свойств. Роль «врожденных факторов» в ходе дальнейшего развития общественных наук была подвергнута серьезному сомнению, хотя исследования и дискуссии на эту тему продолжают поныне. Важным моментом в рассуждении Гердера было то, что географические условия влияют на политические институты не непосредственно, а через обычай. Тем самым он приблизился к объяснению политической жизни влиянием культуры, распространенному во многих современных буржуазных доктринах.

В Англии Эдмунд Бёрк, решительный противник Великой Французской революции, выступил с критикой рационализма политической философии XVIII века, ссылаясь в своей полемике на исторические факты. Политический строй, утверждал он, не может быть создан на основе априорно принимаемых решений. Этот аргумент Бёрк использовал для защиты политического консерватизма, в ущерб динамичному пониманию истории. Тем не менее, указывая на зависимость политического строя от исторического субстрата, Бёрк отразил один из существенных элементов социологической интерпретации политических процессов.

Наконец, Фергюсон, которого Беккер и Барнс склонны считать родоначальником социологии⁶, стоял на позициях динамичного видения истории как условия для понимания политических перемен. Он был сторонником исторической интерпретации политической жизни, как и Бёрк, но освободил ее от консервативных пут. Главной мыслью Фергюсона в анализе политической жизни было то, что не гармония, а конфликт и борьба общественных групп являются основой развития.

В начале XIX века появляется ряд интересных социологических концепций, развиваемых французскими учеными и мыслителями периода посленаполеоновской Реставрации и Июльской монархии. Историки этого периода анализировали истоки революций — английской и французской. В трудах этой школы, выдающимся представителями которой были Франсуа Гизо (1787—1874), Жак Тьерри (1795—1856), Луи Тьер (1797—1877) и Жюль Мишле (1798—1874), излагаются три важные идеи: 1) что история творится людьми; 2) что революции являются результатом общественных противоречий, накал которых взрывоопасен, а также 3) что происхождение классов и государственной власти уходит своими корнями к завоеваниям одних племен другими. Теория завоевания, очень популярная в XIX веке, использовалась в самых различных политических целях. Артур де Гобино (1816—1882) в своем нашумевшем труде «Опыт о неравенстве рас» использовал теорию завоевания для изложения теоретических положений расизма, в то время как в Польше Иоахим Лелевель (1786—1861) трактовал эту теорию как аргумент в пользу освобождения народных масс и установления демократии. С исторической и теоретической точек зрения объяснение генезиса деления на классы и возникновения государственной власти фактом завоевания не выдерживает критики, что убедительно доказал Энгельс в «Анти-Дюринге».

Своеобразный вклад в создание социологии политических отношений внес французский политик, историк и социолог Шарль Алексис Анри де Токвиль (1805—1859) — прежде всего своими наиболее известными трудами: «Демократия в Америке» и «Старый строй и революция». Токвиль ясно видел, что французская революция была результатом общественных противоречий, обострившихся в предреволюционный период. С большой убедительностью он сформулировал мысль, что революции происходят не тогда, когда массам живется очень плохо, а когда начинающееся улучшение их положения пробуждает в них стремления и надежды,

степень удовлетворения которых явно недостаточна. Анализируя американскую демократию (в начале XIX века), он видел в ней не только новый политический строй, но также новый, опирающийся на принципы равенства общественный строй. Он связывал успех американских демократических институтов именно с сохранением общественного строя, в котором социальные различия были незначительны. Вместе с тем Токвиль, как и впоследствии теоретики консервативного направления, подчеркивал конфликт между принципами свободы, с одной стороны, и демократии и равноправия — с другой. Это был анализ классовой сущности буржуазной свободы. Ограниченность социологической концепции Токвиля проявилась в том, что, отождествляя классовые различия с различиями, типичными для иерархически построенного аристократического общества, он не видел классовой природы американского общества, вытекающей из различия в уровне богатства, а не из феодальных привилегий. В результате он не смог проанализировать классовые основы политического конфликта в обществе подобного типа. Он был первым, если не считать Макиавелли, компаративистом — ученым, использующим метод сравнения различных политических систем (Соединенных Штатов и Франции) для того, чтобы сделать теоретические выводы⁷.

Токвиль и его идеи находились на рубеже домарксовской социальной мысли. Здесь следует упомянуть об идеях еще двух создателей немарксистской социологии: Огюста Конта (1798—1857) и Герберта Спенсера (1820—1903). Первый завершил свой труд перед появлением главных работ Маркса, второй же, будучи почти ровесником Маркса, разрабатывал свою концепцию еще до заметного влияния учения Маркса на ход общественного развития. Тем не менее Конт и Спенсер замыкают тот период развития социологической мысли, когда она формировалась, не вступая в полемику с марксистским учением и не испытывая его влияния на себе.

Конт не занимался непосредственно социологией политических отношений. То, что им написано о полити-

ческих институтах, выглядит убого и поверхностно; он прямо утверждал, что эта тема не заслуживает большого внимания. Однако Конт понимал, что без политической организации невозможны общественные отношения, и это справедливо по отношению ко всем обществам, за исключением первобытных. Он верно подчеркивал, хотя и не был в этом оригинальным, что условием создания государства должна быть территориальная целостность. Само же государство трактовал как орган управления материальной деятельностью общества, что было регрессом в сравнении с намного более реалистической концепцией государства как орудия в борьбе групп за общественные интересы. Материальную основу государства он видел в разделении труда и в чувстве коллективизма, присущем человеку. В целом позитивистская социолого-политическая концепция Конта не была шагом вперед, а скорее отступлением от социологического истолкования явлений политической жизни.

Более реалистичную позицию занимал Спенсер, высказывая уже в 1842 году (в работе «Характерная сфера власти») мнение, что государство по своей сути есть акционерное общество для защиты интересов его членов. Хотя эта теория трактовала государство как обобщающую форму отношений между буржуазным государством того времени и представителями класса буржуазии, в ней, однако, в какой-то степени содержалась мысль, что функции государства определяются социальными и экономическими интересами. Другим вкладом Спенсера в социологию политических отношений является его интересная теория о зависимости эволюции политического и общественного строя от ведения войн (а также подготовки к ним) или же от долговременного состояния мира. В том обществе, где ведутся войны или же готовятся к ним, возникает строй, который Спенсер называет «воинственным». Его характерные черты — централизованный и милитаристский политический режим, подчинение интересов личности интересам государства. С другой стороны, состояние мира способствует образованию «индустриального общества», в котором власть призвана защищать права личности, а основная

деятельность общества направлена на увеличение богатства. В «Основаниях социологии» он изложил довольно упрощенную, но не лишенную смысла концепцию о зависимости между внешней и внутренней сферами деятельности государства.

К числу тех, в чьих идеях можно найти элементы социологии политических отношений, принадлежит, несомненно, еще один мыслитель. Речь идет о Георге Вильгельме Фридрихе Гегеле (1770 — 1831), политические концепции которого, прежде всего с точки зрения полемики, представляли собой важный источник для формирования марксистских социолого-политических идей. Именно потому, что гегелевской теории государства не доставало прежде всего социологического подхода и что в полемике с Гегелем Маркс сформулировал свою систему социолого-политических идей, стоит обратить внимание на то, в какой степени у Гегеля проявляются элементы социологии политических отношений⁸.

В основном политические взгляды Гегеля изложены в его «Философии права», оказавшей необыкновенно сильное и непосредственное влияние на Маркса, а также в политических работах «Конституция Германии», «О внутренних отношениях в Вюртемберге нового времени», «Отчеты сословного собрания королевства Вюртемберг (1815 — 1816)» и «Английский билль о реформе в 1831 году». Ход рассуждения Гегеля — главным образом философски-нормативистский, то есть определяющий, как следует вести себя в сфере политики. Однако концепции Гегеля содержат и бесспорные социологические формулировки. Збигнев Пельчинский, подводя итог анализу взглядов Гегеля во вступительной статье к его трудам в области политики, выделяет четыре основных положения этого философа: 1) государство того времени — это конституционная монархия, обладающая сильной бюрократической исполнительной властью, уравновешенной участием граждан в управлении и соблюдением индивидуальной, общественной и местной автономии; 2) правовая и институциональная структура государства находится в процессе изменений, вызванных наме-

ренным приспособлением теоретических предпосылок к традиционным условиям; 3) политическая жизнь каждой эпохи формируется и предопределена доминирующими духовными и материальными силами данной эпохи, всей ее культурой и цивилизацией; 4) окончательное объяснение характера каждой эпохи и перехода от одной эпохи к другой следует искать в природе метафизического бытия, именуемого Духом, Мыслью или Разумом. Третье из этих четырех утверждений представляет собой, несомненно, важный, хотя и не новый элемент социологических идей о политике. В частности, важным для формирования элементов социологии политических отношений мне представляется введенное Гегелем в «Философии права» различие между «гражданским обществом» и государством.

«Гражданское общество» Гегеля — это определенный аспект государства, именно система политических институтов и автономных органов, призванных защищать интересы личностей и групп, а также система спонтанно возникающих правовых отношений между людьми. Так понимаемое «гражданское общество» служит для Гегеля исходным пунктом для пропаганды концепции политического плюрализма, то есть концепции организованных групп, выступающих посредниками между индивидом и государством. Эти группы дают возможность индивиду выражать свои интересы и выступают представителями этих интересов в государстве. Здесь мы, следовательно, имеем в зачаточной форме изложение теории групповых интересов и их роли в политической системе. Делая упор на защите индивидуальных и групповых интересов в рамках «гражданского общества», Гегель сделал большой шаг к пониманию основ политической власти; особенно сильно это проявляется в «Конституции Германии», в которой он предлагает модель рационально организованного государства. В этой работе утверждается и другой элемент гегелевской политической концепции — роль народа как основы государства. Поскольку «гражданское общество» опирается на мозаику разнородных индивидуальных и групповых интересов, постольку государство опирается на этническое един-

ство, то есть на народ. Однако такое единство — и здесь Гегель снова выступает как знающий социологические реалии мыслитель — может быть достигнуто путем согласования различных интересов, а следовательно, с помощью группового представительства. В этом смысле у Гегеля можно также найти зачатки корпоративной доктрины, если принять во внимание связь концепции рациональной и сильной власти с концепцией представительства групповых интересов, согласование которых позволяет создать национальное единство.

Рассмотренные таким образом главные элементы социологии политических отношений в период, предшествующий появлению марксистской мысли, позволяют сделать два обобщающих замечания. Во-первых, в процессе развития политической мысли происходил постепенный рост теоретического сознания в области социологического понимания обусловленности и функций политических отношений, причем особенное усиление этого процесса произошло в конце XVIII и в XIX веке, то есть в период буржуазно-демократической революции и в последующие после нее годы. Во-вторых, этот процесс не привел к созданию полной и развитой теоретической системы социологии политических отношений, хотя и накопил определенные элементы для ее формирования. Лишь марксизм создал социологию политических отношений, хотя основатели марксизма и не употребляли этот термин.

Прежде чем перейти к характеристике марксизма как первой теоретической системы социологии политических отношений, следует остановиться на том, как и в какой степени социологические элементы проявлялись в польской политической мысли исследуемого здесь периода.

Польская политическая мысль не была ведущей школой мышления и не оказывала такого влияния на политические теории других стран, как итальянские, французские, английские или немецкие теории. Объясняется такое положение не языковым барьером, тем более что самый первый и выдающийся из польских политических мыслителей Анджей Фрыч Моджевский,

писал на латинском языке. Не имело ли здесь значение слишком большое различие между политическим строем в Польше и в западноевропейских странах, придававшее польским исследованиям с точки зрения рассматриваемых проблем довольно экзотический характер на фоне политической жизни Европы того времени? Оставим этот вопрос без ответа, поскольку трудно в нескольких словах объяснить такие субъективные в своей сущности факты, как наличие или отсутствие великих мыслителей мирового значения.

Тем не менее три польских общественно-политических теоретика внесли, бесспорно, ценный вклад в формирование предпосылок социологического понимания политической жизни. Это были Анджей Фрыч Моджевский (1503 — 1572)⁹, Гуго Коллонтай (1750 — 1812)¹⁰ и Станислав Сташиц (1755 — 1826)¹¹. Ими я и ограничусь в своем обзоре, не касаясь взглядов менее известных с этой точки зрения идеологов.

Анджея Фрыча Моджевского можно справедливо называть, как это делает Казимеж Добровольский, предтечей науки об обществе, принимая во внимание эмпирическую работу, на которую опирается его исследование «Об усовершенствовании Речи Посполитой». Моджевский выступает здесь как современный исследователь политических отношений: собирает и анализирует факты, сравнивает их как синхронно, так и во временных аспектах — дисинхронно. Применительно к явлениям политической жизни он формулирует не только постулаты и программы (хотя они и преобладают), но также интересные социологические толкования. Фрыч Моджевский выступает сторонником теории общества как единого организма, хотя делает выводы, отличные от выводов консервативных мыслителей. Если общество является единым организмом, то все его члены должны, именно для общего блага, чувствовать себя хорошо. Из этой теории Фрыч Моджевский выводил программу облегчения судьбы крестьян и вообще угнетаемых классов. Очень реалистично он оценивал характер шляхетской свободы, говоря, что это свобода для сильных и богатых. А анализируя глубокие классовые противоре-

чия в современной ему Польше, он даже пытается сформулировать тезис о том, что бедные и богатые представляют собой как бы два государства. Это явилось ранним предсказанием возникшей в XIX веке радикальной, содержащейся также в марксизме мысли о «двух отчизнах», или «двух нациях», в рамках каждой нации. Характерно, что, анализируя явление классовой ненависти между шляхтой, с одной стороны, и мещанством и крестьянством — с другой, Фрыч Моджевский выступает как социолог, то есть стремится понять объективную основу этой ненависти, заключающуюся в общественных отношениях. С этой точки зрения теоретическая мысль Моджевского опережает современных ему западных мыслителей — прежде всего в связи с большой степенью обострения классовых конфликтов в шляхетской Польше того времени. Другим свидетельством теоретической значимости идей Моджевского в современную эпоху служит то, что он ясно представлял исторический, изменяющийся характер феодального строя, отражая это в анализе исторического развития феодальной земельной собственности. Наконец, Фрыч Моджевский оставил после себя интересные наблюдения над политической жизнью, в частности придворной.

В эпоху Просвещения политическая мысль в гниущей Польше приобретает новый размах в связи со все большим осознанием интеллектуальной и политической элитой необходимости поисков путей к возрождению страны и ее спасению. На этом фоне возникают определенные теоретические толкования, заключающие в себе элементы политической социологии. У Коллонтая это выражается в трактовке роли государства. За исходную точку он берет бытовавшую в те времена концепцию естественного права и общественного договора, плодом которого является государство. Государство, по его мнению, должно воплощать в жизнь принципы закона природы — здесь Коллонтай не отходит от западных теорий. Более самостоятельный характер имеет его утверждение, что государство возникает с появлением земельной собственности. В этом можно увидеть элементы социолого-экономической интерпретации генезиса

государственной власти. Дальнейшее развитие и реалистическое толкование концепции происхождения государства Коллонтай дает в трехтомном «Критическом разборе основ истории начала человеческого рода», где он формулирует тезисы о первом, догосударственном, периоде истории народов и дальнейшем их развитии под влиянием происходящих в условиях общественной жизни перемен. Он правильно улавливает роль общественных конфликтов как важного фактора в возникновении государства; хотя Коллонтай не довел эту мысль до конца, в ней заложены предпосылки важной социолого-политической теории.

Зато Сташиц (в «Размышлениях над жизнью Яна Замойского») ввел первую в польской литературе классификацию строя. Он выделил аристократию, когда у власти находится правящая верхушка; монархию, где власть принадлежит одному человеку; демократию, когда власть осуществляется всеми гражданами*. Эта типология строя выводится эмпирически, из наблюдений действительности, как современной ему, так и прошлой. В «Размышлениях» Сташиц дает также реалистичный и верный анализ исторического процесса перехода от одного политического строя к другому. Сравнивая эти три строя, он обращал внимание на характерные для них общественные отношения, а следовательно, и на тип общества, формы земельной собственности и существование личной зависимости между людьми. Его демократическая утопия также основывается на реалистическом социологическом суждении: Сташиц считает, что основой демократии является право собственности на небольшие участки земли, обрабатываемые их владельцами.

Особое место в политических концепциях Сташица занимает анализ понятий «народ» и «народный характер». Эти понятия он включает в политическую программу, программу создания «единого народа» из шляхетской и городской молодежи, то есть программу пре-

* В этом вопросе он следовал традиции, идущей еще от Аристотеля. — Прим. ред.

образования политического строя; об этом он пишет в «Предупреждениях Польше». Вместе с тем (в «Размышлениях над жизнью Яна Замойского») он различал переменные и постоянные черты народа, определяя последние как «национальность». Это различие необходимо ему для выведения из постоянных народных черт прежде всего форм власти, политических и правовых институтов, обычаев и т. п. По мнению Сташица, существуют черты устойчивые, присущие разным народам, и преходящие, эволюционирующие. Такая трактовка, разумеется, спорна, поскольку преследует лишь цель опровергнуть консервативную точку зрения о том, что устоявшиеся политические и правовые институты, как и обычаи, будто бы имеют неизменный характер как воплощение постоянных свойств народа. Подобная постановка вопроса не могла не вызвать горячих споров вокруг идей родины и народа, характерных для дворянских революционеров первой половины XIX века¹².

III. Марксистско-ленинская философия как основа социологии политических отношений

В теоретической системе марксизма-ленинизма проблемы политики занимают центральное место. С некоторым преувеличением, свойственным полемике, эту мысль выразил талантливый итальянский теоретик марксизма и видный деятель коммунистического движения Антонио Грамши (1891 — 1937), заявляя следующее: «Что в социологии действительно важно, так это именно политическое знание... Поскольку политическое знание означает знание государства, а государство представляет собой переплетение различных областей практической и теоретической деятельности, с помощью которой правящий класс не только оправдывает свою власть, но и приобретает активное содействие управляемых, то совершенно ясно, что все проблемы социологии являются не чем иным, как проблемами политического знания»¹.

В подобном же духе трактовал эту проблему Юлиан Хохфельд (1911 — 1966), когда писал: «Марксистская наука о государстве вводит социологический аспект рассмотрения проблемы и кладет начало социологии политических отношений: определяет политические явления, изучает их функционально, ищет корни этих явлений в общественных отношениях. Благодаря этому марксистская интерпретация общественных явлений становится прежде всего социологией политических отношений»².

Таким же образом трактуют эту проблему советские социологи Ф. Бурлацкий и А. Галкин, которые утверждают: «К. Маркс и Ф. Энгельс на протяжении всей своей деятельности уделяли много внимания изучению сущности политики, политической власти, характеру политической деятельности, формулируя и материализуя

требования пролетарской политики в противовес политике господствующих классов. Они не только разработали общетеоретические, методологические основы науки, но и создали замечательные образцы конкретного анализа политического процесса, деятельности государства, политических партий, отдельных руководителей и т. п.»³.

Вклад К. Маркса и Ф. Энгельса в создание первой развитой и цельной теоретической системы социологии политических отношений и вместе с тем их влияние на дальнейшее развитие этой дисциплины заключается в сформулировании следующих утверждений и гипотез, касающихся политических отношений:

1. Политические отношения, то есть прежде всего отношения, вытекающие из борьбы за власть и осуществление власти, вырастают на основе общественно-экономических отношений и ими обусловлены. «В общественном производстве своей жизни,— пишет К. Маркс,— люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»⁴.

Политическая надстройка, согласно социологической теории К. Маркса, есть результат формирующих ее социально-экономических сил, а именно: а) общего уровня производительных сил, определяющих способ жизни общества; б) производственных отношений, то есть совокупности общественных отношений, в которые вступают люди в процессе производства и обмена и центральным элементом которых являются отношения собственности. По мнению К. Маркса, базис и надстройка в каждой зрелой и развитой формации соответствуют друг другу. В то же время он подчеркивал, что разви-

тие производительных сил и вместе с ним преобразование производственных отношений порождают противоречия между базисом и надстройкой, характерные для периода перехода от одной формации к другой. Преодолением этих противоречий служит революционное изменение строя.

2. Хотя базис первичен, а надстройка вторична, надстроечные институты тем не менее играют активную роль по отношению к социально-экономическому базису. Политика выступает не только отражением внеполитических отношений, но и важным инструментом их формирования. Происходит это в двух основных формах. Во-первых, в рамках каждой формации политическая надстройка служит силой, укрепляющей и охраняющей экономический базис. Экономическая система общества существует потому, что ее защищают политико-правовые, государственные институты, а также потому, что ее существование идеологически поддерживается господствующими философскими, политическими, юридическими и другими взглядами. Во-вторых, в период перехода от одной формации к другой зачатки новой политической надстройки (в виде движений и политических партий, а затем и новой государственной власти) выступают как орудие формирования нового экономического базиса. Эта действительная роль надстройки сказывается особенно сильно в условиях перехода от капитализма к социализму, но сходные функции в определенной мере выполняла и прогрессивная надстройка предыдущих формаций.

3. Государство является продуктом классовых противоречий и служит интересам экономически господствующего класса. Впервые эта мысль была сформулирована К. Марксом в его комментариях к дебатам в рейнском ландтаге по поводу закона о так называемой краже леса: эти дебаты позволили в то время молодому К. Марксу понять, что за государством и правом стоят интересы имущих. Со временем это эмпирическое наблюдение было развито в теорию о классовом характере государства. В работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс изложил эту

теорию следующим образом. «Итак,— писал он,— государство никоим образом не представляет собой силы, извне навязанной обществу... Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах «порядка». И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство»⁵.

Анализируя вопрос о происхождении государства, К. Маркс и Ф. Энгельс выводят его из развития общественных отношений, классов, а те в свою очередь являются результатом развития производительных сил и производственных отношений. Это не означает, однако, что классики марксизма вообще отрицали роль насилия в возникновении государства. «Увеличение производства во всех отраслях — скотоводстве, земледелии, домашнем ремесле,— писал Ф. Энгельс,— сделало рабочую силу человека способной производить большее количество продуктов, чем это было необходимо для поддержания ее. Вместе с тем оно увеличивало ежедневное количество труда, приходившееся на каждого члена рода, домашней общины или отдельной семьи. Появилась потребность в привлечении новой рабочей силы. Война доставляла ее: военнопленных стали обращать в рабов. Первое крупное общественное разделение труда вместе с увеличением производительности труда, а следовательно, и богатства, и с расширением сферы производительной деятельности, при тогдашних исторических условиях, взятых в совокупности, с необходимостью влекло за собой рабство»⁶.

К. Маркс в «Капитале» особо подчеркивал значительную роль насилия в возникновении первого классового

вого разделения и появлении государства⁷. К. Маркс и Ф. Энгельс считали экономическое развитие основной, а насилие — второстепенной предпосылкой возникновения классов и государства⁸. Таким образом, К. Маркс и Ф. Энгельс создали подлинно социологическую теорию происхождения государства, выводя государство из экономической структуры общества.

4. Экономически господствующий класс есть одновременно политически и идеологически господствующий класс. Утверждение, что господство экономическое, господство политическое и господство идеологическое являются взаимодополняющими и усиливающими аспектами господства классового, составляет один из центральных тезисов марксистской социологической теории. Эти аспекты создают внутренне стройную систему классового господства, опирающегося на «1) контроль сверху над средствами труда, процессом труда и продуктом труда, 2) гарантию этого контроля основными нормами государственного права (обычно конституцией), 3) обоснование такого контроля господствующей идеологической системой»⁹. В такой трактовке политическое господство представляет единственно верный аспект очень сложного, многостороннего явления из сферы общественной структуры. Иначе говоря: главный аспект политики — классовое господство — трактуется К. Марксом не как элемент одной только политической структуры общества, но также и прежде всего как аспект его классовой структуры. Тем самым социология политических отношений оказывается возведенной на фундамент социологического анализа классовых отношений.

5. В результате такой трактовки проблемы государства и классового господства марксизм создает собственную теорию политического сознания. Исходным ее пунктом является утверждение, что общественное бытие людей определяет их сознание, следовательно, политические взгляды людей формируются под влиянием их положения и определяющих это положение интересов. Однако зависимость между интересами и сознанием

есть лишь потенциальная зависимость, а в действительности она деформирована идеологическим влиянием господствующего класса. «Мысли господствующего класса,— говорится в «Немецкой идеологии»,— являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую *материальную* силу общества, есть в то же время и его господствующая *духовная* сила. Класс, имеющий в своем распоряжении средства материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства, и в силу этого мысли тех, у кого нет средств для духовного производства, оказываются в общем подчиненными господствующему классу. Господствующие мысли суть не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений, как выраженные в виде мыслей господствующие материальные отношения; следовательно, это — выражение тех отношений, которые и делают один этот класс господствующим, это, следовательно, мысли его господства. Индивиды, составляющие господствующий класс, обладают, между прочим, также и сознанием и, стало быть, мыслят; поскольку они господствуют именно как класс и определяют данную историческую эпоху во всем ее объеме, они, само собой разумеется, делают это во всех ее областях, значит господствуют также и как мыслящие, как производители мыслей, они регулируют производство и распределение мыслей своего времени; а это значит, что их мысли суть господствующие мысли эпохи»¹⁰.

✓ В этих формулировках содержится новая и весьма оригинальная теория политического сознания как отражения идеологического господства правящего класса. Таким образом, марксизм открыл главное противоречие в развитии политического сознания в классовом обществе. Сознание, формирующееся спонтанно, определяющееся материальными условиями существования определенного общественного класса, вступает в противоречие с сознанием, которое является результатом идеологического влияния экономически господствующего класса. В этом кроется одна из причин того всеобщего явления, которое Маркс называет «ложным сознанием»¹¹.

6. Анализ общественного положения классов, слоев и социальных групп, а также анализ диктуемых этим положением интересов, согласно марксистской социологии политических отношений, является исходным пунктом для понимания политического поведения масс. Крайне интересным примером классового анализа политического поведения масс могут служить работы К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». К. Маркс показывает, как позиции, занимаемые отдельными политическими группировками или их лидерами (в частности, Луи Бонапартом), являлись следствием переплетения таких элементов, как а) общие интересы данного общественного класса, тесно связанные с защитой его позиции в полностью сложившемся социально-экономическом строе, б) частные, экономические и политические интересы отдельных слоев данного общественного класса, в) групповые интересы отдельных кругов (например, армии), г) соответствующие действительности или ложные коллективные представления (здесь, в частности, следует обратить внимание на марксовский анализ роли, которую играли в событиях середины XIX века «наполеоновские идеи» и, следовательно, идеализированные воспоминания о первой империи). Не менее замечательным примером использования классово-интерпретации политического поведения является проведенный Ф. Энгельсом в «Крестьянской войне в Германии» анализ массового движения и той роли, которую играет в нем руководитель. В заключение можно сказать, что, опираясь на анализ политического поведения, К. Маркс и Ф. Энгельс разработали первую научную концепцию по данному вопросу.

7. Марксизм не только создает систему научных категорий по социологии политических отношений, но также образует гармоничную связь социологии политических отношений со своеобразной политической аксиологией. Выступая против тенденций, пытающихся создать науку, свободную от ценностей, марксизм в то же время отрицает возможность произвольно, «абстрактно» морализировать историю.

Принципы оценки общественных, в том числе и отдельных политических, явлений марксизм выводил из анализа реального исторического процесса, то есть из анализа условий жизни и диктуемых этими условиями интересов рабочего класса. И именно в марксовом анализе заметно выражена моральная оценка исторического процесса, который привел к возникновению пролетариата.

Говоря о философии, утверждающей общественную справедливость, К. Маркс видел возможность ее торжества «в образовании класса, скованного *радикальными цепями*, такого класса гражданского общества, который не есть класс гражданского общества; такого сословия, которое являет собой разложение всех сословий; такой сферы, которая имеет универсальный характер вследствие ее универсальных страданий и не притязает ни на какое *особое право*, ибо над ней тяготеет не *особое бесправие*, а *бесправие вообще*, которая уже не может ссылаться на *историческое право*, а только лишь на *человеческое право*, которая находится не в одностороннем противоречии с последствиями, вытекающими из немецкого государственного строя, а во всестороннем противоречии с его предпосылками; такой сферы, наконец, которая не может себя эмансипировать, не эмансипируя себя от всех других сфер общества и не эмансипируя, вместе с этим, все другие сферы общества, — одним словом, такой сферы, которая представляет собой *полную утрату человека* и, следовательно, может возродить себя лишь путем *полного возрождения человека*. Этот результат разложения общества, как особое сословие, есть *пролетариат*»¹².

Исходя из анализа роли рабочего класса в историческом процессе, то есть доказывая, что этот класс в силу своего исторического положения вынуждается к действиям, которые ведут к гибели капитализма и рождению социализма, К. Маркс находил в оценке интересов рабочего класса основной критерий общественных и политических явлений. Другими словами, исходя из системы ценностей, основанной на теории общественного развития, Марксу удалось придать социологии политических

отношений характер дисциплины, не только объясняющей, но и оценивающей политические явления. Тем самым он преодолел противоречие между нормативистской политической теорией и наукой, объясняющей политическую жизнь.

Таковы основные элементы теоретической системы марксистской социологии политических отношений, созданной К. Марксом и Ф. Энгельсом. Именно основные элементы, потому что перечисленные здесь положения не исчерпывают весь объем социологических анализов, встречающихся в работах творцов марксизма. В данном разделе эти элементы рассматриваются синтетически, лишь для характеристики особенностей, оригинальности и значения марксистской теоретической системы для социологии политических отношений как совершенно нового подхода к исследованию политики. Более подробное рассмотрение отдельных элементов социологии политических отношений вместе с разработками, вытекающими из дальнейшего ее развития, составляет предмет исследования следующих разделов.

История марксизма после К. Маркса и Ф. Энгельса была историей дальнейшего развития теории, опирающейся на обогащающий ее опыт классовой борьбы пролетариата, теоретическим осмыслением этой борьбы и вместе с тем историей идеологической борьбы революционного и ревизионистского течений внутри рабочего движения. При этом очень характерно, что именно в области социологии политических отношений, где непосредственная связь теоретических исследований с практической идеологической проблематикой борьбы двух течений в рабочем движении была особенно ярко выражена, большой и плодотворный научный вклад внесли представители революционного течения. И это не случайно. Согласно, ревизионистское течение уделяло относительно меньшее внимание политической проблематике, проблематике государственной власти, так как его больше интересовали проблемы эволюционных преобразований, чем центральный вопрос классовой борьбы пролетариата, то есть вопрос захвата власти и установления диктатуры пролетариата. Попытки реви-

зионистских теоретиков, или так называемых «ортодоксальных марксистов» типа Каутского, теоретически осмыслить проблематику политических отношений были, как правило, попытками ревизовать марксистскую теорию, касающуюся классового характера буржуазного государства и неизбежности его революционной ломки. Очень четко это прослеживается в работе «Марксистская теория истории, общества и государства»¹³, представляющей это политическое направление и принадлежащей перу Генриха Кунова (1862 — 1936). Хотя в его работе встречается достаточно много интересных мыслей относительно исторической эволюции государства, в ней содержатся очень серьезные ошибки ревизионистского толка, особенно касающиеся классового характера государства (исчезающего якобы в процессе демократизации буржуазного государства — в частности, в результате введения всеобщего избирательного права), а также концепции народа, в соответствии с которой Кунов выступает за ассимиляцию малых народов большими и сильными народами¹⁴. У Карла Каутского также можно найти — главным образом в работах, написанных после Октябрьской революции, — решительный отказ от классовой интерпретации буржуазного государства, уверенность, что буржуазная демократия приведет к преодолению классового характера капиталистического государства, и, наконец, открытые выпады против советского государства¹⁵. В польской социалистической мысли предвоенного периода подобные теоретические элементы наиболее ясно проявились в работе Мечислава Недзьялковского (1893 — 1940) «Теория и практика социализма в свете новых проблем».

В работах сторонников радикального течения политическая проблематика была главной и рассматривалась, согласно марксовской традиции, в плоскости теории борьбы пролетариата за власть. Роза Люксембург (1870 — 1919), в частности, внесла большой вклад в дальнейшее развитие марксистской социологии политических отношений своим анализом форм классовой борьбы пролетариата¹⁶, а также одним из важнейших — хотя и лишенным исторической перспективы и во-

многим дискуссионным — анализом русской революции¹⁷. Вклад Розы Люксембург в марксистскую социологию политических отношений выражается прежде всего в том, что она достаточно своеобразно подходила к проблеме связей, существующих между стихийным рабочим движением и партией. Ее толкование данного вопроса не раз становилось предметом острой критики со стороны В. И. Ленина, который, однако, высоко ценил ее революционную позицию и теоретические труды¹⁸.

Наиболее всестороннее развитие марксистской социологии политических отношений связано с трудами В. И. Ленина. Ленин был убежден в том, что основным вопросом в теории и стратегии борьбы пролетариата является вопрос политической власти. «Несомненно, самым главным вопросом всякой революции, — писал он, — является вопрос о государственной власти»¹⁹. Именно поэтому политической проблематике В. И. Ленин уделял очень много внимания.

Особенно важными для развития марксистской системы социологии политических отношений представляются следующие выводы ленинизма:

1. Основным вопросом каждой революции является вопрос о государственной власти, решение его становится поворотным моментом в классовой борьбе, исходной точкой в создании нового строя. Подчеркивая и развивая эти стороны теории К. Маркса, В. И. Ленин особый акцент делал на политическом аспекте классовой борьбы и глубоко проанализировал ряд проблем революционной борьбы за власть. Рассматривая главные особенности революционной ситуации, В. И. Ленин высказал мысль о значении субъективного фактора в революции. Он писал, «что не из всякой революционной ситуации возникает революция, а лишь из такой ситуации, когда... к объективным переменам присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно *сильные*, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не «упадет», если его «уронят»²⁰. Это была острая критика концепций тех правосоциалистиче-

ских теоретиков, которые высказывали надежды на автоматический слом капиталистического строя в ходе углубляющегося социально-экономического кризиса. Ленин подчеркивал значение политического фактора в революционном процессе, создав тем самым социолого-политическую теорию крушения капитализма.

2. Появление достаточно сильного субъективного фактора революции зависит от деятельности революционной партии. Стихийное развитие борьбы рабочего класса, утверждал В. И. Ленин, не способно вызвать такие ее формы, которые позволили бы превратить локальный конфликт, главным образом экономический, в политическую борьбу за государственную власть и, следовательно, привести к революции. Для этого необходима революционная партия, которая, согласно ленинской концепции, не может ограничиваться задачей защиты экономических и политических интересов рабочего класса в рамках капиталистического строя, а должна готовить массы к борьбе за государственную власть с целью свержения капитализма и создания государства диктатуры пролетариата как государства переходного периода от капитализма к социализму. Поэтому, писал В. И. Ленин, «роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией»²¹. Партия должна идти впереди масс, но не отрываться от них. Так определял В. И. Ленин авангардную роль революционной партии в ходе классовой борьбы пролетариата. Говоря о дисциплине революционной партии, он отмечал, что укрепляется она «во-первых, сознательностью пролетарского авангарда и его преданностью революции, его выдержкой, самопожертвованием, героизмом. Во-вторых, его умением связаться, сблизиться, до известной степени, если хотите, слиться с самой широкой массой трудящихся, в первую голову пролетарской, но также и с непролетарской трудящейся массой. В-третьих, правильностью политического руководства, осуществляемого этим авангардом, правильностью его политической стратегии и тактики, при условии, чтобы самые широкие массы *собственным опытом* убедились в этой правильности»²².

В этой концепции ясно выражены два элемента ленинской теории партии и ее роли в революционном процессе. С одной стороны, осуществление революции, захват власти и построение социализма зависят от наличия организованного авангарда и от того, насколько этот авангард опирается на передовую теорию. С другой стороны, успех революционной борьбы зависит от того, насколько массы в своем практическом опыте поверили в программу партии, приняли ее и осуществили как свою собственную. Такая концепция связи между партией и массами составляет основу ленинской теории партии. Теория же эта является одним из самых существенных элементов вклада В. И. Ленина в социологию политических отношений, так как в развернутом виде она указывает на зависимость, существующую между а) внутренней структурой партии и эффективностью ее деятельности, б) идеологией и организационными формами, в) структурой партии, ее деятельностью и отношением между партией и массами. Можно полностью согласиться с утверждением, что «ленинская концепция революционной рабочей партии является вершиной достижения марксистской науки о политических партиях»²³. Более того, во многих публицистическо-теоретических работах, написанных в последний период жизни, В. И. Ленин сделал наброски социолого-политической проблематики; эта проблема, безусловно, требует дальнейшей разработки, но вклад Ленина в ее постановку бесспорен.

3. Развитие революционного сознания пролетариата требует внесения революционной партией идеологии извне. Делается это потому, что социологический механизм функционирования капиталистического общества делает невозможным стихийное формирование революционной сознательности, адекватной историческим интересам и исторической миссии пролетариата. В работе «Что делать?» В. И. Ленин писал, «что социал-демократического сознания у рабочих и не могло быть. Оно могло быть принесено только извне. История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь

сознание тред-юнионистское, т. е. убеждение в необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т. п.»²⁴. Причина этого явления заключается не в какой-то особенной ущербности пролетариата, а в том, что «буржуазная идеология по происхождению своему гораздо старше, чем социалистическая, что она более всесторонне разработана, что она обладает неизмеримо большими средствами распространения»²⁵. Это развитие марксистского тезиса об идеологическом господстве экономически господствующего класса представляет собой чрезвычайно важный элемент вклада В. И. Ленина в социологию политических отношений.

В последующие годы в числе других теорию формирования сознательности рабочего класса развивал в работе, во многом спорной, — «История и классовая сознательность» — известный венгерский философ-марксист Дьердь Лукач (1885—1971)²⁶. Правильно отмечая необходимость воздействия революционной партии на стихийно формирующееся сознание, он в то же время недостаточно освещал другую сторону проблемы, то есть влияние, которое массовое движение должно оказывать на саму партию и ее идеологическую деятельность. Сам Лукач со временем заметил ограниченность своей ранней концепции, объяснив ее в 1967 году чрезмерным влиянием гегелевского учения на его творчество в молодые годы. Затем он подтвердил это положение в работе «История и классовая сознательность» и других²⁷.

Большой вклад в разработку этих проблем внесли труды одного из наиболее оригинальных марксистских мыслителей XX века, руководителя Итальянской коммунистической партии Антонио Грамши (1891—1937). В работах Грамши центральное место занимают проблемы революционной партии, ее теории, ее связи с массами. «Учение Грамши в этом плане, — говорил Пальмиро Тольятти, — переплетается непосредственно с учением Ленина, однако имеет свою собственную, оригинальную форму, которую придает ему доктрина о партии как о мыслящем коллективе, а также тенденция к

развитию этого учения в полную, комплексную теорию политики»²⁸. Действительно, как никто другой после Ленина, Грамши развил цельную систему марксистской науки о политике, или же — если пользоваться терминологией, которую частично он сам ввел в оборот, — политической социологии.

С точки зрения вклада Грамши в марксистскую социологию политических отношений важнейшее значение имеют две его работы: «Современный государь» и «Энциклопедические заметки». Обе эти работы содержат мысли, которые автор не имел возможности развить полностью. Тем не менее они содержат необычайно оригинальные размышления о социологии политических отношений, из которых особого внимания заслуживают следующие утверждения:

1. Общей проблемой политики является разделение на правителей и управляемых. Разделение это не сводится к разделу на классы и к факту классового господства, хотя оно тесно связано с классовым господством в обществах, где существуют антагонистические классы. Грамши, в частности, утверждает, что «... действительно существуют управляющие и управляемые, руководители и руководимые. Все искусство и вся наука политики построены на этом первичном факте, от которого никуда не уйдешь (при известных общих условиях). Вопрос о его происхождении составляет самостоятельную проблему, требующую отдельного изучения (по крайней мере можно и нужно будет изучить эту проблему с целью выяснения, каким образом можно свести до минимума масштабы этого явления и даже полностью изжить его, изменяя некоторые идентичные условия, обнаруживающие свое воздействие в этом направлении). Но факт остается фактом: существуют руководители и руководимые, управляющие и управляемые. Исходя из существования этого факта, следует рассмотреть, каким образом можно осуществить наиболее эффективное руководство (при определенных целях) и в связи с этим как можно наилучшим образом подготовить руководителей (в этом, точнее говоря, и состоит первая задача политики как науки и как искусства). С другой

стороны, следует рассмотреть, как находить пути наименьшего сопротивления, то есть наиболее рациональные пути, обеспечивающие согласие руководимых, или управляемых.

Основная предпосылка при подготовке руководителей заключается в следующем: желают ли, чтобы всегда существовали управляющие и управляемые, или же стремятся создать такие условия, при которых исчезнет необходимость в существовании этого разделения? Иными словами, исходят ли из предпосылки, что человечество вечно будет разделено, или же считают, что это деление является только преходящим историческим явлением, связанным с определенными условиями? Необходимо тем не менее отдавать себе отчет в том, что деление на управляющих и управляемых, если даже оно в конечном счете восходит к разделению на социальные группы, постоянно существует (если брать вещи такими, какими они являются на деле) даже в рамках одной и той же группы, хотя бы она и была однородной в социальном отношении; в известном смысле можно сказать, что это разделение является результатом разделения труда, техническим явлением»²⁹.

Исходя из этой предпосылки, Грамши последовательно выступает за создание самостоятельной марксистской науки о политике (политического знания), основным предметом которой была бы проблема власти. Из этой же предпосылки он выводит собственную, первую в марксистской литературе концепцию общественного мнения и определяет ее как «политическую сущность коллективной политической воли, которая могла бы быть и неоднородной; именно поэтому существует борьба за монополию над органами общественного мнения: печатью, партиями, парламентом, — с тем чтобы одна и та же сила формировала мнение, а затем и политическую волю народа, а пункты разногласия чтобы рассеивались в индивидуальную и неорганическую пыль»³⁰.

2. Грамши делает наброски своей социологии политической партии, исходя из той предпосылки, «что если бы в современную эпоху был написан новый «Государь», то его главным действующим лицом была бы

не героическая личность, а определенная политическая партия»³¹. Он прежде всего определяет принципы связи между партией и социальной группой (в частности, как следует из контекста, социальным классом), которую партия представляет. «Хотя всякая партия,— утверждает Грамши,— является выразителем интересов социальной группы, и только одной определенной социальной группы, тем не менее определенные партии при известных условиях представляют интересы такой группы, поскольку они осуществляют равновесие и выполняют роль арбитра между интересами собственной группы и других социальных групп, а также заботятся о том, чтобы развитие представляемой ими группы шло при согласии и с помощью союзных ей социальных групп, если они не являются прямо, решительно враждебными ей группами»³². Грамши вводит также понятие социологического права, согласно которому «для того, чтобы существовала партия, необходимо добиться слияния воедино трех основных элементов (то есть групп элементов)», каковыми, по его мнению, являются:

«1) Наиболее распространенные элементы — обычные, средние люди. Их вклад состоит не в привнесении творческого духа или духа высокой организации, а в их дисциплине и преданности...

2) Главный связующий элемент, осуществляющий централизацию в национальном масштабе и делающий эффективной и мощной совокупность тех сил, которые, будучи предоставлены самим себе, оказались бы равными нулю или немногим больше того...

3) Средний элемент, который соединил бы первый элемент со вторым, который установил бы контакт между ними не только в «физическом», но также в нравственном и духовном отношениях...»³³.

Такое право является детализацией общего социологического права, касающегося всех крупных организаций и называемого Грамши «правом устойчивых отношений», которое гласит, что «каждый коллектив людей управляется своим собственным „оптимальным“ принципом устойчивых отношений»³⁴. Анализ политических партий, армии, бюрократического аппарата и дру-

гих крупных организаций составляет, по мнению Грамши, одну из центральных задач науки о политике. Хотя Грамши набросал лишь ориентировочные контуры этого права, похоже, что здесь он приступил к важным и плодотворным поискам в области социологии крупных политических организаций, в том числе партий.

Наконец, вкладом Грамши в социологию политических движений и партий является его концепция связи между теоретиками и массовым движением. «Когда отношение между интеллектуалами и народом, между руководителями и руководимыми, между управляющими и управляемыми является продуктом органической связи, в которой чувство-страсть приобретает форму понимания, знания (не механического, а живого), — пишет Грамши,— тогда, и только тогда, это отношение действительно представительное. Только тогда наступает обмен индивидуальных элементов между управляемыми и управляющими, руководимыми и руководителями, то есть наступает жизнь в содружестве, и только такая жизнь становится общественной силой»³⁵. На этой философской основе он строит также концепцию революционной партии — «современного государя» — как коллективного теоретика.

3. Согласно приведенным выше положениям, ключевая для демократии проблема представительства может сводиться не к проблеме арифметического большинства голосов, а к проблеме «эффективности и способности убеждения и распространения взглядов активного меньшинства, элиты, авангарда»³⁶. Это не значит, что голосование вообще не имеет политического значения, но в рамках формальной буржуазной демократии, как указывает Грамши, оно является «конечной стадией процесса» формирования коллективной воли. Иначе, отмечает он, происходит создание политического авангарда в условиях социалистической системы, в которой, по мнению Грамши, имеется больше признаков самоуправления, чем в классической представительной демократии.

Приведенные примеры могут дать лишь общее представление о вкладе Грамши в социологию политических

отношений и не охватывают многих, вчерне сформулированных замыслов исследований, полемических замечаний и т. п. Наконец, в этом кратком обзоре я не касался очень важных, но далеких от данной темы идей Грамши, относящихся к философии истории — имеются в виду главным образом его рассуждения о роли активной человеческой деятельности в истории³⁷. Для социологии политических отношений эти рассуждения имеют важное, хотя и косвенное значение.

Грамши, несомненно, был самым выдающимся марксистским социологом политических отношений послеленинского периода. Однако развитие, по крайней мере некоторых, концепций марксистской социологии политических отношений в этот период происходило не только и не столько за счет теоретических трудов отдельных мыслителей, сколько за счет теоретических разработок, осуществляемых коммунистическими партиями, в частности Коммунистической партией Советского Союза, как обладающей самым продолжительным и самым богатым опытом строительства социализма и формирующей в ходе этого строительства новые теоретические положения. Теоретические разработки, содержащиеся в партийных документах, являются важной составной частью современной марксистско-ленинской социологии политики. Они также требуют постоянного и основательного исследования и анализа.

Теоретические вопросы, связанные со своеобразными условиями и формами перехода к социализму стран, которые вступили на этот путь после второй мировой войны, были рассмотрены в трудах руководителей некоторых марксистско-ленинских партий в странах народной демократии. Важный вклад в теорию международных отношений, сложившихся в результате образования социалистического лагеря, роста его силы, а также появления оружия массового уничтожения, был сделан XX съездом КПСС (1956 г.), в частности в сформулированных на этом съезде тезисах о разнообразии национальных путей к социализму и возможности предотвращения войны на нынешнем этапе исторического развития. Оба эти тезиса, ставшие впоследствии предметом

многих нападок со стороны маоистских теоретиков, вошли в современную марксистско-ленинскую теорию.

Особенно большой вклад в марксистско-ленинскую социологию политики внесли решения XXIV съезда КПСС. Съезд развил и углубил положение о возможности предотвращения войны в условиях современного этапа борьбы между социализмом и капитализмом. Он указал на то, что растущий потенциал социалистического содружества, а также набирающая силу борьба освободительных и прогрессивных движений создают в мире новую политическую ситуацию, которая позволяет успешно избежать войны. «Главное состоит в том, — отмечал в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии Л. И. Брежнев, — **борьба за национальное освобождение во многих странах стала практически перерастать в борьбу против эксплуататорских отношений, как феодальных, так и капиталистических.**

Сегодня в Азии и Африке уже немало стран, вставших на некапиталистический путь развития, то есть взявших курс на строительство в перспективе социалистического общества»³⁸. Сформулированный Л. И. Брежневым тезис о новом, некапиталистическом пути развития стран социалистической ориентации является существенным прогрессом в социологическом анализе процессов общественно-политического развития современного мира.

Теоретические положения XXIV съезда КПСС имеют также большое значение для интерпретации социологических аспектов функционирования социалистической политической системы. Съезд выдвинул важный теоретический тезис о том, что в результате социалистического строительства в СССР «возникла новая историческая общность людей — советский народ», подчеркивая одновременно, что это «многонациональный советский народ»³⁹. Тем самым впервые теоретически было обосновано положение о существовании народов многонационального состава, то есть народов, включающих в себя большое число все теснее сближающихся между собой наций. XXIV съезд уделил также большое внимание проблеме развития социалистической демо-

кратии. В докладе Л. И. Брежнева наряду с другими имеется важное с теоретической и практической точек зрения положение, что «политика партии приносит нужные результаты тогда, когда она точно учитывает как интересы всего народа, так и интересы составляющих его классов и социальных групп, направляет их в одно общее русло»⁴⁰. Это говорит о четком включении в марксистско-ленинскую теорию партии и социалистического государства проблематики представительства интересов. Съезд также особо указал на проблему совершенствования государственного аппарата, необходимость развития разнообразных форм связи с массами и укрепление законности и правовых норм. XXIV съезд КПСС внес много нового в марксистско-ленинскую социологию политики, теоретически обобщив опыт многих десятилетий социалистической политической системы*.

В Польше дальнейшему развитию марксистско-ленинской социологии политических отношений способствовали решения VI и VII съездов ПОРП (1971 и 1975 гг.). В разработанной VII съездом программе создания развитого социалистического общества, в ее политической части, содержится много элементов, очень важных для социологии политических отношений. «В политической сфере, — указывал на VII съезде Первый секретарь ЦК ПОРП Эдвард Герек, — строительство развитого социалистического общества предполагает постепенное перерастание государства диктатуры пролетариата в государство общенародное, которое под руководством рабочего класса выражает волю и интересы народа. Все более важным фактором политической активизации и расширения инициативы народных масс становятся развитие и совершенствование социалистической демократии»⁴¹. В этом же докладе было сделано важное смысловое различие между «демокра-

* Книга Е. Вятра вышла в свет до XXV съезда КПСС. Следует отметить большой вклад этого съезда в разработку ряда ключевых проблем теории политики, таких, как политическая система, социалистическая демократия, общенародное государство, партия в условиях развитого социализма и др. Эти идеи нашли воплощение в новой Конституции СССР 1977 года. — *Прим. ред.*

тией в базе» и «демократией в надстройке» с указанием на необходимость прочных связей между этими двумя аспектами социалистической демократии⁴². С укреплением руководящей роли партии формы социалистической демократии в стране обогатились «методом консультаций с трудящимися по основным социально-экономическим решениям»⁴³, что является практическим вкладом в решение вопроса о влиянии общественного мнения на решение государственных вопросов.

Теория разрабатывается не только коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. Борющиеся за власть коммунистические партии капиталистических стран также приходят к важным теоретическим выводам. Так, в 1975 году компартиями Италии и Франции были сформулированы выводы о пути к социализму в условиях плюрализма партий и политических сил с сохранением оппозиции⁴⁴. Эти положения отражают специфические условия, сложившиеся в ряде капиталистических стран в результате классовой борьбы пролетариата, влияния социалистического содружества, а также сохранившихся традиций буржуазной демократии. С теоретической точки зрения было бы явной ошибкой перенесение этих концепций на почву других стран, особенно тех, которые, совершая революцию в ином историческом периоде и преодолевая чрезвычайно сильное сопротивление контрреволюции, уже сформировали политическую систему, существенно отличающуюся от той, за которую выступают некоторые коммунистические партии на Западе.

Важную роль в развитии теории мирового революционного процесса играют решения, принимаемые на совещаниях коммунистических и рабочих партий и содержащие в себе глубокий анализ изменяющейся политической ситуации в мире. Для марксистско-ленинской социологии политических отношений развитие теоретической мысли коммунистического движения имеет особое значение. Оно способствует дальнейшему развитию научных исследований в этой области.

Два последних десятилетия характеризуются появлением значительного, хотя еще и недостаточного, коли-

чества теоретических работ и публикаций, посвященных социологии политических отношений. Изданная в середине шестидесятых годов международная библиография социологии политических отношений в социалистических странах включает в себя 378 позиций, сгруппированных в следующие разделы: теория и методология социологии политических отношений (69 позиций), политические системы, партии и политические организации (61 позиция), представительные органы и выборы (39 позиций), государство, администрация и бюрократия (34 позиции), армия и война (11 позиций), классы и группы интересов (75 позиций), идеология (19 позиций), общественное мнение и пропаганда (25 позиций), революция, контрреволюция и народные восстания (16 позиций), этнические отношения (21 позиция), международные отношения (8 позиций)⁴⁵. Приводимые данные, безусловно, устарели, поскольку со времени публикации этой, единственной до настоящего времени, международной библиографии социологии политических отношений в социалистических странах появилось много новых работ. Однако уже эта библиография дает представление о главных направлениях исследований современной марксистской социологии политических отношений.

В Польше марксистская социология политических отношений была всегда тесно связана с рабочим движением. Кроме уже указанных ранее работ Розы Люксембург, следует прежде всего назвать работы К. Каллеса-Крауза (1872—1905), в частности его известное исследование «Демократия и современный государственный строй»⁴⁶, а также «Введение к истории общественных движений» Л. Кживицкого (1859—1941)⁴⁷, «Народ и государство» Б. Лимановского (1835—1935)⁴⁸, труды по национальному вопросу Ю. Брун-Броновича (1886—1942)⁴⁹ и другие работы.

В Народной Польше первой социологической работой в области политических отношений было исследование Г. Яблоньского «Мнение, парламент, пресса»⁵⁰. Однако к чтению курса социологии политических отношений в высших учебных заведениях и к систематической ис-

следовательской работе в этой области приступили только в 1956 году, в частности благодаря усилиям Ю. Хохфельда⁵¹. Исследования в области социологии политических отношений, проводимые ныне в Польше, исходят из предпосылок и достижений марксистской теории, являясь одновременно ее дополнением и развитием в условиях строительства социализма.

IV. Основные немарксистские теории социологии политических отношений

Темой данной главы являются главным образом немарксистские теории, созданные социологами политических отношений в период, когда уже существовала марксистская теоретическая система в этой области науки. В той или иной степени все эти немарксистские теории представляют собой своеобразный вызов буржуазной науке марксизму, попытку полемизировать с ним, исходя из противоположных позиций, как научно-познавательных, так и идеологических. В этой полемике немарксистская социология политических отношений использовала два основных метода: 1) подвергала критике отдельные положения марксизма, противопоставляя им свои концепции; 2) отодвигала на второй план те проблемы, которые марксизм ставил на первый (особенно вопросы классовой борьбы, революции и диктатуры пролетариата), концентрируя внимание на других аспектах и придавая им значение основополагающих в социологии политических отношений. И если в прямой полемике с марксизмом немарксистская социология политических отношений не может похвалиться своими успехами, то постановкой тех или иных проблем, не затронутых марксизмом, она способствовала развитию социологии политических отношений. Для современной марксистской социологии политических отношений знание основных немарксистских теорий в этой области необходимо по двум как минимум причинам.

С одной стороны, в этих теориях содержатся основные аргументы, до сегодняшнего дня используемые в полемике с марксизмом. Знакомство с ними, следовательно, непременное условие серьезной идеологической борьбы в науке. С другой стороны, новые проблемы, выдвигаемые учеными-немарксистами как предмет ана-

лиза, нередко являются достаточно важными и заслуживающими изучения. Марксистский анализ политических отношений не может строиться только на отрицании научных проблем, на которые первыми обратили внимание ученые-немарксисты. Он должен быть ориентирован на действительно существенные научные проблемы и исследовать их, опираясь на теоретические и методологические предпосылки марксизма¹. С этой точки зрения знакомство с немарксистскими теориями в социологии политических отношений имеет как полемическое, так и познавательное значение.

В этой главе основное внимание уделено основным немарксистским теориям социологии политических отношений. Что касается отдельных направлений исследований в этой области, особенно современных, то они будут представлены в следующей главе. Критерий выбора главных теорий почти всегда в определенной степени произволен. Отбирая их, я руководствовался прежде всего тем, в какой степени отдельные теории или связанная с ними полемика оказали влияние на развитие социологии политических отношений в ее нынешнем виде.

1. Социальный дарвинизм и теория завоевания

Уже в домарксовский период многие мыслители (в частности, Ибн Хальдун, Жан Боден, Томас Гоббс и Адам Фергюсон) доказывали, что государство возникло в результате завоевания слабых более сильными и что в связи с этим политические явления происходят и основываются на внешнем конфликте — конфликте между племенами, народами или расами. Эта «теория конфликта» получила огромное распространение в конце XIX века в силу трех обстоятельств:

1. Она представляла собой вызов марксистской теории происхождения и характера государственной власти

как следствия внутренних социальных конфликтов, прежде всего классовых; противопоставляя внутренним конфликтам внешние, социальный дарвинизм и «теория конфликта», таким образом, стремились опровергнуть политические и идеологические выводы, которые черпали из марксистской теории социалистическое движение.

2. Распространение «теории конфликта» и социального дарвинизма было связано также с необыкновенным расцветом националистических движений в Европе. Названные теории придавали этим движениям творческое обоснование, одновременно черпая из их политической силы психологическую поддержку.

3. Важные открытия в области естественных наук, в частности теория эволюции и борьбы за существование Чарльза Дарвина (1809—1882), стали аргументом в пользу перенесения теоретических концепций дарвинизма в общественные науки, своего рода адаптацией пользующихся популярностью естественнонаучных положений. Происходило это независимо от того, что сам Дарвин не давал никаких оснований для распространения его теории на общественные науки. «Великий биолог, — пишут Беккер и Барнс, — не использовал свои гипотезы для объяснения общественных явлений. К сожалению, этим занялись другие, не обладавшие его проницательностью, его критическим умом и умением опираться на факты. Если под «социальным дарвинизмом» понимать прославление борьбы за существование и убеждение, что господствующие классы выжили в нынешнем общественном строе благодаря их особым моральным или этническим качествам, то можно категорически утверждать, что Дарвин не был социальным дарвинистом»².

Первым социальным дарвинистом был Уолтер Бэдждот (1826—1877), английский ученый, который в изданной в 1873 году работе «Физика и политика» пытался перенести биологические элементы борьбы за существование на политику. Бэдждот был убежден, что проходящая через три стадии политическая история человечества (возникновение обычаев, завоевания как источник образования государств и народов, цивилизация) была историей устранения худших обычаев лучшими

в процессе борьбы за существование и завоеваний слабых сильными. Хотя Бэдждот уделял большое внимание концепции внешнего конфликта и завоеваний в период формирования государств и народов, он, однако, не сводил борьбу за существование к универсальному принципу политической истории человечества, видя в этой борьбе лишь основу определенной стадии развития. Более широко свои теоретические положения он не развивал. Сделал это известный польский немарксистский социолог Людвиг Гумплович (1838—1909)³.

В своей социологической теории, наиболее полно изложенной в изданной в 1883 году работе «Борьба рас», Гумплович исходил из двух основных предположений. Он считал, во-первых, что людям от рождения присуща взаимная ненависть, определяющая отношения между группами, народами, племенами и расами. При этом термин «раса» Гумплович употреблял в особом значении — для обозначения наций или народов, а не групп с определенными биологическими чертами. Тем не менее Гумплович был решительным противником биологического расизма, хотя его теория в зависимости от ее трактовки могла привести к подобному выводу. Другой его теорией, от которой он в конце жизни отказался под влиянием критики американского ученого Уорда, было утверждение, что отдельные племена, с которыми мы имеем дело с самого начала истории человеческого рода, возникли в процессе эволюции самостоятельно, независимо друг от друга (так называемая «политическая» теория происхождения человечества). Согласно этим утверждениям, контакты между отдельными группами приводили к неизбежным конфликтам и войнам, результатом которых должно было стать завоевание слабых более сильными. В процессе экономического развития убийство пленников начало уступать место их порабощению и эксплуатации, что дало начало классовому господству и государству. Таким же образом, по мнению Гумпловича, раннюю историю государства лучше всего объяснять фактом межплеменного конфликта, который принимает две формы: а) конфликта классового, в котором класс господствующий и

класс угнетенный являются потомками победителей и побежденных; б) конфликта между государствами. Гумплович считал, что процесс развития государства адекватен его территориальному развитию, что неизбежно ведет к конфликту с другими государствами и к войне, победителем из которой выходит лучший, сильнейший.

Подобные взгляды развивал австрийский генерал Густав Ратценхофер (1842—1904), который в отличие от Гумпловича (кстати, они были друзьями) исходил из моногенетической теории происхождения человечества. Он считал, что различные племена возникли в процессе борьбы за существование. Разделение на племена и расы, следовательно, есть скорее следствие, чем причина универсально проявляющейся в истории человечества борьбы за существование. Разрабатывая свою теорию борьбы за существование, Ратценхофер создал первую развитую типологию врожденных интересов, которая составляет его наиболее интересный вклад в социологию. Продолжение концепции Гумпловича, но довольно оригинальное и критическое, содержится также в работах «Нестора американской социологии» Лестера Ф. Уорда (1841—1913). Уорд не пошел за Гумпловичем в его теоретических изысканиях; он отверг как теорию полигенетического характера возникновения человечества, так и утверждение о присущей людям врожденной ненависти и склонности к борьбе друг с другом. Зародышем племенной группы он считал отдельную человеческую пару вместе с ее потомством. По его мнению, эволюция постепенно приводит к возникновению рода, а затем — расы. Когда в результате эволюции образовались первобытные человеческие орды и стали вступать в контакты между собой, тогда возникли войны, ведущие к завоеваниям и господству сильнейших. Именно завоевания и борьба за существование, утверждал Уорд, привели к возникновению государства и вообще к социальному прогрессу.

Говоря о последователях теории завоевания, следует, наконец, назвать Франца Оппенгеймера (1864—1943),

автора очень известной, неоднократно переводимой на иностранные языки работы «Государство», изданной в 1907 году. Оппенгеймер изложил теорию, которая должна была сочетать основные тезисы сторонников генезиса государства в результате завоеваний и социально-экономическое толкование политической истории. Он исходил из того, что не каждое завоевание, а только то, которое было осуществлено пастушескими племенами (а не народами, живущими охотой), способствовало образованию государства. Эту мысль Оппенгеймера подхватил Каутский, который, опираясь на его теорию, тщетно пытался «исправить» (в «Материалистическом понимании истории») теорию Ф. Энгельса о происхождении частной собственности и государства.

Социальный дарвинизм и теорию завоевания подвергали критике многие немарксистские авторы. С марксистских позиций — о чем уже шла речь в предыдущей главе — такую критику дал Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге». Жак Новиков (1849—1912) во Франции был, пожалуй, первым, кто почти целиком посвятил свою научную деятельность борьбе с социальным дарвинизмом. В своем основном теоретическом труде «Борьба между человеческими обществами и ее последовательные фазы» (1883) и в специальной работе «Критика социального дарвинизма», опубликованной в 1910 году, Новиков признавал существенную роль конфликтов на ранних фазах истории, но отрицал социал-дарвинистский тезис о врожденной враждебности людей и неизбежной борьбе за существование, утверждая обратное — гармонию и сотрудничество. Теоретическая позиция Новикова была скорее односторонней и носила ярко выраженную полемическую окраску, однако как критик социал-дарвинистского направления он во многом был бесспорно прав.

С точки зрения биологической аргументации большее значение для критики этого направления имели работы английского ученого Томаса Генри Гексли (1825—1895), который особый акцент делал на различии между процессами эволюции биологической и эволюции социальной, управляемой иными, не биологиче-

скими законами. Государство и политические институты Гексли рассматривал в качестве общественного контроля, ограничивающего действия естественных, биологических законов органической эволюции.

Противником распространения принципов биологической эволюции на интерпретацию социальной и политической жизни был также известный биолог Альфред Рассел Уоллес (1823—1913), разработавший независимо от Дарвина собственный вариант теории естественного отбора и утверждавший, что изменения диктуются общественным строем, а не биологической природой человека. В этом смысле Уоллес критиковал расистское направление и выступал также против евгеники. Слабым местом его концепции было убеждение, что человек обязан своим отличием от животного мира вмешательству какой-то сверхъестественной силы, которая и есть первопричина моральных качеств человека⁴.

С точки зрения современного состояния социологии политических отношений приводимые ниже положения представляются особенно важными для оценки социалдарвинистского направления и связанной с ним теории завоевания как источника возникновения государства.

1. Идеологические постулаты биологической борьбы за существование, естественного отбора, врожденной ненависти между расами и народами — словом, все идеологические концепции социального дарвинизма — опровергнуты прогрессивными направлениями в науке, хотя все еще бытуют в обиходном мышлении националистического и расистского толка. Именно о таких направлениях в общественных науках писал Станислав Оссовский как о псевдонаучных мифах. Хотя термин «научный миф», указывал он, на первый взгляд может показаться выражением внутренне противоречивым, однако «с точки зрения социологической некоторые теории обладают всеми атрибутами мифа. Верят в них не из-за научных аргументов, а потому, что к этому склоняют эмоциональные мотивы и авторитеты в области общественных дисциплин; научные аргументы в данном случае пытаются оправдывать веру, которая

является чем-то более ранним. Ученые в ряде случаев выступают в роли бывшего мага или пророка, излагая своей социальной группе концепции не менее «тайные», чем те, которые когда-то были предметом религиозных толкований»⁵. Хотя, таким образом, идеи социального дарвинизма как науки потерпели крах, они еще имеют хождение как научные мифы и свою мифотворческую функцию будут выполнять до тех пор, пока существуют условия для сохранения или возрождения расистских и националистических течений, политические программы которых опираются на догматы врожденной ненависти между расами и нациями. Следовательно, не теряет значения и научная критика рассматриваемого здесь направления в его идеологическом аспекте.

2. В сфере познавательной многие положения социального дарвинизма и теории завоеваний не смогли сохранить свои позиции. Биологическая наука не обладает аргументами, которые подтверждали бы, что врожденные инстинкты человека или склонность к ненависти, враждебности или агрессивности по отношению к другим людям, так же как борьба за существование и естественный отбор в биологическом смысле, ведут к прогрессивным изменениям в человеческих обществах. Критики войн доказывают, что ухудшающиеся условия жизни в военный период ведут к биологическому вырождению человеческих качеств (это особенно отражается на дальнейшем биологическом развитии детей и молодежи), поскольку «естественный отбор» в условиях войны уносит особенно много личностей с высокими моральными качествами.

В свете современной исторической науки не выдерживает критики и теория возникновения государств путем завоеваний⁶. Однако бесспорным остается тот факт, что именно она указала на роль, которую играли завоевания в образовании государств. Не как общая теория происхождения политических институтов, но как одно из направлений исторических толкований эта теория занимает свое место в социологических интерпретациях политической жизни⁷. Отдельные позитивные элементы теории завоевания марксистская социоло-

логия политических отношений, отрицающая как общую теоретическую основу, так и идеологические аспекты социального дарвинизма, может принять. В сравнении с другими, более поздними теориями немарксистской социологии политических отношений теория социального дарвинизма оказалась не очень плодотворной. Не ей в XX веке принадлежала главная роль в формировании буржуазной науки в этой области.

2. Теория элит

Абстрагируясь от марксизма, социальный дарвинизм пытался ответить на вопрос о происхождении таких явлений, как политическое господство и политические конфликты внутри отдельных обществ и между ними. Однако его положения не выдержали проверки научной критикой и вскоре начали уступать место другой концепции — четче сформулированной и более сложной для опровержения. Речь идет о теории правящих элит.

Корни теории элит следует искать в давних политических концепциях, противопоставлявших вождя массам. В период романтизма консервативный английский философ Томас Карлейль (1795—1881) прославился широкоизвестной работой «Герои, культ героев и героическое в истории» (1841), где он заявил, что все исторические события были делом великих, исключительных личностей — героев; массы же представляли собой пассивный элемент, тормозящий процесс развития. В другой, более ранней работе («История Французской революции», 1837) Карлейль доказывал, что, как только массы начинают преобладать над творческими личностями — например, в революции, — наступает упадок цивилизации.

Отрицательную оценку и психологическое обоснование политическим действиям масс дал также французский социолог и психолог Гюстав Лебон (1841—1931) —

прежде всего в своей наиболее известной работе «Психология народов и масс» (1895), а также в работе «Французская революция и психология революции» (1912). Лебон придерживался мнения, что психология толпы отличается от психологии составляющих ее индивидов. Толпа — иррациональна, руководствуется эмоциями, догматична и нетерпима. Коллективное поведение приобретает грубые формы, а интеллектуальные функции толпы сводятся до самых механических и элементарных. Как только толпа, а не критически и рационально мыслящие лидеры, начинает решать политические вопросы (например, во время революции), возникают вредные, отрицательные явления. Хотя в анализе социальной психологии массовых явлений Лебон положил начало важному направлению исследований, однако для его метода постановки и решения проблемы были характерны политические предрассудки и именно его собственный метод не позволял ученому объективно истолковать психологические особенности толпы и роль массовых движений в политике.

Истинными создателями теории элит были два итальянских ученых: Вильфредо Парето (1848—1923) и Гаэтано Моска (1858—1941). Длвшийся между ними спор о приоритете в создании теории элит ныне решен в пользу Моски, хотя и признается, что его теория приобрела большую популярность лишь благодаря публикации Парето⁸.

Моска, считающийся основателем итальянской науки о политике, изложил свои взгляды главным образом в изданной в 1896 году работе «Элементы политической науки», переведенной на английский язык и изданной в 1939 году под названием «Господствующий класс» («The Ruling Class»). В данном случае английское название лучше, чем итальянское, передает смысл теории Моски. Власть, утверждал он, всегда находилась и должна находиться в руках меньшинства. Когда она переходит из одних рук в другие, то переходит от одного меньшинства к другому, но никогда от меньшинства к большинству. Это правящее меньшинство Моска называет «господствующим классом», элитой. Каждая

элита правит путем распространения в обществе той идеологии, которая отвечает задачам ее власти. Хотя мотивы могут быть различными, сутью каждой значительной политической доктрины является то, что она поддерживает власть или стремление к ней какой-либо из элит. Такая доктрина должна соответствовать эпохе, и ее значение заключается в том, что она представляет собой основу политического соглашения.

В истории, заявлял Моска, существуют две основные тенденции: аристократическая и демократическая. Ни одна из них не предусматривает правления масс, поскольку это невозможно. По мнению Моски, отличие одной элиты от другой заключается в том, что аристократическая правящая элита представляет собой замкнутую группу, которая не пополняется людьми вне ее круга, в то время как демократическое правящее меньшинство рекрутируется из широких масс за счет людей, чьи психологические качества оказываются полезными с точки зрения осуществления власти. Моска даже доказывал, что нормальное функционирование демократии нуждается в существовании хорошо организованного руководящего слоя⁹. Что, однако, упустил Моска в своей концепции обновления элит в демократической системе, так это проблему демократического контроля. Выборы он трактовал как путь к обновлению элиты, а не как форму контроля масс над руководителями. В силу этого его концепция демократии приобретает авторитарный, антидемократический характер.

Более широко концепцию элиты развил известный итальянский математик, экономист и социолог Вильфредо Парето, в частности в своем главном, опубликованном уже в конце жизни четырехтомном «Трактате по общей социологии» («Trattato di sociologia generale»), вышедшем в 1915—1919 годах¹⁰. Вклад Парето в социологию заключается прежде всего в том, что он сформулировал две теории: теорию национальной деятельности и теорию элит. Хотя к социологии политических отношений относится только вторая, следует упомянуть и о первой, учитывая взаимосвязь, которая существует между ними.

Исходный пункт концепции национальной деятельности Парето состоит в том, что люди действуют субъективно, рациональным образом, то есть ставят перед собой определенные цели и стремятся к их достижению. Но за этой субъективной рациональностью человеческих действий кроется их объективная иррациональность. То, к чему люди действительно стремятся, не равнозначно тому, чего они хотят или думают, что к этому стремятся. К. Маркс это явление, известное как «ложное сознание», связывал с исторически определенными условиями классового общества, в котором переплетение противоречий порождает случайные интересы, принципиально отличающиеся от интересов отдельных индивидов или групп. Парето же видит иррациональность человеческих действий в человеческой природе и считает, что она присуща человеку всегда и везде, хотя люди, располагающие большим знанием, подвержены ей в меньшей степени.

Исходя из предпосылки о иррациональности человеческих действий, Парето сформулировал тезис, согласно которому в основе всех теорий лежат так называемые «ресидуэ» (*residuum*), то есть сознательное выражение скрытых влечений. Однако «ресидуэ», являясь действительными мотивами человеческих действий, скрываются за ширмой так называемой «деривации» (*derivatio*) — стремления придать человеческим действиям видимость рациональности. Теория «ресидуэ» и «деривации» позволила Парето сформулировать концепцию, психологически трактующую различного рода идеологии как неосознательные обоснования наших влечений. Ученым же, который дал новое истолкование паретовской теории иррационального поведения, был Карл Маннгейм (1893—1947), создатель социологии знания. Он вернулся к известному тезису, что общественная позиция определяет идеологическую перспективу, хотя одновременно подчеркнул иррациональные черты человеческой деятельности и человеческого сознания и довел концепцию социологии знания до далеко идущих крайне релятивистских выводов¹¹.

Концепция «деривации» и «ресидуе» связана с паретовской теорией элит, идеей о неодинаковом качестве врожденных предрасположений у отдельных индивидов. Поскольку в основе человеческого поведения лежат скрытые «ресидуе», их качество имеет основополагающее значение для коллективной деятельности. Поскольку же, рассуждал Парето, особенно ценными «ресидуе» наделено меньшинство, оно, естественно, и составляет руководящую элиту. Принадлежность к элите зависит, таким образом, прежде всего от врожденных психологических черт.

Однако, доказывая Парето, социальные условия служат причиной того, что не все люди, наделенные элитарными качествами, действительно добиваются руководящего положения. Те, кто благодаря своим психологическим чертам относится к элите, но в силу своего социального положения (например, экономических или политических факторов) не может войти в руководящую группу, составляют так называемую контрэлиту. Социальное равновесие требует, чтобы в господствующую элиту постоянно кооптировались личности с «элитарными качествами» незлитарного происхождения и устранялись из нее личности с качествами незлитарными. Но этого не происходит, поскольку господствующие элиты охраняют свои привилегии и стараются передать их по наследству. Тем самым ухудшается состав элиты и происходит количественный рост контрэлиты. Когда эти процессы приобретают широкие масштабы, контрэлита при поддержке мобилизуемых ею масс (или даже без них) свержает власть прежней элиты и устанавливает собственное господство. Процесс замыкания элиты в самой себе начинается, однако, снова, приводя со временем к повторению всего цикла. Согласно концепции Парето, такая циркуляция элит является результатом противоречий между требованиями психологии и социальной структурой общества.

Так в наиболее общей форме представляется теория элит в той полной и развернутой трактовке, которую дает Вильфредо Парето. Буржуазные ученые последующего периода пошли по пути детального анализа элит,

а также уменьшения (как у Гарольда Лассвэлла) роли психологических критериев в пользу критериев социологических и даже экономических¹². Они отказались также от широкой историко-философской конструкции (это касается паретовской теории циркуляции элит) в пользу эмпирических исследований руководящих элит различных политических систем. Ныне это одно из наиболее развитых направлений немарксистской социологии политических отношений¹³.

В оценке теории элит, какой ее сформулировали Моска и Парето, следует выделить три момента. Первый составляет чисто идеологическая теория, согласно которой миром всегда правили и должны править элиты — избранное, наделенное особыми качествами меньшинство. Политико-консервативный смысл этой теории очевиден, и именно он служит причиной того, что теория элит решительно отвергается прогрессивными учеными¹⁴, но всячески превозносится ультра-реакционными политиками (например, Муссолини в Италии). Здесь политический смысл теории элит однозначен, хотя спорным остается вопрос, обоснованы ли были ссылки фашистов на Моску и Парето. Сами родоначальники теории элит подчеркивали, что политические элиты должны складываться из наилучшего «человеческого материала», и в целом не спешили выдавать свидетельства такой «элитарности» господствовавшим фашистским партиям.

Второй момент в теории элит — это психолого-социологическое толкование явлений разделения власти в обществе. Моска и Парето преувеличивали роль психологических факторов, почти полностью отрицая значение факторов экономических, классовых. В итоге они создали одностороннюю теорию власти, претендующую на роль противовеса марксизму. Более того, эта теория, ссылаясь на якобы врожденное психологическое неравенство, служила оправданием власти привилегированного меньшинства. По этим соображениям теорию элит в ее «классическом» виде принять невозможно. Критика этой теории будет и впредь одним из актуальных ас-

пектов идейно-теоретической борьбы в социологии между марксизмом и буржуазными направлениями.

Третий момент в теории элит — эмпирический анализ руководящих групп в различных политических системах. Хотя порой он предпринимается с ярко выраженных буржуазных позиций — для критики социализма или апологетики капитализма, — однако нередко этот анализ бывает лишен идеологических основ. Наконец, у некоторых западных авторов работы на тему политических элит становятся формой критики современного капитализма. Наиболее четко это проявилось у прогрессивного американского социолога Ч. Райта Миллса (1916—1962)¹⁵. В отличие от идеологической и общетеоретической эмпирическая теория элит имеет большое познавательное значение. Она обращает внимание исследователя на проблему, подчиненную общему вопросу классового господства, но не идентичную ему. Знание того, как построена, из кого состоит и как функционирует руководящая политическая группа данного общества, действительно важно с познавательной и полезно с практической точки зрения. На базе марксизма исследование такого рода — и это особенно четко подчеркивал А. Грамши — может и должно проводиться, исходя из анализа основных, классовых аспектов власти и господства.

3. Теория олигархизации политических партий

Начало социологии политических партий связано с именами двух ученых: русского — Моисея Острогорского (1854—1919) и немецкого — Роберта Михельса (1876—1936), пришедших к довольно неутешительным выводам о возможностях демократии в массовых партиях. Эта теория существенно расширяла (совершенно, впрочем, самостоятельно) сферу применения теории элит.

Острогорский — русский ученый, много лет проживший во Франции и писавший по-французски, — представлял либерально-буржуазные течения на рубеже XIX и XX столетий. После революции 1905 года возвратился в Россию, где продолжал свою деятельность в рядах партии кадетов и от нее был избран в первую Думу. Умер вскоре после Октябрьской революции; отношение Острогорского к февральской и Октябрьской революциям неизвестно¹⁶.

Основной труд Острогорского в области социологии политических отношений — и в то же время труд, который обеспечил ему место в истории науки, — вышел на английском языке в 1902 году под названием «Демократия и организация политических партий»¹⁷. Это было первое сравнительное исследование политических партий, благодаря чему Острогорский считается одним из пионеров сравнительного подхода в социологии политических отношений и науке о политике. Он был также первым, кто подверг научному анализу деятельность партии как крупной организации. Выводы, сделанные из этого анализа, были пессимистическими. Поскольку Острогорский отождествлял демократию с непосредственным участием партийных масс в управлении и поскольку он пришел к выводу, что в каждой массовой партии власть находится в руках партийного аппарата, то, по его мнению, партии независимо от проповедуемой идеологии неизбежно приобретают недемократический характер. Чтобы избежать этого, Острогорский предлагал явно утопический метод — замену постоянно действующих партий свободными объединениями для достижения какой-либо одной, определенной цели. На практике это предложение не нашло отклика, но теоретически был осуществлен реалистический анализ функционирования крупных политических партий как бюрократических организаций. Постановка этой проблемы была заслугой Острогорского, хотя вместе с тем он игнорировал вопрос о том, в какой степени различие классовых интересов и идеологии отдельных партий могут влиять на усиление или ослабление анализируемой им тенденции к бюрократизации.

Влияние Острогорского испытал на себе германский социал-демократ (до 1907 года) и социолог Роберт Михельс. Опубликованная в 1911 году его работа о социологии немецкой социал-демократии стала исходным пунктом для многих последующих исследований в области социологии партии, и эта поддисциплина эмпирически расширяла теорию элит¹⁸.

Михельс утверждал, что каждая организация неизбежно ведет к олигархизации. По его мнению, олигархизация — это следствие не психологических качеств, а организационных требований. В этом пункте Михельс принципиально отошел от психологических предпосылок итальянской теории элит (Моска, Парето) в сторону того, что со временем стало социологическим анализом крупных организаций. Вначале Михельс рассматривал олигархизацию как нечто отрицательное, угрожающее демократии. В более поздний период жизни, однако, он начал доказывать, что олигархизация является, в сущности, положительным качеством партии и вытекает из неременного исторического опыта, что вожди никогда не уступают свою власть массам, а только другим вождям¹⁹. В этом пункте Михельс просто повторял историко-философские предпосылки теории элит.

Основной термин «олигархизация» в анализе социологии партии у Михельса имеет несколько значений и самим автором определен нечетко. Жан Линц выделяет десять значений термина «олигархизация» в работах Михельса: 1) появление руководства, 2) появление профессионального руководства и его стабилизация, 3) формирование бюрократии, то есть платного, назначаемого аппарата, 4) централизация власти, 5) переориентация целей с конечных (борьба за социализм) на текущие (укрепление партийной организации), 6) усиление идеологического режима, 7) растущая разница между интересами и идейной позицией руководителей и членов партии с преобладанием интересов и идейных позиций руководителей, 8) снижение роли членов партии в принятии решений, 9) кооптация лиде-

ров партийной оппозиции в ряды существующего руководства, 10) ориентация партии на поддержку всех избирателей, а не только собственного класса²⁰.

Несмотря на наличие всех этих значений термина «олигархизация», Михельс не проводил между ними четкой границы, указывающей, какое из упомянутых явлений могло бы быть определяющей чертой олигархизации, а какое — ее следствием или обстоятельством, облегчающим появление олигархических тенденций. Однако, говоря о «железном законе олигархических тенденций», Михельс имеет в виду прежде всего то, что власть в партии сосредоточивается в руках руководителей, поддерживаемых профессиональным, платным аппаратом. Поскольку Михельс рассматривал социал-демократическую партию как идеальную миниатюру демократического общества, то свои пессимистические выводы о закономерности олигархизации партии он распространял на возможности демократии вообще. А так как участие в руководстве всех членов социал-демократической партии в рамках самой партии невозможно, то тем более невозможно участие в управлении государством всех граждан. Отождествляя демократию с непосредственным участием масс в управлении, как делал это Острогорский, Михельс приходил к пессимистическим выводам относительно возможностей демократии вообще и, как Парето и Моска, — к политическому заключению о неизбежности и желательности, как он утверждал под конец жизни, правления элиты.

Критика теории Михельса включает многие моменты. Практика свидетельствует, что не везде и не всегда в массовых партиях проявляются олигархические тенденции; непосредственным возражением Михельсу в этой области может служить труд Липсета, Троу и Колемана, основанный на результатах эмпирических исследований²¹. Критикуются также отсутствие смысловой точности и логические пробелы в аргументации Михельса²². Сартори убедительно возражает против его понимания демократии и указывает, что выводы Михельса вытекали из общепринятой терминологии²³.

В марксистской литературе подчеркивается прежде всего идеологическая суть теории олигархизации как попытки теоретического обоснования неизбежности бюрократизации социал-демократических партий и, по крайней мере косвенно, отказа от демократии. В тавтологии и паралогизмах упрекал Михельса Антонио Грамши, который в своих работах нередко ссылался на него, хотя не соглашался с его точкой зрения²⁴.

С точки зрения развития социологии политических отношений за Михельсом следует признать определенные заслуги. Вместе с Острогорским, которого он знал и на которого ссылался, Михельс был инициатором создания социологии партии, и его работы нашли продолжателей среди ученых, занимающихся эмпирическими исследованиями в этой области (например, Морис Дюверже во Франции, Зигмунд Нейман в Германии, Роберт Д. Маккензи в Англии). Однако их труды отошли от михельсовских схем «железного закона олигархических тенденций», который имел гораздо большее влияние на противников марксизма (таких, как Вернер Зомбарт) или ренегатов социалистического движения (подобных Г. де Ману). В этом смысле теоретическая концепция Михельса еще функционирует как теоретическая платформа того течения критики марксизма, которое исходит из предпосылок якобы неизбежных процессов бюрократизации и олигархизации и на этом основании отрицает возможность демократии и социализма.

Основоположники марксизма были знакомы с проблемой бюрократии. В. И. Ленин, в частности, уделял ей много внимания, видя в ней опасность и доказывая необходимость противопоставить ей активность масс и демократический централизм. В. И. Ленин трактовал эту проблему не в плоскости «железных» законов крупных организационных структур, а исходя из конкретного анализа классовых тенденций в капиталистическом обществе, видя в бюрократии проводника буржуазного влияния на пролетариат²⁵. Именно на этой основе, а не на идеологической почве михельсовской теории олигархизации должны развиваться марксистские исследова-

ования в области социологии партии, что, однако, не перечеркивает значения, которое для истории этой области социологии политических отношений имели работы Острогорского и Михельса.

4. Макс Вебер как социолог политических отношений

В рамки упомянутых выше главных немарксистских теорий социологии политических отношений XIX и XX веков трудно втиснуть творчество бесспорно самого крупного из всех немарксистских социологов политических отношений — Макса Вебера (1864—1920). Макс Вебер оказал огромное, не слабеющее со временем влияние на многие отрасли общественных наук, в том числе на социологию политических отношений. Творчество Макса Вебера выходит за пределы немецкой науки, а его влияние на всю мировую социологию — особенно на американскую социологию²⁶ — признается всеми.

Вклад Вебера в социологию был предметом многих научных исследований, но основное внимание в них концентрировалось главным образом на его социологии религии, теории капитализма, методологии гуманистики, а не на социологии политических отношений. Лучшая польская работа С. Козыр-Ковальского о социологии Макса Вебера почти не касается его вклада в социологию политических отношений²⁷. В западной литературе особенно ценный анализ вклада Вебера в социологию политических отношений проделали Рейнхард Бендикс и Давид Битгам²⁸. В работе Раймона Арона, представляющей собой анализ политических взглядов Вебера, также содержатся важные для понимания и оценки его социологии политических отношений мысли²⁹. В западногерманской науке творчество Вебера до сих пор является предметом живого интереса и полемики; примером последнего может быть спор, вы-

званный книгой Моммзена, приписывающей Веберу откровенно националистические и элитаристские взгляды³⁰.

В отличие от других элементов веберовской социологической теории его социология политических отношений осталась во многом незавершенной, так как он не осуществил задуманную большую комплексную работу, посвященную социологии государства³¹. Его вклад в социологию политических отношений содержится во многих произведениях, среди которых особое значение имеет книга «Экономика и общество», изданная посмертно, в 1922 году³². Социологический анализ содержится также в политических письмах Вебера³³, хотя Д. Битгам, говоря о политических идеях Вебера, справедливо подчеркивает различие между его социологией политических отношений и его политическими концепциями программного характера³⁴.

Исходным пунктом веберовской социологии политических отношений, как и всех его социологических теорий, является поиск причин, в силу которых современные европейские общества отличаются от других известных в истории или появляющихся в других частях света. Именно эта проблема стала основой веберовской социологии религии и в не меньшей степени веберовской социологии власти.

Существует еще одно сходство между веберовской социологией политических отношений и совокупностью его социологических взглядов. В социологии власти Вебер ищет, как и в других социологических проблемах, различия и одновременно взаимосвязи между тремя основными сферами общественной жизни: сферой власти, сферой экономики и сферой ценностей. Для социологии политических отношений главное значение имеет веберовский анализ существующих зависимостей между властью (аспект политический, аспект власти) и ее легитимацией (аспект ценности, аспект культурный). Именно в этом состоит основной вклад Вебера в социологию политических отношений.

Следует иметь в виду, что позиция Вебера в вопросе о власти, как и в его социологии религии, не могла принципиально противостоять марксизму, как полагал сам Вебер. Достаточно ознакомиться с марксовым анализом роли «наполеоновских идей» в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», чтобы увидеть, насколько серьезно Маркс относился к роли ценности и легитимации, как к важным теоретическим проблемам. Дело лишь в том, что Маркс концентрировал главное внимание на взаимозависимости между политикой и экономикой и в этом свете интерпретировал политические идеи. «*Все «idées napoléoniennes», — писал он, — это идеи неразвитой, юношески бодрой парцеллы; для отжившей парцеллы они — бессмыслица, не более как галлюцинация ее предсмертной агонии, слова, ставшие фразами, духи, ставшие призраками.* Но пародия на империю была необходима для того, чтобы освободить массу французской нации от ига традиции и выявить в чистом виде противоположность между государственной властью и обществом»³⁵. В то же время большая заслуга Вебера заключается в том, что проблему ценности в сфере политики он сделал предметом систематического анализа и включил ее в свою теоретическую систему социологии политических отношений.

Центральным понятием веберовской социологии политических отношений есть «господство» (Herrschaft), которое он отличает от власти в общем смысле, основанной на экономической силе. Вебер приводит здесь в пример власть крупного банка над теми, кто нуждается в кредите, в условиях, когда банк занимает почти монопольное положение на рынке. Здесь мы имеем дело с властью, а не с господством в веберовском смысле этих терминов. Господство же предполагает возможность издания приказов, а не только — как в случае с экономической властью — принципиальный перевес, который можно использовать для осуществления собственной воли. Господство, следовательно, есть такое отношение между управляющим и управляемым, при котором первый может навязывать второму свою волю путем обязывающих приказов.

Такое господство, доказывает Вебер, не может быть лишь следствием обладания силой. Хотя он не отрицает роли насилия как основы господства, но в то же время убедительно подчеркивает, что одного насилия недостаточно для возникновения, исправного и длительного функционирования системы господства. Необходимо наличие определенных ценностей, убеждений, на которых зиждется послушание управляемых. Именно в анализе способов легитимации господства содержится основной вклад Вебера в социологию политических отношений.

Анализируя эту проблему, Вебер исходил из конструирования трех, в его понимании, «идеальных, чистых типов»³⁶: «традиционного господства», «харизматического господства» и «легального господства». Два первых необходимы были Веберу для показа принципиального отличия того типа господства, который он связывал с современными европейскими обществами, от господства легального. Анализ этого господства и путей его возникновения есть вместе с тем вклад Вебера в теорию политического развития, или, как нередко это определяется в современной немарксистской социологии политических отношений, в теорию политической модернизации.

Традиционное господство опирается на веру подданных в то, что власть является законной, поскольку она существовала всегда. Правители в отношениях с подданными обладают правами и положением господ над слугами. Их власть, однако, ограничена освященными традицией нормами, на которые в то же время опирается и само их господство. В этом смысле, говорит Вебер, «правитель, который нарушал бы традиции без препятствий и ограничений, подвергал бы опасности законность собственной власти, которая опирается исключительно на силу традиций»³⁷.

В веберовском анализе традиционного господства содержится ряд очень интересных типологий и исторических определений. Среди них, в частности, интерпретация механизма существующей власти при традиционном господстве. Этот аппарат вначале функционирует как

расширенный «дом» правителя, в котором отдельные службы отвечают за различные сферы жизни. Такой разросшийся до больших размеров «дом» правителя Вебер называет «патримонализмом»; в качестве примера такой системы у него служит Древний Египет. Наряду с анализом патримонализма Вебер сконструировал также другой тип традиционного господства, который называл «султанизмом»; его особенностью должно было быть освобождение правителя от традиционных ограничений и, следовательно, полный, неуправляемый деспотизм³⁸. Султанизм возможен тогда, когда традиционный правитель путем завоеваний расширяет границы своей власти, которая в итоге может опираться больше на вынужденное послушание подвластных, чем на их веру в законность традиционной власти. Для этого, однако, нужна сильная армия. Здесь Вебер проводит интересный анализ пяти типов милитаристской организации, на которую опирается султанизм. Эти типы следующие: 1) армия, состоящая из невольников, подданных, колоннов и т. п., которых правитель наделяет землей и имуществом за определенные услуги, в том числе военные; 2) армия, состоящая из невольников, предназначенных только для военной службы; 3) наемная армия; 4) армия, состоящая из лиц, которые получили землю только в обмен на обязательство военной службы; 5) армия, набранная из подданных и руководимая обычно представителями привилегированных классов.

Анализируя формы и методы функционирования этих военных организаций, Вебер подчеркивает главный парадокс деспотических систем. Заключается он в том, что, опираясь на армию, они попадают во все большую зависимость от нее, а это ведет к ослаблению их власти. Наконец, отходя от «чистого типа» традиционного господства, Вебер рассматривал его конкретные (и, следовательно, нечистые), смешанные формы. В частности, он подвергал анализу отношение патримонализма к феодализму, трактуя последний как разновидность традиционного господства с присущими ему определенными отличиями.

Подобным типологическим методом Вебер исследовал и другой тип господства — *харизматический*. Греческий термин «харизма» означает у Вебера какое-то необыкновенное качество, дар, которым обладают люди или предметы; некоторые считают, что харизма придает магическую силу тем, кто ею обладает. Харизматический вождь есть, таким образом, некто, чье господство над другими зиждется на их вере в его необыкновенные, магические свойства. Харизматический вождь призван выполнять какую-то необыкновенную, ему предназначенную миссию и во имя этого имеет право на послушание подданных. Как и в традиционном господстве, власть опирается здесь на качества правителя, а не на безличные права. Но в отличие от традиционного господства она есть не следствие того, что так всегда было, а результат убеждения, что харизматический вождь вносит нечто новое. Таковыми, подчеркивал Вебер, являются революционный вождь (в том смысле, что он изменяет существующее положение), дальновидный государственный деятель, спасающий страну от кризиса, религиозный или квазирелигиозный пророк.

Главной проблемой харизматического господства, как утверждал Вебер, служит проблема наследования, то есть проблема, которой в принципе при традиционном господстве не существует, за исключением случаев, когда законное наследование короны нечетко определено или же кто-то претендует на трон, оспаривая права другого наследника (например, его происхождение, приписывая себе старшинство, и т. п.). Харизма, по существу, качество личное и не может передаваться так легко, как традиционный титул власти. Вебер выделяет три способа передачи власти в системе харизматического господства³⁹.

В первом случае существуют определенные критерии, которым должен соответствовать наследник, чтобы стать новым харизматическим вождем. Во втором — предыдущий харизматический вождь назначает своего наследника, тем самым как бы распространяя на него собственные харизматические качества. В третьем, наиболее частом, поскольку первые два носят скорее ис-

ключительный характер, самые преданные ученики или последователи харизматического вождя назначают наследника, который тем самым становится носителем харизмы. Наследование власти в католической церкви осуществляется именно на этой основе, хотя эта власть апеллирует к легитимации в виде назначения первого преемника Христа (в лице апостола Петра) самим создателем веры. Однако последующие папы избираются правомочными учениками, но в момент выборов на них «нисходит чудесным образом» харизма Христа. Рассматривая церковь в качестве примера, Вебер провел очень интересный социологический анализ структуры и функционирования этого института, в котором видел образец институционализации харизмы.

Как традиционное, так и харизматическое господство нужны были Веберу прежде всего как отправные пункты для анализа третьего типа господства — господства легального, в котором он видел политическую особенность Запада. Именно этот анализ является важнейшей частью веберовской социологии политических отношений, а также, хотя это уже не относится к теме, — веберовской теории права.

Легальное господство — это господство права в том смысле, что как само существование власти, так и сфера ее действия зависят от установленных людьми позитивных прав. Этот принцип правового рационализма лежит в основе систем, которые Вебер определял общим термином «легальное господство». Бендикс следующим образом излагает сущность веберовской концепции легального господства⁴⁰:

а) при этом типе господства любая норма может быть введена как право и предполагается, что с нею будут считаться все, кто подчинен власти;

б) право является комплексом абстрактных законов, а его действие заключается в применении абстрактных законов к конкретным случаям;

в) люди, стоящие у власти, являются не самостоятельными правителями, а вышестоящими исполнителями определенных правом обязанностей в четко определенный период;

г) управляемые есть свободные граждане, обязанные подчиняться праву, а не подданные, обязанные подчиняться правителю, который использует это право.

Такая система, по мнению Вебера, является особенностью Запада и одной из двух основных причин наряду с религией, в силу которых Запад достиг такого высокого уровня развития.

Анализируя систему легального господства, Вебер уделил много внимания аппарату власти, то есть бюрократии. Он был убежден, что бюрократия является наиболее рациональной формой осуществления власти, хотя в то же время видел и подчеркивал ее недостатки и слабости, например в тех случаях, когда необходимо принимать решения по частным, не типичным вопросам. Бюрократию, как систему осуществления власти, согласно Веберу, характеризуют следующие особенности⁴¹:

1. Руководство официальными делами происходит неизменными методами.

2. Их решение опирается на некий комплекс установившихся норм и принципов, которые определяют обязанности каждого функционера, связанные с его положением, сферой его власти, а также с находящимися в его распоряжении средствами принуждения.

3. Власть и ответственность каждого функционера составляют лишь часть всей иерархии власти и являются производными от этой иерархии. Функционер обладает властью не в силу своих индивидуальных качеств, а благодаря месту, занимаемому им в иерархии власти.

4. Средства, служащие для исполнения власти, составляют собственность организации, а не личную собственность отдельных функционеров; последние обязаны отчитываться за способы применения средств, которыми они располагают для осуществления власти.

5. Служебные места и должности не являются личной собственностью тех, кто их занимает, следовательно, они не могут быть проданы, подарены или переданы по наследству.

6. Весь процесс функционирования бюрократической организации построен на кругообращении документов.

В дополнение к своему идеальному типу рациональной бюрократической организации Вебер создал также тип бюрократического функционера в рамках системы легального господства⁴². Таковым является: 1) человек лично свободный и назначенный на должность на основании соглашения; 2) человек, осуществляющий власть на основании формальных законов и лояльность которого определяется четким выполнением официальных обязанностей; 3) человек, назначаемый на должность в соответствии с его квалификацией; 4) человек, работающий на своем посту постоянно, а не от случая к случаю; 5) функционер, регулярно получающий плату, обладающий перспективой профессиональной карьеры, гарантированной формальными правами.

Отношение Вебера к бюрократии, анализ которой составляет один из его главных вкладов в социологию, было сложным. В нем можно выделить три момента: 1) анализ бюрократии как технически совершенного аппарата осуществления власти; 2) критика бюрократии в связи с естественной для нее, как считал Вебер, тенденцией к выходу за рамки присущей ей функции, а также 3) интересный анализ бюрократии как отражения классовой структуры. Если в «Экономике и обществе» Вебер основное внимание сосредоточил на первом аспекте проблемы, то в политических статьях он широко рассматривал второй и третий ее аспекты. Поэтому, лишь анализируя их в комплексе, можно получить полное представление о веберовской теории бюрократии⁴³.

Приведенные здесь наиболее важные направления социолого-политических рассуждений Вебера позволяют признать его в целом серьезным теоретиком немарксистской социологии политических отношений. В то же время следует учитывать, что Вебер предпринимал свои анализы с четко выраженных буржуазных позиций, высказываясь в пользу капиталистического строя, в котором видел олицетворение рациональности, и в пользу буржуазии как класса. Современные исследователи Вебера на этот аспект его взглядов обращают особенное внимание⁴⁴. Тем не менее в случае с Вебером мы сталкиваемся с интересным примером, когда крупный и глу-

боко понимающий политические явления буржуазный ученый смог внести вклад в социологию не благодаря, а вопреки своей ярко выраженной классовой идейной позиции.

В какой-то степени эта проблема касается не только Вебера. Как я уже отмечал выше, особенностью наиболее важных теорий в немарксистском, буржуазном направлении социологии политических отношений, как и во всей буржуазной социологии, является то, что вопреки ограниченности, налагаемой на исследователя классовой и идеологической позицией, они могли ставить серьезные проблемы и проводить важные исследования. Хотя многие из этих исследований требуют критического анализа и опровержения, научное их значение заключается именно в том, что они являются не только свидетельством ошибочности человеческой мысли, но и звеном в процессе научного познания. Отделение элементов буржуазной идеологии и классовой ограниченности этих теорий от их ценного вклада в науку, а также умение проанализировать этот вклад с позиций основ марксизма — одно из условий расцвета и успеха марксистской социологии политических отношений.

V. Направления и методы эмпирических исследований социологии политических отношений

Социология политических отношений, как, впрочем, вся современная социология, — это не только некая теоретическая дисциплина, но также (а в количественном выражении прежде всего) область многочисленных, проводимых на высоком уровне эмпирических исследований, целью которых является получение фактического материала описательного типа или же эмпирически проверенных теоретических гипотез и содействие таким путем развитию теории. Эмпирические исследования в области социологии политических отношений особое развитие получили в XX веке, главным образом под влиянием политической практики, требующей проверенных знаний в таких сферах, например, как оценка возможностей отдельных партий и кандидатов на выборах, оценка эффективности политической пропаганды и т. п. Однако эмпирические исследования в области социологии политических отношений не сводятся только к анализу, служащему непосредственно политической практике. Они также представляют собой относительно самостоятельную область исследования политической действительности.

Эмпирические исследования в области социологии политических отношений получили особенно быстрое и широкое развитие в некоторых капиталистических странах, в частности в Соединенных Штатах. Но в настоящее время они уже не являются сферой деятельности исключительно западной науки и во все более широком масштабе предпринимаются учеными-марксистами социалистических стран. Тем не менее многие эмпирические методы, примененные впервые в исследованиях буржуазных ученых, могут и должны стать объектом внимательного изучения с точки зрения возможности их ис-

пользования в исследованиях, проводимых в странах социализма. Разумеется, в сфере теории различие между марксизмом и немарксистскими направлениями социологии политических отношений носит глубокий и принципиальный характер, но в области методов, и в частности техники эмпирических исследований, существует возможность использования проведенных и полезных решений, практикуемых на Западе. Именно так поступали основоположники марксизма, когда, например, в «Капитале» Маркса или в работе Ленина «Развитие капитализма в России» на основе марксистской теории использовали методы и выводы эмпирических исследований буржуазных общественных наук.

Особое значение в эмпирических исследованиях современной социологии политических отношений имеют: а) исследования политического поведения, в частности поведения избирателей, б) исследования политических партий, в) исследования общественного мнения и политической культуры, г) исследования социологических аспектов международных отношений. Разумеется, этим не ограничивается область эмпирических исследований социологии политических отношений, но уровень разработки этих проблем настолько высок, что они позволяют охарактеризовать направления эмпирических социолого-политических исследований в целом. Однако вначале следует дать общую характеристику эмпирических исследовательских методов, используемых в социологии политических отношений.

1. Эволюция исследовательских методов

Исследовательские методы, применяемые в эмпирической социологии политических отношений, не отличаются принципиальным образом от аналогичных методов, практикуемых в других эмпирических областях социологических исследований. С профессиональной точки зрения это те же методы и та же исследовательская тех-

ника, о которых говорится в учебниках, что освобождает меня от рассмотрения их профессионального, технического аспекта. Социология политических отношений, следовательно, использует те же методы статистического анализа, исследования общественного мнения, опросов, наблюдений и экспериментов, которые применяются в других областях социологии. В определенных обстоятельствах возникают, разумеется, своеобразные проблемы и трудности, вытекающие из применения этих методов к некоторым, менее поддающимся анализу (например, количественному) сферам социальной действительности. Подобный тип трудностей возникает не из своеобразия используемых методов, а из условий, в которых они применяются при исследовании различных областей действительности. Социолог политических отношений должен отдавать себе отчет в потенциальных трудностях, вытекающих из политического характера исследуемых явлений, и учитывать их при выборе соответствующих методов анализа.

Иное дело, когда речь идет об эволюции видов используемых методов. В истории социологии политических отношений мы можем проследить последовательные фазы различного формирования ведущих методических направлений, что было связано как с типом вопросов, которые ставили перед собой исследователи, так и с состоянием методов социологических исследований.

XIX век с этой точки зрения — это период утверждения сравнительно-исторических методов изучения политических отношений. Токвиль и Вебер, Моска и Парето опирались прежде всего на эмпирические данные, предоставляемые исторической наукой. По методу аргументации их работы имели, несомненно, эмпирический характер, так как теоретические выводы строились на основе интерпретации фактического материала. Однако они не проводили исследований, требующих новых, ранее неизведанных фактов. Скорее они выступали как эмпирически сориентированные теоретики, чем эмпирические исследователи в современном смысле слова. Тем не менее именно историческая интерпретация материала имела в то время и имеет ныне большое зна-

чение для всей марксистской социологии, в том числе — и, пожалуй, особое — для социологии политических отношений, которая в интерпретации политической жизни многое может почерпнуть из сравнительного исторического анализа¹.

В XX веке в социологию политических отношений широко вторгаются эмпирические методы, в частности: а) статистический анализ как материалов имеющихся (например, избирательных), так и материалов, которые социолог добывает специально для целей своих исследований; б) опросы населения с помощью специально подобранных тестов, в том числе зондаж мнения до, во время и после выборов (особенно с 30-х годов); в) наблюдения политического поведения, проводимые в естественных или экспериментальных условиях².

На этом фоне после второй мировой войны появляется так называемое бихевиористское направление в исследовании политических отношений, суть которого заключается в том, чтобы рассматривать политические явления прежде всего на основе эмпирического анализа поведения индивидов и групп в отличие от анализа традиционной, юридически определенной науки о политике, выдвигающей на первый план институциональный аспект.

Бихевиористские методы можно определить как методы анализа политических явлений путем наблюдения за поведением индивидов и состоящих из них групп. В свою очередь два понятия, используемые в этом определении, требуют собственной дефиниции: «поведение» и «наблюдение». Под *политическим поведением* в настоящее время понимается различное поведение индивида вербального или невербального характера, которое характеризует его роль как члена определенной политической общности. Другими словами, исследование политического поведения заключается в исследовании политической жизни сквозь призму поведения индивида. Что касается *наблюдения*, то под ним следует понимать получение информации различными способами, как наблюдением непосредственным (например, в условиях, когда исследователь анализирует собравшуюся толпу),

так и косвенным (когда он пользуется документальными свидетельствами поведения индивидов, например данными об итогах выборов). Более того, наблюдение может иметь естественный характер (когда мы наблюдаем политическое поведение в существующих независимо от нас условиях, например анализируя итоги выборов или наблюдая политическое собрание) или искусственный характер (когда исследователь сам вызывает интересующее его поведение, например в условиях лабораторного эксперимента или анкетного исследования).

Определяя таким образом бихевиористские методы, я старался как можно лаконичнее изложить их суть, чтобы можно было выделить их среди других методов. Правда, некоторые западные авторы идут иным путем, включая в упомянутые бихевиористские методы различные эмпирические, «строго научные» методы исследования политики. На мой взгляд, такой подход не представляется верным и скорее может свидетельствовать о бихевиористских предпочтениях авторов, чем об особенностях бихевиористских методов³.

Применение бихевиористских методов обусловлено двумя теоретическими преимуществами. Одно из них — стремление принять во внимание психологический аспект политики, что невозможно без обращения к поведению индивидов. Речь идет о поисках таких методов, которые позволили бы установить не только внешнее поведение и его результаты, но также психологическую суть этого поведения. Иными словами, о таких методах, которые позволяют видеть политические отношения сквозь призму переживания людей, втянутых в эти отношения.

Второй особенностью бихевиористских методов наряду с психологическим подходом является количественная ориентация. В настоящее время распространено мнение, что бихевиористский подход может быть использован для применения количественных методов изучения общественных явлений. Это мнение, безусловно, ошибочно. Количественные методы могут применяться не только при наблюдении поведения индивидов, но

также, например, при количественном исследовании войн и международных конфликтов методом, которым еще до второй мировой войны пытался воспользоваться Л. Ричардсон⁴. Называть такие исследования бихевиористскими, как это делают некоторые западные авторы, это, на мой взгляд, недоразумение. С другой стороны, наблюдение поведения индивидов не должно сводиться к количественному подходу. Можно, например, назвать бихевиористским исследованием политики анализ отдельных политических биографий (или автобиографий), даже если этот анализ не будет носить количественного характера.

На первый план выдвигаются четыре метода бихевиористских политических исследований: 1) статистические исследования политической активности, в частности исследования, касающиеся выборов; 2) анкетные исследования и опросы; 3) лабораторные эксперименты, а также 4) применение теории игр к исследованию принятых политических решений. Два первых метода применяются давно и пользуются большим успехом, два других, и особенно последний, пока еще делают первые шаги.

Статистические исследования политической активности впервые были предприняты в период между двумя мировыми войнами. Они представляли собой исследование поведения избирателей, многие годы отождествляемого с политическим поведением как таковым.

Однако использование статистического анализа политической активности не ограничивалось поведением избирателя. В последние годы в общественных науках, в том числе в исследовании политической жизни, все большее распространение получает так называемый «экологический подход», суть которого заключается в поисках статистической зависимости между интересующим исследователя политическим поведением и социальной характеристикой среды. В международных исследованиях функционирования органов местной власти, проведенных в 1965—1970 годах в Польше, Югославии, Соединенных Штатах и Индии, такой подход впервые был применен при анализе общественной и полити-

ческой активности, причем ее показателем наряду с другими являлись данные о принадлежности к отдельным политическим партиям и организациям⁵. Подобным образом изучается читаемость политической прессы, уплата партийных взносов и т. п.

Методологическая проблема, требующая решения в связи с этим методом, заключается в степени достоверности информации о *поведении*, получаемой с его помощью. В отличие от других бихевиористских методов здесь исследователь наблюдает не за поведением как таковым, а только за его результатами. Так, он имеет дело с окончательными результатами выборов, а не с самим ходом выборов. При этом возникают два ограничения. Во-первых, исследователь должен полагаться на существующие статистические данные и не может проверить их достоверность. Если возникает подозрение, что в итоги выборов властями внесены «поправки», то такой подход лишается всякого смысла. Если политические организации ради статистики или чтобы угодить руководству искусственно завышают данные о своей численности, работа исследователя может оказаться сизифовым трудом. Поэтому условием применения указанного метода должно быть хорошее знание способа получения исходных статистических данных. Во-вторых, даже при самых основательных данных исследователь не в состоянии определить психологическое значение наблюдаемого поведения. Мы знаем, что такое-то число людей голосовало за данную партию, такое-то число принадлежало к определенной политической организации и такое-то число подписывалось на политические газеты. Но мы не знаем, и в рамках этого метода не можем знать, почему эти люди поступали так, а не иначе. Такова ограниченность статистических исследований, в чем исследователь должен отдавать себе отчет. Следует помнить о том, чтобы выводы, сделанные из добытого таким образом материала, не подменяли его психологического содержания; поэтому появляющиеся иногда в работах подобного типа показатели в рубрике «избирательное предпочтение» должны быть четко определены как относящиеся только к наблюдаемо-

му извне поведению, а не к его психологической сущности.

Но даже с такими ограничениями статистические исследования политической активности открыли перед наукой новые возможности. Большое количество информации, до этого не используемой в научных целях, стало доступно анализу. Более того, оказалось, что исследователь, располагающий соответствующей техникой анализа, может извлечь из получаемой информации совершенно новые, даже не предполагаемые сведения. Пример тому — исследовательский подход К. Дойча, который, широко используя информацию о почтовом обмене, международных телефонных переговорах и т. п., сумел сформулировать интересные выводы об интеграционных процессах⁶. Общим достоинством рассматриваемого метода есть то, что он позволяет абстрагироваться в значительной степени от ограничений времени и пространства. Исследователь, если он располагает статистическими данными, может анализировать явления 20—50-летней давности. Так делает, например, Стейн Рокан при исследовании процесса становления демократических прав в Западной Европе XIX и начала XX века⁷. С другой стороны, исследователь может проводить анализ, касающийся стран, в которых другие виды исследований невозможны в силу технических или политических причин; если он располагает статистическими данными, то на их основе может сформулировать более или менее существенные выводы. В итоге можно сказать, что статистические исследования политической активности открыли новые, до этого еще не используемые в полной мере возможности исследования политики.

Анкетные исследования широкое распространение получили главным образом в 30-е годы, когда Джордж Гэллап предпринял предвыборный зондаж политической ситуации. С этого времени они утвердились в большинстве капиталистических стран и, хотя часто подвергаются критике, в настоящее время прочно вошли в исследовательскую практику. Целью анкетных предвыборных исследований является определение на базе выборочного статистического анализа мнения избирателей,

Это имеет двойное значение. Во-первых, накануне выборов они позволяют сделать прогнозы относительно будущего распределения голосов между отдельными партиями. Исходя из этих прогнозов, можно в последний момент сконцентрировать предвыборные усилия в округах, которые могут иметь особенно важное значение для победы, то есть не на тех округах, которые «надежны» или «безнадежны», а на округах, где результат может зависеть от незначительных изменений в предпочтениях избирателей.

Однако функция предвыборного зондажа не сводится только к этим практическим мероприятиям. Она позволяет, во-вторых, научно анализировать факторы, влияющие на решение избирателей. Осуществляется это путем изучения зависимости между социологическими характеристиками избирателя (например, уровень образования, возраст, профессия, размер дохода, национальность, пол) и его декларированным поведением на выборах; поскольку само это поведение окружено тайной, данный метод представляет собой ценный источник знания о том, кто и почему голосует так, а не иначе. В социалистических условиях этот метод малоприменим в связи с отличием нашей избирательной системы, но он может применяться, например, при анализе отклонения от выборов и его причин. Об этом свидетельствует, в частности, проведенный З. Гостовским анализ выборов в рады народов в 1958 году⁸.

Упомянутые выше анкетные исследования со временем получили распространение при анализе определенной формы опросов. В таких исследованиях характеризуется, например, роль личности в формировании политического поведения (классическим примером может служить работа Адорно и его сотрудников «Авторитарная личность»⁹), факторы, определяющие отношение к демократии (как в работе Г. Алмонда и С. Вербы «Гражданская культура»¹⁰), или влияние признанных ценностей, оказываемое через местных деятелей на социальную активность (как в упоминавшемся ранее польско-югославско-индийско-американском исследовании).

Анкетные исследования и опросы имеют, однако, много ограничений. Важнейшие из них два: 1) для них характерен субъективизм, порождаемый тем, что они имеют дело с формальными данными, а не с самим поведением, 2) они создают искусственную ситуацию, в определенной степени экспериментальную, хотя целью анкетных исследований является установление истины в естественных условиях. Оба эти ограничения рассматривались неоднократно¹¹. В настоящее время имеется богатая методологическая литература, в которой эти вопросы не только охарактеризованы, но в какой-то степени и решены. Мы отдаем себе отчет в том, что метод опросов и анкет имеет свои ограничения, и даже самые пылкие его сторонники не склонны ими пренебрегать. В то же время он может быть полезным, если исследователь полностью отдает себе отчет в существующих трудностях и ограничениях. Наконец, мы все меньше практикуем давно используемые и относительно простые вопросы и переходим к более сложным уровням анкетирования и разнообразной технике. В таких условиях этот метод, на мой взгляд, останется прочным методологическим достижением.

Лабораторные эксперименты, широко распространенные в психологии, в науке о политике делают первые шаги; в мировом масштабе самые интересные результаты такого типа исследований были представлены в 1970 году на конференции Международного общества политических наук в Ванкувере. Лабораторные эксперименты носят разнообразный характер. Относительно часто проводимый эксперимент заключается, например, в том, что две группы «игроков» имитируют ситуацию политического конфликта (иногда подражая какому-нибудь известному в истории международному или внутреннему конфликту). Задача состоит в том, чтобы установить, какой тип поведения (скажем, более или менее склонного к риску) характерен для тех или иных личностей, групп и т. п. Другой тип эксперимента заключается в том, чтобы его участники выбирали одно из нескольких предложенных им решений. Цель исследования — определить условия, способствующие принятию

«рационального» решения. В других экспериментах (проводимых в последнее время Жаном Лапонсом¹²) предпринимается попытка найти связь между политическими символами и пространственным способом восприятия действительности; в настоящее время это, пожалуй, наиболее перспективные и оригинальные политологические эксперименты.

Экспериментирование в науке о политике имеет два существенных ограничения: методологическое и этическое.

Методологическое ограничение напоминает один из упреков в адрес опросов и анкет — неизбежное противоречие между поведением в ситуациях естественных и искусственных. Упрек этот существен; сторонники экспериментальных методов осознают подобное ограничение и поэтому формулируют свои выводы осторожно. Вероятно, в условиях большего выбора экспериментальных методов (а также экспериментов в естественных условиях) об этом ограничении можно будет сказать подробнее.

Этическое ограничение заключается в том, что, экспериментируя с людьми, мы вынуждены всегда ограничивать свои действия, учитывая возможный вред для испытуемых. Например, эксперименты для выяснения враждебности какой-либо группы (этнической или религиозной) путем предоставления исследуемым тенденциозно подобранной пропагандистской литературы или иллюстрированного материала встречают справедливое осуждение в связи с тем, что это глубоко западает в сознание исследуемых.

Применение теории игр для изучения политических решений — четвертое методологическое направление в бихевиористских исследованиях политики¹³. Возникло оно недавно в значительной степени в результате использования опыта экономических наук. Сущность метода заключается в конструировании на языке цифр правил игры и создании на этой основе наиболее рациональной модели поведения. Затем она сравнивается с действительным поведением для установления характера и причин отклонения от рациональной модели.

В другом варианте (так называемом стратегическом, широко применяемом в некоторых капиталистических странах) этот метод служит для прогнозирования различных вариантов поведения противника и возможных результатов такого поведения. Этим и определяется тот факт, что данный метод — по крайней мере до настоящего времени — применялся почти исключительно при изучении решений, принимаемых в сфере международных отношений.

Разумеется, перечисленными выше бихевиористскими методами не исчерпываются способы изучения политического поведения. Из традиционных исследовательских методов, сложившихся задолго до «бихевиористских», два и поныне не утратили своего значения. Первый из них — *непосредственное наблюдение* (как извне, так и путем непосредственного участия), в частности наблюдение политического поведения в определенных, небольших социальных группах. Анализ политического собрания, политической деятельности в деревне — вот примеры давно применяемых форм описания политического поведения. Второй метод — *анализ документов*. В его рамках можно выделить анализ официальных документов (например, стенограмм заседаний сейма) и анализ личных документов (дневников, писем)¹⁴. Подобные источники традиционно использовались в исследовании политического поведения, и, несмотря на их ограниченность, нет никаких оснований отказываться от них в связи с появлением новых бихевиористских методов.

В последние годы заметно усилилось критическое отношение к тому, как используются бихевиористские методы в западной науке. В марксистских и немарксистских научных кругах отмечается, например, что одностороннее увлечение бихевиористскими методами приводит многих ученых к отрицанию или ослаблению идеологических аспектов исследования политики¹⁵ или к тому, что многие исследователи, опирающиеся на эти методы, создают лишь видимость четкости, предлагая наукообразный вариант традиционных политических концепций¹⁶.

Эти упреки во многом справедливы, особенно когда речь идет о слабых и вместе с тем отягощенных различными политическими тенденциями работах. Однако это не означает, что бихевиористские методы не могут и не должны быть использованы при исследовании социологии политических отношений и других политических наук. Вопрос заключается в том, чтобы применять эти методы разумно и осмотрительно, учитывая заключенные в них возможности и ограничения. Во всяком случае, в настоящее время эти методы преобладают в эмпирических социолого-политических исследованиях.

Преобладание бихевиористских методов связано также с доминирующим положением того направления эмпирических исследований, в котором они находят наибольшее применение. Я имею в виду изучение политического поведения, отождествляемого в большинстве случаев — не очень, впрочем, удачно — с поведением избирателя. Таким исследованиям следует также уделить особое внимание.

2. Социологическое исследование поведения избирателя

Для социолога политических отношений изучение выборов представляет значительный интерес с различных точек зрения. Поведение избирателя, если иметь в виду сумму действий, выполняемых в связи с предвыборной кампанией и участием в голосовании, а также совокупность обстоятельств, складывающихся в ходе осуществления этих действий и в то же время их обуславливающих, — это особая форма политического поведения. Ни в одной другой ситуации мы не сталкиваемся с такой массовой, всеобщей политической активностью, как во время выборов, проходящих на основе всеобщего избирательного права. С этой точки зрения поведение избирателя может пролить достаточно света на различные аспекты политической жизни.

Характер поведения избирателя подтверждает тот факт, что изучение выборов является неотъемлемой частью социологии политических отношений. Анализ функционирования политических партий, например, невозможен без учета того материала, который дают результаты исследования поведения избирателя. Укажем также и на такие проблемы, как влияние типа избирательной системы на политические партии, зависимость влияния отдельных направлений или партий от определенной среды или географического района, классовая принадлежность сторонников отдельных партий, функционирование и влияние пропаганды. Точно так же при изучении механизма и эффективности средств массовой информации и пропаганды нельзя, как правило, обойтись без результатов исследований, проводимых во время избирательной кампании. Косвенно исследование выборов представляет собой важную исходную точку для изучения функционирования избирательных институтов. Для таких исследований избирательная кампания поставляет очень важные данные, касающиеся социальной «базы» отдельных институтов, характера принимаемого избирателями решения и в связи с этим — вероятного типа отношений, которые сложатся в будущем между представительным органом и гражданами, участвующими в выборах.

Однако, подчеркивая связи между исследованиями поведения избирателя и другими областями социологии политических отношений, следует также указать и на их различия. Этого требует не характер применяемых методов, так как в исследовании выборов они бывают самыми различными, а предмет исследования. Важное место, которое занимает поведение избирателя и его решения во всей совокупности политического поведения, свидетельствует о том, что изучение выборов является особой областью социологии политических отношений. Это исследования политического поведения в обстоятельствах, когда:

важные вопросы общегосударственного или местного значения организованным путем выносятся на суд всего взрослого населения;

существует государственный аппарат, созданный специально для фиксирования мнения избирателей, выраженного путем голосования, и независимо от исследователя собирается важный материал, касающийся политического мнения граждан по вопросам, решаемым на выборах;

создаются условия, в которых в большой степени проявляется активность общественного мнения. Всеобщие выборы вынуждают к более активному, чем обычно, участию партий и избирателей в публичных дискуссиях по политическим проблемам. С этой точки зрения избирательная кампания уступает лишь периоду крайне напряженной политической борьбы, не связанной с выборами; но это будет уже ситуация экстремальная, возникающая при особо острых политических конфликтах.

В условиях избирательной кампании и выборов социологи политических отношений предпринимают исследования многих вопросов. В наиболее обобщенном виде предмет таких исследований определяется — что и сделано выше — как изучение поведения избирателей. В рамки этих исследований включаются разнообразные задачи, которым подчинены в той или иной степени различные исследовательские методы. Задачи исследования поведения избирателей можно систематизировать следующим образом:

1. Социологическая интерпретация итогов выборов. Если для политических итогов выборов важно, кто оказался избранным, то для социологии представляет интерес, кто как голосовал. В допускаемых результатами выборов границах социологическая интерпретация стремится найти ответ на данный вопрос.

2. Механизм избирательной кампании, функционирование средств пропаганды, их влияние на избирателей.

3. Различия в программах и позиции исследуемых партий, а также влияние этих различий на решение избирателей.

4. Зависимость предпочтения избирателей от их социального положения, профессии, возраста, образования, пола и других факторов, которые могут влиять на их выбор. Эта проблема схожа с упомянутой в пункте

первом, но ее исследование выходит за рамки социологической интерпретации итогов выборов и требует других методов.

5. Исследование того, как меняются позиции и решения избирателей в ходе предвыборной кампании. Эта проблема в определенном смысле близка к упомянутой в пункте втором, но если там речь шла о предвыборной кампании, рассматриваемой с точки зрения используемых в ней средств пропаганды, то здесь нас интересует эволюция позиции избирателей, которая лишь частично может изменяться под влиянием пропаганды.

Альфред де Грасиа отмечает, что методология, применяемая специалистами в исследовании выборов, аналогична той, которой пользуется политик в своей практической деятельности и даже исходит из нее¹⁷. Ученый, подчеркивает Грасиа, может взять на вооружение один из этих методов. Если он описывает собственный опыт предвыборной кампании или использует какую-то форму активного наблюдения, то он будет близок к тому, что составляет именно «хлеб насущный» политика. Если проводит и анализирует опросы политических деятелей, то тем самым он идет по следам политика, нередко прибегающего к такого рода источникам информации. Тематический анализ полученных анкетных данных находит свой эквивалент в том, как используются в политической деятельности различные типы анкетных вопросов, а обработка специально подобранных представительных образцов сходна с практикой политика, когда он ищет материал, свидетельствующий о случайном подобранном мнении, будто бы представляющих весь народ. Метод статистического анализа итогов выборов — это научно усовершенствованная процедура, которой издавна пользуются политики¹⁸. Наконец, попытки эксперимента (впрочем, очень редкие в исследовании выборов), заключающиеся в искусственном создании определенных ситуаций и изучении реакции на них, хорошо известны политикам. Отдельные публичные выступления, например речи государственного деятеля, позволяют судить о том, какова будет реакция на намечаемое изменение политического курса.

В интересующей нас области сходство основных методов, применяемых политиком и ученым, довольно значительно. Однако оно не опровергает тезиса о принципиальном отличии научного исследования поведения избирателя от техники, используемой в практике выборов для немедленного прогнозирования их итогов. Различие заключается не только в том, что целью политика являются факты, а ученого — их изучение; возникновение социологии поведения избирателя связано с разработкой перспективных исследований, в которых предметом анализа становится не столько определенная конкретная ситуация, сколько общие и наиболее постоянные закономерности поведения избирателя. Правда, их нельзя познать, не накопив и не проанализировав материал, касающийся выборов, но для социолога исследование подобного типа является лишь ступенькой, ведущей к познанию существующих в данных общественно-политических условиях закономерностей поведения избирателя.

Следует при этом указать еще на одну черту таких исследований: они трактуют поведение избирателя как проявление совокупности общественных отношений. Указанный выше анализ факторов, влияющих на политическое предпочтение избирателей, исходит из того, что характер поведения избирателей обусловлен их социальным положением в широком смысле этого слова. Такой подход я бы охотно назвал социологической точкой зрения на поведение избирателя. Социологическая точка зрения рекомендует рассматривать избирателей не как обычное множество индивидов, но как целое, составленное из различных общественных групп, и исследовать реакцию этих групп¹⁹.

В зависимости от рода интересов и соответствующих им исследовательских методов можно выделить несколько направлений социологических исследований выборов.

А. Статистическое направление. Несмотря на существующие ограничения, исследование статистических материалов об итогах выборов используется давно и часто. Уже Эдмунд Бёрк и Иеремия Бентам пытались приме-

нять анализ подобного типа. Реформаторы английского парламента в первой половине XIX века пользовались статистическими подсчетами для аргументации своих проектов. В конце XIX века О. Г. Либбей разработал статистическую географию выборов, а в первой половине XX века, главным образом в межвоенный период, это направление нашло применение в работах большой группы ученых, среди которых выделяются Г. Ф. Госнелл²⁰ и Г. Тингстен²¹, разработавшие теоретические основы систематических исследований поведения избирателей на базе статистических материалов.

Работы Госнелла и Тингстена наметили два главных направления статистических исследований выборов. Госнелл, в частности, разработал основы систематических сравнительных исследований отдельных территориальных групп, главным образом в рамках одного города. Такой тип исследований проводится как в форме различных, не только статистических, изучений поведения избирателей в отдельных районах, так и в форме так называемых местных исследований, которые на основании полученных данных, характеризующих малые территориальные группы, и результатов выборов в этих группах ищут связи, объясняющие закономерность поведения избирателей. Тингстен разработал также тип сравнительных исследований, в которых на основе списков избирателей и итогов голосования выводится закономерность поведения избирателей на уровне страны или даже нескольких стран. К тингстеновской традиции тяготеют и так называемые «классические» статистические исследования, использующие результаты выборов и списки избирателей, и всевозможные — не только статистические — сравнительные исследования разных стран.

Прежде чем перейти к характеристике более поздних, проводимых в настоящее время статистических исследований, следует остановиться на работах Госнелла и Тингстена.

В первых своих работах Госнелл использовал статистику выборов, чтобы установить факторы, влияющие на размеры и характер абсентеизма. Этот вид исследова-

ний был, в частности, подробно разработан Тингстеном, труд которого является наиболее фундаментальным в этой области.

Выбор проблемы абсентеизма не случаен. Избирательная статистика многих стран классифицирует избирателей, не принимавших участия в голосовании, в зависимости от пола, возраста, социального положения, профессии. В списках голосующих имеются рубрики, характеризующие некоторые социологически важные оценки избирателей. Вряд ли они могут служить основанием для изучения хода голосования, но могут быть полезными, если нас интересует вопрос о социальных причинах абсентеизма. Так их и использовал Тингстен. Анализируя избирательную статистику Швеции, Норвегии, Австралии, Новой Зеландии, Германии, Австрии и Голландии, он искал закономерность в голосовании женщин. Следует отметить два сделанных Тингстеном вывода, поскольку они неоднократно подтверждались в других исследованиях выборов: 1) абсентеизм среди женщин выше, чем у мужчин; 2) существует позитивная связь между голосованием женщин и голосами, поданными за консервативные группировки. Последнее обобщение не раз появлялось в наблюдениях политических практиков того времени, рассматривавших вопрос о последствиях предоставления женщинам избирательных прав, но в работах Тингстена на базе статистических данных был обоснован тезис о консервативном направлении в голосовании женщин.

Подобным образом отмечалась низкая избирательная активность молодых избирателей как стойкая тенденция в названных странах. Тингстен также предпринял исследование данной тенденции. С этой целью он проанализировал избирательную статистику тех стран, где проводятся выборы в верхнюю и нижнюю палаты и где возрастная граница в обоих случаях различна. Исходя из предпосылки, что избиратели, участвующие в выборах той и другой палат, отдают голоса за те же самые группировки, Тингстен подтвердил, что в Швеции сохраняется постоянная тенденция молодых избира-

телей (23—26 лет) голосовать за левые партии: за социалистов и коммунистов.

Изучая связь между активностью избирателей и их социальным положением, Тингстен опирался главным образом на данные Швеции, но свои выводы подтверждал так же анализируемыми материалами по Швейцарии, Германии, Австрии, Дании и США. Он утверждал, что активность избирателей имеет прямую зависимость от социального положения: чем выше профессиональный статус, экономическое и т. п. положение, тем выше процент голосующих. Интересным обстоятельством является и то, что Тингстен, оперируя очень скудными статистическими данными в этой области, сформулировал так называемый закон социального центра притяжения. «Активность избирателей определенной группы,— писал Тингстен,— увеличивается одновременно с относительным усилением влияния данной группы в избирательном округе. Некоторые данные могут также свидетельствовать о том, что связь между определенной группой и партией, ближе всего представляющей эту группу, растет вместе с усилением позиций этой группы на данной территории»²². Например, рабочие, проживающие в типично пролетарских районах, голосуют за социалистов чаще, чем рабочие, проживающие вне этих районов.

Приведенные выше направления исследований Тингстена показывают, какого рода выводы можно получить в результате сравнительного статистического анализа, проводимого на основе материалов одной страны или целой группы стран. То, что Тингстену удалось выйти далеко за рамки простой констатации итогов выборов и уловить закономерность в поведении избирателей, склоняет других авторов к использованию его методов или применению им подобных. В частности, исследование проблемы абсентеизма является продолжением работы Тингстена. Вместе с Госнеллом Тингстен оказал также большое влияние на изучение и так называемой географии выборов.

Примерно в то же время, когда в Швеции Тингстен использовал статистические данные для сравнительного исследования выборов в разных странах, в Соединенных

Штатах Госнелл применил их для изучения политического поведения избирателей в Чикаго. Работа Госнелла, посвященная политической жизни Чикаго, объединяет изучение поведения избирателей и анализ других видов политического поведения²³. С точки зрения целостного подхода к проблемам политического поведения это очень интересное исследование. Однако анализ всех работ Госнелла в настоящее время не является предметом нашего внимания. Для изучения выборов особое значение имело проведение Госнеллом научного исследования отдельных местностей. Госнелл использовал метод сравнения небольших территориальных единиц, представляющих собой единое целое с точки зрения административной и электоральной. Разделив город на 166 таких единиц, Госнелл затем проследил, как влиял на итоги выборов 1928, 1930, 1932, 1934 и 1936 годов общественно-профессиональный и этническо-расовый состав населения того или иного района.

Сопоставление данных по территориальным единицам в масштабах не только города, но и целых стран превратилось с тех пор в широко используемую технику исследования выборов. В Бельгии социологический институт Солвей издал две работы, опирающиеся на этот метод. Интересным новшеством в работе Де Смита и Эваленки было сравнение итогов всеобщих выборов не только с их статистическими данными в основных кантонах, но также с результатами выборов в третейские суды (работников и работодателей), что позволило авторам дополнительно обосновать свой вывод о связи между голосами, поданными за левые партии, и производственной структурой кантонов. Ряд исследований в области географии выборов предпринят во Франции. Франсуа Гогель посвятил отдельную книгу сравнительному анализу итогов выборов во Франции в 1870—1951 годах. Проанализированные итоги выборов приводят к выводу, что существует определенное принципиальное региональное предпочтение для отдельных политических направлений. В западной Франции проявляется скорее правая тенденция, в то время как Франция центральная и южная (побережье Средиземного моря) неизменно

склоняется влево. Однако, как указывает Гогель, эти тенденции не являются постоянными и неизменными; напротив — в разные периоды происходят существенные изменения²⁴.

Географией выборов занимались и другие французские авторы. Ж. Фове использовал избирательную статистику при анализе влияния отдельных партий на различные географические районы в послевоенной Франции²⁵. А. Зигфрид²⁶, Р. Барнард²⁷, Ж. Пато²⁸ проводили монографические исследования итогов выборов в отдельных географических районах Франции. Общей предпосылкой исследований в области географии выборов является предположение, что можно найти существенную связь между итогами выборов и социальной структурой района. Более того, считается, что последняя есть фактор, обуславливающий определенный тип поведения избирателей.

Однако не только связь между социальной структурой района и итогами выборов побуждает к изучению географии выборов. Ж. Пато подчеркивает также, что в не меньшей степени над решением избирателя довлеют определенные традиции, обычаи и тому подобные психологические факторы, изучение которых также входит в задачи социологии выборов²⁹. Принятие данного критерия, вполне обоснованного, требует выхода за рамки чисто статистического метода. Наряду со статистическим обоснованием, выводимым из вполне измеримых данных, мы должны искать нестатистические объяснения определенных итогов выборов. Исследования, придерживающиеся этого постулата, можно было бы включать в разряд «статистического» направления лишь с серьезной оговоркой. Как и другие подобные исследования, они исходили бы главным образом из официальной избирательной статистики. Однако интерпретация данных уже не могла бы быть только статистической, здесь необходимо апеллировать к другим методам политических наук, в том числе к историческому анализу политической жизни данного района.

Статистические исследования выборов занимают важное место в изучении политического поведения и в

других странах. В Италии статистически разрабатываемая география выборов до последнего времени была единственной формой исследования политического поведения³⁰. Ряд статистических исследований выборов предпринят в Голландии Центральным статистическим бюро в Гааге, Статистическим бюро в Амстердаме и в исследованиях отдельных ученых.

В Польше в конце 50-х годов также проводились социологические и статистические исследования результатов выборов. Целью этих исследований, проводившихся по избирательным округам, было выявление мотивов, влияющих на решение избирателей голосовать за того или иного кандидата Фронта единства народа в условиях, когда количество кандидатов, включенных в списки для голосования по данному округу, превышает количество избираемых от этого округа депутатов³¹. Разумеется, в условиях Польши такие исследования должны были основываться на других, отличных от Запада теоретических и методологических предпосылках. В последние годы это направление социолого-политических исследований не получило широкого распространения.

Переходя к оценке статистического направления исследования выборов, следует отдавать себе отчет как в его достоинствах, так и ограничениях. Для этого давно сложившегося, нередко называемого «классическим» направления исследований характерны как определенная сумма теоретических обобщений, не перечеркнутых дальнейшими исследованиями, так и метод, без которого трудно себе представить социологию выборов. Использование официальных, собранных без участия социолога статистических данных — дело важное и полезное. Поскольку эти данные представляют сами по себе важный социальный факт и поскольку на их подборе не сказывалось влияние исследователя (другое дело, что здесь могли появиться другие искажения первичного решения избирателей, но это уже не относится к области исследования выборов), постольку этот материал заслуживает самого пристального внимания. Выше уже говорилось, на какие вопросы пытаются ответить при помощи статистических данных. Остается, однако, еще одна сто-

рона проблемы: какие вопросы нельзя решить, оперируя лишь статистическими данными?

С некоторыми из них мы уже сталкивались. Избирательная статистика только частично и только в некоторых странах позволяет уловить связь между демографическими и социальными процессами, с одной стороны, и результатами голосования — с другой. Когда пытаются найти зависимость итогов голосования от классовой или профессиональной позиции, то эти поиски неизбежно сводятся к исследованиям в отдельных территориальных единицах с преобладанием данной общественной группы. При этом, однако, невозможно проанализировать итоги голосования людей, принадлежащих к различным классам в рамках одной и той же территориальной единицы.

Ряд обстоятельств вообще выпадает из поля зрения. Результаты выборов свидетельствуют о политических предпочтениях в момент голосования. Но они ничего не говорят о процессе созревания решения избирателей или о факторах, которые его предопределили. Точно так же мы не определим на основе статистических данных характера влияния данной партии или данного направления на избирателей с психолого-социальной точки зрения. Кто отдает мне свои голоса и почему? На этот вопрос статистические данные не могут дать исчерпывающего ответа.

Б. Зондажное направление. Тот факт, что опирающиеся на статистические данные «классические» исследования поведения не могут дать ответ на указанные выше вопросы, побуждает исследователей данной проблемы искать другие методы. Важное место в области электоральных исследований приобрел зондаж общественно-го мнения, который становится одним из основных и чаще всего применяемых методов исследования особенно в тех странах, где действуют специализированные институты изучения общественного мнения.

Существенной особенностью такого направления исследования выборов является то, что непосредственным объектом изучения становится представительная модель. Путем определенных методов состав модели подбирает-

ся в соответствии с составом всего населения, благодаря чему ее мнение можно считать за близкое к общему (в пределах допустимых ошибок). Таким образом, исследуя определенное количество людей (что позволяет использовать даже пространственные анкеты), получают данные, говорящие о мнениях, господствующих среди населения, представленного данной моделью.

Для исследований выборов применение метода зондажа явилось существенным методологическим поворотом: это значило, что социолог может не только анализировать официальные материалы о выборах, но также дополнять их информацией из собственных источников о различных аспектах мнения тех социальных кругов, которые проявили свои политические позиции в ходе голосования. Зондаж мнения стал, таким образом, прекрасным поводом для исследований, целью которых является сравнение данных, полученных от представительной модели, с последующими (а иногда предшествующими) официальными данными об итогах выборов. Более того, зондаж позволил шире рассмотреть вопрос о мотивах решения избирателей. Статистическое направление в исследовании выборов стремится прежде всего установить, каков был характер решения избирателей в ходе определенного голосования, какие существуют связи между решением избирателей и демографическими особенностями, наконец, какие закономерности повторяются в решениях избирателей. Словом, если это направление сводится главным образом к углубленному описанию поведения избирателя, то зондажное направление, не отказываясь от дополнительных новых элементов, стремится в первую очередь к поиску причинных связей, к объяснению мотивов того или иного решения избирателей³².

Исследования поведения избирателей, опирающиеся на технику зондажа мнения в масштабе всей страны и выходящие далеко за рамки простого прогноза результатов выборов, вот уже десять лет проводятся университетом в Энн-Арбор, штат Мичиган. Это самый крупный центр подобного типа не только в Соединенных Штатах, но и в международном масштабе. Цель иссле-

дований этого научного центра не прогнозирование результатов выборов, а получение сведений о том, «какие факторы имеют значение в принятии решения избирателями, какие из этих факторов особенно важны для отдельных групп и т. п.»³³.

Порой эти исследования представляли собой развитие проблем, разрабатываемых ранее статистическими методами. Если, например, в исследованиях Госнелла и Тингстена важное место занимал анализ абсентеизма, то эта проблема нашла место и в мичиганских исследованиях. Но подход здесь уже иной. Путем изучения модели можно прийти к обобщениям более точным и значительно отличающимся от тех, которые сформулировал Тингстен на основе статистических данных о связи между социологическими характеристиками и поведением избирателей.

Наряду с проблемами, уже исследуемыми статистическими методами, зондаж общественного мнения позволяет вскрыть совершенно новые вопросы. Особенно важным с этой точки зрения является установление связи между политическим поведением, рассматриваемым в комплексе, и поведением избирателей. Яновиц и Марвик исследуют, например, связь между решением голосовать за кандидата данной партии и политической активностью этой партии. В условиях США, где личные качества кандидата оказывают значительное влияние на его избрание и где избиратель не обязательно является сторонником партии, такой тип зависимости требует особо внимательного изучения, поскольку связь здесь неочевидна. Установление типа зависимости в данном случае возможно лишь при использовании техники зондажа мнения, поскольку только таким способом можно идентифицировать решение отдельных избирателей (но не районов) и соотнести их с данными, касающимися участия избирателей в иных сферах политической жизни. То же самое важно сказать и о других проблемах. В работах Яновица и Марвика важное место занимает исследование влияния пропаганды на избирателя, как и исследование того, в какой степени решение избирателя было принято под давлением, оказываемым сопер-

ничающими между собой партиями. Не углубляясь в изложение отдельных вопросов и итогов исследований, проводимых Яновицем и Марвиком, что не является темой данной работы, можно сказать, что их проблематика, как, впрочем, и труды Кэмпбелла и Кана, благодаря новой технике включает в себя ряд электоральных аспектов, не исследованных статистическим направлением.

Мичиганские исследования выборов, основные публикации и предмет анализа которых мы рассмотрели, с точки зрения масштабов использования модели и разработки самой проблемы являются важнейшими начинаниями подобного рода. Но это не единственный центр исследований на основе зондажа. Материалы, собранные институтами общественного мнения, используются авторами многих стран для изучения поведения избирателей. Исследования подобного типа проводят институты общественного мнения во Франции, Англии, Швеции, Голландии, Норвегии и в других странах³⁴.

Перечисленные выше направления использования метода зондажа общественного мнения показывают, каким образом можно расширить традиционные исследования выборов. Вопрос о связи между решением избирателя и социологическими характеристиками его личности может быть разрешен лишь с помощью опроса представительной модели. То же самое касается целого комплекса вопросов, связанных с эффективностью предвыборной пропаганды.

Но, несмотря на многие достоинства, присущие зондажному направлению в области исследования поведения избирателей, оно не решает всех возникающих вопросов. Так, две группы проблем требуют иных исследовательских методов. Во-первых, зондаж мнения поставляет нам данные о положении, существующем в модели на настоящий момент. Исследования мичиганского центра, проводимые с теми же анкетлируемыми после выборов, позволяют сравнивать зондаж предвыборный с зондажем послевыборным. Но и они не улавливают ритм изменения поведения избирателей и вообще эволюции политической ситуации в ходе проведения кампании. Для

этого необходимы несколько раз повторяемые исследования с той же группой лиц. Проблему эту пытаются решить, и небезуспешно, методом так называемых «панельных исследований». Во-вторых, зондаж дает представление о поведении среднего избирателя. Это, безусловно, очень важная сторона вопроса. Но не менее важны и другие. Как предвыборная кампания представлялась ее организаторам, какой характер носила предвыборная пропаганда, какие политические проблемы стали предметом политической борьбы? Все эти вопросы нельзя рассматривать сквозь призму среднего избирателя. Они выходят далеко за рамки выводов, делаемых на основе статистических данных. Методом исследования этих проблем может служить так называемый «исторический подход», разработанный в Англии на основе главным образом английских исследований выборов.

В. Монографические «панельные исследования».

Для осуществленного Центром общих исследований в 1956 году анализа выборов характерны черты, объединяющие его с так называемыми «панельными исследованиями», проводимыми дважды с теми же анкетированными. Повторные опросы (а обычно их повторяют даже несколько раз в короткие периоды времени) составляют сущность «панельной» техники, впервые примененной в исследовании выборов в Сандаски (штат Огайо)³⁵. Со времени их первого использования созданная Лазарсфельдом «панельная» техника нашла применение в различных областях социологии, а в исследовании выборов была наиболее результативна. В 1948 году повторный научный анализ выборов «панельным» методом был проведен в Элмире (штат Нью-Йорк)³⁶. «Панельную» технику в своих исследованиях практиковали некоторые европейские социологи. В Гринвиче с использованием «панельной» техники был создан научный труд, опирающийся на данные выборов 1950 года, — модель, насчитывавшая тысячу человек, исследовалась дважды: перед выборами и после них³⁷. Английских авторов прежде всего интересовали (как и в исследованиях Лазарсфельда) идентификация тех избирателей, которые в ходе кампании изменили свое решение, и

установление причин изменения. В исследовании делается попытка определить зависимость между сменой решения и другими характеристиками избирателей. Например, было замечено, что те, кто изменил свое решение, отличаются большей склонностью к перемене места жительства, они же в большинстве случаев утверждают, что семья не разделяет их политической ориентации. Реже других они высказывали убеждение, что изменение политической системы может иметь существенное значение.

О «панельных» исследованиях мы говорим в тех случаях, когда одна и та же модель, по крайней мере дважды, анкетировается по одной и той же проблеме. Однако для развитой «панельной» техники характерно не только обычное повторение опросов. В Сандаски (1940) опросы повторялись семь раз, а в Элмире (1948) — четыре раза. Лишь такой тип многократного зондажа на основе одной и той же модели дает возможность полностью использовать преимущества «панельной» техники, поскольку при многократном исследовании уловить ритм изменений, решения и факторы, их вызывающие, гораздо легче. Но поскольку многократное повторение опросов модели в масштабах всей страны — дело слишком сложное и дорогостоящее, то «панельные» исследования планируются главным образом как научные исследования отдельных районов. Таким образом, проводимые Госнеллом всеобщие исследования нашли свое продолжение в виде локальных исследований, опирающихся на метод «панели».

«Панельная» техника применяется также для установления влияния отдельных факторов на изменение решения избирателей. В американских исследованиях, рассматривающих проблему изменения решения, всегда говорится об их причине. Однако здесь мы сталкиваемся с серьезной трудностью. Названная причина не должна восприниматься как действительная. Сам факт, что анкетированный указывает на определенную причину, безусловно, имеет значение и заслуживает внимания в анализе. Но мы бы ошиблись, если бы считали, что на основании указанной причины можем установить причи-

ну действительную. В сущности, следует осторожней — чего не делается обычно в исследованиях подобного рода — трактовать указанные причины как собственное оправдание изменения мнения и сопоставлять их с данными об объективных явлениях, происходящих во время кампании. Таким путем было бы легче проверить если не достоверность, то вероятность достоверности указанных анкетизируемыми причин изменения. Разумеется, подобная процедура также не гарантирует установления действительных причин перемены решения. Но сравнение указанных мотивов с данными о ходе кампании, полученными не из опросов избирателей, а из других источников, представляется необходимым для хотя бы приблизительного выяснения отношения между ответами анкетизируемого и объективным ходом кампании.

Здесь возникает проблема, в какой мере исследования охватывают всю проблематику избирательной кампании, как она изображается в «объективных» источниках (программные и пропагандистские материалы, печать и т. п.) и как ее видят не средние избиратели, а организаторы кампании. Этот тематический круг, как уже упоминалось, учитывает «исторический» метод исследований поведения избирателей, особенно получивший распространение в Англии.

Г. *«Историческое» направление.* Характерная черта «исторического» метода — изучение избирательной кампании как с точки зрения «объективных» данных, так и мнения ее организаторов. Исследователь стремится к описанию и анализу хода избирательной кампании. С этой целью он использует источники, которые может собрать во время выборов: пропагандистские материалы, политическую прессу, — а также в определенном направлении работает над собственными источниками, проводя опросы людей, мнение которых или их информация могут пригодиться ему при анализе кампании. Метод работы социолога в данном случае приближается к методу, практикуемому современным историком. Отсюда и происходит название направления.

Здесь может возникнуть вопрос: правильно ли мы включаем исследования подобного рода в социологию

выборов? Социологический анализ характеризуется обычно определением позиций и типов поведения конкретных социальных групп; тем самым создаются основания для утверждения, что такой-то тип поведения и его идеологическая мотивировка являются отражением общественного положения членов группы. Исследования «исторического» направления не стремятся к разрешению вопросов подобного рода. Их интересует, как уже говорилось, механизм кампании, а не сам избиратель. Поэтому такие исследования являются прежде всего изучением действующих институтов и организаций, а не мнения избирателей. Они принципиально отличаются от рассмотренных выше типов исследований.

Существуют, однако, две важные причины, не позволяющие исключить «историческое» направление из области социологии поведения избирателей. Во-первых, можно утверждать, что «исторический» подход — это важный вспомогательный метод, облегчающий интерпретацию данных, полученных путем применения статистического анализа или зондажа мнения. Комплексное рассмотрение поведения избирателей не может быть полным без данных, получаемых в результате изучения хода кампании. Во-вторых, историческое направление дает нам представление об институтах и действующих группах. Это, правда, не исследование мнения отдельных групп избирателей, но анализ деятельности политических группировок, созданных ими институтов, их печати и т. п. Эти институты наряду с общественными группами являются объектом социологических исследований.

Лишь в послевоенные годы в оксфордском Нуффилд-колледже было предпринято первое исследование поведения избирателей. Его целью было не изучение поведения избирателей, а сам процесс избирательной кампании³⁸. После удачного опыта исследования первых послевоенных выборов «исторический» метод стал применяться в исследованиях последующих выборов как учеными Нуффилд-колледжа, так и другими научными центрами Англии, позднее Италии, Швеции и ФРГ. З. Пельчинский применил этот подход к анализу польских выборов в Сейм в 1957 году³⁹.

Исторические исследования поведения избирателей непосредственно ничего не говорят о поведении среднего избирателя. Они характеризуют лишь деятельность тех, кто активно влияет на ход кампании. При изучении поведения избирателей оказывается полезным выяснить не только поведение средних избирателей, их мнения и результаты их голосования, но также то, как действовали активные организаторы кампании, агитаторы и пропагандисты, партийные руководители и авторы избирательных программ. Их деятельность входит в сферу поведения избирателей, которое не ограничивается лишь активностью среднего избирателя. Только «исторический» метод позволяет понять этот тип явлений: ни статистический подсчет результатов голосования и их соотношение с социологическими характеристиками среды, ни зондаж мнения избирателей не позволяют достаточно глубоко проникнуть в деятельность активного меньшинства, которое организует кампанию.

В современной социологии поведения избирателей различие в методах трактуется как различие взаимно дополняющих точек зрения. Социологи, занимающиеся изучением выборов, единодушны в том, что касается основных методологических предпосылок, которые мы определили как социологический способ подхода к исследуемой проблеме. Они единодушны прежде всего в том, что необходимо связывать данные о поведении избирателей с социологической характеристикой групп избирателей, поскольку предполагается, что способ голосования в массовой форме диктуется социальными условиями, в которых живет данная группа. Приводимые выше обобщения Тингстена и Лазарсфельда подтверждают и вместе с тем конкретизируют это утверждение. Социологи соглашались также с необходимостью учитывать совокупность идеологических, политических и других факторов, которые могут оказывать влияние на избирателя; если некоторые исследования ограничиваются определенным кругом вопросов, то это происходит скорее под влиянием соответствующих практических соображений, чем в силу каких-то теоретических оценок.

3. Социологическое исследование политических партий

Наряду с эмпирическим изучением политического поведения, в частности поведения избирателей, анализ политических партий и их руководящих элит является наиболее характерным и развитым направлением эмпирических социолого-политических исследований XX века. Начало им положили, если говорить о теоретиках этого направления, Михельс и Острогорский, разрабатывавшие проблему партийных структур, Вебер, исследовавший роль партии в системе власти, Моска и Парето, занимавшиеся изучением политических элит. Но развиваются они путем сбора эмпирического материала и проверки на его основе теоретических гипотез. Поскольку в XIX веке и в начале XX века в социологии партий и политических элит был создан ряд до сегодняшнего дня не потерявших своего значения теорий, постольку последние десятилетия ознаменовались прежде всего эмпирическими работами, давшими возможность сегодня говорить о социологических характеристиках партии, опираясь на хорошее знание фактического материала. Однако большая сложность и разнообразие исследуемых явлений свидетельствуют о том, что и в дальнейшем каждый шаг вперед в этой области выявляет новые проблемы, требующие изучения, и обнаруживает нехватку эмпирических социологических знаний.

В межвоенные годы изучение политических партий и их руководящих элит было главным образом сферой американской науки, в связи с чем оно сосредоточивалось прежде всего на американских проблемах. В тридцатые годы появилось несколько работ, эмпирическим путем анализирующих социальный состав руководящих элит американских партий, а также раскрывающих методы действия партийных механизмов в избирательных кампаниях, способы привлечения избирателей, функционирование партийного аппарата. В значительной степени эти работы были вариантом исследований выборов, о которых уже упоминалось⁴⁰. С другой стороны, соци-

ологи политики заинтересовались появлением массовых фашистских партий; в этой области научным открытием стало исследование американского ученого (польского происхождения) Т. Абея об активистах гитлеровской национал-социалистической партии, основанное на анализе личных опросов⁴¹. Однако получение эмпирических материалов о фашистских партиях вызвало серьезные трудности и привело к тому, что это исследовательское направление надолго осталось в зачаточном состоянии. Послевоенные социологические работы о фашизме восстанавливают это явление на основе вторичных материалов, правительственных документов или опросов, проводимых постфактум.

После войны исследования политических партий и их руководящих элит начали проводиться в Западной Европе, а также в Соединенных Штатах Америки. Наиболее важным событием в этой области явилось, несомненно, исследование Дюверже, представлявшее собой первый крупный, опирающийся на сравнительные эмпирические данные синтез материалов о политических партиях в капиталистических странах⁴². Подобно Веберу, Острогорскому и Михельсу, Дюверже сосредоточил внимание на институциональном аспекте политических партий. Он рассматривал их не как выражение существующих в обществе идеологических или политических тенденций, а скорее как механизм, служащий формированию общественного мнения. Тем самым, отходя от традиционных буржуазных идеологических концепций, Дюверже указал на большую роль, которую аппараты политических партий играют в формировании явления, представляемого затем как общественное мнение, как выражение стремлений граждан и т. п. Однако, идя по этому пути, Дюверже отодвинул на второй план очень важный элемент социологической характеристики политических партий — их связь с классовой структурой общества. По существу, он не вышел за рамки анализа их социального состава, что не решает проблемы классового характера современных политических партий.

Другим важным элементом в исследовании Дюверже было опровержение либеральных представлений о сущ-

ности западной демократии. Подчеркивая роль аппарата в деятельности политических партий, Дюверже отвергал идею о том, что в западных демократиях власть якобы фактически принадлежит гражданам. Тем самым он выявил возможность реальной оценки методов воздействия на волю избирателей. Однако это явление Дюверже интерпретировал как неизбежно связанное со структурными чертами политических партий, а не с классовой структурой капиталистического общества. «Возникновение направления, акцентирующего структурно-организационный,— пишет Я. Банашкевич,— он рассматривал как естественное и неизбежное следствие эволюции партий от начала XIX века до настоящего времени и как единственно правильный подход, адекватно трактующий фактическое положение дел в сегодняшнем обществе и в результате — как единственно адекватное понимание сущности современных политических партий. Такой взгляд вместе с Дюверже разделяют многие ученые. Однако вопрос этот не так прост, как можно судить из выводов Дюверже. Правда, современные политические партии достигли высокого уровня институционализации, заметно эволюционировали от группировок, признающих общую доктрину, до высоко развитой и специализированной организационной структуры. Но несомненно и то, что развитие институционализации политических партий, происходящее в классовом обществе, не ликвидирует и даже не затрагивает их классового характера. Говоря об эволюции политических партий, Дюверже имеет в виду перемены, которые произошли в организационных формах партий, а не их сущность, сохраняющую в классовом обществе, как и прежде, классовый характер»⁴³.

Подобно Дюверже, проблемы политических партий трактовали и другие известные западные социологи, в частности З. Нейман⁴⁴ и Р. Маккензи⁴⁵, работы которых отличаются наиболее глубоким эмпирическим исследованием политических партий в англосаксонской науке пятидесятих годов XX века. В их трудах наблюдается тенденция к трактовке политических партий как организаций, служащих определенным руководящим

элитам в их борьбе за власть, и просматривается (впрочем, не очень четко) тенденция к анализу политических партий в контексте исследования политических элит. Вместе с тем концентрация внимания на институциональном и организационном аспекте политических партий отодвигает в сторону анализ партийных программ и как следствие — анализ классовой сущности политики, проводимой партией.

В другом направлении пошли те американские исследования, инициатором и пионером которых был ныне покойный В. О. Кей⁴⁶. Он анализировал политические партии как отражение различных групп интересов и как коалицию различных групп политиков, руководствующихся различными интересами и целями. Такой взгляд на политические партии особенно наглядно отражал особенности американской партийной системы, в которой обе крупнейшие партии характеризует сильное внутреннее различие. Несмотря на то что такие анализы не показывают классового лица политических партий, они позволяют увидеть их связи с общественной структурой и с разнородными интересами.

Исследования Кея продолжил известный американский специалист в области современных политических партий С. Эльдерсвелд в обширной монографии о двух основных политических партиях в Детройте и его пригородах⁴⁷. На основе изучения населения и партийных деятелей Эльдерсвелд представил богато документированный анализ обеих политических партий и с точки зрения социальных структур, и как иерархии власти. Особенностью работы Эльдерсвелда, а затем и многих других работ, связанных с этим исследованием, было сочетание анализа партии с анализом руководящих элит. Хотя на уровне теоретического анализа эта связь уже подчеркивалась ранее многими западными учеными, но лишь эмпирическое исследование Эльдерсвелда показало характер этой зависимости в свете фактологических данных. Среди многих выводов, сформулированных Эльдерсвелдом в его исследованиях, интересным представляется толкование того, как с классовой и этнической точек зрения отличаются составы руководящих элит

обеих партий (с заметным перевесом привилегированных слоев в республиканской партии) и объяснение процесса принятия политических решений в рамках партии. Вместе с тем «Политические партии» Эльдерсвелда представляют собой типичный научный труд, характеризующий политику на местном уровне, где ключом к анализу локального политического процесса служит партийная структура. Отойдя от односторонности «институционального» подхода Дюверже и его последователей, Эльдерсвелд осуществил наиболее синтезированный и многосторонний анализ американских политических партий во всей современной социолого-политической литературе. Однако в этом анализе, как почти во всей американской науке, не затрагиваются проблемы отношения обеих партий к структурным основам системы, в рамках которой они действуют, что в какой-то степени объясняется довольно очевидным и всем известным фактом — отсутствием между этими партиями серьезных различий, если речь идет об их отношении к капиталистическому строю.

В Западной Европе исследования политических партий отмечают большие различия в их позициях — с идеологической и классовой точек зрения. Некоторые французские и итальянские социологи специально анализируют классовые аспекты партийных проблем, опираясь при этом на систематические анализы данных о выборах и зондаже общественного мнения⁴⁸. Особенно интересной среди западноевропейских научных работ по эмпирической социологии политических отношений является монография итальянского ученого-марксиста Ф. Каццола об Итальянской социалистической партии, характеризующая ее внутреннюю структуру и идеологическую эволюцию по пути политики реформ в рамках капиталистической системы⁴⁹. Вместе с тем это наиболее солидная эмпирическая монография западноевропейской политической партии в новейшей научной литературе.

В отличие от этого — социологического по методу решения проблемы — течения английских, французских или итальянских исследований западногерманская нау-

ка особое внимание уделяет исторической или также нормативно-доктринальной трактовке политических партий, что уже выходит за рамки социологии политических отношений⁵⁰. Это даже интересно: почему в этой стране, богатой традициями социологии политических отношений, исследования политических партий приняли такую ярко выраженную несоциологическую ориентацию. В то же время в некоторых других европейских странах, в частности в Англии и Норвегии, можно отметить эмпирические исследования политических партий, в которых внимание обращается прежде всего на их контроль над выборами и влияние на общественное мнение⁵¹.

Своеобразным течением социологических исследований политических партий являются сравнительные анализы партийных систем. В последние годы появилась заметная тенденция к эмпирической, опирающейся на фактическое функционирование партий в различных политических системах, модификации господствовавших некогда упрощенных схем партийных систем. Например, схемы, делящей все партийные системы на много-, двух- и однопартийные. Работы Дюверже⁵², Сартори⁵³, Линца⁵⁴ и других авторов с этой точки зрения представляли собой исходный пункт для новых трактовок и более реалистического изучения партийных систем. В этих работах отражается тенденция сравнительного рассмотрения данной проблемы и таким образом выхода за описание отдельных партий или даже отдельных национальных партийных систем. В какой-то степени это продолжение традиции Острогорского, заложившего основы эмпирических исследований политических партий.

В социалистических странах исследования, посвященные политическим партиям, долгое время касались только их идеологических аспектов или их истории и в этом смысле выходили за пределы эмпирических социологических исследований политических партий. В то же время было много сравнительно-социологических работ, посвященных функционированию политических партий в капиталистических или освободившихся от колониальной зависимости странах. Однако в последние годы ситуация в этой области начала меняться, предпринима-

ются весьма необходимые для теоретических и практических целей социологические исследования политических партий в условиях социалистического строя. Правда, не все эти исследования представлены в виде публикаций, но в той или иной форме они составляют все более заметное направление эмпирических социолого-политических исследований политической действительности социалистических стран.

В Польше в последние годы можно отметить несколько ценных эмпирическо-социологических исследований, касающихся партийной системы (Садовский), социологических черт Объединенной крестьянской партии (Миколайчик и Патрин), изменений в социальном составе ПОРП, соотносимых с социально-экономическими чертами отдельных воеводств (Островский и Суфин), а также партийного актива в рабочих центрах (Стасюк)⁵⁵. Продолжение этих исследований, безусловно, составляет одно из основных направлений эмпирической социологии партии в Польше. Эмпирические исследования подобного рода не только дают сведения о самих политических партиях, но также, учитывая их большую роль в общественной и политической системе страны, позволяют понять функционирование социалистической политической системы. В данном случае теоретический анализ в этой области должен опираться на постоянно обогащающуюся базу эмпирического материала.

4. Изучение общественного мнения и политической культуры

На основе социологических эмпирических исследований поведения избирателей возникли не только эмпирические исследования политических партий, но также, как производное направление, исследования общественного мнения и политической культуры. Долгое время социология политических отношений сводила полностью или почти полностью исследования обществен-

ного мнения к анализу тех его аспектов, которые проводились в связи с выборами. Таковыми, как уже указывалось, было и происхождение известных опросов Гэллага.

Теоретические работы, посвященные общественному мнению, имеют, разумеется, более давнюю историю. Если не принимать во внимание либерально-демократические концепции, придающие решающее значение роли общественного мнения и его преимущественному влиянию на правительство, первым серьезным теоретическим исследованием, посвященным социологическому анализу общественного мнения, была изданная в 1922 году и многократно переиздаваемая впоследствии работа известного американского публициста Уолтера Липпмана «Общественное мнение». Эта работа оказала большое влияние на социологов, изучающих общественное мнение, прежде всего потому, что она выдвинула ряд доступных эмпирической проверке утверждений и гипотез. Общественное мнение, писал Липпман, не может влиять на управление делами государства, поскольку оно недостаточно рационально, слишком эмоционально и не успевает за изменяющимся ходом событий. В сфере общественного мнения господствуют стереотипы, устойчивые представления с сильной эмоциональной окраской, которые Липпман называл «крепостью нашей традиции, за стенами которой, на занимаемой позиции, мы можем и дальше чувствовать себя в безопасности»⁵⁶. Эта критика либерально-демократических представлений о могущественной политической роли общественного мнения и его компетенции в управлении оказала большое влияние на формирование правоконсервативных, элитарных политических взглядов. Вместе с тем она ставила перед социологами ряд эмпирических проблем, на которые следовало искать ответы. Исследования мнения избирателей в значительной мере были попыткой решения вопроса о том, выдерживают ли, и в какой степени, предпосылки либерально-демократической политической теории проверке фактами. Многие социологи, в частности американские, продолжили критические (в отношении обществен-

ного мнения) рассуждения Липпмана на основе проведенных в США эмпирических исследований поведения избирателей и роли общественного мнения на выборах. Например, Б. Берельсон в свое время доказывал, что эмпирическим данным о действительном процессе выборов следует уделять серьезное внимание, когда рассматривается вопрос, связанный с теорией демократии. Политическая теория демократии, пишет он, «предполагает, что избиратели проявляют соответственные структуре качества, интересуются общественными делами и в них участвуют, что они информированы и руководствуются принципами, рационально подходят к спорным вопросам, учитывают интересы общества. Эта комбинация постулатов представляет собой высокий идеальный стандарт политического процесса. Поскольку же этот список составлен из элементов, происходящих из разных источников, то вряд ли стоит разочаровываться, что избиратели в условиях демократии не отвечают полностью каждому из этих требований». Разочарование, говорит Берельсон, не доказательство. Необходима научная разработка проблем, связанных с действительным функционированием избирательной системы, и в связи с этим корректировка теории демократии. Эту практическую программу Берельсон излагает в следующих пунктах: «аргументация теоретических предпосылок при помощи фактов, касающихся действительного политического поведения», «выяснение понятий и положений теории демократии», «дифференциация и переформулировка общих теоретических положений таким образом, чтобы они приняли более четкую форму»⁵⁷.

Два года спустя в коллективной работе, основанной на эмпирических исследованиях выборов, Берельсон высказывается более последовательно, хотя основная мысль остается той же, что и цитированная выше. «Предполагается,— пишет Берельсон,— что гражданин в демократической стране должен интересоваться политическими делами и участвовать в них. Его заинтересованность и участие может принимать различные формы, например чтение и слушание по радио материалов,

связанных с кампанией, выступления в пользу кандидата или партии, дискуссия о политике, денежная поддержка, голосование. В Элмире приняло участие в голосовании большинство, но данные об их заинтересованности отсутствовали. Многие голосовали, практически не интересуясь избирательной кампанией, и даже партийные функционеры не владели типичной идеологической аргументацией, не были уверены в том, что они выполняют гражданский долг»⁵⁸.

Такого рода эмпирические исследования избирательной кампании порождали у авторов следующие рассуждения о теории демократии. «Соответствует ли наш анализ классической либеральной теории политической демократии? Ложна ли эта теория? Стоит ли от нее отказываться ради эмпирической политической социологии? Разве ее этическая и нормативная сущность не соответствует характеру современного человека или характеру массового общества и ее следует отбросить? Мы так не считаем. Нам представляется, что современная политическая теория демократии требует пересмотра, но не замены ее политической социологией. Политические философы-классики были правы в том, что требовали от гражданина определенной ответственности. Но этих качеств они требовали в слишком резкой и доктринерской форме. Избиратель действительно придерживается определенных принципов, руководствуется соответствующей информацией и оценивает ее в определенной степени рационально, ему присуща и определенная заинтересованность, но все это не выражено всеобъемлюще и четко, как единодушно рекомендуют политические философы»⁵⁹.

Д. Рисман и Н. Глазер излагают более крайние взгляды по этому вопросу. Они считают, что «руководствующий совестью» тип гражданина XIX века крайне редко встречается в условиях современной демократии, и, хотя пропагандировать его стоит, он, однако, не может служить исходным пунктом для основополагающих положений теории демократии»⁶⁰.

В дополнение к этим рассуждениям остановимся несколько подробнее на представляющем интерес мне-

нии английского ученого Джона Пламенатца. Он считает, что эмпирические исследования поведения избирателей должны побуждать нас к пересмотру тех представлений о демократии, которые внес XVIII век, в пользу более давней и более рациональной идеи, свидетельствующей о том, что, по сути дела, роль общественного мнения в политической системе всегда отрицательна, то есть она заключается в принятии или отрицании предлагаемых правительством решений, а не в определении прав и выдвижении инициатив. Такой была, говорит Пламенатц, точка зрения Томаса Смита, выраженная в 1583 году в научном исследовании («De Republica Anglorum»). Подобного мнения придерживались также Харрингтон, Монтескье, Бёрк, Блэкстон. «Они отличались от более ранних писателей семнадцатого и шестнадцатого веков,— пишет Пламенатц,— не тем, что говорили о народе, а тем, что были готовы рассматривать народную палату как инициатора прав»⁶¹. В XVIII веке революцию в демократической мысли произвела концепция прямой демократии Руссо, которая оказала влияние и на сторонников представительной демократии. Последние не приняли концепцию Руссо о невозможности демократии в крупных государствах, а также о деградации государства в условиях социальных преобразований. Вместо этого они считали, что правительство обязано учитывать и осуществлять то, чего желает народ. Таким образом, они трактовали роль народа в политической системе как роль позитивную (в принятой здесь терминологии).

Интересно прослеживает Пламенатц последующее влияние радикально-демократических концепций, сложившихся уже после Руссо, на терминологию и технику исследования политических наук. Он показывает, например, какое влияние на идеи Михельса и Острогорского оказала концепция демократии и их неумение рационально использовать содержащуюся в ней терминологию.

Эмпирическое исследование политического поведения вообще и исследование поведения избирателей в

частности дают много материалов, противоречащих представлениям об активной «позитивной» роли народа в политической жизни, в проведении выборов. Однако это не должно предопределять крайние выводы, к которым может привести некритическое применение в политических науках терминологии, почерпнутой из либеральной концепции демократии. «Из-за того,— пишет Пламенатц,— что гражданин «пассивен», поскольку не проявляет политической инициативы, мы часто ошибочно склонны говорить, что он пассивен и в другом смысле: что он является «игрушкой» в руках других, что он не думает и не решает самостоятельно и что более умные люди склоняют его к тому, что, по их мнению, он должен делать». Следовательно, утверждает Пламенатц, если мы уясним себе истинную сущность роли народа в политической системе, то не станем жертвой ошибочных, утопических представлений, источник которых кроется в перенесении в науку положений демократической концепции конца XIX века. «Демократична та или иная страна или нет,— пишет Пламенатц,— не зависит от того, какая часть проживающего там населения располагает властью или действительно участвует в формировании мнения. Это зависит от того, каковы взаимоотношения между политически активной частью населения и каково их отношение к остальным людям». Оба эти аспекта демократии взаимосвязаны, поскольку отношение к политически пассивной части населения зависит от того, какие отношения существуют между людьми политически деятельными. Влияние же избирателей заключается в том, что благодаря им даже в период между выборами имеет значение мнение народа, то есть той самой политически пассивной массы. «Выборы важны не только сами по себе, но также тем, что делается в связи с ними».

Позиция упомянутых здесь американских и английских авторов представляет занимательную смесь эмпирических наблюдений и политических оценок. Не подлежит сомнению (об этом свидетельствуют социологические исследования), что многие предпосылки совре-

менной теории либеральной демократии, в частности идеи о значительной и спасительной роли общественного мнения, в большей или меньшей степени расходятся с фактами. Исследования подтвердили ряд сформулированных ранее Липпманом тезисов об ограниченности общественного мнения. Анализируя лишь современное капиталистическое общество, эти исследования рассматривают его как соответствующее общим универсальным законам, управляющим общественным мнением. Они совершенно не касаются политического влияния, которое оказывает на общественное мнение господствующая идеологическая и пропагандистская система, не учитывают последствий селекционной, с классовой точки зрения, системы образования и т. п. Только проведение тщательных сравнительных исследований в странах с различным социальным строем могло бы дать ответ на вопрос, имеют ли свойства, наблюдаемые западными учеными (в частности, американскими), повсеместный характер, или же они являются своеобразным следствием политического и социального строя стран, в которых проводились исследования. Но даже те исследования, которыми мы располагаем, указывают на заметное различие в степени политической информированности и компетентности граждан в разных странах, и это вряд ли позволяет принять липпмановскую критику общественного мнения, основанную на эмпирических данных. Иное дело — признание большого значения для развития теории общественного мнения утверждений Липпмана, основанных на эмпирических исследованиях политической роли общественного мнения. Вместе с тем следует помнить, что теория общественного мнения не может исходить из таких, как у Липпмана, предпосылок. Французский социолог, известный специалист в области исследований общественного мнения (в том числе создатель и многолетний директор Французского института общественного мнения) Жан Стетцель создал свой труд по теории общественного мнения, обходясь без обобщений подобного рода⁶².

Помимо изучения общественного мнения во время избирательной кампании и основанных на этих данных либерально-демократических доктрин, социолого-политические исследования пошли в нескольких направлениях. Одним из них являются широко распространенные исследования функционирования средств информации и их влияния на общественное мнение⁶³. Частично они выходят из сферы социологии политических отношений и примыкают к социологическим исследованиям печати, радио, телевидения или кино. Однако в той степени, в какой это касается роли средств массовой коммуникации в формировании политического общественного мнения, они являются существенной составной частью социологии политических отношений. Пожалуй, важнейшим исследовательским достижением в этой области было документальное подтверждение той большой роли, которую играет политическое манипулирование средствами массовой коммуникации в формировании общественного мнения. В данном случае выводы эмпирических исследований общественного мнения и пропаганды полностью совпадают с ранее высказанными идеями К. Маркса об идеологическом господстве правящего класса, а также высказываниями Грамши об общественном мнении как результате деятельности государства.

Многие исследования уделяли основное внимание выявлению общественного мнения лишь в отдельных областях политики, например внешней. Исследования Габриэля Алмонда⁶⁴ в Соединенных Штатах и Пьера Фогейроля⁶⁵ во Франции позволили выявить сущность и интересные тенденции, касающиеся реакции на международные проблемы. Исследования подобного рода проводились и в Польше⁶⁶.

Другим направлением исследований явилось изучение идеологических аспектов общественного мнения. В период маккартизма Стоуффер и Лазарсфельд провели два необычайно ценных и по сегодняшний день цитируемых исследования об отношении к коммунизму, антикоммунизму и к проблемам гражданских свобод. Первый из них исследовал эту проблему путем изучения общественного мнения всего населения, а второй

анализировал отношение академической среды к репрессиям периода «холодной войны»⁶⁷. Продолжением этих исследований ныне является изучение социологической и психологической обусловленности конформизма и т. п. Идеологическими аспектами общественного мнения занимался также Р. Лейн в работе, в которой предпринималась попытка причинной интерпретации идеологии среднего американца⁶⁸.

Разумеется, эти работы приводятся здесь выборочно, поскольку эмпирических исследований, касающихся общественного мнения, существует множество. Некоторые из них предпринимаются не только на уровне отдельных стран, а как международные исследования, сравнивающие несколько стран с точки зрения какой-либо проблемы общественного мнения⁶⁹. В качестве примера можно привести как особо важную для социологии политических отношений работу Дюверже об участии женщин в политической жизни во Франции, ФРГ, Норвегии и Югославии⁷⁰, исследование Дойча об отношении правящих элит во Франции и ФРГ к Атлантическому союзу⁷¹, Патнэма — об идеологических позициях английских и итальянских политиков⁷² и т. п. Исследования подобного рода позволяют хотя бы гипотетически указать на сходство и различие между отдельными странами. Однако тот факт, что до сих пор в таких исследованиях участвует небольшое количество стран, сильно ограничивает кроющиеся в них теоретические возможности.

Наконец, как специальную область изучения политического сознания следует упомянуть исследования политической культуры, инициатором которых выступает американский политолог Габриэль Алмонд. От исследований общественного мнения они отличаются прежде всего тем, что объединяют в одно целое три аспекта политического сознания: знание, оценку и эмоции⁷³. Алмонд и Верба применили понятие политической культуры в своем большом сравнительном исследовании, проведенном в Соединенных Штатах, Великобритании, Федеративной Республике Германии, Италии и Мексике на основе представительных моделей насе-

ления⁷⁴. Это исследование вызвало принципиальную критику, поскольку в нем модель политической системы Соединенных Штатов и Великобритании принимается как образец демократической системы и другие системы оцениваются сквозь призму их сходства или различия с англосаксонскими системами, а также из-за отрыва анализа политических явлений от социальных, классовых позиций; наряду с другими серьезной критике подвергли эту работу советские ученые Ф. Бурацкий и А. Галкин⁷⁵. Тем не менее само направление подобных исследований представляется важным, и его значение подчеркивается как упомянутыми выше советскими авторами, так и другими марксистскими учеными. В отличие от изучения мнения (или также изучения идеологии отдельных групп населения) для исследований политической культуры характерно стремление как к полному анализу знаний, так и оценок и эмоций, имеющих отношение к политической системе в данном обществе. Тем самым они представляют собой наиболее комплексную программу исследований субъективных аспектов политической жизни.

В социалистических странах исследования общественного мнения (а также политической культуры, хотя и в меньшей степени) получили большое развитие в последние двадцать лет. Проводится систематический зондаж мнения, в том числе на политические темы⁷⁶. Научно-исследовательские институты изучают общественное мнение относительно политических проблем. Результатами исследований являются как научные публикации, так и специально для практических целей разработанные экспертизы. Это направление эмпирических социолого-политических исследований составляет часть исследований общественного мнения и формально чаще всего не обособливается. Однако с точки зрения содержания оно, по существу, составляет эмпирическую основу социологии политических отношений, которая, хотя и не может сводиться к исследованию общественного мнения и политической культуры, должна полностью учитывать эти проблемы по всему фронту исследований⁷⁷. В социалистических странах эмпириче-

ские социолого-политические исследования позволяют не только изучать общественное мнение, но и учитывать его в процессе принятия решений. Разумеется, такая постановка вопроса возможна только в условиях системы, для которой непосредственная связь с рабочим классом и всеми трудящимися является необходимым условием эффективного функционирования.

5. Социологические исследования международных отношений

Последняя область эмпирических социолого-политических исследований, на которой я хочу остановиться, — международные отношения. Следует, однако, сразу же оговориться, что из всего богатого многообразия работ, посвященных международным отношениям, можно и нужно выделить только те, которые имеют четко выраженный социологический характер. Их, в общем, не так уж много, но они представляют интересное и быстро развивающееся направление эмпирических исследований социологии политических отношений.

VI Всемирный конгресс социологов, проходивший в сентябре 1966 года в Эвиане, впервые уделил много внимания проблематике международных отношений. На этом конгрессе Роберт Энджелл представил реферат «Социология международных отношений», в котором анализировалась социологическая литература по данной проблематике. Согласно принятой им классификации, из всех публикаций, касающихся международных отношений и включенных в библиографическую информацию в «International Bibliography of Sociology», «Sociological Abstracts» за 1950—1964 годы, только 106 работ можно отнести к социологии международных отношений. Более того, сюда включены работы, принадлежащие политологам, а не социологам (например, Дойчу, Хаасу). В сумме, по мнению Энджелла, достижения социологии в области международных отношений неутешительны⁷⁸.

С того времени, однако, произошли заметные изменения, заключающиеся прежде всего в появлении большого количества эмпирических исследований социологического характера, посвященных международным отношениям. Если еще совсем недавно социологи выступали главным образом как теоретики международных отношений, например Раймон Арон в известной работе «Мир и война между народами»⁷⁹, то во второй половине 60-х и 70-х годов XX века они все чаще выступают как эмпирические исследователи, занимающиеся социологическими аспектами международных отношений. Социологический метод используют также многие теоретики международных отношений, в частности те, кто одновременно работает в области математического и статистического анализа⁸⁰.

Рост популярности социологии в разных областях общественной и политической наук сопровождается все более широким распространением социологических методов. Впрочем, название социологические методы не совсем точное, поскольку некоторые из них, например применение математической статистики или анкет, впервые появились в психологии и уже отсюда проникли в другие общественные науки, и в социологию прежде всего. Проблему социологического метода в исследовании международных отношений полезно рассмотреть в двух разных аспектах. Первый из них — применение социологического метода интерпретации политических явлений. Второй — использование при изучении международных отношений методов сбора, обработки и интерпретации информации, получивших развитие в социологических исследованиях. Проблемы эти взаимосвязаны, но не идентичны⁸¹.

Я думаю, что основные элементы социологического анализа политических явлений полностью могут быть использованы при социологической интерпретации международных отношений. Она заключается в анализе зависимостей между социальными изменениями и международными отношениями (трактуемыми в свою очередь как перемены, влияющие на ход общественных процессов), изучении международных и других инсти-

тутов (вооруженные силы, дипломатия и т. п.), посредством которых осуществляются исторически обусловленные и функционально связанные со всей политической системой действия, относящиеся к сфере международных отношений. Это означает также необходимость учета обусловленных культурой объективных качеств личности как факторов, определяющих общее поведение в сфере отношений между государствами и народами⁸².

Так понимаемая социологическая точка зрения в исследовании международных отношений составляет одну из нескольких возможных, а не единственную, разумеется, точку зрения в анализе этой сферы политических отношений. В то же время социологи предпринимают или должны предпринимать именно исследования определенных аспектов международных отношений и, следовательно, эмпирические социологические исследования в этой области. Здесь речь может идти о работах, касающихся внешней политики и условий формирования в отдельных государствах, и об изучении отношений между государствами. В таких исследованиях, в частности, представлялось бы возможным:

а) широкое использование статистического анализа зависимости между социальными изменениями и изменениями в международной политике, в том числе их использование для интерпретации поведения в сфере международных отношений⁸³;

б) применение социологических методов исследования мнения и позиций для интерпретации мотивов действий в области международных отношений; здесь можно использовать также более традиционные методы качественного анализа (например, личных документов, мемуаров государственных деятелей) и современные методы изучения мнения: анкеты, анализ системы ценностей и т. п.⁸⁴;

в) использование социологических методов анализа пропаганды и изучение ее роли в международных отношениях; в сущности, это область, из которой берет начало количественный анализ предмета⁸⁵;

г) применение социологических методов исследования крупных международных (например, администра-

ции ООН) и национальных организаций, деятельность которых влияет на международные отношения; здесь особое развитие получили исследования армии, значительно меньше — дипломатии, международных информационно-пропагандистских служб и т. п.⁸⁶

Развитие эмпирических социологических исследований подобного рода в социалистических странах явно недостаточно и требует радикального ускорения. Важная роль международных отношений в настоящее время, значение борьбы за мир и разрядку напряженности для будущего социалистической формации — таковы причины, требующие большего, чем до настоящего времени, внимания к социологии международных отношений⁸⁷.

Эмпирические исследования социологии политических отношений, выросшие, как было показано, прежде всего из исследований выборов, но уже ими не ограничивающиеся, являются сегодня важной и быстро развивающейся областью социологических исследований. В отношении же к политическим наукам они во многих случаях выполняют функции основного источника нового эмпирического материала. Эти функции подобные исследования могут выполнять при наличии ряда условий. Во-первых, они должны охватывать широкий круг политических отношений, а не только исследования отдельных их аспектов. Во-вторых, это должны быть сравнительные исследования разных стран и различных политических систем⁸⁸. Наконец, это должны быть исследования, опирающиеся на четко определенные теоретические предпосылки. С этой точки зрения значение марксизма как теоретической системы социологии политических отношений огромно. Марксизм наиболее полно и наиболее глубоко анализирует социологические аспекты политических отношений. И очень важно, чтобы достоинствам марксистской социологической теории соответствовали широкие и ценные эмпирические исследования. Здесь же еще имеется много пробелов, которые необходимо заполнить.

Теоретические основы политической социологии

VI. Власть как социологическое явление

Основной проблемой политики является проблема власти, точнее говоря, проблема государственной власти. Борьба за завоевание власти и осуществление власти — это основное содержание политики, а потому и основной вопрос, которым занимаются науки, изучающие политику, в том числе и социология политических отношений. Социологическая теория политики, которую в этой работе я называю политической социологией, является прежде всего теорией политической власти.

1. Определение понятий

Понятие власти вообще, равно как и понятие политической власти, трактуется по-разному, как в бытовом смысле, так и в научной литературе. В повседневной жизни мы говорим о власти отца над детьми, о власти пророка над последователями его учения, о власти над человеком сил природы, под господством которых мы находимся, пока не сумеем подчинить их себе, о власти государства над гражданами. Это весьма различные понятия о власти, часто имеющие между собой мало общего. Вопрос осложняется также тем, что

словом «власть» в обыденной речи мы определяем как общественное отношение («Иван имеет власть над Петром»), так и учреждение («настоящую власть в нашем городе представляет такое-то и такое-то учреждение»).

Подобное же положение и в научной литературе. В немарксистской политической социологии можно насчитать до шести различных типов определения власти, не говоря уже о различиях в формулировках внутри каждого из этих типов.

Эти определения следующие: 1) бихевиористские определения, в соответствии с которыми власть является особым типом поведения, основанным на возможности изменения поведения других людей¹; 2) телеологические определения, согласно которым власть — это достижение определенных целей, получение намеченных результатов²; 3) инструменталистские определения, трактующие власть как возможность использования определенных средств, в частности насилия³; 4) структуралистские определения власти как особого рода отношений между управляющим и управляемым⁴; 5) определения власти как влияния, оказываемого на других⁵; 6) конфликтное определение власти, сводящееся к возможности принятия ею решений, регулирующих распределение благ в конфликтных ситуациях⁶. Эти определения сосредоточивают внимание на каком-либо одном аспекте явления власти, более или менее важном. Они, однако, не позволяют уловить социологической природы власти во всей полноте. Они не указывают также на связи между властью как таковой, политической властью, государственной властью и классовым господством. Выявление взаимоотношений между этими категориями должно быть исходным пунктом для социологического анализа власти.

В самом общем виде власть одного лица над другим можно определить следующим образом: Иван имеет власть над Петром всякий раз и только тогда, когда, согласно нормам общества, к которому принадлежат Иван и Петр, Иван имеет право приказывать Петру, а Петр обязан подчиняться приказам Ивана.

Так сформулированное общее определение власти относится к любым общественным отношениям, где одни диктуют поведение другим, причем действия первых санкционированы обществом. Рассмотрим теперь последовательно основные элементы этого определения.

Власть — это возможность приказывать в условиях, когда тот, кому приказывают, обязан повиноваться. Говоря о приказывании и повиновении, мы имеем в виду определенный тип воздействия на поведение других личностей, отличный от того, что обычно называют «влиянием». Если, например, я советую другу не ходить на фильм, на который он собирается пойти, поскольку я видел этот фильм и считаю его слабым, и если друг, послушавшись моего совета, на фильм не идет, то можно с полным основанием утверждать, что он считается с моим мнением и что я, таким образом, имею на него влияние. В описанных отношениях влияние было оказано путем аргументации, представляющей отрицательные стороны предполагаемого выбора. В этих отношениях нет элемента приказа и подчинения, а следовательно, нет также и элемента власти. Нет этого элемента и в случае, когда врач рекомендует пациенту бросить курить, предостерегая его, что в противном случае ему угрожает тяжелая болезнь. Даже если рекомендация эта имеет форму приказа («Вы должны немедленно бросить курить!»), она не является ничем иным, как только указанием на то, как развернутся события в случае, если пациент не оставит свою дурную привычку. Врач, по существу, ничего не приказывает и не запрещает, а лишь разъясняет пациенту последствия предполагаемых событий. Подобным же образом некоторые дорожные знаки имеют характер указаний, предупреждающих о том, например, что ближайший участок дороги опасен и поэтому следует соблюдать особую осторожность. В отличие от них имеются запрещающие знаки, которые под страхом определенной санкции требуют, например, ограничения скорости до 50 км/час. Во втором случае служба, представляющая дорожный знак, пользуется правом власти по отношению к использующим дорогу и приказывает

им двигаться со скоростью, не превышающей указанной знаком. Если в первом случае дорожный знак оказывал влияние на поведение водителей путем предоставления им информации о фактическом положении вещей, то во втором случае им предписывается поведение в соответствии с определенной, установленной нормой.

Однако сам факт отдачи приказа еще недостаточен для того, чтобы можно было обоснованно судить о наличии отношений власти. Кроме того, должно существовать обоснованное убеждение, что приказание будет выполнено, что оно встретит повиновение. Здесь мы сталкиваемся с некоторой трудностью в определении понятий. Мы не хотим сказать, что каждый, кто отдает приказы в соответствии с нормами, существующими в данном обществе, обладает властью, поскольку может случиться, что власть стала уже фикцией в связи с массовым, повсеместным невыполнением приказов. О такой ситуации можно сказать, что отдающий приказания власти не имеет либо что его власть незначительна, если только немногие из получающих приказания считают необходимым их выполнить. С другой стороны, редко бывает, чтобы все, кого приказания касаются, всегда и полностью их выполняли. Вследствие этого, вводя элемент повиновения приказаниям осуществляющего власть, мы тем самым в определение вносим элемент относительности. Таким образом, удается лишь установить, что те или иные приказания выполняются в большей или меньшей степени. Нет власти без повиновения, но это повиновение — явление относительное. Это можно выразить несколько иначе: Иван имеет власть над Петром в той степени, в какой Петр выполняет приказания Ивана. Еще один элемент этого определения требует разъяснения. Мы говорим о власти как об отношении, соответствующем нормам, действующим в обществе, к которому принадлежат Иван и Петр. В этом ограничении речь идет о том, чтобы не называть властью отношение, возникающее между нападающим и его жертвой в ситуации, когда бандит под угрозой оружия вынуждает жертву отдать ему деньги или иные предметы либо подчиниться его

воле каким-либо иным способом. В этой ситуации присутствует один элемент, общий с ситуацией осуществления власти: один дает другому приказание, угрожая ему санкцией в случае отказа выполнить приказ, и может в принципе рассчитывать на выполнение приказа. Основное, что отличает описанный случай от осуществления власти, — это факт, что отношение между нападающим и его жертвой не соответствует нормам, действующим в обществе, к которому они принадлежат, и вследствие этого оно может существовать только потому, что в указанной ситуации нет реальной возможности обратиться к нормам, действующим в обществе (например, в уединенном месте, где произошло нападение, нельзя обратиться за действительной защитой к полицейской службе).

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что сформулированное выше общее определение власти должно включать следующие элементы:

не менее двух партнеров отношений власти, причем этими партнерами могут быть как отдельные лица, так и группы лиц;

приказ осуществляющего власть, то есть выражение им воли по отношению к тому, над кем он осуществляет власть, сопровождаемый угрозой применения санкций в случае неповиновения выраженной таким образом воле;

подчинение того, над кем осуществляется власть, тому, кто ее осуществляет, то есть подчинение выраженной в приказе воле осуществляющего власть;

общественные нормы, устанавливающие, что отдающий приказы имеет на это право, а тот, кого эти приказы касаются, обязан подчиниться приказам осуществляющего власть.

Наличие всех этих четырех элементов необходимо для возникновения общественного отношения власти. Мы наблюдаем это отношение в самых различных конкретных ситуациях: в семье, на работе, в религиозной общине, в армии, в школе. С этой точки зрения сформулированное здесь определение власти можно также назвать *общим определением власти*. Оно охватывает

все общественные отношения, о которых можно сказать, что они имеют характер отношений, в основе которых лежит власть.

Это определение, однако, не затрагивает многих конкретных вопросов, которые (в отличие от тенденций, развитых цитированными выше авторами-немарксистами) не должны входить в понятие в качестве его обязательной составной части. Является ли власть всегда и прежде всего возможностью принятия решения при распределении благ в конфликтных ситуациях? Легко установить, что во многих случаях именно это является общественным содержанием отношений власти. Именно в дифференцированных обществах (особенно в классовых обществах) содержанием отношений власти в макросоциальном масштабе чаще и прежде всего является принятие решений именно такого характера. Поэтому справедливо считается, что конфликтное определение власти содержит понятия, наиболее близкие к марксизму. Однако легко заметить, что не всегда этот элемент выступает на передний план. Власть учителя над учениками, командира над солдатами, которых он ведет в атаку, директора над рабочими на заводе — это примеры общественного отношения, главным содержанием которого является выполнение определенного задания. Тот, кто осуществляет власть, может в определенной мере также принимать решения по распределению благ (если под благами понимаются, например, отметки, выставляемые учителем ученикам, премии, выдаваемые директором рабочим, награды, которыми награждает командир отличившихся в бою подчиненных). Но было бы абсурдом утверждать, что распределение этих благ составляет наиважнейший элемент, суть отношений власти в перечисленных ситуациях. Наоборот, суть отношений власти составляет использование правомочий власти при организации групповых действий для достижения общей цели. Итак, можно говорить о двух различных аспектах власти: *конфликтном и целевом*. Который из них преобладает, зависит: а) от типа общества, в котором осуществляется власть, то есть прежде всего от степени разделе-

ния этого общества конфликтами, вызванными неравным доступом к общественно необходимым благам, а также б) от сферы проявления отношений власти, а именно от того, идет ли речь о решениях, регулирующих конфликты между отдельными личностями или группами, или о совместно реализуемой общей цели. Такие понятийные установки могли бы служить основой уже для эмпирических утверждений о том, например, что в обществе с острыми классовыми противоречиями отношения власти чаще приобретают конфликтный характер, чем в обществах, где антагонистическое разделение на классы ликвидировано и где отношения власти чаще имеют целевой характер. Следует, однако, помнить, что различие общественных интересов, и не только классовых, существует во всех известных нам обществах и как следствие этого во всех обществах имеется конфликтный аспект отношений власти. Одновременно следует также помнить, что наличие социальных конфликтов не исключает того, что в определенных областях жизни доминирует целевой аспект отношений власти. Таким образом, общества не делятся на те, где власть имеет конфликтный характер, и те, где она приобрела целевой характер. Существуют, однако, различия, заслуживающие изучения, между обществом как единым целым и между отдельными областями общественной жизни. Эти различия определяются степенью конфликтности или целенаправленности отношений власти.

Общее понятие власти поможет теперь нам определить понятие *политической власти*. Политическая власть — это определенный аспект отношений между большими социальными группами. «Политическая власть в собственном смысле слова, — пишут в «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс, — это организованное насилие одного класса для подавления другого»⁷. Это определение относится к политической власти в классово-антагонистическом обществе, поскольку только в таком обществе может иметь основание трактовка политической власти как насилия по отношению к другим классам. Остается

открытым вопрос, чем является политическая власть тогда, когда еще не существует либо уже не существует угнетения одних классов другими, то есть в первобытнообщинной формации и в социалистической формации после уничтожения антагонистических классов. Более широко рассматривая определение К. Маркса и Ф. Энгельса, можно сказать, что политической властью является всякая основанная на принуждении власть одной группы людей в отношении другой группы или других групп людей; в условиях классового общества чаще всего, хотя и не исключительно, — в отношении определенного общественного класса. Для осуществления *политической власти* необходимы все те элементы, которые вообще необходимы для осуществления власти, и кроме того:

- а) общественное разделение между группой (группами), осуществляющей власть, и группой (группами), в отношении к которой власть осуществляется, а также
- б) организованное принуждение как основа осуществления власти.

Может быть, в таком понимании политическая власть тождественна *государственной власти*? Нет, поскольку всякая государственная власть в представленном здесь понимании является политической властью. Однако не всякая политическая власть является государственной властью. Критикуя взгляды Струве о том, что основной чертой государства якобы была принудительная власть, В. И. Ленин справедливо подчеркивал, что «принудительная власть есть во всяком человеческом общежитии, и в родовом устройстве, и в семье, но государства тут не было». «Признак государства, — отмечал В. И. Ленин, — наличие особого класса лиц, в руках которого сосредоточивается *власть*»⁸. Под государственной властью мы понимаем только власть, осуществляемую специальным, обособленным аппаратом. В условиях первобытнообщинного строя существовала уже (во всяком случае, на последнем этапе этой формации) политическая власть (князья, вече, суды веча, советы старейшин и т. п.), но не было обособленного аппарата осуществления власти.

А значит, не было и государства. Возникновение государства являлось результатом такого усложнения общественных, классовых отношений, что удержание политической власти, а тем более экономических привилегий, концентрирующихся в руках рождающегося господствующего класса, требовало создания специального аппарата принуждения. Вместе с появлением частной собственности на средства производства, а вслед за ней — антагонизма экономических интересов должен был, как писал Ф. Энгельс, возникнуть институт, учреждение, «которое не только ограждало бы вновь приобретенные богатства отдельных лиц от коммунистических традиций родового строя, которое не только сделало бы прежде столь мало ценившуюся частную собственность священной и это освящение объявило бы высшей целью всякого человеческого общества, но и приложило бы печать всеобщего общественного признания к развивающимся одна за другой новым формам приобретения собственности, а значит и к непрерывно ускоряющемуся накоплению богатств... которое увековечило бы не только начинающееся разделение общества на классы, но и право имущего класса на эксплуатацию неимущего и господство первого над последним. И такое учреждение появилось. Было изобретено *государство*»⁹. «...Государство, — писал в той же работе Ф. Энгельс, — никоим образом не представляет собой силы, извне навязанной обществу. Государство не есть также «действительность нравственной идеи», «образ и действительность разума», как утверждает Гегель. Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах «порядка». И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая

себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство»¹⁰.

Таким образом, государственная власть имеет определенные характерные черты. Это власть, осуществляемая с помощью обособленного аппарата на определенной территории, на которую распространяется государственный суверенитет, и имеющая возможность обратиться к средствам организованного и законодательно институированного насилия. Государственная власть представляет собой наивысшее, наиболее полное выражение политической власти — является политической властью в ее наиболее развитом виде. Вместе с тем государственная власть — это явление историческое. Она родилась одновременно с возникновением классовых противоречий и превратится в негосударственную политическую власть тогда, когда окончательно в мировом масштабе будут ликвидированы классовые конфликты и противоречия, а также их общественно-политические производные. Именно так трактует марксизм перспективу отмирания государства¹¹.

Понятия политической и государственной власти переплетаются — что особенно существенно для теории марксизма — с понятием классового господства. «По письмам К. Маркса и Ф. Энгельса можно судить, — пишет Ю. Хохфельд, — что они не идентифицируют классовое господство с любой властью и не выводят любую власть из собственности на средства производства. Власть основана на участии в принятии решений; она осуществляется в самых различных типах коллективов, где существует неравенство в распределении; она опирается на различные принципы и различные ценности, составляющие предмет решений, в принятии которых состоит осуществление власти. Один вид власти бывает уделом отца в семье, другой — главы политической партии, третий — духовного лица в религиозной общине, четвертый — мастера в цехе, пятый — владельца наиболее значительных денежных средств на рынке. Классовое господство является квалифицированной формой верховной власти; ее основа — преобладание того или иного типа собственности на средства произ-

водства — охраняется системой общественных норм и санкций; ее объект — основная функция общества, то есть сам процесс труда, распоряжение средствами труда и вследствие этого также распределение продукта труда; ее институционализация — отношения между общественными группами, классами, с разной, однако, степенью интеграции и организации, а отношения между индивидами составляют производную этой институционализации»¹². В. И. Ленин использовал термины и «экономическая власть», и «экономическое господство», но подчеркивал значение свержения политической власти господствующего класса для уничтожения его классового господства, четко разграничивая эти два термина и скрывающиеся за ними понятия. Это разграничение потому имеет такое большое значение, что понятие классового господства (или государственной власти) касается иного круга вопросов. Вместе с тем между этими категориями существует определенного типа связь.

Под классовым господством В. Весоловский понимает следующие элементы капиталистического общественно-экономического и политического строя:

- 1) такую систему отношений, при которой капиталист присваивает плоды чужого труда — труда рабочих;
- 2) такую систему отношений, при которой капиталист-работодатель является руководителем производства, а рабочий — исполнителем его распоряжений;
- 3) такую систему отношений, при которой капиталист-работодатель устанавливает и навязывает рабочему условия трудового соглашения (в установлении этих условий он практически ограничен только нормами капиталистического хозяйства, предложением и спросом на рабочую силу);
- 4) такую систему отношений, при которой влияние капиталиста-работодателя на поведение рабочих распространяется далеко за пределы фабрики, хотя источник этого влияния заключается в том, что капиталист является работодателем. Рабочий, находящийся в зависимости от капиталиста посредством труда (угрозы

увольнения), и вне фабрики поступает так, чтобы не восстановить против себя работодателя;

5) такую систему отношений, при которой капиталисты пользуются большим влиянием на все общество, поскольку имеют в своих руках монополизированную общественную силу — деньги;

6) такую систему отношений, при которой государство своими основными законами (касающимися прежде всего капиталистической собственности) создает и поддерживает условия для сохранения явлений, перечисленных выше, то есть определяет правовые рамки общественно-экономического строя...

7) ...«идеологическое господство», то есть положение, при котором идеология буржуазного класса является официально распространяемой (например, в школах) и повсеместно признаваемой идеологией общества»¹³.

Классовое господство является, таким образом, категорией иного типа, чем категория политической власти или категория государственной власти. Категория классового господства относится к взятым в совокупности экономическим, политическим и идеологическим чертам общественного строя. «Классово господствовать» означает ситуацию, в которой интересы данного класса систематически охраняются экономическими институтами, законами, управляющими экономической жизнью, институтами государственной власти (особенно государственными учреждениями), а также господствующей идеологией. «Политическая власть экономически господствующего класса, — пишет Ф. Бурлацкий, — такова сущность государства, природа его отношений с обществом»¹⁴. Однако он не обязан сам осуществлять эту власть. Наоборот, как писал В. И. Ленин, «тот особый слой, в руках которого находится власть в современном обществе, это — бюрократия»¹⁵. Разделение понятий «классовое господство» и «политическая власть» позволяет выделить две важные проблемы политической социологии: а) в чьих интересах осуществляется власть; б) кто и как осуществляет власть.

2. Власть и общественные интересы

Исходным пунктом социологического анализа политической власти является ответ на вопрос, каким интересам эта власть служит. Основное значение марксизма для социологии политических отношений состоит именно в том, что он вскрыл суть проблемы общественных интересов (экономических, а также и других), скрытых за отношениями политической власти, и тем самым позволил поставить теоретические социологические и политические рассуждения на реальный фундамент социальной действительности противоречивых интересов. Это явилось переломным моментом в понимании политических явлений и сделало возможным их глубокий реалистический анализ.

Рассматривая общественные интересы, стоящие за явлением власти, марксизм придает категории интереса особое значение. Исходным пунктом при анализе категории общественного интереса является существование определенных потребностей социальных групп, удовлетворение которых необходимо или по крайней мере полезно для существования и благополучия группы. Потребности группы мы можем делить на первичные и вторичные, понимая под первыми только такие потребности, без удовлетворения которых группа не могла бы существовать, а под вторыми — все те потребности, которые выросли на почве сублимированных первичных потребностей и стали необходимы для поддержания существования группы или ее благополучия, поскольку прочно вошли в состав культуры, частью которой эта группа является. Если первичные потребности имеют естественный характер, не зависящий от группового сознания, то вторичные потребности вытекают из формирования определенного типа сознания. Однако для отдельных индивидов и даже для целой социальной группы эти потребности имеют внешний характер, не зависящий от существующей воли. В результате воспитания, которому подвергается каждое последующее поколение членов данной социальной группы, оно

воспринимает определенные вторичные потребности в качестве таких же основных, элементарных, как потребности, которые мною названы первичными. Интересом человека или группы можно, следовательно, назвать стремление, реализация которого в определенных исторических условиях способствует удовлетворению максимального количества потребностей. Поэтому я называю интересом некоторое объективное отношение между потребностями и обстановкой, в которой они реализуются путем определенных действий. Это суженное определение интереса; оно ограничивает это понятие действиями людей и их результатами, исключая такие состояния, которые были бы выгодны для кого-то, но не были бы связаны с его либо вообще с чьей-нибудь деятельностью. Итак, я хотел бы сохранить различие в определениях между так понимаемым общественным интересом и положением вещей, полезным для кого-либо, но ни от чьей деятельности не зависящим (например, в этой терминологической интерпретации не имело бы смысла говорить о том, что затмение луны «служит чьим-то интересам»).

Понимание интереса, подобное здесь представленному, часто встречается в марксистской литературе, хотя это не однозначное понимание. «В литературе,— пишет В. Весоловский,— встречаются два различных определения интереса». В соответствии с первым определением интерес — это позиция или комплекс позиций в отношении определенных объектов. В этом разрезе интерес группы есть то, что группа считает своим интересом. По второму определению интерес — это объективное состояние, оцениваемое как полезное для группы, но оценка состояния полезности зависит здесь не от сознания группы, а от определенных объективных критериев — доли в благах (ценностях). Второе понимание типично для марксистов, хотя его используют также некоторые социологи-немарксисты. Этот подход связан с выявлением «неосознанных» либо «плохо рассчитанных» интересов. Группа может не стремиться к состояниям, которые ей полезны (выгодны), либо стремиться к состояниям, которые вопреки ее мнению не

являются для нее благоприятными. В сегодняшнем мире редко встречаются группы, которые бы полностью не осознавали своих истинных интересов и плохо их рассчитывали. Многие интересы осознаются и правильно рассчитываются. В отношении таких интересов нет необходимости различать два смысла этого термина. Однако рискованно было бы утверждать, что все интересы осознаются и хорошо рассчитываются¹⁶. С рассмотрением интереса как объективной категории связано убеждение, что положение определенной социальной группы, особенно класса, будет ей диктовать, во всяком случае в отдаленной перспективе, действия, связанные с объективным положением, а значит, и с объективным интересом. В этой связи К. Маркс и Ф. Энгельс считают, что дело не в том, в чем в данный момент видит свою цель тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат. «Дело в том, *что такое пролетариат на самом деле* и что он, сообразно этому своему бытию, исторически вынужден будет делать»¹⁷.

Однако когда такая трактовка понятия объективного интереса вводится в научный оборот, то эта категория приобретает однозначный идеологический смысл. Это можно объяснить следующим образом. Существует объективное, ни от чьего сознания не зависящее отношение между возможностью удовлетворения индивидуальных или групповых потребностей и деятельностью индивидуума или группы. Это отношение носит объективный характер, однако его осознание, формулирование представляет собой всегда акт выбора определенного действия, то есть является идеологическим выбором. Утверждая, что борьба за свержение капиталистического строя соответствует интересам пролетариата, мы не только открываем объективно существующее отношение, но и одновременно определенным образом формируем видение этого отношения рабочим классом и тем самым способствуем реализации интересов пролетариата. В этом состоит идеологический характер категории интереса в общественных науках. Любое определение интереса группы есть принятие какого-то

направления деятельности группы и одновременно формирование вероятности реализации этого интереса. В этом смысле формулировку Грамши о предсказании как о «формировании коллективной воли» можно отнести к рассуждениям о групповых интересах¹⁸. Идеологический характер категории классового интереса достаточно четко подчеркнул Ю. Хохфельд, предложив следующее ее понимание:

«Процесс формирования сознания посредством общественного антагонизма имеет тенденцию к стихийной концентрации ценностей, которые представляют собой рационализацию стремлений, направленных либо к максимализации привилегий, либо к минимализации страданий, связанных с занимаемым положением. Объективным классовым интересом я склонен называть такую модель рационализации этих стремлений, которая всякий раз удовлетворяет условие оптимального сочетания максимализации целей с возможностями и средствами их реализации...»¹⁹.

Эта формулировка ясно определяет идеологический характер теоретической категории классового интереса. Одновременно она, по моему мнению, рассматривает категорию классового интереса исключительно как *теоретическую модель*, оставляя открытым вопрос, как эта модель соотносится с реально существующими интересами. В этой связи мне представляется более полезным различать *объективный классовый интерес* как определенное положение вещей, характеризующееся тем, что групповые стремления максимально способствуют удовлетворению потребностей, и *идеологическое выражение* этого интереса, представляющее собой формулирование объективного интереса идеологами группы. В какой степени идеологическое выражение группового интереса адекватно объективному интересу, нельзя проверить иначе как путем анализа результатов действий, предпринимаемых на основе именно этого идеологически сформулированного группового интереса. Эти действия тем результативнее (то есть тем больше способствуют удовлетворению потребностей группы), чем (если все прочие обстоятельства считать постоянными) более

адекватна действительности идеологическая формулировка группового интереса. Важное значение теории состоит, между прочим, и в том, что степень ее соответствия действительности решающим образом влияет на то, как далеко основанные на ней действия ведут к результатам, соответствующим объективным интересам действующих. Таким образом, при рассмотрении отношения между объективным групповым интересом и его идеологическим выражением сохраняется как полное осознание идеологического характера всех формулировок этого интереса, так и объективный, от нашего сознания не зависящий, характер самого объективного интереса.

До сих пор я говорил о групповых интересах без точного указания, какого рода интересы мы принимаем во внимание, рассматривая отношение между политической властью и групповыми интересами. Для дефиниции понятия в этом не было необходимости, поскольку общее определение групповых интересов охватывает различные типы социальных групп, интересы которых могут оказывать воздействие на ход общественных дел, и в частности на осуществление власти. Но любой более детальный анализ связей между властью и групповыми интересами должен опираться на выделение различия групповых интересов.

Самым простым, но одновременно и самым неверным решением этой проблемы было бы попросту указание на существование разнородных социальных групп и утверждение, что их интересы в большей или меньшей степени оказывают воздействие на политическую жизнь. Так это, по всей вероятности, и есть, однако ключевым в предыдущей фразе является оборот «в большей или меньшей степени». Социальная группа, какой является общество филателистов, имеет свои интересы и может стремиться к тому, чтобы интересы эти соответствующим образом уважались политической властью. Однако это настолько узкие интересы в сравнении с главными проблемами, решаемыми в политической жизни, что воздействие такого рода групповых интересов на власть мало существенно и может не

приниматься во внимание. Иначе говоря, проблема сводится к указанию, какие социальные группы оказывают на политическую власть особо сильное влияние, и на этой основе проанализировать отношение между властью и групповыми интересами.

Подходя таким образом к проблеме, мы можем выделить следующие виды политически важных групповых интересов.

1. Интересы *общественных классов*, вытекающие из их места в общественном процессе производства, из их отношения к средствам производства и, что с этим связано, из их роли в распределении национального дохода.

2. Интересы *национальностей и этнических групп* в многонациональных государствах.

3. Интересы *региональных групп и локальных (местных) обществ*.

4. Интересы *социальных слоев*, вытекающие из различия в образе жизни, образовании, доходе, виде труда и т. п.

5. Интересы *демографических групп*, вытекающие из разницы в возрасте и поле.

6. Интересы *религиозных групп* в той степени, в какой эти группы имеют определенные интересы в сфере общественной жизни, регулируемой политической властью.

Кроме того, могут возникнуть иного рода общественные группы с важными интересами, например ветераны войны, иммигранты и тому подобные группы, появляющиеся в связи с каким-либо объединяющим их историческим событием. Эти группы не проявляют той степени устойчивости, как упомянутые выше, если не становятся (как это может иметь место в случае иммигрантов) стабильной этнической группой, которая полностью не ассимилируется с новым для нее окружением и устойчиво сохраняет свою обособленность.

Анализируя социологические основы политической власти, марксизм всегда делал упор на роль, которую играют классовые интересы. Многие из определений

политической власти, которые мы встречаем в марксистских трудах, однозначно трактуют ее как власть одного класса над другим. Но только ли классовые интересы, а не другие групповые интересы лежат в социальной основе явления власти?

Положительный ответ на этот вопрос был бы проявлением верности букве (да и то только относительно некоторых формулировок), а не духу марксизма. Подчеркивая классовый характер власти, основоположники марксизма не отрицали того, что и другие групповые интересы играют значительную роль в политике. Они утверждали, что

а) в обществах, где существует основанная на частной собственности на средства производства классовая дифференциация и эксплуатация одних классов другими, столкновения классовых интересов играют решающую роль и в наибольшей степени влияют на форму осуществляемой политики;

б) в таких обществах борьба между классами с антагонистическими интересами является источником развития и вызывает переход от одного строя к другому, что влечет за собой также и изменения всей политической надстройки, а следовательно, имеет решающее значение для понимания политики.

Признавая решающую роль классовых интересов, марксизм справедливо и реалистически вскрыл социальный смысл политики, осуществляемой в классовых обществах. Действительно, эта политика является там прежде всего борьбой между общественными классами, отражающими их антагонистические интересы. Однако и в классовых обществах, где политически выражены классовые интересы, наблюдаются политические проявления других групповых интересов²⁰.

В работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», представляющей самый яркий пример исследования К. Марксом конкретного политического явления, мы находим во всем их разнообразии групповые интересы, переплетающиеся с интересами общественных классов; это интересы отдельных группировок класса буржуазии,

интересы социальных слоев (например, крестьянства), интересы армии, региональные интересы и даже своеобразные партийные интересы созданного Луи Бонапартом общества десятого декабря. Ибо реалистический анализ политической жизни не может сводиться к какому-то одному только роду обусловленностей — в данном случае классовых. Классовая интерпретация политической жизни состоит не в отказе от анализа других обуславливающих ее групповых интересов. Она состоит в следующем:

Во-первых, в анализе делается особый упор на роль, которую классовые интересы играют в политической жизни, поскольку в них, согласно сказанному выше, видится наиболее важный элемент, обуславливающий политические отношения.

Во-вторых, политические отношения рассматриваются с точки зрения интересов прогрессивных классов, в современных условиях — с точки зрения рабочего класса, с тем чтобы в результате научных исследований политических отношений найти средства, способствующие решению практических задач его классовой борьбы.

Свержение капитализма и построение социалистического общества выдвигают на первый план среди социологических проблем политики групповые интересы, появляющиеся после ликвидации антагонистических классов. Для современной марксистской политической социологии это проблема большой важности — не только в области теории, но также и в сфере общественно-политической практики.

Ставя этот вопрос, следует заметить, что проблема классовых интересов не исчезла пока еще ни в одной из социалистических стран. Независимо от уровня развития социализма²¹ во всех социалистических странах еще сохраняется разделение на классы. В наиболее развитом социалистическом обществе, в советском, это разделение перестало носить антагонистический характер, а в других социалистических обществах антагонистический аспект классовой дифференциации все более стирается в результате расширения и укрепления соци-

алистического способа производства и все более полной ликвидации остатков эксплуататорских классов. В этих условиях классовая дифференциация, а следовательно, и классовые интересы преобразуются, хотя еще длительное время, принимая во внимание значительные различия в положении, а также и в интересах между рабочим классом и крестьянством — двумя основными классами социалистического общества, — они сохраняют свое значение. «Процесс изменения и развития классов в социалистическом обществе, — пишет С. Видершпиль, — можно в общем виде охарактеризовать как постепенное отмирание элементов прежнего качества и постепенное нарастание элементов нового качества. Одновременно это процесс стирания границ между рабочим классом и крестьянством, а также между этими классами и интеллигенцией; исчезновение былой изоляции и исключительности, а также уменьшение социальных дистанций»²². До тех пор пока не исчезнет полностью классовая дифференциация, до тех пор также и в социалистических обществах категория классового интереса будет оставаться актуальной. Поэтому существенным элементом политики социалистического государства всегда должно быть обязательное выявление, формулирование и представление в политической практике основных интересов трудящихся классов этого общества, а также других социальных групп, слоев, профессиональных групп и т. п. Это означает, в частности, необходимость гармонизации, согласования разнородных интересов таким образом, чтобы осуществляемая политика представляла собой оптимальный компромисс между различными групповыми интересами в социалистическом обществе²³. «Общественные интересы при социализме, — замечает А. Боднар, — не являются антагонистически противоречивыми, в основе своей они сходны, но не тождественны. Интересы социалистического общества как целого определяют два тесно взаимно переплетающихся фактора: интересы рабочего класса как класса господствующего, а также необходимость сохранения динамического равновесия общества в целом. Упомянутый второй фактор означает, что рабочий класс как

класс господствующий определяет ценности и цели общества в целом, но реализуются они в процессе координации с интересами других больших социальных групп в соответствии с осознанием интересов, которые имеют эти общественные группы (включая рабочий класс как одну из этих групп)²⁴. Всякое нарушение принципа компромиссного согласования интересов общественных групп на основе общих интересов общества в строительстве социализма должно привести к нарушениям и конфликтам в социалистическом обществе и может стать реальным препятствием в его развитии. Именно поэтому марксистский анализ социалистической политики в категориях групповых интересов весьма важен не только для реалистического понимания социологических аспектов этой политики, но также и для формулирования решений, адекватных существующим и рождающимся групповым интересам.

Рассмотрение проблем власти с точки зрения групповых интересов составляет первую теоретическую плоскость социологического анализа. Вопрос «кому, каким интересам служит власть?» является первой парадигмой исследований политических отношений. Постановка этого вопроса предполагает, что власть имеет инструментальный характер, то есть служит реализации таких целей, которые отвечают чьим-то групповым интересам. Введение парадигмы, опирающейся на категорию групповых интересов, не предполагает, однако, что все аспекты явлений политической власти могут быть объяснены в ее рамках, то есть что власть представляет собой не более как орудие реализации определенных интересов. Иначе говоря, парадигма власти как средства реализации групповых интересов является весьма существенной — можно даже сказать, наиболее существенной, — однако не единственной парадигмой, служащей для социологической интерпретации проблемы политики. Степень адекватного осознания групповых интересов как людьми, осуществляющими власть, так и членами группы, которой власть служит, может быть при этом различна и должна составить предмет особого анализа.

Итак, мы получаем следующую схему интерпретации власти в ее отношении к интересам группы (или групп), которой (или которым) власть служит.

1. *Объективное отношение между властью и интересами:*

а) структурное (политическая власть служит классу, слою, группе, находящимся в привилегированном положении потому, что поддерживают строй, при котором интересам этой группы систематически отдается предпочтение вследствие действия социально-экономических законов);

б) бихевиористское (политическая власть принимает решения, систематически оказывающие предпочтение интересам группы, которую в связи с этим мы определяем как политически привилегированную группу).

2. *Субъективное отношение между властью и интересами* (политическая власть действует в соответствии с ожиданиями группы, которую в этой связи мы определяем как политически привилегированную).

Все эти три аспекта служебной роли политической власти по отношению к групповым интересам могут в определенных ситуациях проявляться одновременно. В условиях классового общества государственная власть — во всех трех значениях — служит интересам господствующего класса. Случается, однако, и так, что удовлетворяются оба критерия объективного служебного характера власти в отношении интересов господствующего класса, но ее действия не пользуются поддержкой большинства класса; так было, например, в Соединенных Штатах в ранний период «нового курса» Рузвельта. Может быть и так, что власть отвечает только первому (структурному) критерию. Если мы говорим, например, что в 1975 году политическая власть в Федеративной Республике Германии служила интересам капиталистов, то имеется в виду структурная связь между поддержкой государством капиталистического строя и интересами буржуазии при этом строе. При этом решения органов государственной власти по конкретным вопросам не всегда (и, может быть, даже не в большинстве случаев) отдавали предпочтение интересам буржуазии,

а политически буржуазия в большей мере поддерживала находившихся в оппозиции христианских демократов. Таким образом, приводимые здесь отличия позволяют рассматривать общую категорию «служебного характера власти относительно групповых интересов» в различных аспектах, что дает возможность более точно анализировать явление. Однако и в данном случае эта категория сохраняет характер модели. Говоря, что политическая власть служит таким-то и таким-то интересам, мы сделали определенное обобщение, за которым скрываются особые, эмпирически в каждом случае определенные, зависимости. Во всяком случае, можно утверждать, что политическая власть, как правило, в классовом обществе прежде всего по отношению к интересам господствующего класса удовлетворяет структурным, а очень часто также бихевиористским и субъективным критериям служебной роли по отношению к групповым интересам.

Существование разнородных групповых интересов в обществе приводит к тому, что использование парадигмы групповых интересов в анализе политической власти требует учета всей мозаики интересов. Политическая власть, служа, например, интересам какого-то класса, должна также определенным образом относиться к интересам других общественных групп, например к интересам национальных, региональных, религиозных групп или прослоек. Политическая дифференциация может явиться следствием того, что при подобном или даже идентичном отношении к интересам господствующего класса могут существовать различия в отношении к интересам других групп населения. Так, например, в течение последних нескольких десятилетий в США сформировалась партийная система, в которой обе крупные партии служат интересам буржуазии, но одна из них более близка к интересам этнических и расовых меньшинств, непротестантских религиозных групп и т. п. Здесь мы имеем дело с политической дифференциацией, в основе которой лежат неклассовые интересы при одинаковом, по существу, отношении обеих крупных партий к интересам господствующего класса. Другие

дифференциации могут быть вызваны положением, когда две или более партий выражают интересы того же самого господствующего класса, но представляют собой различные варианты этих интересов, ведя между собой борьбу за поддержку со стороны господствующего класса. И в этом случае политическая дифференциация вырастает на почве классовых интересов.

3. Управляющий и управляемый

Первая парадигма социологической интерпретации власти — этот ответ на вопрос «кому власть служит?». Вторая парадигма, не противоречащая первой, но заметно отличающаяся от нее, зиждется на вопросе «кто управляет?». Это различные вопросы, смещение которых часто бывает причиной теоретических недоразумений. В немарксистской социологии можно встретиться с попытками замены первой парадигмы второй, как если бы утверждение «кто управляет?» автоматически отвечало на вопрос «каким интересам власть служит?»²⁵.

В марксизме эти вопросы всегда четко различались, хотя у нас также можно встретиться с представлением, что если, например, президентом какого-то капиталистического государства становится миллионер, то это указывает на буржуазный характер государственной власти. Такое понимание так же неверно, как неверен был бы аналогичный вывод, что какое-либо государство не является капиталистическим только потому, что, например, бывший рабочий занимает в нем высокий государственный пост, что иногда бывает в странах, управляемых социал-демократическими партиями. Оценка классового характера политической власти требует ответа на вопрос, каким интересам эта власть служит. Из этого, однако, не следует, что вопрос о том, кто управляет, не имеет существенного значения. Поэтому отношение между управляющими и управляемыми

составляет основу второй социологической парадигмы интерпретации политической власти.

Социальное разделение между теми, кто власть осуществляет, и теми, по отношению к кому она осуществляется, следует из самой сути власти. С тех пор как существует политическая власть и пока она существует, будет иметь место социально институированное разделение между управляющими и управляемыми. Этому не противоречат некоторые прогностические положения К. Маркса (в работе «Гражданская война во Франции») и В. И. Ленина (в работе «Государство и революция»), поскольку относятся они к условиям, которые будут существовать после полной победы коммунизма, когда государство отомрет. Что касается существующих в настоящее время социалистических обществ, то здесь сохраняется, хотя и в измененном по классовому содержанию виде, выделение функций управления, а следовательно, также выделение социальной группы, составленной из людей, место которых в общественном разделении труда определяет факт выполнения ими функции политического руководства. «Когда мы ведем речь об участии в управлении всех граждан социалистического государства, — пишет Г. Шахназаров, — то это вовсе не означает, что все должны участвовать в управлении сразу или все всегда. Важно лишь, чтобы а) каждое основное звено управленческого процесса было подконтрольно народу, б) каждый гражданин имел свой выход (или привлекался) к участию в той или иной форме контроля»²⁶. Это реалистический, отвечающий возможностям современности подход к проблеме власти при социализме; из этого следует (о чем в свое время говорил А. Грамши), что проблема отношений между управляющими и управляемыми не исчезает с низвержением капитализма, хотя, несомненно, меняется ее характер.

Вопрос «кто управляет?» скрывает в себе несколько разных аспектов, а именно:

а) какова конституционная система власти, то есть какие органы и в какой области являются центрами политической власти?

б) из кого складывается группа политических руководителей и высших государственных, партийных и т. п. должностных лиц?

в) каковы психологические черты и особенности поведения этого руководящего состава?

Первый вопрос относится в основном к области, которой занимается государственное право, но социолог не может ограничиться лишь пассивным принятием конституционно-правовых положений. Рассматривая эти положения как отправной пункт собственного анализа, он должен помнить, что социально-политическая действительность может в большей или меньшей степени отходить от конституционных норм в связи

а) с формированием в политической практике положений, которые не нашли еще отражения в конституции (например, руководящая роль Польской Объединенной рабочей партии, являющейся основным политическим фактором польской государственной системы, нашла законодательное закрепление в принятой только в 1976 году поправке к Конституции ПНР);

б) с отступлениями от конституции и других законодательных актов, как это имеет место, например, во многих латиноамериканских странах, где составленные по образцу США и некоторых стран Западной Европы конституции находятся в явном противоречии с действительным соотношением политических сил (в частности, с очевидным господством армии);

в) с политическими проблемами, не регулируемые конституционно, но не менее важными для всех механизмов власти; здесь можно для примера указать на важную политическую роль групп, контролирующих некоторые отрасли капиталистической промышленности, прессу и т. п. Социологический анализ конституционной системы органов власти должен, таким образом, включать сопоставление правовых положений с действительностью. В результате этого анализа можно сформулировать ответ на вопрос, кто (в значении, какие институты) управляет, то есть имеет особенно широкий доступ к политической власти.

Чаще, однако, социологи ставят вопрос «кто управляет?» во втором и третьем из выделенных выше значений. Каков социальный состав управляющих группы? Каковы их психологические черты и особенности поведения? Именно эти вопросы характерны для типично социологической сферы изучения тех лиц, которые осуществляют власть.

Об этих личностях чаще всего говорится в социологии политических отношений как об «элементе власти» или «политической элите». Я думаю, что эти термины неудачны, хотя они встречаются не только в немарксистской литературе, но также и в некоторых работах социологов-марксистов²⁷. Неточность использования термина «элита», по-моему, заключается в том, что он, таким образом, относится к любой группе людей, осуществляющих власть, и это делает невозможной постановку эмпирического вопроса: в каких условиях эта группа представляет собой *элиту*, а в каких ею не является? Я считаю, что более оправданно поэтому говорить о «руководящей группе», или об «управляющей группе», выделенной на основе того, что ее члены в общественном разделении труда осуществляют функцию власти, политического руководства*. В этом значении любое политически организованное общество имеет свою управляющую группу. Однако, является ли эта группа элитой, зависит от ответа на два вопроса эмпирического характера:

а) распределяется ли власть в обществе настолько неравно, что управляющая группа сосредоточивает в своих руках всю или почти всю власть, оставляя другой части общества только исполнительные функции, а также

б) является ли управляющая группа замкнутой и обновляется ли в основном только путем кооптации из своей собственной среды или это в принципе открытая группа, в которую имеют доступ люди из других обще-

* В советской литературе при анализе политических отношений буржуазного общества используется понятие «политическая элита» в том смысле, в котором оно введено Р. Миллсом. — *Прим. ред.*

ственных групп. Оба эти критерия не являются неизменными. Иначе говоря, элита существует тогда и постольку, когда и поскольку концентрация власти и общественная изоляция управляющей группы очень значительны; в противном случае мы имеем дело с разделением «управляющие — управляемые», а не с наличием элиты власти²⁸. В дальнейших рассуждениях я намереваюсь пользоваться именно этой принятой терминологией.

В социологической литературе существует великое множество исследований социального состава политически руководящих групп. Западные социологи анализируют с этой точки зрения состав их собственного политического руководства, а также — особенно в последние годы — состав политического руководства в социалистических странах. Даже учитывая разного рода методологические ограничения или политические предубеждения, на основе существующей научной литературы можно установить, что между социальным составом групп политического руководства при капиталистическом строе и в условиях социализма существуют принципиальные различия. Ссылаясь на работы западных ученых, Г. Шахназаров проводит удачное сопоставление социального состава политического руководства СССР и некоторых капиталистических стран, из которого ясно видно, насколько более широко представлены в советском политическом руководстве люди, которые начинали профессиональную деятельность как рабочие или крестьяне²⁹. Аналогично представляется проблема социального состава политического руководства в других социалистических странах, что признают даже западные авторы, занимающиеся этим вопросом³⁰. Следует, однако, считать с тем, что, чем больше времени проходит с момента взятия власти, тем больше в политическом руководстве процент людей, которые никогда не были рабочими и крестьянами, а учились и затем занимали административные или политические посты. Такого рода изменения пропорции никоим образом не свидетельствуют об «элитарности» политического

руководства, если доступ к образованию, а затем к руководящим постам широко открыт для людей, происходящих из различных социальных слоев, в особенности же из классов рабочих и крестьян.

Здесь мы имеем дело с постепенным смещением акцента: главным становится не непосредственное выдвижение на политические посты внутри поколения, а политическое выдвижение представителей разных поколений. В этом отражается факт завоевания массами трудящихся возможности получать образование. Поэтому, анализируя социальный состав руководящих групп, недостаточно ограничиваться определением, какой процент руководящих политических деятелей выполнял ранее функции работников физического труда, хотя это и продолжает оставаться существенным, характерным показателем открытости политического руководства в социалистических странах. Представляется, что наряду с этим показателем должны приниматься во внимание также и следующие показатели:

а) социальное происхождение, на практике чаще всего определяемое по социальному положению отца или обоих родителей;

б) степень самообновления политического руководства, определяемая долей новых членов политического руководства, происходящих из семей с высоким политическим положением; чем выше этот показатель, тем менее открытый характер присущ руководящей группе;

в) степень пополнения извне политического руководства, определяемая как соотношение таких новых членов политического руководства, которые до занятия политической работой в других областях, и тех, кто занимается политической деятельностью в качестве основной профессиональной деятельности с начала своей карьеры.

Только совокупность всех этих критериев может дать полную картину социальных процессов, формирующих состав политического руководства. На основе имеющихся в настоящее время социологических знаний можно, как представляется, сформулировать следующие обоб-

щения касательно основных типов политического руководства в современном мире³¹.

В развитых капиталистических странах в условиях буржуазно-демократического строя в социальном составе управляющих групп наблюдается явное преобладание людей, происходящих либо из имущих классов, либо, что чаще, из экономически привилегированных кругов высококвалифицированной интеллигенции. Однако в этих странах, особенно там, где действуют сильные, массовые рабочие партии, в XX веке проявилась заметная тенденция к некоторому увеличению доли руководителей, происходящих из среды рабочих или менее состоятельных слоев работников умственного труда, а в странах с большой ролью сельскохозяйственного сектора и с сильными крестьянскими партиями — также из среды крестьян. В общем, можно сказать, что это руководящие группы с явным перевесом, но не монопольным положением, людей, происходящих из более зажиточных классов и слоев. С точки зрения уровня образования и типа выдвижения эти группы слагаются из двух элементов. С одной стороны, в них имеется значительная доля (большая в европейских странах с устойчивыми и сильными политическими партиями, меньшая в США) профессиональных политиков, которые имеют формальное образование, чаще всего университетское юридическое либо экономическое, но всю свою профессиональную карьеру прошедшие в партийном или государственном аппарате. С другой стороны, происходит также постоянное пополнение руководящей группы — особенно в США — людьми, которые приходят в политику из какой-либо другой области профессиональной деятельности, и их карьера строится на достигнутом там положении. Чаще всего это либо стремящиеся к политической карьере бизнесмены, либо связанные с большим бизнесом юристы, экономисты и в последнее время специалисты в области рекламы.

В менее развитых капиталистических странах, как и во многих странах со смешанной экономикой, идущих по некапиталистическому пути развития, состав политического руководства обнаруживает особенно значительное

и, как представляется, растущее участие военных³². Это связано со слабостью буржуазии, отсутствием квалифицированных кадров интеллигенции и, наконец, со слабостью политических движений народных масс. Однако с точки зрения состава политического руководства развивающиеся страны дают большое разнообразие вариантов: начиная от руководящих групп, социальный состав которых напоминает социальный состав руководящих групп развитых капиталистических стран (например, Индия³³), и кончая группами, состоящими исключительно или главным образом из офицеров, часто не имеющих квалификации и профессиональной подготовки для выполнения функций руководства. Милитаризация руководящих групп наблюдается также в средне-развитых капиталистических странах в условиях реакционных переворотов, направленных против прогрессивных движений (Греция в 1967—1974 годах, Чили после 1973 года). Однако само участие военных в руководящей группе государства не является показателем, позволяющим предсказать направление политики, поскольку во многих случаях именно правящие группы военных высказываются в пользу программ прогрессивных, а иногда социалистических реформ (например, Перу после 1968 года, Португалия после 1974 года).

Социальный состав руководящих политических групп в социалистических странах отражает новое соотношение классовых сил, которое сформировалось в результате завоевания политического господства рабочим классом и массового социального выдвижения людей труда. В руководстве этих стран очень высока — несравнимо выше, чем в капиталистических странах, — доля людей, которые либо сами были рабочими или крестьянами, либо детьми рабочих и крестьян. С течением времени с момента завоевания власти партиями рабочего класса в политическом руководстве социалистических стран увеличивается доля людей, которые получили высшее образование в рамках нормально функционирующей системы просвещения и работали исключительно или почти исключительно в политическом аппарате (партийном или в аппарате молодежных организаций) либо в

государственном аппарате. Это руководство не проявляет тенденции к пополнению из среды детей политических руководителей, а имеющиеся случаи такого типа являются совершенно исключительными. В этом смысле также обоснованно утверждение о том, что это — руководство, обладающее высокой степенью социальной открытости. С точки зрения каналов пополнения это группа, особенно на высших ступенях, с высоким уровнем социальной однородности, вытекающей из того, что ее основу составляют профессиональные работники политического аппарата (партийного и государственного). Зато непрофессионалы в большей степени представлены в выборных политических органах, таких, как парламенты и народные советы, а также центральные комитеты и комитеты низовых организаций политических партий. Такой состав политического руководства свидетельствует о соединении профессионализма в звеньях непосредственного политического руководства с непрофессиональным типом политической активности в представительных звеньях при весьма значительном, как в первом, так и во втором случае, числе выходцев из рабочего класса и класса крестьян в политическом руководстве. Такой социальный состав политического руководства свидетельствует о необоснованности утверждений немарксистских ученых о том, что в социалистических странах политическое руководство будто бы приняло вид замкнутой «элиты власти». По существу, именно политическое руководство социалистических стран представляет собой с точки зрения социального состава открытый тип руководства и создает возможности продвижения по социальной лестнице, которые открыли перед трудящимися социалистические революции. В отдельных же социалистических странах имеются значительные различия в степени заменяемости персонального состава, что, впрочем, в большой мере зависит, как представляется, не столько от социологических механизмов притока людей в политическое руководство, сколько от политических условий функционирования и результатов деятельности политического руководства. Именно этим объясняется относительно боль-

шая стабилизация состава политического руководства в условиях гармоничного развития и значительные изменения в составе политического руководства в период политических кризисов или непосредственно после них (как, например, в Польше и в Венгрии в 1956 году, Чехословакии в 1968 году, в Польше в 1970—1971 годах)³⁴.

Наряду с проблемой социального состава политического руководства социологию интересуют доминирующие типы психического склада и особенностей поведения людей, входящих в состав политического руководства. Упомянутая ранее работа К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» представляет в этом отношении превосходный пример социологического анализа, показывающего, каким образом личные качества Луи Бонапарта, соответствующие социальному заказу армии и крестьянских масс, составляли важный фактор борьбы за власть. Ф. Энгельс в работе «Крестьянская война в Германии» также дал интересный анализ роли и поведения Томаса Мюнцера и на этом фоне сделал важные обобщения на тему о лидерах радикальных движений в условиях, которые не позволяют им решать задачи, логически вытекающие из их собственных убеждений и требований классов, выразителями интересов которых они являются. «В основе энгельсовской характеристики Лютера как лидера буржуазно-умеренных реформаторов и Мюнцера как лидера крестьянско-плебейской революционной партии,— пишет Ю. Хохфельд,— лежит анализ не только доктрин, но прежде всего практической деятельности обоих этих деятелей. В характеристике Ф. Энгельса можно различить три группы проблем. Первая — отношение вождя к умеренному, в определенном роде неустойчивому и оппортунистическому, но преобладающему у данного класса сознанию; это сознание является составной частью исторической ситуации, когда лидер должен с ним считаться, но может его изменить, если наряду с реализмом в оценке положения он обладает и дальновидностью. Вторая — это степень понимания лидером объективного классового интереса, выразителем которого он хочет быть, а также объективного конфликта классовых интересов в данном месте и

времени; если крупный и дальновидный лидер реально оценивает ситуацию и обладает политическими талантами (что предполагает также, что он не станет выразителем интересов, явно обреченных на неудачу на данном этапе развития производительных сил или же безнадежно утопических вследствие того, что эти интересы в ближайшей перспективе не будут иметь ничего общего с развитием производительных сил), то определение оптимальной связи между целями, возможностями и средствами, а также выдвижение и осуществление программы, приближенной к конкретно очерченной объективной модели классового интереса, представляется возможным и достижимым. Третья группа проблем — трагедия вождя, который вследствие собственного характера и темперамента или внешних обстоятельств стал сторонником крайне радикального политического крыла класса, *еще* или *уже* способного предлагать максималистские варианты программы, но *уже* или *еще* (или даже вообще) не имеющего никаких шансов и средств для их осуществления»³⁵. Ссылаясь на категорию объективного классового интереса, Хохфельд предлагает исходя из нее строить типологию лидеров современного рабочего движения, которая бы выделяла типы «политика-оппортуниста» (отказывающегося от мотива максимализации цели и учитывающего лишь возможности и средства ее осуществления), «политика-авантюриста» (вообще не обращающего внимания на цель или учитывающего лишь иллюзорные возможности и средства) и «реалиста-революционера», о котором Хохфельд говорит, что «в его деятельности никогда не исчезает мотив максимализации цели, однако одновременно с ним всегда присутствует как равноправный фактор учет возможностей и средств»³⁶. Это наиболее интересная в существующей марксистской литературе типология революционных лидеров. Однако следует заметить, что проблема черт и типов поведения политических лидеров — архиважная для понимания вопросов власти в аспекте «кто управляет» — недостаточно анализируется с позиций марксистской социологии политических отношений. Интересный анализ этой проблемы, касающийся, однако, лишь

капиталистической системы, дали в последнее время Ф. Бурлацкий и А. Галкин³⁷. Наряду с другими вопросами они рассматривают социопсихологические черты таких типов буржуазных лидеров, как лидер-бюрократ, лидер-технократ и лидер-демагог. Хотя этим и не исчерпывается разнообразие типов, однако анализ, приведенный упомянутыми авторами, открывает интересные возможности сопоставления различных капиталистических стран и разных исторических периодов.

Говоря о психологических чертах и типах поведения политических лидеров, следовало бы сконцентрировать внимание на следующих категориях, которые должны трактоваться лишь как дополнение к основным, зависящим от места происходящей классовой борьбы чертам, но дополнение, без которого полный социологический анализ типов лидеров невозможен:

1. *Отношение к идеологии собственного движения.* С этой точки зрения политические лидеры представляют собой разные степени верности своей идеологии. Таким образом, в модели можно говорить о «чистых типах» *лидера-идеолога* и *лидера-прагматика*, помня, однако, что огромное большинство действующих политических лидеров находятся в разных точках континуума, полюсами которого являются именно чистые типы.

2. *Отношение к собственным сторонникам.* С этой точки зрения мы можем выделить, также в качестве чистых типов, тип *лидера-харизматика* и тип *лидера-представителя*; первый формирует, а второй выражает волю тех, кто за ним стоит.

3. *Отношение к противникам.* Аналогично предыдущим типологиям здесь можно выделить *лидера-соглашателя*, который настолько, насколько это возможно, стремится к смягчению конфликта и к нахождению компромиссных решений; а также *лидера-фанатика*, стремящегося к максимальному обострению конфликта и уничтожению противника любой ценой.

4. *Способ оценки действительности.* В зависимости от степени, в какой политический лидер способен переосмысливать ранее сформулированные суждения, учитывать чужие мнения, воспринимать критику собственной

деятельности, мы можем выделить чистые типы открытого лидера и лидера-догматика.

Я считаю, что введенные здесь в порядке предложения четыре дихотомии чистых типов лидеров взаимно не связаны, то есть отдельные типы проявляются в различных комбинациях. Было бы интересной, хотя и очень трудной проблемой эмпирического характера проанализировать, существуют ли какие-либо тенденции к статистически значимой корреляции между ними. Однако трудность состоит здесь также и в том, что те же самые люди в зависимости от изменения условий политической обстановки в своем поведении приближались то к одному, то к другому полюсу отдельного континуума. Исследователь должен был бы иметь доступ к материалам, раскрывающим доминирующие тенденции их личности и в свете этих данных интерпретировать их образ действий в отдельных практических ситуациях. Такого типа исследований крайне мало³⁸. Это, однако, не уменьшает значения, которое для научного понимания механизмов осуществления власти может иметь данный вид социологического анализа. Он дополняет анализ в категориях функции и классового состава политического руководства и позволяет дать более полную и реалистическую картину его деятельности.

4. Осуществление власти

Третьей парадигмой социологического анализа власти является анализ проблем, связанных с вопросом «как власть осуществляется?». Если ранее я рассматривал проблему интересов, стоящих за осуществлением власти, и сил, которые ее осуществляют, то в третьей парадигме речь идет о механизме осуществления власти, о ее «социотехнике»³⁹.

Способ осуществления власти составляет важную социологическую черту любой политической системы, связанную различным образом с другими ее чертами, в том

числе особенно со способом представления социальных интересов и с типом политического руководства. Говоря о способе осуществления власти, мы можем в рамках этого понятия выделить:

- а) процесс принятия политических решений, а также
- б) процесс проведения в жизнь уже принятых решений.

Между этими двумя процессами имеется тесная зависимость, ибо, как правило, уже в ходе реализации принятых решений выявляется необходимость принятия новых решений. Тем не менее в теоретическом смысле выделение этих двух сторон способа осуществления власти представляется целесообразным.

Принятие политических решений состоит в осуществлении определенного выбора целей и средств деятельности, связанных с борьбой за власть или с осуществлением политической власти. «Решение» я понимаю здесь в том общем прагматическом значении, которое использует Я. Зеленецкий, определяя решение как «осуществление неслучайного выбора действия»⁴⁰. Реализация власти в большей части состоит в принятии различных решений, то есть именно в осуществлении выбора. Этот выбор касается целей (как перспективных, глобальных, так и частных), а также средств, используемых для реализации цели. С точки зрения качества принимаемых решений все чаще говорится об их «оптимизации», перенося в какой-то мере в область социологии политических отношений понятие, имеющее большое распространение в экономических науках⁴¹. В действительности оптимизация политических решений представляет собой нечто иное, чем оптимизация экономических или технических решений. Характер политического выбора, перед которым стоит принимающий решение, значительно более сложен⁴². Об оптимизации политических решений можно говорить на двух различных уровнях обобщения:

- а) на уровне общих перспективных стратегических целей, а также
- б) на уровне частных целей и выбора средств, пригодных для их реализации.

Оптимизация перспективных решений означает, что выбор целей деятельности на перспективу согласуется с общей расстановкой сил и с долговременными интересами классов или других социальных групп, которым должна служить предпринимаемая на основе таких решений деятельность. О том, оптимально ли данное решение, в данный момент ничего сказать нельзя, поскольку его результаты проявятся только по прошествии десятилетий или даже столетий. Так, например, только с отдаленной исторической перспективы можно судить, что совокупность политических решений, определивших поворот внешней политики Польши Ягеллонов и вызвавших экспансию на Восток при ослаблении польских сил на западных рубежах страны, оказалась для будущего Польши губительной⁴³. Для людей, осуществляющих выбор отдаленных стратегических целей, каждый из них является прежде всего принятием какого-то идеологического варианта и должен рассматриваться главным образом в категориях борьбы антагонистических идеологий, за которыми скрываются антагонистические интересы. Обращаясь же к исторической перспективе, мы в состоянии дать оценку такому выбору не только с точки зрения интересов и идеалов сил, которым он должен был отвечать, но также и с точки зрения соотношения решений с действительностью того времени. Так, например, совершенно ясно — а для наиболее дальновидных было ясно и ранее, — что даже с точки зрения классовых интересов буржуазии выбор, сделанный политическим руководством, представлявшим польские имущие классы, накануне и во время второй мировой войны в области международной ориентации Польши, был полностью ошибочен, поскольку нарушал основное условие оптимизации стратегических решений — соответствие направленности этих решений с перспективным, устойчивым соотношением сил и с направлением эволюции этого соотношения. Нереалистически рассчитывая на ослабление или даже на поражение СССР, польская буржуазия (как правящая в предвоенный период группировка Юзефа Пилсудского, так и эмигрантское правительство в Лондоне),

выбрала такой вариант внешней политики, который даже с точки зрения их собственных классовых интересов оказался полностью ошибочным.

Так выглядит проблема оптимизации перспективных, определяющих направление решений. Социология политических отношений в значительно большей степени занимается, однако, вопросом оптимизации частных решений. Это происходит потому, что именно в отношении их возможно более полное использование имеющегося запаса знаний из области общественных наук и более полный контроль получаемых результатов. Оптимизация частных решений также имеет свой идеологический аспект, поскольку, как и в случае общих стратегических решений, определенные частные решения могут быть как правильными, так и неправильными в зависимости от избираемых приоритетов и оценок идеологического характера. Однако, чем более частным является решение, тем увереннее мы можем заявить, удовлетворяет ли оно критерию оптимальности. Примем следующий ход рассуждений:

1) Уровень оптимальности частных решений оцениваем с точки зрения соответствия или несоответствия принимаемым стратегическим целям, обращая внимание на то, находятся ли эти решения в согласии с перспективными целями или отходят от них.

2) В отношении решений, обнаруживающих значительную степень согласованности с принимаемыми перспективными целями, рассматриваем степень адекватности запланированных средств поставленным частным целям, а также отношение, существующее между действиями, предпринимаемыми или вызываемыми принимающим решением, и вероятными действиями других групп, которые могут иметь влияние на конечный результат деятельности.

Подходя таким образом к вопросу оптимизации процесса принятия решений, я явно выхожу за рамки чистого анализа технических проблем, перед которыми стоит принимающий решение, и ввожу непосредственно элемент идеологического выбора, имеющийся в любом акте политического решения. Подробный анализ пока-

зывает, насколько велико значение общих идеологических предпосылок в принятии политических решений. Конструируя общую модель этого процесса, нельзя абстрагироваться от этой стороны вопроса. Нельзя также абстрагироваться от анализа сил, принимающих решение. Ведь то, что с точки зрения исследователя оказывается неоптимальным и даже нерациональным, может иметь своеобразную идеологическую «рациональность» для людей, принимающих решение с учетом присущей им иерархии ценностей. Таким образом, анализ степени оптимальности принимаемых политических решений должен учитывать также позицию принимающих решение с их иерархией ценностей и восприятием действительности. В противном случае возникает (если речь идет об историческом прошлом) ошибка модернизации оценок (то есть оценка прошлых решений так, как если бы они принимались современными людьми с сегодняшней иерархией ценностей и с сегодняшним знанием действительности); если же речь идет о современности, то может быть допущена ошибка неопровержимости, состоящая в абсолютизации одной (собственной) перспективы видения и понимания политической действительности. Здесь также кроется одна из наиболее сложных проблем любого оценочного анализа принятия решения.

Когда решения уже приняты, качество осуществления власти зависит от того, как они реализуются. Принимая упрощенный вариант, когда решения имеют оптимальный характер, мы можем выделить следующие условия, необходимые для их правильного претворения в жизнь:

а) последовательная деятельность политического руководства, выражающаяся в том, что от раз принятого решения не отступают до тех пор, пока не реализованы цели, которым должно служить это решение;

б) способность мобилизации средств;

в) способность нейтрализации действий, направленных против цели, которую желают достичь, при использовании наиболее подходящих средств, вызывающих минимум побочных, отрицательных последствий;

г) способность обеспечить для реализации решения поддержку тех групп общества, позиции и действия которых имеют для реализации решения особенно большое значение.

Когда все эти условия в большей степени выполнены, мы говорим, что политическая власть сильна, а ее деятельность эффективна. Сила власти, эффективность ее деятельности является, следовательно, функцией правильности принимаемых решений и способа их реализации.

Константин Гжибовский так писал об этом: «Что такое сильная власть? Это не есть всякая власть, которая проводит то, что хочет, заставляет молчать противников. Если бы мы искали в выводах Тацита (и в выводах Бобжинского) ответ на этот вопрос, он бы звучал после перевода на современные понятия: это такая власть, которая опирается на общественные силы, осознанные, чего они хотят, и умеющие свои желания соединить с взглядами и интересами общества как целого. Сильная власть не противопоставляет себя обществу, не навязывает своих взглядов, противоречащих мнению общества, но приспособливает форму их преподнесения к тому, что в обществе есть живого; она преобразует традиции общества в соответствии с его потребностями. Сильная власть знает, что она должна удовлетворять жизненные потребности той социальной группы, на которую она опирается, но не может этого делать в форме и в масштабах, вызывающих серьезное нарушение интересов других общественных групп. Сильная власть знает, что она должна быть сильной не только в отношении управляемых, но также и в отношении своего исполнительного аппарата; она не может стать рабом тех, кто должен быть орудием, реализующим ее цели, но не должен навязывать ей направления политики»⁴⁴.

Так историк и теоретик политики видят условия функционирования истинно сильной власти. Социолог, принимая эту точку зрения, спросит, каковы общественные условия отхода от модели «сильной власти» на практике. Это может быть патология больших организационных структур, в частности бюрократии, на что

указывали К. Маркс и В. И. Ленин. На это обращали внимание также Михельс и Вебер⁴⁵. Это может быть недостатком знаний, устранить который следует путем внедрения также и в область принятия и осуществления политических решений современных кибернетических методов руководства⁴⁶. Это могут быть, наконец, особенности реализуемых интересов и черты политического руководства, которое осуществляет политику. В этом последнем пункте парадигма осуществления власти уже тесно переплетается с рассмотренными ранее парадигмами «власть и интересы» и «кто управляет?». В действительности же социологический анализ явления власти требует не выбора между упомянутыми тремя отдельными, но взаимно дополняющими друг друга парадигмами теоретического анализа, а именно рассмотрения их во взаимосвязи, синтетически⁴⁷.

VII. Экономика и политика

Для марксизма соотношение экономики и политики всегда вопрос первостепенного значения. Открыв законы зависимости между базисом и надстройкой, К. Маркс впервые создал единую, взаимосвязанную социологическую теорию, объясняющую общество как целое, а не как нагромождение отдельных изолированных элементов. Именно поэтому марксизм-ленинизм последовательно подчеркивает тесную связь между экономикой, политикой, культурой, общественным сознанием и другими областями общественной жизни. Рассмотрение общества как единого целого придает особый характер марксистской политической экономии¹, марксистской науке и политике² и марксистской социологии политических отношений. Эта последняя не может быть исключительно наукой о политическом поведении и политическом сознании, как об этом заявляют многие авторы-немарксисты, но должна быть также наукой о политических механизмах экономической жизни, или, иначе говоря, о влиянии отношений власти на отношения производства и распределения, так же как и о влиянии производственных отношений (отношений собственности) и отношений распределения на сферу политической власти.

До тех пор пока экономические отношения рассматриваются в отрыве от их политической обусловленности, то есть пока в анализе экономических отношений за постоянный элемент будет приниматься существование такой структуры власти, которая гарантирует сохранение данного экономического строя, до тех пор политическая экономия может рассматриваться лишь как теория рационального хозяйствования. Выход за рамки принятых упрощений такой экономической теории может быть различным, но общим будет поиск более широких социологических элементов, проявляющихся в экономических отношениях. Так называемая «экономическая социология» будет искать их в сфере социально-

культурной обусловленности, ограничивающей или расширяющей область рациональности экономического поведения. Социология же политических отношений будет рассматривать экономические отношения через призму зависимостей, существующих между ними и отношениями власти. Два таких разных, но в обоих случаях социологических дополнения экономического анализа не исключают друг друга. Наоборот, социология политических отношений должна и включать науку о культуре*, и дополнять экономический анализ анализом культуры и личностных качеств, что совсем не противоречит необходимости других дополнений в аспекте власти.

1. Власть экономическая и власть политическая

В работах Маркса мы встречаем разделение экономической власти и власти политической, — разделение, важное именно для понимания связей, существующих между экономикой и политикой. Характерной чертой политической власти является ее принудительный характер, а именно существование определенного общественного механизма, позволяющего законным образом, посредством господствующих общественных норм осуществлять принуждение в отношении тех, кто не желает подчиняться принятым правилам поведения или воле правящих сил. Экономическая власть в ее чистом виде, не содержит элемента так понимаемого политического «принуждения».

Иначе говоря, в той мере, в какой она является только экономической властью, эта власть представляет собой общественные отношения, не основанные на политическом принуждении. «Принудительный» характер экономической власти появляется снова, когда мы рассматриваем ее в чистом, исключительно экономическом виде, только как принуждение внеобщественных сил, то есть биологических потребностей человека, которые

* По-видимому, автор имеет в виду политическую культуру. — Прим. ред.

должны быть удовлетворены, но их удовлетворение требует производственной деятельности, что на практике вновь предполагает поведение, определенное нормами господствующей экономической системы. В чистой модели отношения найма — работодатель и рабочий — в условиях капитализма связаны лишь сделкой купли-продажи рабочей силы. Если эта сделка является чисто экономической (то есть лишена внеэкономических условий в виде хотя бы феодального «прикрепления к земле»), «власть» работодателя проявляется лишь в том, что он является несоизмеримо более сильным партнером, способным вследствие этого определить условия найма.

По мере роста силы наемных работников, в результате, например, их участия в профессиональных союзах или в рабочих партиях, ограничивается экономическая власть работодателей, что, однако, согласно вышеприведенным рассуждениям, никак не меняет факта, что они и далее остаются экономически *господствующим классом* до тех пор, пока экономический строй общества гарантирует им привилегированное положение и возможность получения прибылей от эксплуатации чужого труда. Таким образом, в теоретических моделях мы можем выделить два различных вида «власти»: политическую и экономическую. На практике же между ними существует тесная связь. Те, кто владеет материальными средствами, позволяющими им осуществлять экономическую власть (то есть так направлять использование материальных средств, чтобы поставить в зависимость от себя тех, по отношению к кому она осуществляется), должны иметь также, сами или через своих пособников, средства принуждения, которые позволили бы им эффективно защищать свою собственность и те основы экономической жизни, благодаря которым находящиеся в их собственности материальные блага становятся источником силы. Одновременно те, в чьих руках находятся средства принуждения, имеют также материальные средства, позволяющие им использовать не только принуждение, но также и экономическое давление. В некоторых социально-экономических системах переплетение экономической и политической власти бывает

особенно сильным; это имеет место тогда, когда в руках осуществляющих политическую власть сосредотачиваются очень значительные материальные средства и особенно когда осуществляющим политическую власть принадлежит верховный контроль над процессом производства. В других случаях политическая и экономическая власть остаются относительно разделенными, что чаще всего означает, что размер непосредственного владения средствами производства аппарата политической власти незначителен либо вовсе отсутствует. В таких ситуациях связь между политической и экономической властью осуществляется опосредованно, например путем приобретения за плату услуг людей, осуществляющих власть. Но и в данном случае экономическая и политическая власть остаются в тесной взаимозависимости.

Из этой связи следуют два следствия методологического характера. Марксистский анализ политики должен учитывать ее экономический аспект, а именно то, каким образом отношения власти воздействуют на экономические отношения. Это придает социологии политических отношений углубленный характер и позволяет представить явления политической жизни в их более широком, социально-экономическом контексте. Одновременно марксистский анализ экономики, если он выходит за рамки узкопрактической стороны экономической жизни, понимаемой как рациональное хозяйствование, должен касаться именно политической обусловленности и результатов экономической деятельности, что придает марксистской политической экономии характер подлинно общественной науки, науки политической. Подходя таким образом к этому вопросу, я не утверждаю (как это делают некоторые авторы-марксисты)³, будто разделение сферы экономики и сферы политики невозможно. Это взаимопроникающие, но не тождественные сферы. Существуют ведь такие экономические отношения, которые вообще не имеют политического характера и самое большее остаются в очень общей и косвенной связи с политическими явлениями. К ним принадлежат прежде всего экономико-балансовые закономерности производства⁴, а также некоторые основные, общие для

различных формаций экономические законы, такие, как закон стоимости. Рациональное влияние политики на действие этого закона может состоять только в создании условий, ограничивающих или расширяющих сферу его действия, но не во вмешательстве в само действие закона стоимости. Существуют также политические отношения, зависимость которых от экономических отношений проявляется косвенно и относительно слабо. Культурная и психологическая обусловленность политических отношений, так же как и влияние различных политических факторов, то есть самой динамики осуществления власти или борьбы за власть, могут находиться в какой-то отдаленной связи с экономическими условиями, но сохраняют значительную автономию и должны трактоваться как внеэкономические аспекты политических отношений. Такой подход к проблеме не отрицает наличия каких-либо связей между внеэкономическими аспектами политических отношений и внеполитическими аспектами экономических отношений, но определяет различие между той частью экономических и политических отношений, где имеется их тесное соприкосновение, и всеми остальными.

Говоря о зависимости между экономикой и политикой вообще, не следует упускать определенного основополагающего фактора. Он состоит в том, что эта зависимость формируется различно в зависимости от общественно-экономического строя, а также в его рамках (хотя и в гораздо меньшей степени) в зависимости от вида экономической политики, реализуемой органами государственной власти. Сравнение с этой точки зрения двух способов производства, основанных на рабском труде, азиатского способа производства и рабовладельческого способа производства, очень ясно выявляет различие между ними. Маркс, указывая на то, что при азиатском способе производства государство есть «верховный собственник земли» и что «суверенитет здесь — земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе»⁵, подчеркивал одну из наиболее существенных черт азиатского способа производства, а именно тесное соединение политической и экономиче-

ской власти. Этого соединения нет в условиях рабовладельческой формации — во всяком случае, его нет в период, когда эта формация живет еще на основе собственных законов, то есть до перенесения на ее почву восточных образцов, что произошло в Риме императорского периода. Властители в рабовладельческой формации располагают значительными материальными благами, но не являются исключительными или главными их владельцами. Наоборот, экономическая мощь остается в значительной мере автономной относительно государства и может оказывать существенное влияние на политические отношения. Республиканский Рим напоминает в этом отношении гораздо больше современные нам капиталистические общества (где на ход и результаты политического соперничества решающее влияние оказывает экономическая власть имущих классов), чем существовавшие в древнем мире восточные монархии, где властитель был если не единственным, то, безусловно, наиболее крупным владельцем материальных благ и объединение политической власти с экономической было почти полным⁶. Итак, азиатский способ производства — это способ производства, где экономическое и политическое господство так тесно переплетены между собой, что невозможно определить господствующий класс без указания его как экономических, так и политических параметров. Это, как представляется, класс с двойственным лицом, состоящий, с одной стороны, из племенной «знати», положение которой основано на экономико-социальной дифференциации сельских общин и на ее руководящей роли в этих общинах, а с другой стороны, из той части гражданской и военной бюрократии, которая, контролируя отдельные области государства, превращается если не де-юре, то, во всяком случае, де-факто в класс крупных землевладельцев. В том и другом случае корни классового господства кроются в политической власти, которая осуществляет основной контроль за экономическими благами. Иначе обстоит дело в рабовладельческой формации, где господствующим классом являются землевладельцы и рабовладельцы. Их экономическое могущество представляет собой

основную, первоначальную основу господства, к которой затем добавляется факт осуществления политической власти имущими. Более того, в рабовладельческой формации возможны периоды, когда политическое руководство ускользает из рук класса, обладающего экономической властью. Возникающее тогда особое «двоевластие» имеет преходящий и неустойчивый характер, но служит историческим свидетельством того, что в этой формации экономическая и политическая власть разделены.

Феодальная формация дает еще один тип связи экономики с политикой. Говоря о феодализме, следует иметь в виду, что не существует одного, общего, повсеместно распространенного типа феодального общества. Польский исследователь Витольд Куля писал: «В мире нам известны... разные формы «феодализма», возникшие в различных, независимых друг от друга обществах и эпохах»⁷.

Однако характерной, повсеместно проявляющейся чертой феодального общества является соединение экономической власти с властью политической на уровне отношений между феодалом-господином и крестьянином-крепостным. Землевладелец — это не только владелец экономических благ, но также и политический, и судебный властелин крестьянина, который подчинен ему политически и юридически, а не только экономически. Вместе с тем феодальная иерархия политических зависимостей, основой которой служит землевладение, представляет собой соединение экономической и политической власти в рамках господствующего класса феодалов. Каждый из них обладает частью политической власти пропорционально имеющейся у него экономической власти, то есть пропорционально размерам землевладения. Королевская власть является лишь вершиной именно так построенной политико-экономической иерархии. В этом смысле феодализм, как и азиатский способ производства, опирается на объединение экономической власти с политической. Однако в отличие от азиатского способа производства, но подобно рабовладельческой формации он основывается в классический период сво-

его существования на распределении экономической и политической власти между представителями господствующего класса.

В более поздний период развития феодальной общественно-экономической формации, когда ее черты перестают проявляться в чистом виде и появляются зачатки капиталистических отношений, рождается дуализм экономической и политической власти. С одной стороны, сохраняется доминирующая позиция феодальных владельцев земли, являющихся одновременно политическими властелинами территорий, находящихся под их экономической властью, но, с другой стороны, рождается лишенный политической власти класс городских собственников, буржуазия, чья растущая экономическая мощь со временем будет конкурировать с экономической властью феодалов и в конце концов в результате буржуазных революций станет единственной экономической властью и основой политической власти в новой, капиталистической формации.

Сравнивая, наконец, капитализм и социализм, мы должны отметить принципиальное различие в отношениях между экономической властью и властью политической. Капитализм, рассматриваемый с точки зрения взаимоотношений между экономической властью и политической, является строем, в котором экономическая власть внешне полностью независима от власти политической и в свою очередь ставит последнюю в зависимость от себя. Проанализированная К. Марксом зависимость между экономикой и политикой как базисом и надстройкой общества нигде и никогда не выступала в столь чистом виде, как в капиталистической формации в ее классический, домонополистический период. Частное владение материальными благами рассматривается при капитализме как основное право гражданина, не нарушаемое государственной властью, которая обязана лишь охранять существующие отношения собственности. Независимость экономической власти от политической открывает широкие возможности для установления зависимости политической власти от экономической. Поскольку законы рынка действуют во всех областях

общественной жизни, то и в политической области сконцентрированная экономическая власть может быть переведена на язык политики. Это происходит чаще всего не путем захвата политической власти собственниками экономических благ, а в результате подчинения государственного аппарата тем, кто владеет экономическими благами. Механизмы такого подчинения различны: от самых утонченных форм нажима, осуществляемого капиталистическим пропагандистским аппаратом посредством различных способов обработки (например, использования так называемых «лоббистов»⁸), до грубых форм политического подкупа, от которого не свободна ни одна буржуазная система. Капиталистический рынок со своими законами «свободной игры» становится при капитализме основным, а зачастую единственным регулятором общественной жизни в различных, и не только в экономических, ее аспектах. Политическая власть сведена, используя образное выражение К. Маркса, к роли ночного сторожа, присматривающего за тем, чтобы никто и ничто не нарушало естественного функционирования капиталистических социально-экономических отношений. Отсюда проистекают и две доминирующие над всеми остальными функции капиталистического государства: функция внутреннего политического подавления, то есть обеспечение неприкосновенности капиталистического общественно-экономического строя с помощью применения или угрозы применения насилия, а также внешняя функция, то есть защита интересов господствующего класса по отношению к господствующим классам других наций с помощью применения или готовности применения дипломатических и военных средств.

Капитализм XX века весьма существенно отходит от такой модели отношений между экономикой и политикой⁹. Появляются новые функции государства, в значительной мере вытекающие из необходимости политического вмешательства в сферу экономики для спасения от последствий кризиса капитализма¹⁰. В связи с этим увеличивается значение государства и государственной власти, расширяются их полномочия по отношению к экономической деятельности предприятий и кор-

пораций. Более того, в результате разрастания государственной бюрократии, как гражданской, так и военной, а также их слияния с верхушкой мира бизнеса возникает то, что Миллс определял как «элиту власти» современного капиталистического общества¹¹. В результате современный капитализм в отличие от домонополистического капитализма прошлого века осуществил в значительной мере на совершенно иной основе соединение экономической и политической власти, хотя этот процесс еще полностью не завершен. В то же время характерной особенностью капиталистического строя остается то, что капиталистический рынок открывает перед диспонентами экономической власти огромные возможности внеэкономических действий и что экономическая власть капиталистов представляет собой ныне более, чем сто лет назад, основу всякой другой, в особенности политической, власти.

Иначе обстоит дело в экономике и общественной жизни социалистического общества. Здесь с самого начала, с момента создания социалистического государства, рынок со своими стихийно действующими законами теряет свою прежнюю роль, хотя и не исчезает полностью. Ход экономических, культурных и других процессов начинает во все возрастающей степени определять политический фактор — функционирование государственной власти.

Это не означает, разумеется, что те, кто правит, могут принимать решения, касающиеся руководства общественными процессами, абстрагируясь от влияния объективных, не зависящих от их воли закономерностей. Однако эти закономерности, как правило, не проявляются непосредственно и стихийно, они представляют собой факторы, определяющие границы конкретных мероприятий. Так, например, нереальное экономическое мероприятие может быть обречено на неудачу, однако это произойдет в ходе и в результате действий, направленных на его *реализацию*. Тем самым решение органов, руководящих данной областью общественной жизни, станет элементом общественного процесса, даже если это решение в силу своей нереалистичности никогда не будет

полностью проведено в жизнь. То, что в таких условиях будет реализовано, будет равнодействующей первоначального намерения и факторов, ограничивающих его реализацию и не зависящих от людей и органов, которые принимают эти решения. Ни один значительный социально-экономический процесс при социализме не был осуществлен в результате произвольных, стихийных интеракций отдельных индивидов.

Социалистическая индустриализация, коллективизация сельского хозяйства (там, где она проведена), культурная революция — все это продукты определенных, сознательно принимаемых решений. Если так, то (в отличие от модели стихийной интеракции индивидуального поведения, определяемого прежде всего законами рынка) здесь мы имеем дело прежде всего с процессами руководства общественными явлениями путем использования в этих целях государственной власти. Политические институты приобретают в этих условиях особое значение. Они уже не только орудие защиты экономической системы от внешних и внутренних сил, которые могли бы помешать ее функционированию. Напротив, они становятся прежде всего инструментом координации осуществления экономических задач. В таких условиях эта система не могла бы функционировать без центральных органов, принимающих и проводящих в жизнь решения, которые определяют направления массовых общественных процессов, происходящих в стране¹².

Тем самым политическая проблематика — проблематика власти — становится важным центром общественной жизни. В условиях социалистического общества политика в определенной степени выполняет функцию, которую в условиях классического капитализма выполняет капиталистический рынок: она является основой общественной интеграции, в преобладающей мере определяя характер и ход социальных процессов также и в других, «неполитических» областях общественной жизни. Политический аспект, столь характерный для всей марксистской социологии, становится благодаря этому обязательным аспектом анализа социалистического об-

щества. Ни одно теоретическое объяснение этого общества не может быть полным и убедительным, если его основой не служит анализ политической системы.

Тесная связь экономики и политики в условиях социалистического общества дает некоторым антикоммунистическим авторам повод заявлять, что в этом обществе сложился «новый эксплуататорский класс» в лице руководящей «политической бюрократии», являющейся в соответствии с этой концепцией коллективным диспозитом средств производства. Зародыш такой «теории» появился в троцкистской литературе уже в межвоенные годы, а в развернутом виде она была изложена в книге Джиласа и во многих других более поздних публикациях, в которых используются «идеи» этого автора. Политический смысл утверждений о возникновении «нового класса эксплуататоров» очевиден: речь идет о полемике с социализмом, которая использует его собственную идеологическую аргументацию, разумеется извращая ее смысл. Вместо того чтобы попросту восхвалять свергнутый капиталистический строй (причем вряд ли можно рассчитывать на особенно широкую популярность), представители этого варианта антикоммунизма пытаются доказать, что социалистические преобразования лишь заменили господство одного класса господством другого, не устраняя самого господства и эксплуатации. Если учесть несоответствие данной концепции с реальной действительностью социалистического общества, а также скрытую в этой концепции ошибочную идентификацию политической и экономической власти с делением на классы и как следствие этого — с существованием «обособленного эксплуататорского класса», то эта «теория» может быть подвергнута аргументированной критике.

В концепции «нового эксплуататорского класса» делаются попытки использовать два очевидных факта, которые никто не подвергает сомнению. Во-первых, в социалистическом обществе существует, как и в каждом политически организованном обществе, группа людей, осуществляющих политическое руководство и управление в качестве профессионального занятия. Во-вторых,

в этом обществе в результате перехода в руки государства основных средств производства, а также в результате экономического и социального планирования осуществление государственной власти тесно связано с контролем над процессом труда, в том числе и распоряжением средствами производства. На этой основе Джилас и другие сторонники теории «нового эксплуататорского класса» считают, что а) политические руководители в социалистических обществах являются экономически господствующим классом; б) этот класс в силу своего экономического и политического господства получает материальные выгоды в таких размерах, что его можно рассматривать как «эксплуататорский» класс в марксистском понимании этого слова.

Первая часть этих рассуждений основывается на смешении — явно целенаправленном — двух разных категорий: собственности на средства производства и распоряжении ими. Якобы предпринимая попытку освободиться от исключительно правового понимания понятия собственности, Джилас и его последователи подставляют вместо категории собственности значительно менее ясное понятие «распоряжение средствами производства», видя в этом «распоряжении» функциональный эквивалент частной собственности. Однако имеются принципиальные различия между этими категориями. Собственность на средства производства означает также возможность распоряжаться ими, то есть принимать решения о способе их использования. Однако это не единственная и даже не главная черта отношения собственности. Владелец средств производства не только распоряжается ими в процессе труда, но, кроме того, может их произвольно продавать, покупать, передавать по наследству или даже уничтожать. Эта последняя особенность необязательно должна всегда сопутствовать отношениям частной собственности, так как государственная власть может вводить те или иные ограничения свободы действий владельцев средств производства (например, с помощью контроля над экспортом и импортом, контроля над ценами и заработной платой и т. п.). В той степени, в какой эти явления имеют место, представля-

ется обоснованным говорить о том, что пределы распоряжения средствами производства их владельцами ограничиваются, хотя частная собственность на средства производства не исчезает. В то же время распоряжение средствами производства политическим руководством социалистических стран не выражается в каком-то особом отношении людей, входящих в это руководство, к средствам производства. Иначе говоря, эти люди являются владельцами средств производства ничуть не больше, чем остальные члены общества, хотя в значительно большей степени, чем последние, принимают решения, касающиеся распоряжения средствами производства. Распоряжение средствами производства является в данном случае функцией общественного разделения труда, а не различий в обладании собственностью. Таким образом, участие отдельных индивидов в распоряжении средствами производства зависит от того, занимают ли они посты, связанные с распоряжением средствами производства или вообще материальными благами общества, и какие именно посты. Отсюда проистекают принципиальные различия между «распоряжением средствами производства» при социализме и в условиях строя, основанного на частной собственности.

Во-первых, господствующий класс в социальных системах, основанных на частной собственности, состоит из владельцев, которые являются диспозиторами средств производства индивидуально на основании того, что они ими владеют. Таким образом, это класс диспозиторов средств производства. В отличие от него политико-экономическое руководство в социалистических странах коллективно распоряжается средствами производства, принадлежащими всему обществу, от его имени и в его интересах. Члены этого руководства как индивиды не обладают никаким особым правом распоряжаться средствами производства, а коллективно распоряжаются ими на основании и в границах компетенций занимаемых ими должностей. Из этого следует, что они не могут произвольно распоряжаться средствами производства, не могут их продать, подарить, передать детям. Во-вторых, в результате существования частной собственности

на средства производства распоряжение ими является в принципе произвольным, независимым от демократического контроля. В той степени, в какой частная собственность остается неприкосновенной, неприкосновенным является и право владельца распоряжаться ею так, как он считает нужным и выгодным для себя самого. Интересы всего общества принимаются во внимание в крайне ограниченной степени, в какой удается — обычно в результате классовой борьбы трудящихся масс — добиться ограничения произвольного характера власти собственников над процессом производства и распределения.

В условиях социалистического хозяйства в этом отношении дело обстоит совершенно иначе. Распоряжение средствами производства или другими материальными благами осуществляется от имени общества и в его интересах. Диспозиты экономического процесса должны поэтому находиться под общественным контролем, причем степень и эффективность этого контроля могут быть мерилем продвижения вперед процесса обобществления средств производства¹³. Бывали случаи, когда имели место отступления от принципа демократического контроля над экономическим процессом, то есть и распоряжения материальными благами со стороны политического руководства. Эти отступления вытекали не из существа социалистического способа производства, а из деформации политических институтов; в результате эти отступления могут быть устранены без изменения строя и без ликвидации самого разделения на руководителей и руководимых. Реалистический подход к этой проблеме состоит не в выдвижении требований подобных изменений, которые привели бы к ликвидации на современном уровне развития социализма специальной функции политико-экономического руководства, а в разработке все более эффективных форм демократического контроля над всем процессом руководства социалистической экономикой. Это соответствует основным принципам социалистического строя и никоим образом не противоречит существованию специальной функции по-

литического и экономического руководства¹⁴. В этом смысле утверждение о том, что сам факт выделения руководящих функций якобы означает возникновение нового господствующего класса, оказывается словесным жонглированием, основанным на непризнании особых свойств отношений собственности на средства производства, которые (свойства) делают эту собственность основой разделения на классы.

Сравнение сложности труда на различных постах — руководящих и неруководящих — является трудновыполнимой задачей. Во всяком случае, мы не имеем анализа подобного типа, хотя и проводились многочисленные исследования. Я сомневаюсь, можно ли, например, сравнить «сложность труда» руководителя крупного хозяйственного ведомства со сложностью работы хирурга, делающего уникальную операцию, или композитора, создающего оперу. Поэтому я не связывал бы решение этой проблемы с поисками показателей сложности труда и показателей вознаграждения, адекватного этому сложному труду, а скорее исходил бы из анализа фактического распределения доходов в отдельных социально-профессиональных группах, учитывая при этом не только заработную плату, но и совокупность получаемых материальных благ. Такое сравнение позволяет сформулировать по крайней мере два вывода:

1. В условиях социалистических обществ (например, в условиях современной Польши) осуществление высших руководящих функций связано с получением значительных материальных благ, но размеры последних не превышают (а в некоторых случаях значительно им уступают) размеров материальных благ, которые получают представители ведущих групп в некоторых других профессиях (например, талантливые артисты или ученые, выдающиеся врачи или юристы, не говоря уже о группах, высокие доходы которых, как, например, эстрадных артистов, являются следствием не столько значительного количества и особого качества труда, сколько умения приспособиться к массовым вкусам).

2. Средний уровень доходов и других материальных благ, получаемых людьми, профессионально занятыми

в аппарате осуществления власти (партийном и государственном аппарате), не дает оснований рассматривать их в качестве группы, экономически привилегированной по сравнению со многими другими социально-профессиональными группами.

Следовательно, хотя социалистические общества не являются эгалитарными обществами, однако существующие в них экономические различия не имеют ничего общего с разделением, возникшим в результате того, имеет данный индивид или группа политическую и экономическую власть или не имеет ее. Это также опровергает (на что обращает внимание даже критически относящийся к социализму английский автор Д. Лейн¹⁵) утверждение о существовании «нового эксплуататорского класса». В то же время важной задачей марксистских общественных наук, в особенности марксистской социологии политических отношений, остается внимательное изучение того, как на практике складываются отношения между властью и другими формами общественной дифференциации. Исторический опыт свидетельствует, что деформации, иногда возникающие в этой области, имеют особенно большое и опасное воздействие на формирование общественно-политических отношений в социалистическом обществе и могут приводить к кризисным явлениям¹⁶. Хотя они и не вытекают из природы строя (а скорее, именно поэтому), их следует тщательно анализировать, исходя из того, что от правильной оценки обстановки и принятия соответствующих предупредительных мер зависит недопущение деформаций, которые противоречат социалистическому строю и приносят ему существенный вред. Однако это не имеет ничего общего ни с тезисом Джиласа о существовании «нового класса эксплуататоров», ни с анархистскими требованиями ликвидации всякого политического руководства. Но в то же время эта задача полностью соответствует программе укрепления и совершенствования системы социалистической демократии¹⁷.

2. Политические и экономические аспекты общественного развития

Марксистская теория общественного развития со всей определенностью подчеркивает значение экономических преобразований, то есть изменений в характере и уровне производительных сил и производящих вследствие за ними изменений в производственных отношениях в общем процессе социального развития. Развитие способа производства и обусловленное им развитие общественно-экономической формации основываются на изменениях, происходящих в общественном процессе труда, и в этом смысле также обусловлены прежде всего экономикой. Однако марксистская теория общественного развития не рассматривает технологическо-экономические изменения как единственный фактор, обуславливающий весь процесс общественного развития. Определяя производственно-экономические изменения в качестве основных, марксизм-ленинизм признает значение других, в особенности политических, аспектов общественного развития. Говоря, например, о первоначальном накоплении и анализируя в связи с этим различные методы перехода от феодализма к капитализму, К. Маркс подчеркивал, что «все они пользуются государственной властью, то есть концентрированным и организованным общественным насилием, чтобы ускорить процесс превращения феодального способа производства в капиталистический и сократить его переходные стадии. Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само насилие есть экономическая потенция»¹⁸.

Некоторые немарксистские авторы делают попытки противопоставить друг другу два якобы противоположных элемента марксистской теории: марксистскую теорию социальной эволюции и ленинскую теорию политического действия. «Марксизм как теория социальной эволюции, — пишет С. П. Хантингтон, — фактически оказалась ошибочной; ленинизм как теория политического действия — правильной. Марксизм не способен

объяснить завоевание коммунистами власти в таких отсталых в промышленном отношении странах, как Россия или Китай, а ленинизм способен. Решающим фактором является характер политической организации, а не стадия общественного развития»¹⁹. Противопоставляя ленинизм марксизму в вопросе о соотношении между экономическими силами развития и политическим действием, Хантингтон совершает двойную ошибку. Во-первых, он отождествляет марксизм с той его специфической формой, которая распространилась в начале XX века среди западноевропейской, и в особенности среди германской, социал-демократии и которая придала марксистской теории — вопреки собственным формулировкам ее творцов — вид экономического детерминизма²⁰. Действительно, при такой интерпретации общественного развития, которая придает *исключительное* значение изменениям в технологии или даже шире — в экономике, многие вопросы общественного развития как в прошлом, так и в настоящем — в том числе и социалистические революции нашего времени — остались бы без объяснения.

Однако марксизм никогда не абсолютизировал исключительно экономическое развитие и всегда подчеркивал активную роль политической надстройки в общественном развитии. Поэтому попытка представить марксизм исключительно как теорию стихийной общественно-экономической эволюции является полностью ошибочной. Вторая же ошибка Хантингтона состоит в том, что он интерпретирует ленинизм очень узко — лишь как теорию политического действия. Не подлежит сомнению, что В. И. Ленин внес значительный вклад в развитие марксизма, особенно в учение о партии, о социалистической революции, диктатуре пролетариата и революционном сознании. В. И. Ленин всегда связывал возможности и шансы успешных политических действий со степенью политической зрелости масс, а эту степень — с уровнем социально-экономических противоречий. Соответствует действительности лишь то, что В. И. Ленин отвергал упрощенные схемы Каутского или других теоретиков социал-демократии, которые утверж-

дали, что успех социалистической революции зависит исключительно от уровня экономического развития. Однако, подчеркивая большую, решающую роль объективных классовых противоречий, В. И. Ленин полностью учитывал объективный экономический аспект общественного развития. В этом смысле его теория политического действия является не отрицанием, как это утверждает Хантингтон, а именно творческим развитием и дополнением марксистской теории общественного развития, — теории, положения которой, сформулированные самим К. Марксом, недвусмысленно свидетельствуют о роли субъективного фактора — политики и идеологии.

«Обогащение» марксистской теории развития, которой приписывается узкоэкономический детерминизм, представляет собой своеобразно понимаемую трактовку политических аспектов общественного развития. Она особенно сильно проявляется в теории так называемых «стадий экономического роста», автором которой является американский ученый У. Ростоу²¹. Целесообразно уделить этой теории несколько больше внимания, так как на ее примере особенно ясно видна разница между марксистским пониманием диалектических взаимоотношений экономики и политики в процессе общественного развития и некоторыми широко распространенными теориями современной буржуазной науки.

Ростоу исходит в своей теоретической конструкции из ошибочной предпосылки, будто бы марксистская теория рассматривает общественное развитие лишь как следствие экономических изменений и отрицает взаимодействие экономики и политики. Полемизируя с марксизмом, Ростоу заявляет: «Хотя то, что экономические изменения влекут за собой политические последствия, соответствует действительности, сами общественные перемены здесь рассматриваются в качестве следствия действий как политических и общественных сил, так и узкоэкономических»²². Требование рассмотрения процесса общественного развития как единого целого, в котором различные стороны взаимосвязаны и взаимодействуют друг с другом, ни в малейшей степени не противоречит марксизму, наоборот, оно находит под-

тверждение в работах К. Маркса и его последователей. В то же время Ростоу обходит молчанием вопрос о том, что же является доминирующим аспектом процесса общественного развития. Вводя в качестве равноценных экономические, политические факторы, а также то, что он неудачно называет социальными факторами (хотя, по существу, и политика и экономика — социальные дисциплины), Ростоу уходит от исследования проблемы главных движущих сил общественного развития. Его теория развития является одним из вариантов «теории факторов», которая часто критиковалась марксистами.

С. Козыр-Ковальский пишет об этой теории следующее: «Наиболее популярной тенденцией в немарксистской гуманистике является ныне так называемая «теория факторов». Вслед за А. Лабриолой и Г. Плехановым мы будем этим термином определять эклектичную и в основе своей чисто вербальную попытку примирить противоположности, существующие между диалектическим материализмом и разными формами идеализма и метафизического материализма в подходе к общественной действительности. Исследователи, представляющие это теоретическое направление, считают, что все прежние теории общественного процесса отличаются «односторонностью», которая проявляется в попытках сделать какой-то один фактор — экономический, психологический, политический или биологический — главной причиной изменений и стабильности основных форм общественной жизни. Понимаемому таким образом «монокаузалizmu» «теория факторов» противопоставляет требование учета максимального количества факторов при исследовании общественных явлений. Представители этой теоретическо-методической тенденции, однако, не в состоянии указать, с помощью каких критериев можно в общественной действительности выделить этот «определенный фактор»? Как отличить, например, сферу экономических явлений от политических, психологических от общественных, юридических от моральных?.. Сторонники «теории факторов»... не в состоянии также определить взаимозависимости и обусловленности, су-

ществующие между факторами. Они обычно трактуют данный фактор как автономное явление, независимое от других факторов, имеющее определенный комплекс постоянных черт, позволяющих ему обуславливать определенные общественно-исторические конкретности... Следующей особенностью «теории факторов» является более или менее последовательное признание тезиса о том, что в обуславливании данного общественного явления все выделенные исследователем факторы играют «одинаково важную роль». Исследователь, руководствующийся такой теоретической концепцией, не сумеет при анализе данного явления отличить условия, обязательные и обеспечивающие его существование или изменения, от условий обязательных, но не обеспечивающих, а также от условий, благоприятствующих или не благоприятствующих устойчивости или изменению этого явления»²³.

Эти критические замечания по адресу «теории факторов» можно отнести и к общетеоретическим и методологическим предпосылкам теории Ростоу. Эта теория представляет собой попытку немарксистской науки создать альтернативную по отношению к марксизму теорию развития, причем отличительной чертой этой теории должно было быть введение политического аспекта общественного развития, якобы не признаваемого марксизмом.

По определению Ростоу, история человечества делится на пять стадий, выделенных по уровню экономического развития и соответствующим этому уровню политической структуре, идеологии и культуре. Эти стадии, по Ростоу, следующие²⁴:

- 1) традиционное общество;
- 2) период развития предварительных условий экономического старта;
- 3) период старта;
- 4) экономическая зрелость;
- 5) эра массового потребления.

Традиционное общество имеет структуру, детерминированную ограниченными функциями производства, оно основывается на данных доньютоновской науки и тех-

ники и имеет типичное для доньютоновской эпохи отношение к физическому миру. Росту разъясняет, что использует имя Ньютона как символ того рубежа, который преодолело человечество, избавляясь от упрощенных представлений о мире и ограниченных возможностей изменения мира с помощью производства. Традиционное общество — это прежде всего сельскохозяйственное общество, с иерархической социальной структурой, в этом обществе господствуют идеологии, которые рассматривают действительность и место в ней человека с фаталистической точки зрения. Несмотря на существование политической власти на центральном уровне, для традиционного общества характерна политическая децентрализация, то есть сосредоточение основной власти в руках отдельных землевладельцев.

Общество, которое вырастает из традиционного, Росту называет обществом периода развития предварительных условий экономического старта. Это переходное общество, оно уже не традиционное, но еще и не современное. Западная Европа находилась в этой стадии развития на рубеже XVII и XVIII веков, но условия, характерные для этого периода, начали формироваться еще раньше, в недрах традиционного общества. К этим условиям относятся наряду с развитием техники экономический прогресс и рост прибылей, с одной стороны, и централизованная политическая власть — с другой.

Период экономического старта (индустриализации) является для Росту определяющим моментом перехода от традиционного общества к современному. Экономическое развитие в это время становится характерной особенностью общества, а политическая структура порождает силы, способные политически обеспечить это развитие. Общество в период старта превращается в индустриальное общество, а современные методы производства проникают и в сельское хозяйство.

После периода старта общество входит в фазу, определяемую как зрелость. Длится она, по оценке Росту, около 60 лет от начала и 40 лет от завершения экономического старта. Получают развитие не только некоторые отрасли, обеспечивающие прогресс, но и вся

экономика в целом находится в стадии зрелости. Добыча и переработка сырья отходят на второй план по сравнению с более сложными отраслями, например химической или электротехнической промышленностью. Это фаза, в которой экономическое развитие находит достаточно сил в самом обществе, чтобы идти вперед естественным путем, без особых мобилизующих усилий политической власти.

В результате, как считает Росту, общество входит в высшую из известных до сих пор фаз развития, так называемую эру массового потребления. Соединенные Штаты, по его мнению, достигли ее в двадцатые годы XX века, Западная Европа и Япония — в пятидесятые. После эры массового потребления должна наступить в не слишком отдаленном будущем (для наиболее развитых стран) фаза, в которой производство и потребление материальных благ — в условиях высокого благосостояния — отойдут на второй план. Путь к этой фазе ведет через экономическую эволюцию, наиболее характерным примером которой для Росту служит история Соединенных Штатов.

Опираясь на сформулированную таким образом концепцию общественного развития, Росту полемизирует с марксизмом. Прежде всего он упрекает К. Маркса за принятие упрощенной, то есть исключительно экономической, версии детерминизма, в связи с чем, по его мнению, теория К. Маркса не была в состоянии объяснить процесс изменений²⁵. Он считает, что К. Маркс якобы не смог правильно предвидеть направление развития, так как он не принимал во внимание сложные мотивации, которыми люди руководствуются при решении вопросов, касающихся направления и методов развития. Наконец, Росту считает, что возникший в соответствии с теорией марксизма строй, в котором политика доминирует над экономикой, свидетельствует об ошибочности марксистской теории²⁶.

Данная полемика основывается на нескольких упрощениях и искажениях, ибо известно, что основоположники марксизма уделяли большое внимание неэкономическим механизмам развития, а если и акцентировали

роль экономики, то в значительной мере потому, что именно этот аспект исторического процесса буржуазная наука в то время игнорировала. Если взять теоретическую систему марксизма в целом, то основания для подобных заключений отпадут. Против приписывания К. Марксу экономического детерминизма свидетельствуют также его и Ф. Энгельса многочисленные высказывания в переписке последних лет их жизни. На первый взгляд для сторонников марксизма может показаться сложным опровержение положения, что историческое развитие социалистической формации якобы противоречит законам развития, которые сформулировал К. Маркс. Действительно, при переходе к социализму в странах, которые уже порвали с капитализмом, роль политической надстройки была решающей, и с нее начинались преобразования во всем экономическом базисе. Это перевернутая по сравнению с марксистскими обобщениями модель перехода от формации к формации: не в результате изменений, происходящих первоначально в базисе, за которыми следуют изменения в надстройке, а в результате революционного преобразования надстройки, которое влечет за собой преобразование производительных сил и производственных отношений. Однако следует помнить (о чем критики К. Маркса для собственной выгоды забывают), что он сам в предисловии «К критике политической экономии» сделал оговорку, что сформулированные им общие законы развития, в том числе и закон о первичности изменений в базисе по отношению к изменениям в надстройке, имели место в минувшей истории. К. Маркс не предрекал, что эти законы будут действовать и в будущем. Поэтому значительная роль политической и идеологической надстройки в условиях строительства социализма хотя и свидетельствует об отличии исторических процессов в этот период по сравнению с прошлым, но отнюдь не является основанием для критики марксизма*.

* Следует добавить, что предпосылки для развития самого базиса вызревали еще в недрах капиталистического строя в виде высокого уровня развития производительных сил и высокой степени обобществления производства. — *Прим. ред.*

Излагая политический аспект своей концепции (в особенности во второй цитируемой мною работе) подробно описывает политические институты, соответствующие отдельным стадиям экономического роста. Он тщательно исследует условия, которые позволили «успешно развить демократическую систему» в некоторых странах. Росту определяет демократию как метод, «который вынуждает правительство добиваться воспитания активной воли большинства управляемых и затем проявления этой воли, а не пассивного их согласия»²⁷. Среди многочисленных определений демократии это определение относится к числу наименее точных. Росту подчеркивает, что наиболее благоприятно для демократии состояние выхода из противоречивого периода создания предварительных условий для экономического старта, но предостерегает, что сам экономический старт — индустриализация — не гарантирует демократии. Росту подвергает нападкам коммунистические страны, которые, как он утверждает, установили систему, исключающую дальнейший выбор²⁸. Он рекомендует развивающимся странам избрать путь, по которому шли ныне развитые капиталистические страны, что якобы позволит им соединить демократию и экономическое развитие²⁹.

С этой точки зрения работы Росту типичны для основного направления американской науки, которое отождествляет демократию с американской (или американской и английской) системой и утверждает, что успешное экономическое и политическое развитие должно иметь именно такой, англо-американский характер. Лишь это якобы может привести к модернизации не только экономической, но и политической жизни³⁰. В этом смысле концепция экономического развития, приводящего к индустриальному обществу (или обществу «массового потребления»), становится теоретической основой для концепции «политической модернизации», используемой для распространения англо-американских политических образцов. В этом аспекте рассматриваемая теория развития является попыткой не столько объяснения или защиты сегодняшнего капиталистиче-

ского общества, сколько формой борьбы за то, чтобы этот образец — даже более в политике, чем в экономике, — распространить на другие страны. Бросается в глаза этноцентризм этой концепции, так как она принимает собственные — англо-американские — институты за универсальную модель демократии, которую можно якобы применять в отношении стран с иным типом культуры, традиций и общественной структуры. Следует отметить, что в другой известной теории политического развития, сформулированной Габриэлем Элмондом, хотя демократия также идентифицируется с англо-американскими образцами, но здесь по крайней мере признается множественность путей, а также вариантов, в которых может осуществляться политическое развитие в современном мире. В этом смысле эта теория (хотя в других вопросах она чрезвычайно противоречива) все же более обоснована, чем концепция Ростоу³¹.

Общим направлением западных, в особенности американских, исследований политического развития является поиск стратегии развития, которая позволила бы помешать успехам социализма. Об этом откровенно писал один из ведущих американских политологов К. Дойч, высказываясь не за веру в спасительное воздействие самого экономического прогресса, а за активное вмешательство в процесс общественного развития с целью преодоления отсталости и создания жизнеспособных политических систем некоммунистического характера³². К активным поискам некоммунистической модели развития призывает и Д. Ростоу, который в отличие от Липсета и Ростоу, однако, полностью отвергает возможность механического перенесения на развивающиеся страны западных образцов и выступает за плюрализм политических решений³³. Во всех этих теориях общественно-политического развития, выдвигаемых немарксистскими авторами, сильно акцентируется активная роль политики, и в особенности роль политических решений, касающихся выбора определенного варианта развития. Однако признание активной роли политических решений в общественном развитии отнюдь не чуждо и марксистской теории. Марксизм не отрицает

активной роли политической надстройки, а лишь указывает на то, что определенная политика сама в свою очередь является результатом определенных социально-экономических сил, прежде всего соотношения классовых сил. Тем самым то, что многочисленные немарксистские авторы ошибочно называют «ограниченностью» марксистской теории, в действительности является доказательством, что она далека от поверхностных оценок и ищет глубокие связи между всеми сторонами общественной жизни, в особенности между экономикой и политикой как между двумя взаимно дополняющими и взаимосвязанными сторонами исторического процесса.

Роль политических отношений в общем процессе общественного развития, следовательно, заключается:

а) в создании условий, облегчающих возникновение новой общественно-экономической формации путем обеспечения с помощью средств насилия политического господства более прогрессивного класса, который своими действиями содействует развитию производительных сил;

б) в создании возможности осуществления таких экономических мероприятий (как, например, накопление капитала, строительство дорог, гидротехнические работы), которые требуют концентрации экономических средств чрезвычайными методами;

в) в регулировании отношений распределения путем навязывания отдельным классам и общественным слоям таких решений, которые являются оптимальными с точки зрения обеспечения социального равновесия в рамках и на основе строя существующей формации, то есть тех, которые являются оптимальными с точки зрения долгосрочных, перспективных интересов правящего класса.

Эти три функции политических отношений в общем процессе общественного развития сформулированы здесь в чистой форме, в виде модели. Я совсем не утверждаю, что они всегда реализуются полностью или даже что они реализуются вообще. Политические отношения бывают столь консервативными, что становятся тормозом развития и даже источником регресса. Если главное внимание марксистской теории общественного развития сконцентрировано на проблемах социального прогресса,

то проблематике регресса уделяется значительно меньше внимания. Однако мне представляется, что именно анализ регрессивных явлений позволяет установить особенно значительную роль политических отношений в этих изменениях. Политическое господство реакционного класса в условиях, когда его интересы радикальным образом противоречат потребностям развития, нередко приводит не только к задержке развития, но даже к регрессу. Так было, например, в Польше или в Испании, где монополия политической власти в руках аристократии привела к задержке социально-экономического развития, а затем и к регрессу. Регрессивным фактором может быть проигранная война и как ее следствие политическое подчинение побежденной страны менее развитому победителю или победителю, сознательно проводящему политику экономического регресса. Социально-экономический регресс может быть также следствием внешней политики, которая вовлекает государство в непосильные для него действия. Так было, например, в результате длительной восточной экспансии Польши в эпоху династии Ягеллонов и в период выборной монархии. Наконец, регресс экономики, науки и культуры может быть следствием установления политического режима, который по идеологическим мотивам устанавливает такие ограничения в области творческой деятельности, что это приводит к регрессу страны с точки зрения общего уровня цивилизации. Преследование науки и культуры в Китае в период так называемой «культурной революции» середины шестидесятых годов является одним из самых свежих примеров в этой области.

Подходя к проблеме таким образом, следует рассматривать политические отношения как активный и важный аспект процесса развития, однако не изолируя их искусственно от экономического фундамента. Напротив, всегда существует возможность и необходимость выяснить, какие социально-экономические силы находят выражение в той или иной политике. Иначе говоря, связь политических и экономических аспектов общест-

венного развития есть связь двух сторон одного и того же процесса, рассматриваемого как единое целое.

Взаимосвязанность политических и экономических аспектов общественного развития проявляется со всей силой и в условиях строительства социализма, с тем, однако, что взаимоотношения обеих сторон принимают новую, свойственную этому строю форму. С самого начала особую значительную роль в социалистическом обществе играет политическая надстройка, оказывающая решающее воздействие на все другие стороны процесса развития³⁴.

При исследовании общественных преобразований, осуществляемых в социалистических странах, перед нами возникает необычно интересная теоретическая проблема, которая имеет значение не только для социалистических стран. Это проблема о возможностях, заключающихся в организованной, подчиненной определенной цели политической деятельности, в результате которой осуществляется преобразование общества. Исторический опыт, накопленный в этой области социалистическими странами, свидетельствует как о заключенном в политике огромном потенциале сил, способных преобразовать общество, так и о границах возможностей даже самой могущественной политической власти.

С этой точки зрения опыт социалистических стран позволяет увидеть проблему всеобщего значения, не ограничивающуюся лишь процессами перехода от капитализма к социализму. Повсюду, где предпринимаются попытки радикальной перестройки экономической структуры с помощью политических действий, опыт социалистических стран имеет весьма существенное значение. В настоящее время это прежде всего касается тех стран — недавних колоний, которые предпринимают усилия по ликвидации экономической отсталости и по преобразованию экономической структуры не путем постепенного создания технико-экономических предпосылок, а с помощью организованного политического действия. Новая в историческом смысле модель отношений надстройки и базиса, политики и экономики является одним из важнейших итогов опыта, приобретенного в процессе социалистического строительства.

Модель взаимоотношений между политикой и экономикой в условиях строительства социализма не является неизменной и одинаковой для всех социалистических обществ. Она зависит от

- а) достигнутого уровня развития;
- б) международных условий строительства социализма в данной стране и в данный период;
- в) выбора решения, сделанного политическим руководством.

Тем не менее можно сформулировать следующие гипотезы относительно общего направления, в котором эволюционирует эта модель:

1. По мере развития промышленности в социалистических странах функциональным становится высвобождение автоматических экономических регуляторов, и в связи с этим — ограничение принудительного вмешательства в область экономики. Этот процесс развивается легче и быстрее, если

- а) принятый вариант индустриализации приближается к варианту постепенной индустриализации или
- б) более полно будут реализованы задачи создания экономических основ сбалансированного экономического развития в результате изменений, вызванных ранней фазой индустриализации.

2. Однако даже в период высвобождения экономических саморегуляторов политика остается силой, вмешивающейся в экономику посредством

- а) определения границ, в которых допускается действие экономических саморегуляторов (например, границ действия законов рынка),
- б) экономического и социального планирования,
- в) осуществления действий по устранению непредвиденных и нежелательных экономических явлений.

Тогда можно будет говорить о переходе от соотношения, в котором политика, безусловно, доминирует над экономикой, к соотношению сбалансированного взаимодействия политики и экономики. В равном соотношении, которое представляется типичным для более развитой социалистической экономики, существует специализация политических и экономических функций такого типа,

когда политические решения принимаются лишь по вопросам, имеющим стратегическое значение для направлений развития экономики, оставляя широкое поле для самостоятельного принятия решений по технико-экономическим вопросам. Это, разумеется, предусматривает специализацию и разграничение компетенций политических и экономических руководящих органов разного типа. В равном соотношении политический аспект, однако, сохраняет определяющее влияние, хотя и реализует его косвенным путем. Тем самым можно сказать, что и в равном соотношении между политикой и экономикой социалистического общества сохраняется типичная для социализма более важная роль надстройки.

Другим аспектом зависимости между политикой и экономикой в условиях социалистического общества является влияние изменений в экономике, связанных с индустриализацией, на характер и способ функционирования политической надстройки. В этой области также практический опыт социалистических стран имеет большое значение.

В период ранней индустриализации реализуемые государством экономические задачи влекут за собой определенные последствия в области формирования политических институтов. Эти институты приобретают формы, позволяющие им обеспечивать максимальную эффективность мобилизации и сводить к минимуму действенность оппозиции против дорогостоящей программы индустриализации. В этом смысле экономика воздействовала на формы и содержание политических институтов в ранней фазе индустриализации.

Ее воздействие ощущалось и в более поздних фазах. Преобразование социальной структуры, прежде всего увеличение численности рабочего класса и интеллигенции, имеет важные политические последствия. Оно требует изменения стиля управления. Изменения стиля управления, диктуемые изменениями структуры промышленно развитого общества, состоят прежде всего а) в возрастании роли экспертов в управлении и б) в развитии системы политических консультаций, в особенности в отношении рабочего класса. Оба эти

изменения не происходят автоматически, в результате перемен в экономике. Экономика создает условия, в которых эти изменения становятся необходимыми для дальнейшего гармонического развития, и одновременно содействует появлению общественных сил, способных осуществлять эти изменения. Это вытекает прежде всего из роста численности, а в еще большей степени — зрелости и опыта индустриального рабочего класса, технической интеллигенции, научных кадров, а также из изменений, происходящих в составе и ориентации политического аппарата. Но одновременно действуют различного рода возражения и оговорки. Например, исследования деятельности органов местной власти в Польше и Югославии во второй половине шестидесятых годов выявили, что польские работники (в отличие от югославских) хотя и соглашались с принципом участия экспертов в принятии решений, но не были склонны одобрить принцип широкого участия всех граждан в этом. Было бы весьма интересно для теории и важно для практики дать ответ на вопрос, в какой степени мнения такого типа изменяются под влиянием меняющихся социальных и политических условий. Целесообразно было бы исследовать вопрос, насколько вышеупомянутые изменения стиля управления осознаются как необходимые и реальные (в смысле возможности их осуществления) различными общественными группами, в особенности теми группами, участие которых в управлении предусматривает эти изменения. Практический опыт в этой области еще недостаточно теоретически изучен; устранение этой диспропорции имело бы, как представляется, существенное значение для модифицирования методов деятельности политических институтов, адекватной потребностям и возможностям.

Рассмотрение этих вопросов приводит к выводу, что зависимость между политикой и экономикой в условиях социалистического строительства является двусторонней, хотя в этой двусторонней зависимости стороной, более активной и оказывающей более существенное влияние, представляется политика. Только тщательные исследования могут дать ответ на вопрос, как долго будет сохраняться этот тип зависимости.

3. Борьба классов в экономике и политике

Диалектическое рассмотрение марксизмом взаимоотношений между экономикой и политикой обуславливает особый подход марксистской социологической теории к вопросу о различных областях классовой борьбы, в особенности в ее экономической и политической формах. Хотя марксизм исходит из того, что источники классовой борьбы заключаются в противоположных позициях различных классов в способе производства, однако ему чужда упрощающая этот сложный вопрос предпосылка, будто классовая борьба ведется исключительно за материальные блага, за обладание собственностью, как это приписывает марксизму Росту³⁵.

В действительности именно созданная марксизмом четкая и свободная от вульгаризации теория классовой борьбы позволяет понять, каким образом в социально-политических конфликтах соединяются различные интересы и стремления, как экономические, так и неэкономические. При этом разделение общества на классы и вытекающая из этого классовая борьба опираются на экономический фундамент. Тот факт, что экономическая структура является основой классовой структуры и вытекающей из нее борьбы классов, отнюдь не означает, что классовая борьба ведется исключительно или даже главным образом вокруг экономических проблем. Рассматривая ход великих классовых боев, основоположники марксизма — К. Маркс в работах «Классовая борьба во Франции» и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и Ф. Энгельс в работе «Крестьянская война в Германии» — показали, каким образом противоположность объективных позиций в экономической структуре приводила к формулированию целей и программ, принципиально противоположных не только в сфере экономических требований, но и в сфере политических идей и целей. Только в некоторых случаях можно установить, что цели, которые ставит перед собой борющийся класс, соответствуют его экономическим интересам и что вообще борьба, которую он ведет, является борьбой за

осуществление его экономических интересов. Иногда же бывает так, что движущей силой этой борьбы становятся утопические идеалы, сформировавшиеся не из осознания актуально существующих возможностей, а под влиянием воспоминаний о прошлом³⁶. Следует ли говорить в таком случае, что классовая борьба ведется за материальные блага? Или скорее, что она ведется за достижение различных и разнородных целей, которые, однако, становятся целями классовой борьбы, так как существующая социальная структура, определяемая экономическим строем, вызывает поляризацию массово проявляющихся идеалов вокруг таких именно ценностей? Только второй ответ соответствует, по моему мнению, как данным исторической науки, на которые должна опираться современная теория классовой борьбы, так и направлениям исследований в этой области К. Маркса и Ф. Энгельса.

Исходным пунктом анализа различных областей классовой борьбы является, следовательно, не то, что эта борьба является экономической по своим целям, а то, что она определяется местом в способе производства, которое занимают отдельные классы. Однако это место не является лишь особенностью их *экономического* положения, а одновременно и особенностью их *политического* положения, или, подходя к этому вопросу несколько иначе, является особенностью положения данного класса в совокупной общественной структуре.

Ошибочность сведения причин классовой борьбы исключительно к экономическим мотивам становится очевидной, если вспомнить о крупных столкновениях — религиозных, национальных и «чисто политических» (то есть разыгрывающихся в сфере соперничества за власть между различными группами или даже лицами). В то же время от экономических условий общества зависят:

а) общее соотношение классовых и других общественных сил, определяемое прежде всего характером способа производства и этапом развития, на котором находится этот способ производства;

б) потенциал отдельных классов и общественных

слоев — как непосредственно экономический, так и политический, военный, пропагандистский и т. п. — в той мере, в какой этот потенциал определяется благами, находящимися в распоряжении отдельных классов, а не их сознанием, энергией, степенью организованности и т. п.;

в) направление развития классовой борьбы и ее окончательный результат, определяемый в значительной мере законами социально-экономического развития, в особенности законом развития способа производства и законом развития социально-экономических формаций.

Тем самым экономический аспект классовой борьбы играет свою особую, главную с теоретической точки зрения роль не из-за какой-то концепции мотивов человеческого поведения, которая предоставляла бы экономическим мотивам примат по отношению ко всем другим, а скорее исходя из характера общей теории общественного развития и места, которое в рамках этой теории занимает борьба классов как движущая сила развития. Другая же проблема, независимая от рассматривавшейся выше, состоит в том, насколько часто экономическая мотивация лежит в основе классовой борьбы. Исходя из марксистско-ленинской теории классовой борьбы, можно сформулировать две общие гипотезы по этому вопросу:

1. Наиболее часто отмечаемым в условиях низкого уровня классового конфликта проявлением этого конфликта является борьба, носящая экономический характер, концентрирующаяся на условиях жизни и труда и степени эксплуатации, жертвами которой являются эксплуатируемые классы; в этом смысле можно говорить об этой форме классовой борьбы как об «основной» форме, так как она появляется, как правило, раньше, чем возникают и развиваются другие, более высокие формы классовой борьбы.

2. На более высоких уровнях классового конфликта он может концентрироваться как вокруг экономических ценностей, так и вокруг ценностей, представляющих собой сублимированное выражение экономических ценно-

стей: религиозных, политических, философских, национальных и других; степень этой сублимации определяет, насколько эти неэкономические ценности автономизируются и становятся самостоятельными целями классовой борьбы.

Реалистический социологический анализ не может поэтому исходить из предположения, что в каждой эмпирически исследуемой ситуации будет доминировать экономический аспект классовой борьбы. Наоборот, как правило, бывает так, что, чем большей зрелостью отличается классовый конфликт, тем более он сублимируется в сознании и поведении действующих индивидов и масс, лишь в исключительных случаях приобретая непосредственно экономический характер.

По отношению к классовой борьбе пролетариата именно эта дифференциация стала основой марксистско-ленинской теории классового сознания, коммунистической партии и социалистической революции. Марксизм исходит из того, что стихийно формирующийся, слабо развитый конфликт между рабочими и капиталистами первоначально выражается лишь в экономической борьбе за улучшение условий продажи рабочей силы, то есть за размеры заработной платы, продолжительность рабочего дня, методы обращения с рабочими на предприятии и т. п.

Сознание, соответствующее этому виду классовой борьбы, не выходит за рамки «буржуазного» сознания, то есть его требования уместаются в границах капитализма.

В несколько ином контексте В. И. Ленин говорил о нем как о тред-юнионистском сознании рабочего класса, противопоставляя его революционному, зрелому сознанию. Лишь постепенное развитие классового конфликта, вытекающее частично из обострения объективных противоречий между классами, но в значительной мере зависящее от деятельности революционного авангарда — партии, способствует переходу к более высоким политическим и идеологическим уровням и формам классовой борьбы. Исходя из формулировок К. Маркса, В. И. Ленин развил оригинальную и реалистическую теорию комплексного рассмотрения всех экономических,

политических и идеологических уровней и форм классовой борьбы пролетариата.

Ленинская теория пролетарской революции отличается от других теорий, разработанных в марксистском рабочем движении, прежде всего тем, что она придает особое значение вопросу завоевания государственной власти путем переворота, использованию этой власти для перестройки общества и, наконец, роли организации революционеров — рабочей партии как организатора борьбы масс, как штаба, подготавливающего политический переворот, а затем руководящего преобразованием строя. Стихийное развитие борьбы рабочего класса не может, по мнению В. И. Ленина, привести к таким формам борьбы, которые позволили бы превратить локальный конфликт, носящий главным образом экономический характер, в политическую борьбу, то есть такую борьбу, которая может разрешить противоречия, существующие между пролетариатом и буржуазией. Для этого необходима партия революционеров, партия, которая в соответствии с концепцией В. И. Ленина не должна быть ни исключительно, ни главным образом инструментом экономической борьбы и защиты текущих интересов пролетариата. Она должна быть силой, подготавливающей борьбу за государственную власть с целью создания государства диктатуры пролетариата и построения социализма. В. И. Ленин писал: «Социал-демократия — «исполнительные группы» по отношению к экономической борьбе рабочих! Трудно было бы рельефнее продемонстрировать, как сбивается мысль «экономиста» с социал-демократизма на тред-юнионизм, как чуждо ему всякое представление о том, что социал-демократ должен прежде всего думать об организации революционеров, способных руководить *всей* освободительной борьбой пролетариата»³⁷.

Такая концепция роли революционной партии вытекает у В. И. Ленина из следующего понимания революционного процесса. Классовые противоречия, коренящиеся в капиталистическом строе, приводят к тому, что пролетариат выступает против капиталистов, защищая свои экономические интересы. Развитие капитализма

одновременно означает обострение этих противоречий, а также противоречий между капиталистическими государствами, но это не может самопроизвольно привести к пролетарской революции, завоеванию власти. Переходу власти в руки рабочего класса мешает то обстоятельство, что стихийно формирующееся сознание рабочих не является революционным сознанием, оно не выходит за рамки так называемого тред-юнионистского сознания, которое ограничивается лишь экономическими требованиями, в принципе не подрывающими основы капиталистического строя. «...Социал-демократического сознания у рабочих и не могло быть. Оно могло быть принесено только извне. История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское, т. е. убеждение в необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т. п.»³⁸.

Причины подобной ограниченности стихийного сознания рабочих представляют собой отдельную проблему, которая будет рассмотрена в главе XIII в связи с ленинской теорией развития сознания масс. В данном случае меня интересует связь этой проблемы с пониманием революционного процесса. В. И. Ленин отвергал как мысль о том, что из стихийной борьбы пролетариата может самопроизвольно родиться революционное сознание, что без особой роли партии революционеров экономическая борьба перерастет в политическую (то есть в борьбу за власть), так и мнение о том, что борьба за реформы может сама по себе якобы постепенно привести к осуществлению социализма. Тем самым центральной проблемой ленинской концепции революционного процесса стал вопрос о роли организации революционеров, являющейся теоретическим штабом и руководящим центром борьбы масс.

Такая организация не ограничивается лишь выполнением тех требований, которые массы выдвигают в своей борьбе в данный момент. В ее деятельности проявляется искусство соединения этой борьбы, которую

массы уже в состоянии вести на исторически определенном уровне их политического развития, с перспективой, открываемой революционной теорией. Именно в этом смысле «роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией»³⁹. Поэтому партия никогда не может забегать слишком далеко вперед, не должна ставить задач, которые непонятны и чужды массам, а также не может лишь пропагандировать лозунги, выдвинутые до этого рабочими. Она является выразителем их стремлений, но одновременно формирует эти стремления.

При таком подходе к вопросам классовой борьбы пролетариата видно, что ее ни в коем случае нельзя сводить ни к узкоэкономическим побуждениям, ни к чисто экономической борьбе. Признавая экономическую обусловленность классовой борьбы исторически и логически первичной, марксистско-ленинская теория классовой борьбы пролетариата рассматривает ее комплексно, соединяя в единое целое экономический, политический и идеологический аспекты. Марксистско-ленинская теория также выявляет особое значение политической сферы классовой борьбы как единственной сферы, в которой могут быть решены судьбы всей капиталистической формации — завоевание власти рабочим классом и начало построения социалистического общества. Тем самым в марксистско-ленинской теории классовой борьбы политический аспект отнюдь не отодвинут на второй план экономическим аспектом. Он тесно связан с ним, но одновременно является тем аспектом классовой борьбы, от которого в конечном счете зависит ее результат. Именно этим объясняется особое значение политической проблематики во всей теоретической системе марксистской социологии, о которой уже шла речь выше. По изложенным выше причинам эта «политичность» социологической теории марксизма отнюдь не противоречит важной роли экономики в совокупности общественной жизни. Политика и экономика еще раз предстают в тесной взаимосвязи.

VIII. Культура и политика

Политические отношения формируются под воздействием образцов культуры общества, в котором они проявляются. При рассмотрении аспекта политических отношений, связанных с культурой, анализу подвергается проблема тех норм и ценностей, которые являются обязательными для общества в различных областях жизни и тем самым оказывают воздействие на политические отношения. Будучи продуктом истории, образцы культуры данного общества представляют собой относительно устойчивые детерминанты массового, а часто и индивидуального поведения в различных областях жизни, политического и неполитического. Поэтому когда затрагивается проблематика, связанная с культурой в аспекте политических отношений, то имеется в виду, что политика служит не только формой действий по отношению к актуально существующим проблемам, но и отражением определенных относительно устойчивых предрасположений как в сфере политического поведения, так и в других сферах. Введение элемента культуры в социологическую теорию политических отношений является, таким образом, выражением признания общих, проявляющихся во всех областях жизни черт данного общества. Одновременно введение этого элемента анализа означает признание разнородности образцов политического поведения, зависящих от истории отдельных обществ. Наконец, введение этого аспекта в анализ политических отношений выдвигает на первый план размышлений о политике категорию *нации* как важнейшей формы сохранения исторически сформировавшихся образцов культуры. А это связано с проблемой национального характера и его роли в политической жизни.

1. Культура — личность — политика

Понятие «культура» относится к многозначным в науке, а в обиходной речи употребляется иначе, чем в научной терминологии.

В обиходной речи термин «культура» используется для обозначения некоей, впрочем недостаточно четко определенной, сферы явлений из области нематериального творчества. В связи с этим говорят о духовной культуре, культуре языка и даже о физической культуре, включая в них такие отличающиеся друг от друга явления, как литература и театр, кино и телевидение, футбол и гимнастические упражнения. Говорят также о «материальной культуре», имея в виду различного рода предметы, которые сохранились от минувших эпох и поэтому могут быть свидетельствами прошлого образа жизни. Все эти проявления «культуры» объединяет следующее обстоятельство: они являются плодом творчества людей, возникшим в процессе их общественных контактов¹. Однако этой особенностью обладают не только те творения, которые в обиходном языке обычно относят к сфере культуры. Поэтому некоторые социологи пытаются таким образом расширить понятие культуры, чтобы вместить в него все общественно объективизированные творения человека. В широком используемом определении культуры Стефан Чарновский охарактеризовал ее как коллективное достояние, коллективные достижения, результат творческих и преобразующих усилий поколений. «О культуре мы можем говорить, — писал он, — только тогда, когда открытие или изобретение сохраняется, когда его передают из поколения в поколение, когда оно становится вечным достоянием человеческой общности, а не привычкой отдельного индивида или его личным суждением»². Поэтому он определял культуру как «совокупность объективизированных элементов общественного достояния, общих для ряда групп и в силу своей объективности постоянных и способных распространяться в пространстве»³. Вслед за Чарновским пошел и Ян Ще-

паньский — автор самого развернутого в польской литературе определения культуры. «Культура, — указывает Щепаньский, — это все материальные и нематериальные продукты человеческой деятельности, ценности и признанные способы поведения, объективированные и принятые в любых общностях, передаваемые другим общностям и последующим поколениям»⁴. Понимая культуру таким образом, он включает в нее: 1) творения (материальные и нематериальные) человеческого труда; 2) образцы поведения и ценностные оценки; 3) институты, организующие поведение людей, — если они выполняют три условия: а) являются результатом человеческой деятельности, б) являются объективированными, в) настолько устойчивы, что их можно передавать в пространстве и во времени.

Это широкое социологическое понимание культуры четко противопоставляет ее природе. Культура — это все то, что создало человеческое общество. Природа — это то, что существует независимо от нас. Сама природа, однако, становится частичкой культуры в той степени, в какой мы преобразуем ее своей коллективной деятельностью. Заповедники, в которых сохранение нетронутой красоты природы является целью сознательной деятельности людей, — это образцы природы, включенной благодаря деятельности людей в сферу культуры.

При понимании культуры как объективированного достояния человечества возникает трудность в различении культуры и общества. Некоторые западные авторы, например Клухон⁵ или Гершкович⁶, вообще отказываются разделять эти понятия и, по существу, трактуют культуру и общество как синонимы. Однако в таком случае излишним становится использование двух разных терминов и, что еще важнее, теряется возможность выделения особой тематики исследований. По моему мнению, прав Крёбер, выделяющий культуру как определенный «уровень» иерархии, отличаемый от социального уровня путем научной абстракции.

«Культура, — указывает Крёбер, — представляет собой наивысший уровень иерархии среди различавшихся

до сих пор»⁷. «Культура, — отмечает он, — в соответствии со своим определением включает в себя понятие «общество», во всяком случае предусматривает существование общества как условия своего существования. Будучи чем-то общим и надиндивидуальным, культура может существовать только там, где существует общество, и, наоборот, каждому человеческому обществу сопутствует культура»⁸. Однако культура — это не то же самое, что общество, а скорее иной, по определению Крёбера, более высокий уровень иерархии, в рамках которого мысль исследователя классифицирует действительность мира людей. Свообразие культуры Крёбер видит в том, что она обусловлена «своим собственным накопленным прошлым»⁹. Иначе говоря, культура — это прошлое, живущее в настоящем, или же то, что в актуальном существующем обществе представляет его собственное прошлое и залог будущего.

При таком историческом подходе к культуре становится возможным объединить на его основе две концепции, которые, хотя и являются слишком узкими, точно подчеркивают определенные элементы преемственности культуры. Первой из них является понимание культуры как образцов поведения. «Под культурой мы понимаем признанные, одобренные, разделяемые и устойчивые образцы поведения группы, независимо от того, идет ли речь о большой или малой группе»¹⁰. Образцы поведения именно потому являются частью культуры, что представляют собой устойчивый элемент, передаваемый историей. Отдельные типы поведения не обязательно должны быть частью культуры, они могут быть индивидуальными, переходными, кратковременными действиями без прошлого и будущего. К культуре же относятся устойчивые, передаваемые образцы поведения — все равно, идет ли речь о способе строгания дерева, молитве, правилах дуэли или же решении общественных дел путем голосования и принятия воли большинства. Устойчивость образцов поведения, как и всех элементов культуры, является относительной. Эти образцы возникают и исчезают. Однако определенный элемент исторического существования необходим, чтобы

склонить нас к включению того или иного образца поведения в мир культуры.

Другой вариант понимания культуры, более узкий, но также истолковывающий ее как объективированное прошлое, предложил Флориан Знанецкий. Он рассматривал культуру как мир ценностей. «Мир культуры,— писал он,— является миром ценностей, а ценности — это первичный факт человеческого опыта, который нельзя свести ни к одной из природных категорий»¹¹. Ценности в понимании Знанецкого — это положительные или отрицательные оценки, определяющие наше отношение к окружающему миру. Мир культуры, воспринимаемый как мир ценностей,— это определенная перспектива во взгляде на нас самих и наше окружение. Общественные явления интересуют исследователя культуры с точки зрения «гуманитарного фактора»¹², то есть того, чем они являются для людей. Рассмотрение же человеческого общества под углом зрения его культуры подчеркивает тот фундаментальный факт, что только люди воспринимают окружающий их мир в категориях ценностей. Хотя взгляды Знанецкого эволюционировали, а последующее развитие социологии и наук о культуре принесло много новых подходов, все же такой взгляд на существо культуры удачно подчеркивал один ее аспект — элемент определения ценностей¹³. Во всяком случае, ценности являются продуктом истории, а их способность сохраняться, переходить из поколения в поколение представляет собой важный элемент постоянства культуры.

Для социологии особое значение имеет подчеркивание в рассуждениях о культуре связей, которые существуют между прошлым и настоящим, а также между настоящим и будущим. Историческая преемственность является следствием трех обстоятельств. Первое — это постоянство природной среды, в которой мы живем, и постоянство биологических качеств человека. Биологические свойства человека и вытекающие из них биологические потребности человеческого организма, а с другой стороны, качества природной среды являются устойчивым элементом жизни, подверженным чрезвычайно

медленным изменениям. Сменяющие друг друга поколения имеют дело почти с той же самой средой обитания. Мы едим, спим, дышим так же, как и люди, жившие тысячи лет назад. Мы купаемся в тех же самых морях и озерах, пересекаем те же самые реки и горные ущелья. Изменяется лишь способ выполнения этих функций, а не их естественный характер.

Другим элементом исторической преемственности является то, что мы оставляем в виде созданных нами предметов. Пирамиды видели не только войска Наполеона, который обращал на них внимание солдат, чтобы поднять их боевой дух, но они были свидетелями и будут свидетелями сменяющихся поколений, все более далеких от тех, которые своим трудом возводили их. Мы живем в мире предметов, только часть которых мы создали сами. Умирая, мы оставляем следующим поколениям мир предметов, который будет определять преемственность их образа жизни, как наш образ жизни был в значительной мере обусловлен предметами, которые были созданы людьми, жившими до нас.

Третьим элементом исторической преемственности является комплекс ценностей и образцов поведения, а также наших знаний и представлений о мире — словом, все то, что существует лишь в нашем сознании, однако не создается произвольно нами самими, а скорее представляет собой духовное достояние человечества, передаваемое из поколения в поколение в процессе воспитания. Это о нем говорил К. Маркс в своей работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»: «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых. И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее и создают нечто еще небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, бое-

вые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыгрывать новую сцену всемирной истории. Так, Лютер переодевался апостолом Павлом, революция 1789—1814 гг. драпировалась поочередно то в костюм Римской республики, то в костюм Римской империи, а революция 1848 г. не нашла ничего лучшего, как пародировать то 1789 г., то революционные традиции 1793—1795 годов. Так, новичок, изучивший иностранный язык, всегда переводит его мысленно на свой родной язык; дух же нового языка он до тех пор себе не усвоил и до тех пор не владеет им свободно, пока он не может обойтись без мысленного перевода, пока он в новом языке не забывает родной»¹⁴.

Преемственность культуры — это не только преемственность формы. Это также преемственность содержания, преемственность оценок и ценностей, преемственность поведения. Самые крупные революции являются осуществлением идеалов, сложившихся в прошлом и наследуемых из поколения в поколение. И в революционные моменты своей истории люди следуют образцам поведения, проверенным в прошлом. В этом смысле культура как сфера исторической преемственности представляет собой необычайно важный элемент понимания общественной жизни.

Разумеется, не следует абсолютизировать элемент преемственности в мире культуры. Без исторической преемственности нет культуры, но отсутствие изменений в культуре привело бы к стагнации, а вслед за ней и к упадку. Диалектику преемственности и изменений в культуре весьма удачно охарактеризовал Казимеж Добровольский: «Каждая актуально существующая культура опирается в более или менее значительной степени на наследие прошлого. В ее состав входят элементы, сложившиеся в отдаленные и более близкие эпохи. Однако жизнь каждого поколения протекает не только под воздействием наследия. Огромную роль играют изменяющиеся условия бытия, в рамках которых возникает новое поведение и культурная деятельность, вырастающие из определенных потребностей. Под влия-

нием изменившихся условий формируются также новые стремления и тяга к таким формам жизни, которых еще не было. В связи с этим поколения, входящие в жизнь, по-своему относятся к наследию прошлого. Они могут отбросить или переделать его, внести в достояние культуры новые ценности и достижения в зависимости от исторических условий, от общественных отношений, от текущих потребностей... Взаимоотношение этих элементов, разумеется, всегда зависит от ритма развития, свойственного данной культуре в определенную эпоху»¹⁵.

Значение культуры состоит, таким образом, в том, как переданное нам прошлое формирует наши представления о мире и способы поведения. Человек как социальная личность является творением культуры, поскольку она — продукт накапливающихся, постепенно изменяющихся, но одновременно сохраняющих свою преемственность исторических обусловленностей. Человек не является биологическим механизмом, физическая структура которого реагирует определенным образом на стимулы окружения. Он является продуктом культуры, которая определяет способ реагирования на эти стимулы. В этом смысле перспектива культуры, то есть именно историческая перспектива, представляет собой необходимый элемент анализа всех областей человеческой жизни. Политика не составляет при этом исключения.

Учет традиций культуры при анализе политических отношений означает признание следующих положений:

1. Политические отношения определяются не только актуально существующим соотношением сил, но также накопленными в ходе исторического процесса и передаваемыми в рамках культуры представлениями о мире, ценностями, образцами поведения. Политика является частью культуры постольку, поскольку в политической деятельности проявляются определенные ценности и определенные устойчивые образцы поведения. Рассматривая политику с этой же точки зрения, мы учитываем не только актуальные интересы и действующие силы, но и модифицирующее воздействие прошлого. Говоря

точнее, интересы и силы, существующие в настоящее время, мы сможем понять, локализуя их в определенную историческую действительность мира культуры.

2. Власть — это центральное явление мира политики — одновременно может рассматриваться как часть мира культуры. Взгляд на политику через призму культуры позволяет лучше понять, какая власть, в какой степени, когда и для кого является ценностью, а также каково взаимоотношение между различными ценностями, например между властью и собственностью, властью и престижем, властью и религиозной святостью, властью и моралью. Все эти взаимоотношения подвергаются изменениям, но в отдельных культурах они отличаются значительной стабильностью. Без их учета можно самое большее создавать схемы политической игры как абстрактно понимаемой игры сил, но нельзя понять подлинный политический процесс.

3. Разнородность культур — во времени и пространстве — позволяет понять, почему некоторые политические системы, соответствующие одним условиям, терпели поражение в других условиях, почему те же самые действия по отношению к одному народу дают ожидаемый эффект, а по отношению к другому приводят к неудаче. Различие культур — это различие способов восприятия действительности, способов ее оценки и как следствие этого — способа действий. Не будет большим преувеличением сказать, что разнородность культур приводит к тому, что мы живем и действуем в различной социальной действительности. Это также является обязательным элементом социологического анализа политических отношений.

Говоря о различии культур, я затрагиваю особенно важную проблему — проблему нации и национального характера. Хотя это не единственный критерий, по которому культуры отличаются друг от друга, существуют различия между крупными культурными регионами («европейская культура», «средиземноморская культура»), а также различия между менее крупными «субкультурами» (отдельных регионов, классов, слоев, групп, поколений и т. п.). Однако в политике особое

значение придается различиям, вытекающим из своеобразия национальных культур и черт национального характера. Поэтому следует уделить им больше внимания.

2. Национальный характер и политические отношения

В социологических теориях, посвященных нации, обязательно затрагивается проблема «национального характера», «психических черт нации» или «психического склада нации». Так, в определении нации, выработанном в кругах австромарксизма, общий национальный характер стал первым и основным критерием выделения нации. Отто Бауэр писал по этому поводу следующее: «Нация — это относительная общность характера, так как на протяжении веков у больших масс членов нации можно наблюдать ряд одинаковых черт, и, хотя все нации, как и люди, обладают некоторым количеством совпадающих черт, имеются определенные черты, присущие только этой нации и отличающие ее от других; это не абсолютная, а относительная общность характера, так как отдельные члены нации наряду с общими для всей нации чертами имеют, кроме того, индивидуальные черты (а также групповые, классовые, профессиональные черты), которыми они отличаются друг от друга»¹⁶.

В современной советской литературе чаще всего говорится о «психическом складе нации» или о «национальном характере» и подчеркивается связь между ними и национальной культурой¹⁷.

Категория национального характера или его эквивалентов находит широкое отражение и в буржуазной литературе. В качестве примеров можно упомянуть работы таких авторов, как М. Гинзберг¹⁸, М. Мид¹⁹, А. Инкелес²⁰, А. Карднер и Р. Линтон²¹, а из более ранних авторов — Э. Бакер²².

В этих определениях, как правило, отсутствует анализ конкретно-классового содержания национального

характера, что в очень большой степени отличает их от марксистских определений. В то же время высказывается мнение, что исторические судьбы нации приводят к формированию своеобразных психических черт ее членов и что эти черты, часто называемые национальным характером, существенным способом воздействуют на поведение нации в различных жизненных ситуациях. В западной литературе можно встретить также значительное расхождение мнений по поводу самого определения национального характера. Дуйкер и Фрийд (Нидерланды), работа которых содержит много фактических данных по данной проблематике, выделяют шесть основных определений национального характера²³.

1. Национальный характер понимается как определенные психологические черты, характерные для всех членов данной нации, и только для них. Это распространенная, но уже редко встречающаяся в науке концепция национального характера.

2. Национальный характер определяется так же, как «модальная личность», то есть как относительная частота проявления определенного типа личности среди взрослых членов какой-либо нации.

3. Национальный характер понимается как «основная структура личности», то есть как определенный образец личности, доминирующий в культуре данной нации.

4. Национальный характер может пониматься как система позиций, ценностей и убеждений, разделяемых значительной частью данной нации.

5. Национальный характер определяется путем анализа психологических аспектов культуры, рассматриваемых в определенном, особом смысле (в частности, в работах Ф. Знанецкого).

6. Национальный характер рассматривается так же, как интеллект, выраженный в продуктах культуры, то есть в литературе, философии, искусстве и т. п.

Не все эти определения одинаково часто встречаются в современной научной литературе. Более всего используются, как мне представляется, второе, третье и четвертое из вышеприведенных определений националь-

ного характера, причем не все авторы четко разграничивают значения, в которых применяется этот термин.

Изменения черт личности поляков в условиях социалистического общества были рассмотрены в ряде серьезных публикаций. В 1968 году редакция еженедельника «Политика» провела анкету на эту тему. Высказывания довольно широкого круга ученых и публицистов затем были изданы отдельной книгой²⁴. Теоретическую проблематику изменения личности в условиях социалистического строительства рассматривал Я. Щепаньский²⁵. Важные замечания о психологическом облике современной польской нации содержатся в статье В. Маркевича о политической культуре²⁶. Эти вопросы затронуты также в нескольких публицистических статьях Я. Щепаньского²⁷. Следует также упомянуть интересную, но крайне спорную книгу А. Бохеньского, в которой подвергаются нападкам психические черты нашей нации²⁸. Точка зрения Бохеньского подверглась критике со стороны многочисленных публицистов, которые в основном справедливо обвиняли его в отсутствии глубокого анализа, в поверхностной, упрощенной аргументации. Однако эти обвинения не значат, что высказывания Бохеньского следует полностью игнорировать. Хотя его книга дискуссионная, во многом спорная и по ряду принципиальных вопросов ошибочная, но все же она ставит важную проблему оценки личности современного поляка. Наконец, упомяну раздел, посвященный национальному характеру в моей книге по национальному вопросу: там содержится более широкий обзор литературы по данному предмету²⁹.

В другой публикации, рассматривая изменения, которые произошли в характере польской нации в условиях социалистического строительства, я коснулся и изменений в облике личности³⁰.

В некоторых упомянутых здесь работах появился термин «психический склад нации». Под ним понимается совокупность психических черт, то есть позиций, ценностей, убеждений и предрасположений, которые в настоящее время присущи представителям нации. Так как эти черты весьма различны, анализ психического

склада нации должен включать: а) средние психические черты нации, б) доминирующие черты, то есть присущие самым многочисленным группам в пределах нации, в) степень однородности (гомогенности) или различия (гетерогенности) психических черт в пределах нации. Следует также помнить, что психический склад нации включает как черты относительно устойчивые, так и временные, как свойственные только данной нации, так и имеющиеся у других наций.

Более узким является понятие эмпирического национального характера, под которым я понимаю статистическую равнодействующую национальных, специфических черт психики членов нации. Иначе говоря, это такие психические черты, которым свойственна относительно прочная устойчивость и которые отличают данную нацию от других более, чем отдельные общественные группы в пределах этой нации. Таким образом, национальный характер является основной частью психического склада нации, но не исчерпывает этого понятия.

Наконец, мы используем понятие «национальный характер» и в нормативном смысле, имея в виду личный образец (или личные образцы), доминирующий в присущей данной нации системе воспитания и объективированный в таких очевидных продуктах культуры, как литература, легенды, историческая традиция. Нормативный национальный характер оказывает существенное влияние на воспитание и поэтому должен учитываться в данном контексте. Определение же того, в какой мере нормативный национальный характер совпадает с эмпирическим и насколько он является фактором, формирующим типичное поведение членов нации, должно стать предметом исследований.

Помимо этих трех определений, можно встретить еще одно — «национальный стереотип». Говоря о национальных стереотипах, мы имеем в виду обобщенные и эмоционально окрашенные представления о каких-либо других нациях или о собственной нации. В зависимости от того, кого касается стереотип, мы говорим о *стереотипах* и *собственных стереотипах*. Стереотипы — это

своего рода представления о других нациях, а собственные стереотипы — представления о себе. Стереотипы являются образами нации, но образами особого типа. В них проявляется обобщенность, иначе говоря, упрощение, а также — и это их важнейшая особенность — эмоциональная окраска. Существует обширная социологическая литература, посвященная проблеме стереотипов. Они являются также благодарной темой для исследований. В национальных стереотипах в какой-то мере отражаются психические черты представителей нации, которая признает данный стереотип; в этом смысле анализ стереотипов больше говорит нам о тех, кто верит в стереотипы, чем о тех, на кого распространяется данный стереотип. Не подлежит также сомнению, что национальные стереотипы играют большую роль в формировании поведения больших групп людей. Это — важное основание для проведения исследований по данному вопросу.

Современное состояние социологии, психологии и этнографии позволяет сформулировать некоторые выводы о явлениях, определяемых понятиями «психический облик нации» или «национальный характер». В свете научных данных опровергнуты прежние представления по этому вопросу, в особенности взгляд, что психические черты нации якобы имеют врожденный характер (объясняются «кровью, текущей в жилах» или были «впитаны с молоком матери», как это формулировалось в обиходных выражениях, не имеющих ничего общего с наукой).

Мы знаем, что психические черты нации изменяются, что они подвергаются эволюции под влиянием различных исторических обстоятельств. Мы отдаем себе также отчет в том, что некоторые черты имеют относительно более постоянный характер (хотя никогда не бывают неизменными), чем другие. Личностные предрасположения, например, меньше подвержены быстрым изменениям и превращениям, чем взгляды и мнения по отдельным вопросам. Отсюда вытекает методологический постулат внимательного изучения изменений, происходящих в психическом облике нации.

Мы отдаем себе отчет в том, что психические черты нации не имеют характера абсолютных и повсеместно проявляющихся в рамках данной нации качеств всех ее членов. Каждая нация включает целую гамму типов личности. Единственно, что мы можем утверждать на основе изучения психического склада или национального характера,— это то, что определенные черты более распространены в данной нации, чем другие, что в статистическом смысле они доминируют. Однако ни в коем случае это не будет означать, что такие черты обязательно будут присущи каждому члену этой нации.

Мы знаем также, что психический склад нации различается не только в индивидуальном, но также и групповом и в особенности классовом смысле. Как справедливо отмечает А. Кюсковская, характер типичного польского интеллигента совсем не похож на характер типичного крестьянина или рабочего. Анализ психического склада нации должен поэтому быть направлен на определение не только средних статистических показателей для всей нации, но своеобразных психических черт, свойственных отдельным классам, прослойкам, региональным и профессиональным группам в рамках нации. Такой подход существенно осложняет анализ психического склада нации.

Наконец, имеется много данных, свидетельствующих о том, что в каждом обществе существуют определенные групповые психические черты, которые навязываются представителям других групп в качестве образца для подражания и в этом смысле представляют собой доминирующий элемент психического склада нации. К. Добровольский отмечает, например, что типичным для прежней Польши было копирование крестьянами некоторых черт шляхты, с тем, однако, что крестьяне перенимали шляхетские черты с запозданием, когда в шляхетских кругах они уже не проявлялись³¹. Этот тип классово-групповых заимствований представляет собой особо важный, хотя и недостаточно изученный механизм формирования психического склада отдельных классов и прослоек в рамках нации.

Принятие предпосылки об исторической изменчиво-

сти психического склада каждой нации приводит к необходимости определить факторы, которые вызывают эти изменения. Я определяю эти факторы следующим образом:

1) *элементы исторического наследия*, то есть все то, что было накоплено в прошлом и что оказывает влияние на психические черты нации, в особенности к ним относятся:

а) унаследованные от прошлого типы личности,

б) закрепляющие их личностные образцы, содержащиеся в национальной культуре, причем особенно важное значение имеют образцы, содержащиеся в литературе,

в) исторический опыт прошлого, закрепленный в памяти живущих поколений, в исторических документах и памятниках национального прошлого;

2) *структурные факторы*, то есть совокупность условий, в которых в настоящее время существует нация; к ним в первую очередь относятся:

а) виды и способы функционирования экономических и политических институтов,

б) взаимоотношения общественных классов и прослоек;

3) *воспитательные факторы*, то есть совокупность действий, сознательно предпринимаемых для формирования психического склада нации, в их числе мы выделяем:

а) воспитательную деятельность государства и господствующих в государстве общественно-политических сил,

б) воспитательную деятельность других общественных сил, руководствующихся другими целями, отличными от целей государства,

в) стихийное воспитательное воздействие в рамках малых общественных групп, особенно в семье, в кругу друзей или соседей.

Под воздействием всех этих влияний формируются различные типы личности. С точки зрения степени совпадения типов личности с воспитательными целями системы мы можем выделить три основных типа:

тип личности, адекватный требованиям системы, то есть такой тип личности, в котором доминируют черты, формирования которых добиваются руководящие силы данной системы,

тип личности, сохраняющий пережитки прошлого, то есть такой тип личности, который сопротивляется принятию новых черт и сохраняет в качестве доминирующих те черты, которые система пытается преодолеть,

тип негативного приспособления, то есть такой тип личности, который приспособливается к способу функционирования новой системы не путем принятия ее ценностей, а путем овладения механизмами успешного действия в рамках новых институтов.

Концепция национального характера в ее современной, свободной от идеалистического содержания интерпретации представляет собой весьма существенный элемент социологического анализа политических отношений, ибо она позволяет избежать односторонности при объяснении взаимозависимости между общественной структурой и политическим строем, а также между геополитическими условиями и политикой государства. Одна и та же структура или одни и те же геополитические условия могут породить различные политические отношения в зависимости от того, какой тип сформированного историей национального характера является доминирующим.

Используя современную социологическую терминологию, можно сказать, что национальный характер оказывается в данном случае центральной «интервенирующей переменной»*.

Зависимость между национальным характером и политическими отношениями является при этом двусторонней, а не многосторонней, так как:

1. Национальный характер, будучи продуктом наслаивающихся друг на друга исторических воздействий, формируется в большой мере — хотя не исключительно

* При всем значении национального фактора, определяющее влияние на политические отношения оказывает, по нашему мнению, уровень и характер экономического и социального развития. — *Прим. ред.*

и даже не главным образом — под влиянием политических отношений прошлого. Под влиянием исторических условий формируются те аспекты национального характера, которые имеют особое политическое значение. Длительное пребывание под деспотическим гнетом иностранных захватчиков способствует формированию анархического отношения к власти. Длительное пребывание в состоянии войны или подготовки к войне способствует формированию таких национальных черт, как воинская доблесть, чувство чести. Необходим длительный опыт успешной деятельности демократических институтов, чтобы в национальном характере появились такие функциональные по отношению к этим институтам черты, как терпимость, готовность к деловому сотрудничеству с людьми, разделяющими иные взгляды, уважение прав меньшинства. Словом, анализ изменений, происходящих в политических отношениях, должен учитывать их влияние на черты национального характера.

2. Национальный характер одновременно оказывает воздействие на политическое поведение людей, а тем самым — хотя и опосредованно — на политический строй. Одно поведение, побуждаемое относительно устойчивыми чертами национального характера, может оказаться функциональным, а другое поведение — дисфункциональным по отношению к определенному строю. Многие неудачи политических реформаторов происходили потому, что эти деятели не учитывали взаимозависимости, существующей между чертами национального характера и особенностями строя, который они пытались создать. Это проявляется, например, в провале попыток перенести североамериканские образцы государственного устройства на Латинскую Америку³². Национальный характер оказывает влияние и на направление эволюции политической системы, причем чаще всего бывает так, что в процессе этой эволюции модификации подвергаются не только институты, но и черты национального характера, создавая в результате новое, более гармоничное целое. Национальный характер

в значительной степени определяет поведение наций в кризисных ситуациях*.

Нельзя, например, понять единодушной сплоченности польского народа перед лицом гитлеровского шантажа весной 1939 года, если не учитывать такие черты польского национального характера, как любовь к независимости, чувство чести и воинская доблесть. То, что поляки первыми оказали вооруженное сопротивление гитлеровской Германии, вытекало не из сложившегося стратегического положения, качественно лучшего, чем положение предыдущих жертв гитлеровской агрессии, а именно из определенных национальных черт, которые независимо от глубоких политических различий, раскалывавших в то время польскую нацию, делали капитуляцию перед врагом неприемлемой.

Политик, учитывая национальный характер народа, знает, что он должен с ним считаться в своих действиях и воздействовать на него. Действия, не соответствующие устойчивым чертам национального характера, приводят к неудачам. Об этом знают политики, которые, основываясь на опыте или научном знании, понимают, что способы правления, где-то и когда-то приносившие успех, могут быть обречены в их стране на провал. Одновременно политик-реалист может искать наиболее подходящие способы воздействия на национальный характер в направлении, совпадающем с теми долговременными целями, которые он ставит перед собой. Такое воздействие будет успешным только тогда, когда оно будет основываться на последовательном формировании объективных условий, способствующих появлению определенных психических черт нации. Если ставится цель воспитания чувства государственной ответственности у граждан, то недостаточно, например, лишь призывать их к этому, используя средства пропаганды, а нужно создавать политические условия, в которых граждане могли бы фактически брать на себя

* В советской литературе распространена точка зрения, что более существенное влияние на политические институты и политические отношения оказывает политическая культура, а не национальный характер. — *Прим. ред.*

все большую ответственность за общие дела. В этом состоит эффективность политического воздействия на национальный характер. Необходимо также всегда помнить, что национальный характер формируется и изменяется в течение длительных исторических периодов. Если текущая политика может быстро приспосабливаться к изменяющимся условиям данного момента, то национальный характер остается относительно устойчивым. В этом смысле он представляет собой фактор, ограничивающий свободу политических действий.

3. Политическая культура

В последние годы в научной литературе, как в марксистской, так и немарксистской, широкое распространение получил термин «политическая культура» и связанная с ним проблематика. Эти вопросы рассматривались в социологии политических отношений (хотя и не под этим названием) уже давно — в особенности в веберовской теории трех чистых типов, выделенных по различным способам легитимирования власти. Однако лишь теоретические разработки шестидесятых годов придали проблематике политической культуры серьезное значение в современной социологии политических отношений.

Политическая культура — это совокупность позиций, ценностей и образцов поведения, затрагивающих взаимоотношения власти и граждан. В связи с этим мы относим к политической культуре:

- а) знания о политике, знакомство с фактами, интерес к ним;
- б) оценку политических явлений, оценочные мнения о том, как должна осуществляться власть;
- в) эмоциональную сторону политических позиций, как, например, любовь к родине, ненависть к врагам;

г) признанные в данном обществе образцы политического поведения, которые определяют, как можно и как следует поступать в политической жизни.

Такое определение политической культуры, повторенное здесь из моей более ранней работы³³, базируется на определении, введенном Г. Алмондом, которого справедливо считают пионером проблематики политической культуры в мировой науке.

«Политическая культура,— отмечают Алмонд и Поуэлл,— служит образцом индивидуальных позиций и ориентаций в отношении политики, проявляющихся среди членов политической системы. Она субъективна и лежит в основе политических действий. Индивидуальные ориентации включают несколько составных частей: а) *познавательные ориентации* — точные или ошибочные сведения о политических объектах и убеждениях; б) *эмоциональные ориентации* — чувство привязанности по отношению к политическим объектам; в) *оценочные ориентации* — суждения, мнения относительно политических объектов, что, как правило, предполагает применение оценочных стандартов к политическим предметам и событиям³⁴. Это определение является наиболее широким пониманием политической культуры. Некоторые марксистские авторы подчеркивают оценочный аспект политической культуры, как это делает, например, В. Маркевич. Он считает, что «под политической культурой следует понимать те элементы глобальной культуры, которые касаются ценностей, признаваемых данной группой... и относятся к системе государственной власти»³⁵. Другие отмечают, что политическая культура означает «уровень знаний и представлений различных слоев общества и индивидов о власти и политике, а также определенную этим степень их политической активности», как пишет Ф. Бурлацкий³⁶.

Предлагаемое мною понимание политической культуры не исключает ни одного из приведенных выше, но соединяет их в некое, по моему мнению, гармоничное целое. Нельзя сводить понятия политической культуры исключительно к психическим состояниям. Нужно включить в него также определенные образцы поведе-

ния. Это соответствует общему пониманию культуры, о которой шла речь во вступлении к данному разделу, а также той исследовательской интуиции, которая заставляет искать определенные устойчивые образцы поведения как важные черты культуры, определяющие общественные и политические действия. В польской литературе последних лет можно сослаться на статью Ч. Мойсевича о политической культуре социалистического общества³⁷.

О политической культуре можно говорить в связи с анализом общества в целом, а также в связи с анализом его отдельных составных частей. Американские авторы Берч и Занинович, применяя статистическую технику факторного анализа, выделили в рамках югославской политической культуры три различных регионально-национальных типа политических культур³⁸. Анализ облегчался тем, что он проводился на материале страны, представляющей собой федерацию нескольких отдельных наций с различным историческим прошлым и культурой. Однако нельзя исключить, что и в стране, однородной по национальному составу, можно было бы выделить политические субкультуры, например соответствующие различным политическим судьбам отдельных частей этой страны в прошлом. Было бы интересно эмпирически проверить распространенное убеждение, что политические культуры регионов Польши, прежде входившие в состав России, Германии и Австро-Венгрии, еще и сегодня имеют некоторые специфические, ослабевающие со временем черты.

Выделение политических субкультур может, однако, производиться не по территориальному или национальному принципу, а по принципу выделения самостоятельных культур отдельных составных частей политической системы. В этом смысле Р. Патнэм требует исследования «политической культуры элиты» и упрекает американскую науку за отсутствие исследований в этой области³⁹. Его собственная книга об итальянских и британских политиках задумана именно как анализ «политической культуры элиты»⁴⁰. Другой американский автор, К. Джовитт, предлагает выделение трех

различных уровней политической культуры: политическая культура элиты, политическая культура строя и политическая культура общества; эта классификация предполагает четкое различие между «строим» и «обществом», что во многих случаях является неоправданным⁴¹. В частности, утверждение Джовитта, что в социалистических обществах существуют автономные политические цели строя, которые, однако, подвергаются определенной модификации под влиянием политической культуры общества, нельзя признать обоснованным, поскольку неверен тезис о внешнем по отношению к обществу происхождении политического строя: он исключает национальные революционные традиции, которые лежат в основе возникновения социалистических государственных систем. Однако независимо от слабости этого противопоставления удачным представляется введение различия между политической культурой деятелей, то есть политического авангарда, и политической культурой масс. Степень подобия или даже идентичности этих двух политических культур может определяться эмпирическим путем, но нет оснований принять в качестве предпосылки, что это две совершенно одинаковые культуры.

До сих пор речь шла о выделении различных политических субкультур в рамках взятой в целом политической культуры общества. Существует, однако, интересная проблема типов политической культуры, выделяемых на основе сравнительного анализа различных политических культур, существующих в отдельных странах. Родоначальниками такой типологии являются Алмонд и Верба, исследования которых, посвященные политической культуре США, Англии, Италии, ФРГ и Мексики, были первой попыткой определения эмпирическим путем типов политических культур⁴². Эта работа является весьма противоречивой и неоднократно подвергалась критике⁴³. Тем не менее, учитывая важность затронутой исследовательской проблематики, эта работа заслуживает внимания.

Исходным пунктом исследования Алмонда и Вербы является конструирование трех «чистых типов полити-

ческой культуры» и выведение из них дальнейших смешанных типов политической культуры⁴⁴. Чистыми типами, по их определению, являются:

1. «Патриархальная политическая культура», самыми близкими эквивалентами которой в действительности могут быть политические культуры африканских племен и отличительной чертой которой является полное отсутствие у подданных интереса к политической системе.

2. «Подданническая политическая культура», отличающаяся сильной ориентацией на политическую систему и результаты ее деятельности, но слабой ориентацией на активное участие в функционировании политической системы.

3. «Активистская политическая культура» (или «культура участия»), в которой граждане активно заинтересованы не только в том, что им дает политическая система, но также и в том, что они могут играть активную роль в этой системе.

Из смешения элементов этих трех чистых типов возникают еще три политических культуры: патриархально-подданническая, подданническо-активистская и патриархально-активистская. Именно эти смешанные типы политической культуры, по мнению Алмонда и Вербы, преобладают в истории⁴⁵.

Смешанным типом политической культуры является и то, что Алмонд и Верба называют гражданской культурой. Это активистская культура, в которой элементы патриархальной и подданнической политической культуры не были полностью устранены, а были включены в политическую культуру. Хотя черты активистской политической культуры доминируют, однако граждане сохраняют также и более традиционные черты патриархальной и подданнической культуры⁴⁶. Такая политическая культура, по мнению авторов, наиболее характерна для буржуазно-демократических систем и способствует их функционированию. Исходя из сравнительного анализа отношения населения пяти названных выше стран к политической системе, авторы приходят к выводу, подтверждающему гипотезу о функциональности понимаемой таким образом «гражданской

культуры» по отношению к демократической системе, причем американская и английская системы признаются наиболее типичными и стабильными демократическими системами. Это положение работы Алмонда и Вербы особенно уязвимо для критики, так как авторы явно заблуждаются и это заблуждение имеет идеологическую подоплеку. Они отождествляют демократию с англо-американскими политическими системами и определяют «гражданскую культуру» таким образом, что ее эмпирически подтверждаемыми чертами является соответствие с принципами и способом функционирования англо-американской модели демократии; из-за этой этноцентрической ошибки основные выводы книги «Гражданская культура» грешат тавтологией⁴⁷. Однако это не означает, что эта работа не представляет никакой ценности. Конструируя первую типологию политических культур и используя для их изучения сравнительные исследования, Алмонд и Верба проложили путь интересной и достойной внимания тематике. Слабая сторона их книги (на что указывают как Ф. Бурлацкий и А. Галкин, так и К. Пэйтмэн) связана с:

неклассовым подходом к анализу;

принятием консервативной предпосылки, что существующая система англо-американской демократии является совершенной и не может с рациональной точки зрения вызывать ее отрицание или порождать другие отрицательные позиции;

односторонним пониманием зависимости между политической структурой и культурой, выражающимся в том, что отмечается влияние политической культуры на политическую систему, но почти полностью игнорируется влияние политической системы на сопутствующую ей политическую культуру.

Эти слабые стороны работы Алмонда и Вербы характерны для всего направления западной, и в особенности американской, общественной науки в первое двадцатилетие после второй мировой войны, то есть до появления во второй половине шестидесятых годов радикального течения, ставящего под сомнение обоснованность идеологической ориентации на апологию строя

и сохранение социального статус-кво. Сегодняшние критические замечания по поводу этой работы, выходящие из-под пера не только марксистских, но и немарксистских западных авторов, свидетельствуют о том, что идеологическая ограниченность авторов «Гражданской культуры» не осталась незамеченной. Однако одновременно критика не отрицает значения проблематики политической культуры и необходимости сравнительного, международного исследования этой проблематики, инициаторами которого и были Алмонд и Верба.

Для марксистской социологии политических отношений разработка собственной типологии политических культур представляется важной задачей по двум причинам. Такая типология необходима для анализа исторически изменяющихся типов политической культуры и для историко-сравнительного анализа политических систем. Одновременно типология имеет важное значение как инструмент формирования такой политической культуры в социалистическом обществе, которая наилучшим образом соответствовала бы потребностям развития социалистической демократии. Помимо разработки типологии политических культур, необходимы эмпирические исследования политической культуры в социалистическом обществе, являющиеся составной частью исследований динамики развития социалистической политической системы и сопутствующего ей общественного сознания.

Исходным пунктом разработки марксистской типологии политических культур должен быть конкретно-исторический подход к рассмотрению политической культуры в ее связи с политическими системами и лежащими в их основе общественно-политическими формациями. Это не означает, что каждой формации должен сопутствовать только один тип политической культуры. Напротив, подобно тому как формы государства бывают различными в рамках одного типа, определяемого характером формации, так и политические культуры бывают разными. Однако отдельные политические культуры, существующие в одной и той же формации, могут иметь такие общие черты, которые

позволяют говорить о них как о разновидностях, относящихся к одному, более широкому типу.

Подходя таким образом к типологии политической культуры, следовало бы прежде всего выделить тип *традиционной политической культуры*, соответствующий в принципе рабовладельческому и феодальному строю и характеризующийся

а) признанием священного характера власти;

б) признанием, что права подданного и права власти по отношению к подданному регулируются традиционными нормами, вытекающими из утверждения, что так «было всегда»;

в) признанием неизменности политической системы и ее основных норм.

Традиционная политическая культура выступает в трех разновидностях:

1. *Традиционная племенная культура*, для которой характерны значительная власть веча (народного собрания) и существенные ограничения статуса вождя, который является вышестоящим лицом, но не господином по отношению к членам племени, находящимся под его властью.

2. *Традиционная теократическая культура*, в которой властелин является богом или заместителем бога и его власть ограничивается лишь тем, как понимается воля бога; теократическая культура характерна для народов, у которых традиционная политическая система создавалась пророками новых религий.

3. *Традиционная деспотическая культура*, в которой отношение подданных к властелину основано на признании его абсолютной, ничем не ограниченной власти над ними; властелин является господином и владельцем всех подданных.

Эти три разновидности традиционной политической культуры различным образом скрещиваются друг с другом. Элементы племенной культуры могут соединяться с элементами теократической культуры. Может быть, что процесс возникновения деспотической политической культуры не завершается; тогда складывается своего рода смешанная политическая культура с эле-

ментами племенной культуры и элементами деспотической культуры.

Наряду с традиционной политической культурой добуржуазная эпоха знает второй тип политической культуры, который мы могли бы назвать типом политической культуры сословной демократии. Значительная часть и даже большинство населения полностью отстранено от участия в политической системе, чаще всего лишено каких-либо личных прав. Существующие же политические права гарантируют участие в правлении и контроле для меньшинства из привилегированных сословий.

В истории существовали две разновидности этой политической культуры: *патрицианская культура* некоторых греческих городов, республиканского Рима и некоторых итальянских городов средневековья, а также *дворянская политическая культура*, например в Польше и Англии эпохи позднего средневековья и раннего периода новой истории. Основная разница между ними состоит в том, что ограниченные масштабы городской патрицианской демократии создавали возможность для развития ценностей и норм, типичных для непосредственной демократии, в то время как дворянская демократия, существуя в рамках больших государственных территорий, вынуждена была создавать институты, а также ценности и нормы поведения, свойственные представительской системе.

Возникновение капитализма и вовлечение масс в политическую жизнь создали новые виды политической культуры, наиболее общей чертой которой является то, что можно было бы назвать «массовой политической культурой», то есть факт, что эта культура не какого-то обособленного классового меньшинства, а широких слоев общества. Однако этот «массовый» характер буржуазной политической культуры не препятствует тому, что эта культура служит укреплению классового господства буржуазии и содержит нормы и ценности, соответствующие ее классовым интересам.

«Массовость» политической культуры буржуазного общества состоит в том, что классы трудящихся становятся объектом активной обработки со стороны

партий и групп имущих классов, пытающихся обеспечить не только пассивное согласие, но и активную поддержку ими политики имущих классов.

Буржуазное общество знает два основных типа политической культуры: *демократический* и *автократический*. Для первого характерны активность граждан, их включенность в политическую систему, признание гражданских прав и свобод, а также принципа контроля гражданами деятельности правительства, признание политических различий и игры политических сил в рамках и на основе капиталистического строя. Демократизм этой политической культуры отнюдь не исключает введения в ее рамках антидемократических ограничений, как, например, объявление радикальных левых организаций «силой, подрывающей строй», и лишение их благоденствий демократии.

Буржуазно-демократическая культура выступает в первую очередь в двух разновидностях, которые можно назвать *консервативно-либеральной* и *либерально-демократической*. Консервативно-либеральная культура признает в качестве самых главных ценностей такие, как гражданские права и свободы, но в то же время отрицает общественно-реформаторский аспект политической культуры и даже прямо отвергает его. В принципе здесь не идет речь, а если идет, то с большими ограничениями, о государственных реформах, изменяющих распределение национального дохода или направленных на защиту эксплуатируемых классов. В либерально-демократической политической культуре, напротив, признанию основных ценностей и образцов поведения, типичных для системы буржуазной демократии, сопутствует ожидание социальных реформ — в рамках капиталистической системы, — осуществляемых государством. В странах, управляемых социал-демократическими партиями, как, например, в Скандинавских странах, сложилась именно такая разновидность политической культуры.

Второй тип буржуазной политической культуры — *автократический* — является отрицанием буржуазно-демократического типа. Он признает в качестве идеала

государства сильную и неконтролируемую власть, исключая демократические права и свободы граждан. Этот тип, воплотившийся в различного рода милитаристских и фашистских режимах XX века (а в XIX веке — в виде бонапартизма), имеет две разновидности: *авторитарную* и *тоталитарную*. Первая отличается от второй тем, что не предусматривает активного участия масс, их политической мобилизации и использует идеологию исключительно в качестве инструмента для обеспечения пассивного послушания масс. Тоталитарная политическая культура⁴⁸, сопутствующая фашистским и полуфашистским системам, объединяет культ лидера, сильной власти с активным привлечением граждан к участию в политической жизни в соответствии с принципами, установленными лидером. Во многих государствах капиталистической ориентации, возникших на месте бывших колоний и руководимых военными, существует именно такой авторитарный тип политической культуры, хотя имеют место попытки, редко удающиеся, создания там тоталитарной культуры.

Социалистическое общество создает свой собственный тип политической культуры. *Политической культурой социалистической демократии* можно назвать комплекс ценностей и образцов поведения, который в максимальной степени адекватен потребностям развития политической системы социалистической демократии и который предусматривает активное участие граждан в осуществлении власти на всех уровнях, одобрение и активную поддержку гражданами социалистического строя, демократические формы политической деятельности, позволяющие выявлять и представлять взгляды и интересы в рамках социалистической системы, социалистическую законность, социалистический интернационализм. Такая политическая культура создается постепенно в процессе укрепления и развития социалистической государственности. Ее формирование тормозится пережитками буржуазных политических культур, которые не исчезают сразу после ликвидации буржуазной политической системы. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что традиции царской бюрократической

системы тяготеют над молодым государством рабочих и крестьян⁴⁹, указывал, что бюрократические традиции прошлого могут приводить к появлению отрицательных политических явлений в социалистическом государстве. Можно сказать, что почти все существующие ныне социалистические государства имели в прошлом традиции автократических политических культур периода капитализма, и это воздвигало существенные препятствия в развитии социалистической демократии и соответствующей ей политической культуры. Эти препятствия устраняются в процессе развития и созревания социалистического общества. Однако в этом процессе нельзя надеяться только на автоматическое воздействие времени. Необходима правильная политика партии и правительства, направленная на развитие социалистической демократии. Когда такая политика отсутствует, как, например, в маоистском Китае, создается не политическая культура социалистической демократии, а автократическая политическая культура, не соответствующая потребностям социалистической системы, ослабляющая и извращающая ее. В условиях социалистического строя эта культура носит дисфункциональный характер по отношению к строю, но в результате влияния традиции и ошибок в политической деятельности она может на протяжении какого-то времени сформироваться как доминирующая разновидность политической культуры.

	<i>Основные типы</i>	<i>Второстепенные типы</i>
Докапиталистические формации	Традиционная политическая культура	Политическая культура сословной демократии
	1. Племенная	1. Патрицианская
	2. Теократическая	
	3. Деспотическая	2. Дворянская

Капиталистический строй

Буржуазно-демократическая политическая культура

Автократическая политическая культура

1. Консервативно-либеральная
2. Либерально-демократическая

1. Авторитарная
2. Тоталитарная

Социалистический строй

Политическая культура социалистической демократии

Реликтовая автократическая культура*

Названные здесь типы политических культур иногда проявляются в определенных соединениях или разновидностях, не имеющих четких признаков. Тем не менее именно эта классификация позволяет, по моему мнению, представить отличие политических культур и процесс их развития в виде определенной упорядоченной системы. Сравнительные же исследования современности и истории должны дать ответ на вопрос о том, как возникали и изменялись отдельные типы политических культур, какие силы формировали эти культуры и как они влияли на другие аспекты политических отношений. Это еще предстоит сделать.

* Надо заметить, что автократическая политическая культура ведет к деформации самого социалистического строя, что и произошло в маоистском Китае. — *Прим. ред.*

IX. Психология политических явлений

Политические отношения, как и всякие общественные отношения, имеют свой психологический аспект, так как определенным образом затрагивают чувства людей и основываются на характерных чертах людей, вступающих в эти отношения. Было бы ошибкой сводить все политические явления исключительно к их психологическому аспекту, но столь же ошибочным было бы игнорировать психологический аспект политических явлений, отрицать его значение. При этом речь совсем не идет о механическом соединении экономических, культурных и психологических элементов, а скорее об осознании того факта, что каждое общественное явление, а значит, и каждое политическое явление одновременно имеет свой экономический аспект, свой культурный аспект и свой психологический аспект, причем все они тесно взаимосвязаны. Очень точно раскрыл эту проблему Эрих Фромм, отмечавший, что «...экономические, психологические и идеологические силы действуют в общественном процессе следующим образом: человек реагирует на изменения внешней ситуации, изменяясь сам, в свою очередь эти психологические факторы содействуют формированию экономического и общественного процесса. Экономические силы действуют эффективно, однако их следует считать не психологической мотивацией, а объективными условиями; психологические силы также действуют эффективно, однако в них следует видеть историческую обусловленность; идеи также эффективны, однако их корни уходят в целостную структуру характера членов данной общественной группы. Несмотря на наличие взаимозависимости экономических, психологических и идеологических сил, каждая из них в отдельности обладает определенной степенью независимости. Это в особенности относится к экономическому развитию, ко-

торое зависит от объективных факторов, таких, как природные производительные силы, техника или географические факторы, и происходит в соответствии со своими собственными законами. То же самое... относится к психологическим силам. Они формируются внешними условиями жизни, но обладают собственным динамизмом, то есть являются выражением человеческих потребностей, которые можно преобразовать, но не искоренить... В результате изменения социальных условий изменяется общественный характер, то есть возникают новые потребности и новые тревоги. Эти новые потребности рождают новые идеи и приводят к тому, что человек становится в определенной степени готовым принять эти идеи; в свою очередь новые идеи содействуют упрочению и интенсификации нового общественного характера и определяют действия человека. Другими словами, через характер социальные условия воздействуют на явления из области идеологии, с другой же стороны, характер не является результатом пассивного приспособления к социальным условиям, а складывается в результате динамичной адаптации, связанной с факторами, которые либо биологически присущи человеку, либо стали его второй натурой в результате исторической эволюции»¹.

Такое определение полностью подходит для анализа психологического аспекта политических явлений, тем более что оно сформулировано в контексте теоретических обобщений, выведенных из анализа типично политического явления — «бегства от свободы» к той или иной форме авторитаризма. Социолог политических отношений не должен отказываться от анализа психологических механизмов, так как экономические силы и наследие культурной традиции никогда не действуют сами по себе, а всегда реализуются через поступки определенных людей. Психологизация политических явлений состоит не в том, что учитывается психологический аспект этих явлений, а в том, что он изолируется от объективной экономической обусловленности и от культурного контекста, в которых они имеют место. В свою очередь допускается фетишизация политических отно-

шений, если в них видят только действия анонимных, внеличностных сил, не принимая во внимание те психические состояния, которые толкают индивидов к совершению тех, а не иных действий². Обе эти односторонние точки зрения находят отражение в научной литературе, в том числе и у некоторых марксистских политологов, более склонных, однако, к недооценке, чем к переоценке, психологического аспекта политических явлений. Однако нет оснований приписывать марксистской теории игнорирование роли, которую играет в истории психологический аспект политических явлений. Исторический материализм, подчеркивая роль личности и роль идей в истории, тем самым оставил открытой дверь, ведущую к анализу психологического аспекта политики. Психологический аспект был основательно представлен в марксистском анализе политики, например в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и других.

Хотя анализ психических явлений в политической сфере производился и прежде — либо исходя из предпосылок, касающихся психической природы человека, как у Макиавелли, Гоббса, Локка или Руссо, либо исходя из определенных психологических теорий, как, например, теория наследственности Тарда или теория резидий и отклонений (дериваций) Парето, — однако подлинным переломным моментом в этой области стал психоанализ З. Фрейда. Большое значение, которое он придавал психологической интерпретации политических явлений, неоднократно подчеркивают современные авторы³, отмечая, впрочем, что определения Фрейда в своем первоначальном виде содержат много упрощений. Однако Фрейд, уделив большое внимание невротическим явлениям в общественной жизни, стал инспиратором тех современных социологов политики и политологов, которые пытаются увязать психологические интерпретации патологических состояний с анализом политических отношений. Наиболее характерным в этом смысле является вклад Лассвэлла в американскую политическую науку и социологию политических отношений⁴. Подчеркивая важный с точки зрения истории этой отрасли на-

уки вклад Фрейда, а затем его продолжателей: Адлера, Юнга, Хорни, Фромма, Долларда, Миллера и других, — которые, впрочем, тем или иным способом, выступали с позиций «ревизии» взглядов творца психоанализа, я совсем не утверждаю, что современная социология политических отношений должна искать главную опору именно в психоанализе. Наоборот, при рассмотрении психологического аспекта политических явлений нужно отбросить ограниченность психоаналитического направления, в чем, кстати, некоторые ученые этого направления полностью отдают себе отчет. Речь при этом идет не только о принципиальных изменениях, которые внесли во взгляды Фрейда его преемники, ревизуя, например, концепцию пансексуализма или типичное для Фрейда рассматривание индивида как существа по натуре своей биологического, а уже вторично — социального. Речь идет о чем-то более важном и принципиальном для социологии политических отношений — о соотношении патологических и нормальных явлений. Следствием сильного влияния психоанализа на психологическую интерпретацию общественных и политических явлений стало доминирование психопатологической точки зрения, концентрирующей внимание на выяснении таких политических явлений, которые в соответствии с так или иначе понимаемыми общественными нормами представляют собой патологию. Я совсем не отрицаю, что психопатология может широко применяться в исследованиях политики, но считаю, что применение психологии не сводится лишь к объяснению патологических явлений. Напротив, как нормальные, так и патологические политические явления требуют интерпретации в психологических категориях, тем более что психологический механизм возникновения патологических явлений нередко подобен механизму возникновения некоторых явлений, которые считаются нормальными.

Психологический аспект политических отношений не совпадает с тем, что мы назвали бы «политическим сознанием». Политическое сознание как совокупность взглядов, оценок и эмоций, касающихся политики, является одной из областей действительности, которую

социология политических отношений изучает эмпирически, пытаясь объяснить ее на основе комплекса теоретических утверждений. Говоря же о психологическом аспекте политических отношений, я имею в виду все те черты личности, которые необязательно объективно связаны с политическими явлениями, но оказывают влияние на политику.

Иначе говоря, психологический аспект политических явлений может быть аналитически выделен как определенная система, разъясняющая политические отношения. Так, центральной категорией всей социологии политических отношений является категория власти, подобно этому и центральной категорией психологического аспекта политических явлений является психологический механизм, обуславливающий отношение индивида к власти. Чем является власть для управляющих и управляемых, какие черты личности формируют то или иное отношение к власти и вместе с тем как определенные политические отношения формируют определенные, адекватные им черты личности — вот основные проблемы, которыми интересуется социолог политических отношений, когда рассматривает психологический аспект политических явлений.

1. Власть как психологическое явление

О власти мы можем говорить как о психологическом явлении в таком смысле: осуществляющий власть и подчиненный власти имеют определенные, общественно сформированные предрасположения, которые приводят к тому, что а) эти лица в большей или меньшей степени хотят занять положение в обществе, которое обеспечит им власть или позволит сохранить максимально возможную автономию по отношению к власти или, наконец, подчинит их чьей-либо власти; б) они в большей или меньшей степени приспособлены к тому месту в иерархии власти, которое они занимают, и вследствие

этого лучше или хуже выполняют функции, вытекающие из политической роли, предписанной им (с их участием или без него) обществом. Определяя таким образом психологическую природу явления власти, нужно сразу же подчеркнуть связь между психологической и общественной природой власти. Стремление к власти или уход от нее, лучшее или худшее приспособление к ней — все это психологические явления. Однако фактический доступ к власти, характер отношений власти, методы ее осуществления — это социальные явления, определяемые общественной системой в целом, и прежде всего экономическим строем общества и вытекающей из этого уклада классово-структурой. Если бы власть была только психологическим явлением, ее распределение и осуществление полностью соответствовало бы психологическим чертам индивидов. Однако в действительности так не происходит, о чем убедительно свидетельствует вся история ожесточенной борьбы за власть, за методы ее осуществления, за ее границы. Конфликт между психологическими предрасположениями индивидов и их местом в политической структуре вытекает прежде всего из того, что власть — это явление и общественное, и психологическое. В качестве общественного явления она подчиняется объективным законам, независимым от человеческих представлений и стремлений, вытекающим, говоря в самой общей форме, из процесса общественного развития, в котором экономическое развитие играет решающую роль. Как явление психологическое она существует в сфере восприятий и переживаний личности и зависит от сложных, формируемых не только под воздействием общества, его экономики и его культуры черт личности людей, над которыми власть осуществляется. Диалектика этого взаимоотношения социальной и психологической природы власти представляет собой важный аспект психологического анализа политических отношений.

При рассмотрении психологического аспекта власти перед нами возникает несколько вопросов. Во-первых, какие психические предрасположения приводят к тому, что одни люди стремятся к власти, в то время как дру-

гие избегают ее; какие общественные и личные условия формируют эти предрасположения? Во-вторых, какова зависимость между методами осуществления власти и борьбы за власть, с одной стороны, и чертами психики людей, участвующих в этой борьбе, — с другой; являются ли определенные черты психики функциональными по отношению к существующим политическим условиям и как это воздействует на отбор людей, осуществляющих власть? В-третьих: каковы механизмы и психологические источники политических конфликтов и как они соотносятся с общественными условиями, порождающими эти конфликты? Все эти вопросы затрагивают то, что я называю психологическим аспектом политических явлений. Но я отнюдь не считаю, что ответ на них мог бы исчерпать проблему в ее более широком аспекте, выходящем за рамки психологии. Тем не менее эти вопросы являются важными, без их уяснения не может существовать законченная теория социологии политических отношений.

Психологические явления, связанные с отношением людей к власти, и в прошлом представляли собой предмет оживленных дискуссий о роли психологии в политике. Некогда считали, что всем людям свойственно стремление к власти, как, например, всем людям (если не считать отдельных индивидов, которые вследствие своей немногочисленности трактовались скорее как исключение) свойственно более или менее сильное стремление к материальным благам или признанию. В действительности во многих теориях общественной стратификации неравный доступ к материальным благам, образованию, престижу и власти принимается за основу дифференциации, исходя из предположения, что каждая из этих четырех ценностей служит объектом почти всеобщих стремлений. Однако отношение людей к власти обнаруживает интересную амбивалентность, значительно более сильную, чем отмечаемая амбивалентность отношения к материальным благам, образованию и престижу. Эти три ценности вызывают почти всегда либо положительные, либо нейтральные ощущения и только в исключительных случаях, у групп или индиви-

дов, составляющих абсолютное меньшинство, — отвращение. В то же время власть у одних возбуждает сильные положительные ощущения, выражающиеся в страстном стремлении к власти, а у других — не менее сильное отвращение, выражающееся в ее отрицании, в уклонении от любых функций осуществления власти и так далее. Уже сама амбивалентность ощущений, которую вызывает власть, должна стать предметом размышлений. Зависит ли это только от того, какой является эта власть? Наверняка нет, так как в одно и то же время одна и та же власть вызывает весьма различные реакции у разных людей. Но это зависит не только от постоянных черт личности, так как один и тот же индивид по-разному относится к власти в различных системах общественных отношений. Следовательно, мы имеем дело со взаимным проникновением и взаимным сплечением психических предрасположений, имеющих довольно постоянный характер, и внешних по отношению к личности условий, не зависящих от психических черт этой личности.

В последующих рассуждениях меня интересует только первая сторона проблемы — тип психических предрасположений по отношению к власти, их корни и их последствия. Рассматривая этот предмет с точки зрения типологии, можно сказать, что люди по отношению к власти занимают две позиции: либо ее ищут, либо ее избегают. Я говорю здесь о позиции в отношении к собственному участию в осуществлении власти, оставляя в стороне вопрос о поддержке или отказе в поддержке, подчинении и отсутствии подчинения по отношению к власти, осуществляемой кем-то другим. Иван может лично избегать функций, связанных с осуществлением власти, хотя одновременно к существующей власти — государственной, профессиональной или какой-либо иной — может относиться доброжелательно, испытывать к ней положительные эмоции и подчиняться ей. А Петр может испытывать чрезвычайно сильное желание властвовать и добиваться власти различными средствами, хотя одновременно по тем или иным причинам может отказывать в уважении и подчинении той

или иной существующей в данный момент власти. В психологической интерпретации явления власти нас главным образом интересуют наличие стремления к власти или к избеганию ее, а также вытекающее из него стремление участвовать в политической жизни или, наоборот, избегать участия в ней.

Поиски и избегание власти являются крайними ситуациями определенного континуума, в рамках которого мы можем выделить следующие явления, выступающие с различной интенсивностью:

- а) участие в политической жизни;
- б) интерес к политической жизни и ее механизмам;
- в) информированность о политической жизни.

Между этими показателями отношения к власти существует определенная связь: информированные, как правило, больше интересуются политикой, чем неинформированные, а интересующийся политикой чаще активно участвует в политической жизни, чем неинтересующийся. Однако как типологически, так и эмпирически это независимые показатели отношения к власти, которые можно представить следующим образом:

Психологические типы (по их отношению к политике)	Отношение к личному участию в политической жизни	Интерес к политике	Информированность
Активисты	Весьма положительно	Большой (значительный)	Большая (значительная)
Компетентные наблюдатели	Нейтральное	Большой	Большая
Компетентные критики	Весьма отрицательное	Большой	Большая
Пассивные граждане	Нейтральное или отрицательное	Слабый	Удовлетворительная или большая
Аполитичные и отчужденные	Отрицательное	Слабый	Слабая

Перечисленные здесь психологические типы не исчерпывают всех логически возможных комбинаций выделенных черт, но указывают на возможность выделения пяти принципиально отличающихся друг от друга по их отношению к политике типов личности.

Активисты — это люди, позиция которых по отношению к политике и к власти как центральной категории политики является активно ищущей. Они не обязательно должны в данный момент одобрять или поддерживать существующую власть, но, что касается власти как таковой, они придерживаются позитивных позиций. Они убеждены в том, что власть является важной категорией, что она представляет собой привлекательное благо, и сами активно стремятся к получению ее — для себя или для группы, членами которой они являются. В результате они интересуются политическими проблемами и информированы о них. Степень подлинной информированности может быть различной, в зависимости как от черт индивида (например, от уровня его общего образования), так и от черт системы (например, от степени ознакомления общества с важной политической информацией); но в рамках этих различий активисты относительно хорошо информированы.

Компетентные наблюдатели интересуются политикой, понимают ее значение и сами хорошо информированы о ней, но одновременно не стремятся принимать участие в политической жизни. Если они и участвуют в ней, то это обычно происходит под воздействием каких-то доводов, которые они считают доминирующими (например, они могут стать членами политического руководства в условиях, когда их отечество находится в опасности, но возвращаются к другим занятиям, которые они предпочитают, после того, как угроза миновала). Они интересуются политикой, имеют свое мнение о ней и могут оказывать политическое воздействие на собственную среду как лица, формирующие мнение. Такой тип людей часто встречается среди ученых, писателей, а также во многих других профессиональных группах.

Компетентные критики отличаются от вышеназванной категории тем, что их отношение к осуществлению

власти или вообще к политике является категорически отрицательным. Их интерес к политике тесно связан именно с остро ощущаемым отвращением к политической деятельности. Они информированы о ней именно потому, что занимают по отношению к политике весьма отрицательную позицию.

Пассивные граждане относятся отрицательно или нейтрально к осуществлению власти и не интересуются политическими делами, хотя бывают о них достаточно, а иногда даже хорошо информированы. Их информированность является функцией не отношения к политике, а места, занимаемого ими в обществе, например функцией высокого уровня общего образования, что приводит к тому, что обо всех областях человеческой деятельности, в том числе и о политике, они хорошо осведомлены. Их информированность может основываться на том, что как граждане они считают себя обязанными приобрести определенные знания о политической жизни, хотя к политическим проблемам относятся равнодушно или неприязненно. По существу, это аполитичные граждане страны, хотя и не отчужденные.

Аполитичные и отчужденные — это люди, которые чрезвычайно отрицательно или просто отрицательно относятся к личному участию в политике, не интересуются политикой и мало о ней знают. Они живут как бы за рамками политической системы и отвергают ее более или менее решительным образом.

Социолога политики интересует, каковы психологические механизмы, склоняющие людей к активному участию в политической жизни, в особенности к активному стремлению к власти, или, наоборот, к уклонению от участия в политической жизни. Основываясь на отмеченных выше различиях между активными и пассивными участниками политической жизни, можно конструировать типологию людей, связывающих свою жизнь с политикой; основой этой типологии могут служить различия мотивов, по которым люди включаются в политическую деятельность. Я говорю о мотивах в психологическом смысле, а не с точки зрения обоснований, которые люди склонны сообщать другим

или даже формулировать для самих себя. Между подлинными мотивами наших действий и тем, что мы склонны объявлять в качестве этих мотивов, нередко существует значительное различие, которое временами, но далеко не всегда, мы осознаем.

Психологические мотивы, склоняющие людей добиваться власти или участвовать в ее осуществлении, могут быть *эгоцентрическими* или *социоцентрическими* (последние часто называют общественными). Под эгоцентрическими я понимаю такие мотивы, которые концентрируются на собственной личности действующего или, возможно (при несколько более широком понимании этого термина, что представляется обоснованным по отношению к макрообщественной категории, каковой является власть), на лицах, наиболее близких данному индивиду (например, на семье). Под социоцентрическими я понимаю в данном случае мотивы, которые концентрируются на благе какой-то более широкой группы людей: нации, класса, человечества, жителей данного города или области. Эгоцентрические и социоцентрические мотивы не обязательно должны исключать друг друга: например, кто-то может испытывать сильное желание служить отчизне и одновременно — сильное желание прославиться; эти два мотива поведения часто взаимно усиливают друг друга и ведут к одному и тому же типу действий.

Одновременно мы можем выделить два вида отношения индивида к власти, которую он осуществляет или к которой стремится: *инструментальное* и *автономное*. Критерии различия в данном случае следующие: власть может цениться в силу каких-то ее собственных достоинств (автономное отношение) или исходя из того, чего можно достичь, обладая ею (инструментальное отношение). Если при социоцентрических мотивах, побуждающих людей активно участвовать в политике, подход к власти всегда инструментален (так как в ней видят средство для того, чтобы что-то сделать для общества), то при эгоцентрическом подходе к мотивам стремления к власти проявляется как эгоцентрическое, так и инструментальное к ней отношение. Особым слу-

чаем, в какой-то мере соединяющим автономный и социоцентрический подход к власти, было бы стремление к обеспечению собственной группе власти над другими ради самих достоинств, приписываемых власти. Однако я опускаю этот случай, исходя из того, что рассматриваю власть с точки зрения индивида. «Власть группы» является категорией иного типа, которая требует отдельного анализа. Выделенные в соответствии с этими критериями чистые типы психологических позиций индивидов по отношению к власти, которую индивид осуществляет или которой добивается, можно представить следующим образом:

Отношение к власти	Мотивы, побуждающие стремиться к власти	
	эгоцентрические	социоцентрические
Автономное	1. Власть как игра 2. Власть как господство над другими	
Инструментальное	3. Власть как источник богатства, престижа, славы или других личных выгод	4. Власть как служение обществу

Власть, понимаемая социоцентрически и инструментально, то есть власть как служение обществу, может иметь место в различных исторических ситуациях и вследствие этого различно оцениваться в зависимости от того, какой группе и каким образом она должна служить. Однако если осуществляющий власть или добивающийся ее руководствуется такими мотивами, то в его отношении к власти нет стремления к личной выгоде. В условиях социалистической политической культуры и на основе социалистической идеологии именно такое отношение к власти и к участию в политической жизни ценится выше всего, как отражающее зрелую форму политической активности.

Однако социолог не может игнорировать того факта, что люди включаются в политическую жизнь не

только тогда, когда понимают свое участие в ней как служение обществу. Выделенный мной третий тип психологического отношения к власти, в котором соединяются эгоцентрический и инструментальный подходы, имеет широкое распространение в истории. Всегда находят люди, которые ищут во власти средства для получения каких-либо личных выгод. Этими выгодами могут быть разнообразные материальные блага, слава, престиж, безопасность, доступ к каким-то интересным кругам общества, в которые обычным путем трудно проникнуть, и т. п. Такой человек ценит власть не саму по себе, а исходя из того, что она может ему дать. Он не рассматривает ее как служение обществу, хотя может осуществлять ее так, что это принесет выгоду какой-то группе.

Отрицательная оценка, которую обычно находит в нашей культуре этот тип мотивации участия в политике, связана не столько с последствиями политической деятельности, осуществляемой из эгоцентрических и инструментальных побуждений, сколько с тем, что доминирующий моральный образец определяет политику как служение обществу и вследствие этого отклоняет не совпадающую с этим образом эгоцентрическую мотивацию стремления к власти. Было бы весьма интересно систематически проследить процесс возникновения и укрепления такой именно нормативной концепции власти. Ведь не принято считать, что такая деятельность, как выпечка хлеба, шитье одежды или выращивание зерна, должна осуществляться из чисто социоцентрических побуждений, хотя хорошо известно, что эта деятельность имеет очень важное значение для общества. Одновременно считается, что социоцентрическая мотивация должна сопутствовать занятиям искусством, научным поискам и в особенности участию в религиозной и политической деятельности. Священник и политик испокон веков воспринимаются как люди, которые обязаны подчинить свою деятельность служению высшей идее, общественному благу, а не личной выгоде. Отход от этой нормы — что также нередко бывало в истории — всегда оценивается более строго, чем стремле-

ние у людей, исполнявших другие общественные функции, к получению личных выгод. Это — интересное и важное для политической жизни явление культуры. Однако из него не следует, что эгоцентрические мотивации в действительности проявлялись редко и поэтому представляют собой малозначачий элемент рассматриваемой здесь проблемы.

Среди эгоцентрических мотиваций самой простой и не требующей слишком сложных объяснений является та, о которой уже шла речь: эгоцентрическая и инструментальная. То, что кто-то может стремиться к власти, чтобы получить какие-то личные выгоды, не требует сложных психологических обоснований, так как это связано с довольно распространенным стремлением получить блага, которые высоко ценятся в обществе и поэтому являются объектом притязаний. Более сложным может быть отношение к власти тех, кто оценивает ее автономно, хотя и эгоцентрически, то есть добивается власти ради удовольствия, которое она дает сама по себе.

Выше я принял точку зрения, что власть не всеми рассматривается как привлекательное благо. Некоторые вообще избегают ее, другие будут стараться получить ее, но не потому, что ценят ее саму по себе, а из-за выгод, которые ожидают от нее для себя или для группы, которой хотят служить. Однако есть и такие, кто видит во власти прежде всего автономное благо, обладание которым дает им какое-то особенное удовольствие. Это удовольствие не зависит от тех выгод, которые они могут сверх того получить для себя или для своей группы благодаря использованию власти. У многих людей автономные и инструментальные мотивации по отношению к власти тесно переплетаются между собой, но есть и такие, у которых именно автономная мотивация — когда власть ценят как таковую, а не из-за того, что она может дать индивиду или группе, — господствует безраздельно и определяет отношение к власти.

Среди людей с такой мотивацией можно выделить два основных типа. Один — это те, для кого власть является чем-то вроде игры, «развлечения». Ф. Знанец-

кий, который первым обратил внимание на существование подобного отношения к власти, отнес политиков к широко понимаемому типу людей игры. Отмечая, что мотивации людей, активно участвующих в политической жизни, бывают весьма различными, можно, однако, согласиться со сформулированной Знанецким характеристикой политиков как людей игры, но следует помнить, что в представленном мною подходе это лишь один из четырех психологических типов людей, участвующих в политической жизни. Необходимо заметить также, что Знанецкий в своих выводах опирался на узкий, доступный ему материал для наблюдения.

«Человеком игры, — пишет Знанецкий, — мы называем того, у кого в зрелые годы превалируют определяющие тип личности стремления, развитые под влиянием групп сверстников, с которыми он общался в детстве и молодости... Игрой является любое действие, осуществляемое свободно и стихийно и доставляющее положительные эмоции от его совершения»⁵.

Определяя таким образом людей игры, Знанецкий выделяет среди них три основных типа: людей светской игры, людей политической игры и воинов⁶. «Значительная часть общественной жизни взрослых, — пишет он, — говоря точнее, светская жизнь, политика и война, является по своей сути детской игрой, сохраняющей все основные черты игры»⁷.

Знанецкий признает, что не все люди, участвующие в политической деятельности, являются людьми игры, но именно им он приписывает особенно большую роль в политической жизни. О политике, рассматриваемой в виде игры, он пишет следующее: «В политической игре принципы свободы, равенства и общественного договора ограничены и модифицированы в результате регулирования соперничества за власть внутри организованной группы. Постоянное соперничество за власть в точном значении этого понятия проявляется только в молодежных коллективах, а также в партийной политике взрослых... Из всех ролей, которые имеются в играющей группе, роль руководителя группы является самой важной в глазах группы; из всех моральных функций его

функция как определяющего моральное сосуществование всех членов является самой важной. Поэтому не удивительно, что многие индивиды экспансивного типа хотят получить власть для самой власти, а так как власть в игровых группах зависит не от определенных традицией позиций, не от объективных свершений, а от признания коллектива, то каждый, кто имеет поддержку нескольких индивидов, ожидает, что получит с их помощью признание всей группы и завоюет власть. В каждой игровой группе часть индивидов не привыкла руководить, не добивается власти для себя или не верит в возможность ее завоевания. Эти люди в определенной степени удовлетворяют свои стремления выделиться из общей массы, поддерживая тех, кто выступает в качестве кандидатов в руководители... У людей игры стремление к соперничеству за власть ради самой власти, а также стремление к поддержке тех, кто выдвигается в лидеры, сохраняются на всю жизнь. Они стараются дать выход этим стремлениям прежде всего там, где власть имеет наибольшее значение, то есть в государственной группе. Если же там для них нет соответствующих условий, то в какой-либо другой группе — местном самоуправлении, общественной организации, тайном союзе и т. д. При этом вырисовывается расхождение между соперничеством за власть и демократическим принципом равных возможностей. В то время как люди светской игры стремятся каждому дать возможность выполнения интересной и важной функции, люди политической игры находят удовлетворение именно в том, что число самых важных (дающих власть) функций ограничено, что необходимо бороться за них и что политически пассивным массам, могущим лишь поддерживать кандидатов, эти функции недоступны. Чем сложнее соперничество, тем выше оценивается руководящая функция и с тем большим азартом идет политическая игра взрослых»⁸. Такое определение власти предусматривает наличие у политиков подсознательных мотиваций, которые действуют скрыто, под заслоном идеологий и программ. «Значительная часть политиков, — считает Знанецкий, — не использует

власти для собственного обогащения или делает это только мимоходом, даже наиболее коррумпированные американские боссы хотят скорее власти, чем денег»⁹. Можно спорить с Знанецким, насколько универсально это определение, в особенности применительно к американским условиям, так как в Соединенных Штатах и во многих других государствах широко распространено стремление к власти именно ради получения материальных выгод, которые она дает (в особенности в виде прибыльных связей с индустрией и миром большого бизнеса). Многие элементы такого рода связей получили широкую известность в связи с разоблачениями «уотергейтского дела» и целым рядом не только политических, но и чисто финансовых злоупотреблений¹⁰. Но речь идет главным образом не об этом. Существенное значение имеет подход Знанецкого к власти как автономному благу, учитывая ее игровые функции и отделение автономной игровой мотивации от мотивации, которая названа мною инструментальной. «Страстный участник политической игры, — отмечает Знанецкий, — действительно не интересуется идеологиями и политическими программами... Глубокие и искренние идейные стремления мешают успеху в политической игре; поэтому настоящие идейные политики если и участвуют в этой игре, то в виде простых шахматных фигур, передвигаемых опытными, азартными игроками, которые хотя и соблюдают правила, но не думают подчинять игру каким-то отдаленным целям»¹¹.

Эта характеристика политиков как людей игры и политики как игры носит черты явной односторонности. Знанецкий преувеличивает и упрощает, сводя всю очень сложную проблему психологической мотивации участия в политике к игровой мотивации. Его анализ совершенно не подходит ни к людям, которые активное участие в политической жизни рассматривают как служение обществу, как борьбу за интересы нации, класса, партии, ни к тем, кто в политике ищет личной выгоды и занимается политикой лишь постольку и до тех пор, поскольку и пока это приносит им личные выгоды. И та и другая категории людей достаточно многочисленны,

чтобы с полным правом говорить об ограниченности интерпретации Знанецкого. Однако, как часто бывает с оригинальными социологическими теориями, выдвигнутая Знанецким концепция политики как игры помогает в анализе определенного вида мотивации — того вида, который вслед за Знанецким я называю игровой мотивацией. Это не единственный, не главный вид мотивации, побуждающий добиваться власти, но все же важный и достойный выделения вид. Подходя к власти исключительно инструментально, очень часто забывают о том, что для определенных типов личности власть представляет автономную ценность. Разработанная Знанецким концепция политики как игры дает возможность понять один из вариантов этой ситуации.

Второй же вариант, определяемый мною как господство над другими, связан со свойствами некоторых типов личности, выражающимися в получении удовольствия от навязывания своей воли кому-то другому. Такая личность, названная Фроммом авторитарной, проявляется в определенных общественных условиях, порождающих неврозы и толкающих к бегству от этих неврозов в сферу господства. Власть становится психической потребностью не вследствие своей инструментальной функции и не по причине своих игровых функций, а потому, что дает возможность избавиться от собственных комплексов путем навязывания своей воли другим. Ввиду того что авторитарная личность сыграла немалую роль в формировании антидемократических движений XX века, в особенности фашизма, выделение этого типа психологического механизма власти и его анализ имеют большое политическое значение.

Фромм отделяет свое понятие «авторитарный характер» от понятия «садо-мазохистский характер», прямо заявляя, что вводит первое определение потому, что термин «садо-мазохистский характер» наводит на мысль о неврозах. Авторитарная личность может быть совершенно «нормальной» именно потому, что ее определенное отношение к власти находится в соответствии с общественными условиями и в рамках этих условий она стала «нормальной»¹². Садизм и мазохизм Фромм

понимает очень широко, совсем иначе, чем авторы до него. Усматривая в этих явлениях выражение отчуждения и потерянности личности, Фромм определяет садизм как стремление к полному господству над кем-то и получение особого удовольствия от чьей-то зависимости по отношению к себе. Особыми видами садизма может быть желание эксплуатировать других (материально или, что бывает чаще, психически) или желание причинять им страдания; однако психологической основой всего этого комплекса является стремление к абсолютному господству. По аналогии мазохизм является желанием полного подчинения кому-то, что в крайних случаях находит выражение в ощущении удовольствия от того, что кто-то, кому мазохист подчиняется, причиняет ему физическую боль. Отходя от концепции Фрейда, который видел в садо-мазохизме «частичное влечение» и связывал его с сексуальным инстинктом, Фромм, в значительной мере следуя Карен Хорни, ассоциирует садизм и мазохизм с отношением личности к обществу, к ее отчуждению. В результате он видит в авторитарном отношении к власти проявление слабости и потерянности личности, проявление ее своеобразного «бегства от свободы». «Действительно, — пишет Фромм, — власть над людьми является выражением преобладающей силы в чисто материальном смысле. Если в моих силах убить другого человека, значит, я «сильнее» его. Но в психологическом смысле *стремление к власти не вытекает из силы, а из слабости*. Это отчаянная попытка, не имея подлинной силы, приобрести вторичную силу»¹³.

Анализируя основные черты авторитарного характера, Фромм отмечает, что

1. «Для авторитарного характера существует, если можно так выразиться, два пола: имеющий власть и лишенный власти, а в результате сила власти вызывает в нем восхищение, а слабость — презрение»¹⁴.

2. Авторитарному характеру свойствен постоянный бунт по отношению к власти, однако направляемый против слабой власти и согласный на безусловное признание более сильной власти над собой.

3. Чертами авторитарного характера являются эмоциональность, отказ от рационализма и связанная с ними готовность признать зависимость от какой-либо высшей силы, которая может выступать в образе бога, судьбы или в виде воли вождя.

4. Чертой авторитарного характера является также радикальный отказ от концепции равенства. В понимании авторитарного характера, пишет Фромм, «мир состоит из людей, обладающих силой или лишенных ее. Исходя из своих садо-мазохистских стремлений, он признает только господство или подчинение, но никогда солидарность»¹⁵.

К такому определению авторитарного характера Фромм приходит на основании исторического опыта, наблюдений над европейским фашизмом и клинических психоаналитических исследований. Это определение затем нашло эмпирическое подтверждение в психосоциологических исследованиях авторитарной личности, осуществленных Адорно и его сотрудниками. Эти авторы, в основном эмигранты из гитлеровской Германии, первоначально поставили перед собой цель исследовать, какие черты личности приводят к возникновению антисемитизма. Однако очень скоро выяснилось, что антисемитизм является лишь особым случаем определенной, более общей позиции, которую они определили как этноцентризм. Затем в результате новых исследований они пришли к выводу, что этноцентризм представляет собой еще нечто более общее, что они назвали «авторитарной личностью». Чертами авторитарной личности являются:

1) конвенционализм, или тщательное соблюдение принятых ценностей среднего класса; 2) авторитарное подчинение, некритичное отношение к авторитетам собственной группы; 3) авторитарная агрессивность в отношении к тем, кто нарушает принятые нормы; 4) авторитарная оппозиция по отношению ко всему тому, что субъективно, уязвимо, основано на воображении; 5) вера в предрассудки, мышление с помощью стереотипов, вера в мистическое предопределение собственной судьбы; 6) культ силы и твердости, преувеличенная

концентрация внимания на различиях между господством и подчинением, силой и слабостью, руководством и подчинением; 7) деструктивность, цинизм, враждебность и неприязнь к людям; 8) проецирование собственных влечений на внешний мир, который, как полагает такая личность, полон диких и страшных вещей; 9) преувеличенная концентрация внимания на вопросах пола¹⁶.

Не все эти черты относятся к власти. Я привожу их здесь потому, что исследования Адорно и его сотрудников эмпирически установили связь, существующую между этими чертами личности, подтвердив тем самым, что авторитарное отношение к власти проистекает из взятых в комплексе, глубоко укоренившихся черт личности. Последующие исследования других авторов подтвердили правильность этого главного направления поиска, а одновременно и правильность предположения, что высокая оценка власти как возможности подчинения себе других людей свойственна определенным типам личности¹⁷. Люди такого психического типа наряду с людьми игры проявляют склонность эгоцентрически и инструментально подходить к власти. Как я уже упоминал, эгоцентрический подход к власти в этом варианте может проявляться также в квазисоциоцентрическом стремлении обеспечить собственной группе господство над другими. Однако в этом случае мы имеем дело с идентичной основополагающей психологической мотивацией: индивид требует власти для себя, причем сам себя видит не чисто индивидуально, а как часть какой-то группы.

Проведенная здесь типология чистых типов политических личностей не является единственно возможной. Например, Г. Лассвэлл в соответствии с другими критериями различает три основных типа политиков: администратора, агитатора и теоретика, принимая в качестве критерия дифференциации те черты личности, которые склоняют к выбору той или иной политической роли. Тот же автор одновременно указывает на большое значение, которое имели в истории вожди со смешанными чертами. Например, в В. И. Ленине он видит

редкое соединение всех этих трех «чистых типов политика»¹⁸. Классификация Лассвэлла, наверняка одна из возможных, имеет то преимущество, что указывает на важную сторону проблемы психологических аспектов власти — адекватность определенных типов личности с определенными политическими ролями. Человек, относящийся к определенному типу личности, может в совершенстве выполнять функции политического администратора, но не обладать чертами теоретика или может быть замечательным агитатором без административных способностей. В реальной политической жизни ключом к успеху часто является такой подбор политической руководящей группы, при котором отдельные члены выполняют функции, наилучшим образом соответствующие их чертам личности. Таким образом, анализ связей, которые существуют между психологическими чертами людей и выполняемыми ими функциями, является важной задачей социологии политических отношений¹⁹.

2. Психологические аспекты участия в политике и отхода от политики (введение)²⁰

В предыдущем параграфе я рассматривал психологические механизмы, действие которых приводит к тому, что некоторые люди стремятся к участию в политической жизни, и в первую очередь к власти. Я подчеркивал также, что стремление к власти совсем не является всеобщим, что в отношении собственного участия в политической жизни люди придерживаются весьма различных позиций: от явно положительных до явно отрицательных. Теперь следует проанализировать мотивы, по которым некоторые люди, отнюдь не представляющие исключение, избегают участия в политической жизни.

Эти мотивы в самом общем виде мы можем разделить на *структурные и психологические*, причем одни

не исключают других. Структурными мотивами я называю те, которые вытекают из реалистической оценки незначительности собственных шансов участия в осуществлении власти и как следствие этого — беспредметности участия в политической деятельности. Политическая система может иметь структуру, лишаящую индивида возможности фактически участвовать в политической жизни. В результате индивид уклоняется даже от таких форм, которые создают, хотя бы символически, видимость его участия в ней. Это может иметь место, например, в условиях диктатур, исключающих участие граждан в политической жизни и ограничивающих это участие до строго предписанных форм. Так, представитель класса, находящегося в экономической зависимости, или представитель меньшинства, подвергающегося эксплуатации, может оценивать систему как чуждую по отношению к его группе и не создающую возможности для его участия в политической деятельности, хотя для представителей других классов или этнических групп эта система предоставляет достаточные возможности для участия в политической жизни. Во всех этих случаях политическая пассивность вытекает не из черт личности, а из ситуации, в которой она оказалась. Поэтому справедливы указания на ошибочность многих западных исследований²¹, в которых политическая активность или ее отсутствие связывается всегда с теми или иными чертами личности и полностью исключаются структурные особенности самой политической системы.

Однако если рассматривать психологический аспект проблемы, то более важным окажется второй вид обусловленности. В одинаковых структурных условиях Иван может проявлять большую готовность к участию в политической жизни, а Петр будет сторониться ее. Если представить, что Иван и Петр находятся в почти идентичных условиях, то причины активности одного и пассивности другого следует искать в чертах их личности. Западная социологическо-политическая литература посвятила этому вопросу много внимания²², поскольку нормативная концепция буржуазно-демократической си-

стемы предусматривает, что гражданин обязан быть политически активным. Отсутствие активности и даже отсутствие интереса к политике представляется поэтому для многих западных авторов определенным видом патологии общественной жизни, требующим объяснения.

В сущности, это, по моему мнению, превратное понимание проблемы. Не все люди интересуются искусством, хотя для многих оно — источник большой радости, а для некоторых — жизненное призвание. Не все интересуются спортом, наукой, туризмом. Политика, естественно, представляется интересной для политических деятелей и людей, профессионально занимающихся исследованием политики. По этой причине они, обобщая собственные привязанности, считают, что интерес к политике и активное участие в ней являются якобы нормальным состоянием, а политическая пассивность — патологическим состоянием, требующим объяснений. Однако простое сравнение с другими областями жизни дает возможность понять, что отсутствие политической активности (и даже отсутствие интереса к политике) отнюдь не является большей патологией, чем отсутствие интереса к футболу, живописи и заграничным путешествиям. На уровне нормативных оценок, однако, существует различие.

Для успешного функционирования современной буржуазной политической системы чрезвычайно важно обеспечить активное участие граждан в общественной жизни. Именно поэтому в современных политических системах — в отличие от традиционных монархий — участие в политической жизни возведено в ранг системной нормы. В этом-то смысле, и только в этом смысле, исходя из задачи сохранения равновесия политической системы можно определять отсутствие активности как патологическое состояние. Но и в этом смысле следует тщательно проанализировать фактическое состояние системы — действительно ли система требует массового участия в политической жизни и стимулирует такое участие, или же для нее характерно соединение идеологического признания участия в политике с со-

хранением политических, экономических и культурных институтов, препятствующих массовому участию в политической жизни.

Оставляя в стороне вопрос об институциональных условиях участия в политике, следует сконцентрировать внимание на тех чертах личности, которые являются определяющими с точки зрения политической активности граждан. Какие черты личности способствуют «бегству от политики», принятию более или менее сознательно аполитичной роли в обществе? Трудность нахождения теоретически обоснованного ответа на этот вопрос заключается в том, что имеющиеся источники — это в значительной мере американские и английские исследования (последние в меньшей степени) и что отсутствуют систематически проводимые сравнительные исследования в этой области²³. Поэтому все выводы, которые могут здесь быть сформулированы, следует трактовать чрезвычайно осторожно, частично как обобщение исследований в англосаксонских странах, частично как рабочие гипотезы для будущих сравнительных исследований или исследований, проводимых в других странах. Было бы явной ошибкой исходить из того, что подобные выводы могут быть распространены и на страны с иной культурной традицией, но одновременно нет оснований для того, чтобы без сравнения с эмпирическим материалом исключить их из поля зрения социологии политических отношений, занимающейся исследованием других стран и культур²⁴.

Участие в политической жизни и его противоположность — политическую пассивность, «бегство от политики», можно интерпретировать в следующих основных измерениях:

а) *сила индивидуальности*, включающая такие черты, как уверенность в себе, чувство собственной компетентности, вера в собственные силы; все эти черты положительно соотносятся с участием в политической жизни; люди, избегающие политики, — в большинстве своем это индивиды со слабой индивидуальностью, неуверенные в своих силах и возможностях;

б) *личная вовлеченность*, понимаемая как такая предрасположенность индивида, которая заставляет его принимать активное участие в различных жизненных ситуациях; эта черта также положительно соотносится с участием в политической жизни; избегают политики люди, которые и в других жизненных ситуациях проявляют слабую вовлеченность;

в) *аномия*, то есть отчуждение индивида от общественной группы, является сильной психологической предпосылкой отказа от политики;

г) *воздействие мотива жизненных достижений*, то есть совокупность мотиваций, которая является еще одной психологической предпосылкой участия в политике или отходе от нее; ввиду того что участие в политике может дать ощущение успеха (даже очень косвенного, как, например, когда на выборах побеждает кандидат, за которого отдан твой голос), это участие может выполнять важную функцию для индивидов, обладающих сильной мотивацией в достижении чего-либо, но по каким-то причинам не имеющих достаточного количества таких достижений; отход от политики может быть функцией либо отсутствия мотивации к достижению успеха, либо же более полного удовлетворения этой потребности в других областях жизни;

д) *склонность к интеллектуальному видению мира*, интерес к познанию в принципе положительно соотносится с участием в политике, а уклонение от участия в политической жизни часто характерно для людей с низкой интеллектуальной активностью; однако, как и в предыдущем случае, достаточно полное удовлетворение интеллектуальных запросов в других областях жизни может привести к отсутствию у индивида интереса к политическим делам и в результате толкнуть к отходу от политики;

е) *экстравертные склонности*, характерные для людей, ищущих общества других, хорошо чувствующих себя в таком обществе; если другие черты остаются неизменными, то экстравертные склонности могут способствовать участию в политике, а их противоположность — интравертные склонности будут представлять

собой психологическую предпосылку «бегства от политики»; однако, насколько сильно эта черта влияет на участие в политике, мы точно не знаем;

ж) *необходимость разрядки внутренней напряженности* склоняет, как правило, к участию в политической деятельности, но одновременно мешает достижению в ней успеха; люди, отличающиеся очень сильной психической напряженностью и сильной агрессивностью, терпят неудачи и поэтому избегают участия в политике; в то же время люди, свободные от агрессивности и психической напряженности, не стремятся участвовать в политике и даже могут ее избегать из-за связанных с этой напряженностью конфликтов и т. д.

Таковы в свете проведенных исследований психические черты, благоприятствующие участию в политике или склоняющие избегать ее. О политически активных «гладиаторах» Л. В. Милбрайт пишет следующее: «...Это люди, особенно хорошо подготовленные для того, чтобы управлять окружающими. Они чувствуют свою компетентность, знают себя и доверяют своим знаниям и способностям, их «я» достаточно сильно, чтобы выдерживать удары, они не отягощены грузом сомнений и внутренних конфликтов, умеют контролировать свои импульсы, они сообразительны, общительны, склонны проявлять свою индивидуальность, ответственны. Хотя у них может появиться желание доминировать над другими и манипулировать ими, но такие склонности не проявляются у них сильнее, чем у людей, выступающих в других ролях. Гладиаторы способны добиться славы в политической борьбе и достаточно уверены в себе, чтобы выдержать хитросплетения партийной политики. Политическая жизнь далеко не гостеприимное место для индивидов, неуверенных в себе, робких и замкнутых, для людей, не обладающих сильной верой в свои возможности успешно справляться с собственным окружением»²⁵.

Такой образ человека, участвующего в политической жизни, — активного «гладиатора» и его противоположности — человека, политически пассивного, соответствует, подчеркиваем еще раз, условиям тех западных

стран, в которых проводились исследования, то есть прежде всего Соединенных Штатов Америки и некоторых стран Западной Европы. Однако особенно сильно выражена в этих обобщениях американская ситуация. Черты описанного Милбрайтом «гладжатора» особенно важны там, где политическая борьба ведется в форме острого личного соперничества, при котором ее участники не брезгают ничем и при котором умение нужным образом подать себя публике играет большую роль.

Особенно знаменательным представляется пример из недавнего прошлого. В Соединенных Штатах во время избирательной кампании 1972 года кандидат в президенты от демократической партии сенатор Эдмунд Маски пользовался большим влиянием и широкой популярностью. Но все это было перечеркнуто, когда он, спровоцированный журналистом из лагеря противников, не смог сохранить самообладания и публично расплакался. Поражение Маски понятно в контексте американского стереотипа политика, именно такого стереотипа, который вырисовывается в работах Милбрайта. В результате именно в США люди, не имеющие упомянутых «гладжаторских» черт личности, уклоняются от политики, избирая другие виды деятельности или карьеры.

Знаменательно, например, что граница между миром науки и миром политики в Соединенных Штатах проходит гораздо более отчетливо, чем в Англии, Франции или ФРГ. Косвенно это свидетельствует о существовании характерных черт личности участника политической жизни, проявляющихся в американских условиях сильнее, чем в некоторых других странах. Как я уже отметил, в социалистических странах подобные исследования еще не проводились; за исключением самых общих наблюдений, здесь отсутствует систематически обобщенная научная информация по этой проблеме.

В американских и западноевропейских исследованиях довольно отчетливо разработана психологическая характеристика отсутствия политической активности. Вопреки мнению некоторых авторов, которые рассматривали людей политически пассивных как общественно менее ценных²⁶, можно утверждать, что многие люди,

не участвующие в политике, проявляют среднюю или даже весьма значительную активность в других областях жизни, например в профессиональной деятельности, общественной жизни, спорте, искусстве и т. п. В качестве гипотезы можно отметить, что политическая активность не является обычным мерилем общей жизненной активности, но может различным образом совпадать с этой активностью. Это соотношение можно представить следующим образом:

		Участие в политической жизни	
		активное	слабое
Участие в неполитических формах активности	Активное	(1)	(2)
	Слабое	(3)	(4)

Таким образом мы получаем четыре основных психологических типа, выделенных с точки зрения отношения политической активности (или отсутствия активности) к другим формам активности:

1. Люди, активные во всех областях жизни, в том числе и в политике. Они отличаются большой энергией, высоким мнением о собственных возможностях, чувством собственного достоинства и сильными личными стремлениями, весьма активно участвуют в разнообразных видах деятельности и часто, хотя и не всегда, проявляют высокую идейность.

2. Люди, активные в неполитических функциях, но пассивные в политической сфере, а следовательно, по всей вероятности, либо лишенные тех черт личности, которые необходимы в политической борьбе, либо не интересующиеся проблемами политики ввиду весьма интенсивного участия в других областях (например, спортсмены, деятели культуры, ученые, в такой степени поглощенные собственной сферой действия, что им не хватает энергии и интереса к политическим делам). И наконец, люди, которые по тем или иным причинам не одобряют существующую политическую систему на-

столько, чтобы активно включиться в ее функционирование, но и не выступают против нее настолько решительно, чтобы включиться в борьбу за ее ликвидацию.

3. Люди, проявляющие слабую активность в неполитических областях жизни, но весьма политически активные, то есть люди, вся жизненная энергия которых направлена на политические проблемы; подобная позиция может быть следствием политических убеждений, в результате чего все силы отдаются политической деятельности, но это может быть и выражением очень резко проявляющихся авторитарных или игровых черт в том значении, которое описано выше.

4. Люди вообще пассивные — как в политике, так и вне ее — чаще всего не энергичные, слабо верящие в себя, робкие. В этом случае отсутствие политической активности можно объяснить отсутствием жизненной активности вообще.

В качестве интересной исследовательской гипотезы можно выдвинуть предпосылку, что участие в политике не соотносится с участием в других областях жизни — другими словами, что четыре выделенных мною типа личности выступают независимо друг от друга и что все они достаточно многочисленны. Чаще всего указывают на типы (1) и (4) для подтверждения противоположной гипотезы о том, что участие в политической жизни является лишь аспектом более общего участия в различных формах активности. Однако этот тезис универсально не доказан и требует более тщательных сравнительных исследований. Представило бы большой интерес выяснить, каким образом в зависимости от политической системы формируется связь между политической и неполитической активностью индивидов. И в этой области в данный момент мы знаем слишком мало, чтобы сформулировать определенные суждения.

Описанный в американских и западноевропейских исследованиях тип политического «гладиатора» можно также рассматривать как подходящий пример для анализа функциональности определенных черт личности в политической жизни капиталистического общества. Тогда не утверждалось бы, что политически активные

люди должны обязательно иметь именно эти черты, а отсутствие таких черт затрудняло бы им надлежащее исполнение их политической роли. Закончившийся в августе 1974 года политический кризис в Соединенных Штатах, в результате которого впервые в истории этого государства был вынужден уйти в отставку президент, вызвал ряд интересных комментариев²⁷, в которых указывалось, что личные черты Ричарда Никсона: его скрытность, суеверное убеждение в своей несчастной судьбе, мстительность по отношению к противникам, зависть к тем, кому в детстве и молодости больше везло, наконец, отсутствие умения владеть собой в кризисных ситуациях — привели к тому, что он совершил ряд грубых ошибок, неизбежным результатом которых и явилась вынужденная отставка. Этот тип анализа позволил бы утверждать, что с точки зрения равновесия политической системы черты, описанные Милбрайтом в качестве черт политического «гладиатора», являются функциональными, в то время как отсутствие таких черт действует дисфункционально. Эта проблема является интересной для сравнительных исследований, так как нельзя исходить из того, что во всех системах те же самые черты действуют функционально или дисфункционально. Функциональность черт политического деятеля по отношению к политической системе зависит от особенностей данной системы, в этом смысле психологический анализ должен быть тесно увязан с институциональным анализом системы.

3. Психологическая интерпретация политических и социальных конфликтов

Следующей областью, в которой психологическое объяснение политических явлений играет большую роль, является проблематика социальных и политических конфликтов. В радикальной версии, которой в настоящее время уже почти никто не придерживается, такая интерпретация склоняла бы искать источники конфликтов исключительно в чертах личности индивидов. Такая

психологизация теории конфликта должна была бы привести к исключению из поля зрения основных, структурных, в особенности классовых, причин крупных социальных и политических конфликтов. Поэтому марксистская социология политических отношений может принять психологическую интерпретацию политических и социальных конфликтов лишь в ограниченной форме.

В этой версии объяснение конфликтов осуществляется на двух уровнях. На одном уровне анализа выясняется, какие структурные условия общественно-экономического и политического строя порождают конфликты, кто его участники, в каком виде, во имя чего и каким образом этот конфликт проявляется. Это классический тип анализа классовых конфликтов и других макросоциальных конфликтов, причем именно марксизм внес особенно большой вклад в этот анализ. На другом уровне анализа нас интересует, какие люди, с какими чертами личности, в каких условиях особенно склонны к агрессивному поведению, следствием которого бывают конфликты. Здесь принимается предпосылка, что политический конфликт хотя и обусловлен макросоциальными обстоятельствами, вытекающими из объективного положения классов и общественных слоев, однако разыгрывается он среди людей и в результате подчиняется определенным общим психологическим законам, регулирующим поведение людей.

Проблематика психологических основ общественно-политических конфликтов нашла отражение прежде всего в теории фрустрации и агрессии, сформулированной американскими социальными психологами Д. Доллардом и В. Миллером. Начало разработки этой теории связано с исследованиями расовых отношений на Юге США, которые проводил Доллард; первоначально эта теория затрагивала исключительно психологические основы отношений между различными расами в Соединенных Штатах²⁸.

В основу теории фрустрации и агрессии положены заимствованные из психоанализа утверждения о подавлении естественных влечений человека. Это касается

как естественных потребностей человеческого организма, так и вторичных потребностей, сложившихся под влиянием культуры; удовлетворение их наталкивается на препятствия в виде общественной системы, ее норм, ценностей и санкций. Повторяющиеся ситуации такого типа создают фрустрационные состояния, то есть состояния разочарования, в которых личность сознательно или подсознательно ощущает, что она лишена чего-то, к чему стремилась. Реакцией на состояние фрустрации, заявляют сторонники этой теории, является агрессия, направленная против объекта, ставшего источником фрустрации, либо перенесенная на какой-либо другой объект, даже на самого себя. «Агрессией,— указывают американские психологи,— называется последствие поведения, целевой реакцией которого является причинение обиды лицу, против которого обращено это поведение... Агрессия не всегда совершается открыто, она может проявляться в виде фантазии, сна или даже как хорошо обдуманый план реванша. Она может быть направлена против объекта, который признан причиной фрустрации, либо перенесена на совершенно невинный предмет и даже на самого себя (например, в мазохизме, самоистязании или самоубийстве)»²⁹.

Возможность перенесения агрессии представляет собой важнейший элемент теории, так как он объясняет агрессивное поведение с помощью ссылок на фрустрацию, вызванные не предметом агрессии, а кем-то другим. Агрессивность индивида или группы связана с усилением ощущаемой им или ею фрустрации, а не с действиями лиц или групп, которые являются предметом агрессии. Эта теоретическая конструкция позволяет установить, почему, например, так часто в период экономических кризисов происходит усиление агрессивного поведения, направленного против национальных меньшинств; причина заключается не в каких-то действиях этих меньшинств, а в том факте, что резко усиливается фрустрация. Перенесение агрессии зависит от сил, препятствующих направлению агрессии на объект, вызывающий фрустрацию. «Когда предусмотренное наказание,— пишут упомянутые выше авторы,— тормозит пря-

мую агрессию, изменения могут происходить не только в объекте, но также и в самой форме агрессии. Лицо, которое не может в действительности застрелить своего врага, может воображать, что стреляет в него»³⁰. Однако самым существенным для психологического объяснения политических конфликтов является тезис о том, что вызванная фрустрацией агрессия переносится на того, кто воспринимается как относительно беззащитный объект,— это тезис о так называемом «козле отпущения», на которого переносится агрессия. Некоторые социологи подвергают критике этот элемент теории фрустрации и агрессии, подчеркивая прежде всего, что раскрываемый в ней механизм фрустрации не объясняет, почему эта, а не другая группа избирается в качестве «козла отпущения», а также не принимаются во внимание выгоды, которые можно извлекать из агрессивного поведения³¹.

Оба эти упрека, по моему мнению, справедливы, хотя они не подвергают сомнению саму суть теории фрустрации и агрессии. Что касается первого из них, то можно отметить, что психологическая теория раскрывает лишь механизм перенесения агрессии и объясняет его психологическое функционирование. Задачей же социологического анализа является выяснение причин — экономических, культурных, политических и т. п., по которым «козлом отпущения» в одном случае становятся негры, в другом — евреи, а в третьем, например, католики. Словом, теория фрустрации и агрессии не заменяет социологического анализа, но дополняет его, вскрывая психологический механизм агрессивного поведения. Другой же упрек касается совершенно иной проблемы. Механизм превращения фрустрации в агрессию объясняет кажущиеся иррациональными конфликты, в которых стороны ничего не могут получить или в которых выгоды несоизмеримы с силой конфликта и энергией, затрачиваемой в его ходе. Это не противоречит тому, что параллельно — и даже в одном и том же конфликте — может проявляться явно рациональное, связанное с ожидаемыми выгодами агрессивное поведение. В агрессиях, направленных против национальных

меньшинств или отдельных рас, обычно действуют оба эти элемента: разряжается агрессивность, вызванная различными фрустрациями, а одновременно достигаются экономические, политические или другие выгоды — или по крайней мере рассчитывают на то, что такие выгоды могут быть получены. Один уровень анализа совершенно не исключает другой.

В пользу теории фрустрации и агрессии говорят многие психологические исследования*. Так, например, Беттельхейм и Яновиц установили, что антинегритяньские и антисемитские настроения среди демобилизованных американских солдат после второй мировой войны были особенно сильными у тех, кто деградировал в общественной иерархии, и, напротив, были самыми слабыми у тех, кто продвинулся в этой иерархии³². Усиление агрессивных выступлений против разного рода меньшинств в период экономического кризиса является также эмпирическим аргументом в пользу теории, объясняющей психологический механизм агрессии и фрустрации.

Для социологии политических отношений существенное значение имеет также объяснение психологических механизмов социального конфликта с точки зрения реакции на депривацию, как абсолютно, так и относительно. В соответствии с этой интерпретацией особенное усиление конфликтов, доходящих до политических взрывов, происходит в результате роста депривации, то есть состояния, для которого характерно явное расхождение между ожиданиями и возможностями их удовлетворения. Сохранение депривации на неизменном уровне или ее снижение создает психологические условия, способствующие сохранению спокойствия и ослаблению конфликтов, и, наоборот, усиление депривации ведет к росту конфликтов (агрессивные реакции на фрустрацию) и выступлений, направленных против существующей системы.

Усиление депривации зависит от того, в каком взаимоотношении находятся ожидания, с одной стороны, и возможности их удовлетворения — с другой. Рост депри-

* Анализ проблемы фрустрации и агрессии должен быть дополнен изучением социальной среды, в которой выступает индивид. — *Прим. ред.*

вации может объясняться тем, что существенным образом уменьшаются возможности удовлетворения уже сформировавшихся запросов, что происходит, например, в условиях экономического кризиса. В этом случае мы говорим о безусловной депривации. Однако существует также условная депривация, проистекающая из того, что при неизменном или даже растущем уровне удовлетворения ожиданий расхождение между ожиданиями и их удовлетворением увеличивается, так как запросы растут быстрее, чем возможности их удовлетворения. Тогда-то в группах, чьи запросы сильно возросли, появляется отчетливая тенденция к агрессивному поведению, направленному против политической системы или против общественной группы, которую считают виновницей растущей депривации. Токвиль, пожалуй, первым обратил внимание на этот механизм, указывая на примере Французской революции, что революция может вспыхнуть не тогда, когда массы живут хуже в абсолютном смысле, а тогда, когда их положение несколько улучшилось, вызвав, однако, значительно более интенсивный рост ожиданий³³. Концепцию депривации применил к анализу бунтов и революций также Т. Гурр, исследование которого содержит достаточно полный анализ психологических механизмов революции³⁴. Однако ко всем этим анализам следует подходить с уже упомянутой выше оговоркой: они являются ценными при условии, если дополняют, а не подменяют исследования, проводимые в категориях групповых интересов, вытекающих из объективных социально-экономических и политических условий.

4. Главные методологические проблемы американских исследований психологического аспекта политических явлений и проблема адаптации

В связи с проводимыми в особенности американскими учеными исследованиями, касающимися психологического аспекта политических явлений, возникают методо-

логические и теоретические проблемы, а также складываются определенные выводы относительно возможности адаптации положений этих исследований на основе марксистской социологии политических отношений. Размышлениями на эту тему я намереваюсь закончить эту главу.

В американских работах подчеркивается, что опыт, приобретенный в детстве, имеет определяющее влияние на формирование личности вообще и политических предположений личности в частности. Например, Г. Хайман доказывает, что интерес к политике возникает значительно раньше получения избирательных прав, и поэтому нельзя объяснить поведение индивида на выборах, абстрагируясь от опыта политической социализации в семье³⁵. Это утверждение было подтверждено в многочисленных исследованиях выборов, проведенных в Соединенных Штатах, в особенности в самом крупном из этих исследований и наиболее широко известном — в работе А. Кемпбелла и его сотрудников из Мичиганского университета «Американский избиратель». Реммерс, анализируя результаты различных американских исследований выборов, пришел к выводу, что «понятие гомогенности семьи было достаточно обосновано, а литературный миф о неизбежном конфликте между возрастом «ворчунов» и молодежью был решительным образом опровергнут»³⁶.

Влияние семейного окружения формирует, по его мнению, политические убеждения и в результате в значительной мере объясняет политическое поведение, создавая сильную преемственность между поколениями. Характерен подход Истона и Хесса к проблеме механизмов ранней политической социализации. Они подчеркивают, что политическое поведение взрослого человека в большой мере обусловлено опытом его детства, в особенности влиянием семьи. По мнению этих двух авторов, период формирования будущей политической ориентации индивида приходится на время между третьим и тринадцатым годами жизни. Именно в это время под влиянием родителей и вообще старших ребенок не только получает основные сведения о политике, но и перенимает у них определенное эмоциональное отношение; они

называют это явление обучением «романтизации» политики. «Сильная идеализация апробированной власти, — пишут Истон и Хесс, — вызывается психологическими потребностями ребенка. Находясь перед лицом власти взрослых, которая проникает повсюду и которую нельзя обойти, осознавая собственную беспомощность и подчиненность, ребенок должен искать какую-то подходящую форму приспособления. Для незначительного меньшинства выходом могут стать бунт, агрессия, безверие. Но для большинства адаптация приобретает форму наделяния власти теми чертами, которые позволяют ребенку видеть ее в наиболее благоприятном свете... Таким путем ощущаемая ребенком потребность безопасности становится важным фактором процесса социализации»³⁷. Авторы также подчеркивают, что наблюдаемое в многочисленных исследованиях политического поведения, в особенности в исследованиях выборов, явление конформизма имеет свои истоки, исходные политические позиции ребенка или зачатки этих позиций именно в семье. Таким образом, тезис о социализирующем влиянии семьи на формирование политических позиций прямо приводит к психологическому объяснению политического конформизма. Однако здесь сразу возникает некая проблема интерпретации, которую, как представляется, американские авторы упустили из виду. Является ли конформизм следствием политической социализации, происходящей в семье, или же здесь имеют место более сложные зависимости? Авторы исходят из предпосылки, что лишь незначительное меньшинство решается на бунт против этой конформистской политической социализации, основным инструментом которой является американская семья. Однако шестидесятые годы принесли столь многочисленные и глубокие проявления неконформистской радикализации американской молодежи, что ныне уже трудно поддерживать тезис об однородном конформистском влиянии семьи. Поэтому следовало бы четко ограничить пределы применимости этого тезиса, относя его к условиям значительной общественно-политической стабильности. Действительно, когда в обществе господствует состояние равновесия, одобряемое широкими массами

членов этого общества, тогда и доминирующий эффект политической социализации семьи совпадает с требованиями системы, то есть укрепляет конформистские позиции по отношению к этой системе. Когда же общество находится в состоянии общественно-политического кризиса, социализация, осуществляемая в семье, скорее приводит к бунту и протесту против действующих норм, даже если эти нормы пропагандируются семейными авторитетами. Эффективность ранней политической социализации может быть косвенным мерилем состояния, в котором находится общественная и политическая система.

Здесь следует затронуть и вторую общеметодологическую проблему. Точка зрения американских авторов о процессах политической социализации свидетельствует, что они чрезмерно поддаются влиянию фрейдистских теорий об определяющем значении раннего детства. Следовало бы значительно более тщательно изучить вопрос, на самом ли деле детские годы определяют ход процесса политической социализации. Точнее говоря, следует выяснить, что формируется в детстве, а что представляет собой результат более поздних наслоений? По моему мнению, правы Доусон и Превитт, когда при исследовании вопроса о политической социализации наряду с семьей и группой ровесников они выделяют также систему образования и вторичные группы — средства массовой коммуникации и политический опыт — как важные инструменты процесса политической социализации³⁸. Этот процесс не замыкается рамками семьи и не ограничивается периодом детства. Это непрерывный процесс, развивающийся в различных формах в разные периоды жизни. Из тезиса об определяющей роли опыта и влияния раннего детства исходит пессимистическое неверие в возможность формирования политических позиций и черт личности, имеющих важное значение для участия в политической жизни в более поздний период, в особенности в зрелом возрасте. Однако исторический опыт доказывает, что соответствующим образом проводимая политика и усиленная воспитательная работа могут приводить к далеко идущим изменениям психики, преобра-

жая прежний тип политической социализации. Поэтому, не отрицая необходимости внимательного изучения роли, которую играет в этой области опыт, приобретенный в детстве, следует избегать ее преувеличения.

В этой главе я многократно указывал на то, что проблема психологических аспектов политической жизни еще недостаточно разработана в исследованиях ученых социалистических стран. В связи с этим возникает вопрос о возможности и целесообразности как проведения исследований по этим проблемам (что является в принципе требованием, не вызывающим возражений), так и использования эмпирических наблюдений, накапливаемых западной наукой, в условиях социалистических стран. Принимая во внимание принципиальное различие строя и господствующей идеологии, влияние других традиций и другой политической культуры, было бы чрезвычайно рискованным предположить, что сформулированные там обобщения можно будет просто перенести в наши условия. Такое перенесение не имеет никаких объективных оснований и может привести к совершенно ошибочным выводам. В то же время можно рассматривать эмпирические наблюдения по этим вопросам, к которым пришла буржуазная наука, как рабочие гипотезы, требующие проверки и затем модификации или существенной ревизии в свете эмпирических знаний, полученных в результате исследований в социалистических странах. Подобный сравнительный анализ дает возможность выяснить, в какой степени и в каком направлении психологические процессы, сопутствующие политической жизни, отличаются друг от друга в зависимости от строя, традиций и других особенностей отдельных стран. Пока этот анализ не будет сделан, марксистская социология политических отношений должна ограничиваться самыми предварительными и общими предположениями. Теоретическая, а также практическая значимость этих проблем требует незамедлительного их решения.

Области исследований социологии политических отношений

Х. Социология политических движений и партий

Политические движения и их особая, институционализированная форма, каковой являются политические партии, представляют собой одну из основных областей, исследуемых социологией политических отношений. Каким образом складываются политические движения, как функционируют, каким образом политическое движение приобретает форму партии и каков механизм деятельности политических партий — все это для социологического анализа политической жизни является проблемой первостепенного значения. В данной главе я рассматриваю проблематику политических движений и политических партий как единое целое, исходя из того, что политическая партия является особым, институционализированным примером политического движения и должна рассматриваться в связи с ним.

Под *политическим движением* я понимаю такие общественные силы, которые пытаются изменить существующие условия или закрепить их путем оказания влияния на правительства либо же путем борьбы за власть. Таким образом, политическое движение является особой формой общественного движения, определяемого в наиболее общем виде как «совместные стремления людей к реализации общей цели»¹. Характерной чертой, отличающей политическое движение от всех других об-

ественных течений, является то, что оно пользуется политическими средствами, то есть борется за власть или за влияние на способ осуществления этой власти. *Политическая же партия* является таким политическим движением, которое 1) имеет высокую степень организации и 2) стремится к реализации своих целей путем борьбы за власть или за ее осуществление и программно не ограничивается лишь оказанием воздействия на способ осуществления власти². Эта последняя черта партии может быть менее выражена в условиях, когда партия слаба, но в своей программе не отказывается от завоевания власти в каком-то отдаленном будущем. На практике такая партия сосредоточивает свои усилия на воздействии на способ осуществления власти, например в рамках оппозиционной деятельности. Изучение политических партий на более широком фоне политических движений имеет то преимущество, что позволяет определить как общие, так и специфические черты политических партий. Ибо, если политические движения существовали так давно, как помнит себя человечество, то партии представляют собой новое явление, выросшее из политической действительности XIX и XX веков.

1. Типология политических движений и их динамика

Основным элементом анализа политических движений является определение их социальной базы, поскольку эти движения всегда выражают определенные общественные интересы и стремления, а характер этих интересов и стремлений представляет собой важнейший аспект любого политического движения. По этой причине марксистская теория классовой борьбы представляет собой бесценный аналитический инструмент при исследовании политических движений. Она позволяет увидеть, как классы в процессе политического созревания порождают общественные и политические движения, ко-

торые являются выразителями их интересов и стремлений. Одна из основных черт, отличающих марксистскую теорию классов от других теорий классов и общественных групп,— это взгляд на общественные классы как на объективную основу, служащую источником политических движений, творящих историю.

«Для К. Маркса и Ф. Энгельса классами, создающими историю,— справедливо отмечает Ю. Хохфельд,— были не общественные агрегаты, то есть совокупности, выделенные в соответствии с занимаемыми их участниками объективными социальными позициями в многочленной, развитой классовой структуре, характерной для определенной общественно-экономической формации и ее экономического строя, в котором основой, связывающей различные экономические уклады, является господство одного из антагонистических способов производства, а совокупности, выделение которых не зависит от сознания их участников и форм их взаимного воздействия и организации. Для К. Маркса и Ф. Энгельса классами, создающими историю, являются общественные группы с прочным контактом между участниками, определенным уровнем осознания собственного положения, общими интересами и общими целями, а также определенной формой организации, функциональной с точки зрения этих целей. Однако, с другой стороны, неотъемлемой частью марксистской теории является... положение о том, что антагонистические общественные позиции являются источником формирования сознания тех, кто находится на этих позициях. Этот процесс имеет тенденцию концентрироваться на ценностях, которые являются рационализацией стремлений, направленных либо к максимализации привилегий, либо к минимализации страданий, связанных с занимаемыми позициями. Другими словами, отношения между классами, определяемыми как социальные агрегаты, являются условием формирования классов, понимаемых как общественные группы, активно участвующие в историческом процессе»³. Это высказывание хорошо характеризует одну из основных черт марксистской теории классов и классовой борьбы, а именно то, что, подходя к классу как к

объективной основе общественных и политических движений, она одновременно служит фундаментом марксистской социологии политических отношений. Изложение марксистской теории классов неизбежно становится изложением существенного аспекта социологии политических отношений. Для социологии политических отношений теория классов и классовой борьбы представляет собой непосредственный общетеоретический базис⁴.

Исходя из оценки роли, которую общественные классы играют в создании политических движений, можно провести первые типологические различия политических движений. Эти движения предположительно можно разделить на движения, имеющие классовый характер, и движения, имеющие межклассовый, а в некоторых случаях — «внеклассовый характер». Последние, однако, не формируются независимо от классовых различий. Они остаются под косвенным влиянием этих различий, например под влиянием тех или иных общественных классов, либо того, что, действуя в рамках определенного строя, эти движения неизбежно включаются в политическую систему, являющуюся надстройкой над этим базисом.

Именно эти обстоятельства склоняют многих марксистских авторов к отклонению предлагаемой здесь классификации и к рассмотрению всех политических движений в качестве движений классовых. Однако я не согласен с этим.

Классовый анализ можно и следует применять как к движениям, которые имеют явно выраженный классовый характер (например, рабочее движение, крестьянское движение, буржуазные движения), так и к межклассовым движениям (например, национально-освободительное движение, в случае если оно охватывает различные классы, некоторые антифашистские движения при аналогичных или приближенных к ним обстоятельствах и т. п.). Классовый анализ состоит в том, чтобы показать: а) какова общественная база движения; б) с какими классами связаны руководители движения; в) по отношению к каким общественным классам программа движения является наиболее функциональной; г) какие

общественные классы получают наибольшие выгоды в результате деятельности движения.

Эти четыре критерия классового анализа политических движений не обязательно должны совпадать. Характерным примером политического движения, в котором обнаружилось существенное противоречие между его социальной базой (мелкобуржуазной) и его программой и деятельностью (в интересах крупного капитала), был гитлеризм*. Он не был с точки зрения социальной базы движением крупной буржуазии, но с точки зрения исторической перспективы успешно служил ей. В работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» К. Маркс подверг тщательному анализу условия, в которых движение крестьян и солдат стало политическим инструментом осуществления определенного варианта интересов буржуазии. Этот анализ — образцовый пример того, как следует различать упомянутые выше критерии классового анализа политических движений⁵.

Говоря о классовых основах политических движений, следует, однако, сделать еще одну оговорку. Основой возникновения политического движения не всегда бывает общественный класс: движение может быть создано социальной прослойкой (например, интеллигенцией или какой-нибудь частью ее), четко *выделенной* профессиональной группой (группой профессиональных военных) или, наконец, деклассированными элементами⁶. В этих случаях данные слои или группы действуют подобно классу, то есть создают политические движения, выражая их групповые стремления, хотя и не всегда действительно служащие их интересам. Поэтому мы можем расширить приведенную выше классификацию политических движений, выделяя среди них а) движения, созданные на классовой основе, б) движения, созданные

* Фашизм, имея в качестве массовой социальной базы мелкобуржуазные слои общества и даже отсталую часть рабочих, в то же время, и прежде всего, выражал интересы монополистического капитала. — *Прим. ред.*

на классоподобной основе *, в) движения, созданные на межклассовой основе.

Сформулированный здесь критерий типологии политических движений не является, однако, единственно возможным. Он перекрещивается с двумя другими. Во-первых, политические движения отличаются отношением к существующему политическому строю (а также экономическому строю). С этой точки зрения можно выделить *консервативные, реформаторские, революционные и контрреволюционные* движения. Первые стремятся сохранить существующий порядок вещей, допуская лишь минимальные и абсолютно необходимые изменения; они выступают как против попыток уничтожения строя, так и против его последовательного преобразования. Реформаторские же движения хотя и стоят на позициях сохранения существующего строя и выступают против попыток его свержения, однако стремятся в большей или меньшей степени реформировать его. Революционные движения отвергают существующий строй и стремятся заменить его другим. Наконец, контрреволюционные движения, направленные против какого-либо строя, сформировавшегося в результате победы революционных или реформаторских движений, стремятся заменить его прежним строем.

Если различия между движениями консервативными, реформаторскими и революционными можно в принципе проводить, опираясь на анализ их методов, то для выделения контрреволюционного движения необходимо, кроме того, четко определить отношение, которое существует между целями этого движения и общим состоянием общества, его социально-экономическим и политическим строем.

Во-вторых, политические движения различаются по степени и форме их организации. С этой точки зрения мы можем выделить; *стихийные* политические движения, лишенные организации (чаще всего кратковременные), *слабоорганизованные* политические движения (также

* В советской литературе используется понятие «социальные слои». — Прим. ред.

кратковременные), политические движения с *высокой степенью организации и продолжительности*, наиболее распространенной формой которых в настоящее время являются политические партии.

Три названных критерия типологизации политических движений тесно взаимосвязаны. Однако основным критерием, играющим в анализе политических движений самое важное значение, является первый из вышеперечисленных, то есть отношение политического движения к общественным классам, ибо другие черты политического движения в значительной мере вытекают из его классовой природы, хотя не все черты можно свести к ней. Политическое движение имеет свою внутреннюю динамику, которую в общем виде можно охарактеризовать как прохождение через следующие стадии развития.

а. *Создание предпосылок движения.* Неудовлетворенность существующим положением или потребность в действиях с целью упрочения существующего положения перед лицом какой-либо реальной или мнимой угрозы становится основой контактов, устанавливаемых между наиболее активными личностями. Сеть таких контактов может позднее стать базой для формирования движения. На начальном этапе возникают также первые формы обмена идеями и кристаллизуются общие взгляды о необходимости формирования политического движения. Этот механизм характерен для движений, возникающих спонтанно, снизу. Иначе создаются политические движения, инициаторами которых являются какие-либо центры политической или экономической власти. В этом случае предпосылки будущего движения создаются сверху, путем пропагандистского воздействия и рекрутирования сторонников⁷.

б. *Стадия артикуляции стремлений.* Первоначально разрозненные и по своему существу индивидуальные стремления на этой стадии приобретают настолько интегрированную форму, что уже можно говорить о появлении движения. Артикуляция стремлений может проявляться в форме выработки более или менее развернутой программы, но может иметь форму выступления руково-

дителей — или будущих руководителей — движения, более или менее точно формулирующих общие цели и стремления. Степень кристаллизации общих стремлений бывает различной, что зависит, в частности, от того, насколько движение приобретает организованные формы и насколько оно сплочено. Тем не менее артикуляция общих стремлений является обязательной стадией развития каждого политического движения.

в. *Стадия агитации.* На следующем этапе своего развития движение концентрируется прежде всего на привлечении участников и сторонников — другими словами, на политической агитации. Предпринимаемые практические действия должны рассматриваться прежде всего с точки зрения их влияния на укрепление позиций движения среди возможных сторонников и участников. Хотя момент агитации играет существенную роль на каждом этапе существования политического движения, однако на стадии, о которой идет речь, этот момент выдвигается на первый план.

г. *Стадия развитой политической деятельности.* На этой стадии движение концентрирует свое внимание на попытках проведения своей программы в жизнь путем борьбы за власть или оказания влияния на правительство. В зависимости от поставленных перед собой задач, от силы и характера движения, а также от общего соотношения политических сил эта стадия может иметь различную продолжительность. У более слабых политических движений она может проявляться лишь в ограниченной форме. Стадия развитой политической деятельности является подлинной историей крупных политических движений.

д. *Стадия затухания политического движения.* Политические движения, цели которых осуществлены или оказались неосуществимыми, входят в стадию затухания. Во многих случаях удается значительно отдалить эту фазу: например, если движение меняет свой облик, выдвигает новые задачи, привлекает новых сторонников, не порывая исторической преемственности с прежними. Так, например, осуществление требования отмены рабо-

владения, что сыграло значительную роль в создании республиканской партии США в 50-е годы XIX века, не помешало этой партии сохранить свои позиции в американской политической жизни благодаря ориентации на новые задачи и новую политическую клиентуру.

Однако история знает примеры постепенного затухания политических движений, в прошлом влиятельных и мощных, как, например, роялистов или бонапартистов во Франции. В определенных ситуациях, в особенности в результате революционного преобразования строя, существование некоторых политических движений прекращается в связи с устранением определенных политических сил. Так, после победы революции и упрочения диктатуры пролетариата в социалистических странах прекратили существование буржуазные политические движения. Однако следует подчеркнуть, что устранение политического движения исключительно административными средствами не может дать устойчивых результатов, если одновременно не развивается процесс исчезновения социальных основ этого движения, так как окончательно прекращаются политические движения лишь тогда, когда исчезают социальные потребности, приведшие к его возникновению, — другими словами, в результате преобразований в классовой основе движения.

Выделенные выше стадии развития не обязательно присутствуют в каждом политическом движении. В отдельных случаях мы имеем дело с соединением некоторых этапов развития политического движения или же с выпадением некоторых стадий развития. Однако они выявляют основные принципы динамики политических движений в самом общем виде, близком к модели.

2. Политические партии

Хотя генезис политических партий восходит — если говорить об этимологии самого термина — к древнейшим временам⁸, подлинная история политических

партий как особых, отличающихся высокой степенью институционализации политических движений датируется концом XVIII и в особенности XIX веком. Это связано прежде всего с вступлением на историческую арену «третьего сословия», а в XIX веке — с введением всеобщего избирательного права⁹.

Что же касается развития политических партий конца XIX—XX века, можно признать в качестве основных факторов формирования современных партий положения, предложенные Марексом Соболевским: а) «введение всеобщего избирательного права»; б) пробуждение классового сознания пролетариата и в) пробуждение национального сознания народов колоний¹⁰.

Анализируя явление исторического развития политических партий, мы наталкиваемся на определенную семантическую проблему. В прошлом, а также и в настоящее время многие крупные организации, имеющие все черты политических партий, то есть представляющие собой организованные группы граждан, стремящихся к реализации общих целей путем борьбы за власть или осуществления власти, выступали и выступают под другими названиями, например «клубы» (в особенности в период Французской революции и в Великобритании в начале XIX века), «объединения» (как, например, Объединение друзей конституции в Польше в 1791 году¹¹), «лагери» (как, например, Лагерь национального объединения или Лагерь великой Польши в межвоенные годы), «блоки» (например, Беспартийный блок сотрудничества с правительством в тот же период), «союзы» (например, «Союз за новую республику» во Франции после 1958 года или его преемник, «Союз демократов за республику»). Одновременно многие авторы, исследующие политические системы стран, освободившихся от колониальной зависимости, обращают внимание на то, что во многих из этих стран под названием «партия» выступают классы, правящие группы или аморфные группиров-

⁹ В советской науке на первое место ставится рост политической активности основных классов буржуазного общества — буржуазии и рабочих, которая проявилась еще до появления всеобщего избирательного права в первой половине XIX века. — *Прим. ред.*

ки, которые не имеют ни организационных, ни идеологических черт обычных политических партий¹². Поэтому представляется, что наиболее правильным будет опустить здесь чисто терминологические вопросы и заняться анализом таких организаций, которые соответствуют критериям, содержащимся в определении политической партии, вне зависимости от того, под каким названием эти организации выступают.

Вслед за Максом Вебером в настоящее время повсеместно принято деление истории политических партий на три основных периода: партии как аристократические группировки, партии как политические клубы и современные массовые партии. Соболевский справедливо считает два первых этапа предысторией политических партий, подчеркивая, однако, что «граница между массовой партией XIX века и ее предшественницами более ранних эпох не очень отчетлива: напротив, мы имеем дело с большой преемственностью определенных политических течений»¹³.

История американских и европейских политических партий одновременно является историей политического строя и историей социальных преобразований. Именно эти два фактора решающим образом повлияли на появление и развитие политических партий. Партии могут и должны рассматриваться как элементы строя, так и с точки зрения отношений, существующих между ними и социальными, прежде всего классовыми, силами, действующими в обществе. Социологию политических отношений интересует прежде всего вторая из вышеназванных проблем, но она не может игнорировать весьма существенного для понимания характера партий влияния правовых рамок, в которых эти партии действуют. Одновременно в новейших течениях политико-правовых наук все более отчетливым становится понимание роли, которую должен играть анализ общественных сил при исследовании политических партий. На способ мышления современной науки, бесспорно, значительное влияние оказывает марксизм. Подобные тенденции можно обнаружить и у некоторых авторов-немарксистов¹⁴. Рассматривая политические партии в социально-историческом

контексте, прежде всего следует выделить следующие моменты:

1. Политические партии возникают в условиях кризиса феодального общества и формирования капиталистического общества. Они являются политическим проявлением тенденции к привлечению широких общественных кругов к участию в правлении, хотя первоначально это распространяется лишь на экономически привилегированные круги (например, путем введения имущественного ценза). Таким образом, процесс возникновения политических партий является существенным аспектом разрушения традиционных структур власти аристократии и замены их более открытыми объединениями граждан — при ограниченном, буржуазном понимании концепции гражданства. Поэтому буржуазные политические партии наиболее быстрое развитие получили в Соединенных Штатах, где феодализм никогда не имел глубоких корней и где война за независимость привела к созданию буржуазно-демократического государства. Развитие политических партий в Европе связано прежде всего с борьбой буржуазии против феодальных привилегий.

2. Однако вскоре на политическую арену вступает новый общественный класс — пролетариат. Начиная с середины XIX века рабочий класс создает рабочие партии и борется за все более активное участие в политической жизни, прежде всего благодаря введению всеобщего избирательного права. Это приводило, как правило, к усилению политической и идеологической кристаллизации и придавало европейским партиям идейно-политический характер. Политические и идеологические различия между партиями обычно обозначаются очень четко и во многих странах имеют характер прочных, переходящих из поколения в поколение традиций. Связь между партиями, с одной стороны, и классами и общественными слоями — с другой, прослеживается достаточно четко, хотя и подвергается изменениям в условиях более острых политических кризисов¹⁵. В то же время в США отсутствие сплоченного рабочего движения, сильное влияние локальных факторов, действующих в отдельных штатах, и слабость европейской идеологиче-

ской традиции приводят к тому, что партии имеют, как правило, характер аморфных избирательных коалиций, слабо сплоченных идеологически, неоднородных по составу. Во второй половине XIX века происходит изменение характера политических партий в Европе, что приводит к усилению различий между европейскими и американскими политическими партиями. Ключ к этим изменениям следует искать в специфике классовой борьбы пролетариата на обоих континентах.

3. В XX веке процессы национально-освободительной борьбы в Азии и Африке и усиление прогрессивного общественного движения в Латинской Америке привели к тому, что политические партии начинают возникать также и на этих континентах, где раньше они не существовали или функционировали в очень ограниченных масштабах, часто чисто формально (в особенности в Латинской Америке). Политические партии вырастают здесь чаще всего из национально-освободительных движений, как, например, Индийский национальный конгресс или Фронт национального освобождения в Алжире. В целом можно отметить, что партии в этих странах тем сильнее, чем более тесно они связаны либо с традициями освободительной борьбы, либо с четко выкристаллизовавшимися классовыми интересами. Первое представляется более типичным для стран Африки и большинства стран Азии, а второе — для стран Латинской Америки и некоторых стран Азии. При более высоком уровне экономического развития в странах этого типа происходит кристаллизация партийных различий в соответствии с границами, разделяющими общественные классы, в то время как при более низком уровне экономического развития партии чаще всего имеют характер либо общенациональных освободительных движений, либо локальных, часто племенных организаций.

4. Победы социалистических революций и создание государств диктатуры пролетариата привели к серьезному изменению облика и характера политических партий в социалистических странах. На основе революционных завоеваний рабочего класса и выступающих в союзе с ним классов и слоев (крестьянства, интеллигенции,

мелкой буржуазии, в некоторых странах также национальной буржуазии) сформировались политические партии социалистической политической системы с коммунистической партией как ведущей, а во многих странах единственной политической партией. Эти партии являются инструментом общенациональной интеграции на основе осуществления задач и целей социалистического строительства.

Наряду с этими элементами общественно-исторического характера, которые определили основные направления развития политических партий, существуют также обусловленности юридическо-политического и идеологического свойства. Обусловленности юридическо-политического свойства связаны прежде всего с тем, в какой степени в рамках существующей политической системы допускаются политические партии, а также с типом избирательной системы и его воздействием на облик политических партий. Идеологические обусловленности связаны прежде всего с тем, в какой степени партии являются инструментом кристаллизации четко выраженных и противоположных идеологий. Рассмотрим эти элементы по порядку.

Допущение политических партий к участию в общественной жизни не является однозначным с их существованием. Вследствие этого одной из наиболее важных черт партий является их легальный или нелегальный характер, что зависит от политического строя. Революционные партии рабочего класса представляют собой наиболее яркий и часто встречающийся в истории пример партий, которые, несмотря на то что неоднократно они загонялись в подполье, десятилетия существовали на нелегальном положении, становились могучей политической силой.

Именно в подполье сформировались черты ленинской партии нового типа, — партии, которая, несмотря на отсутствие легальных возможностей, сохранила способность вести борьбу и играть революционную, руководящую роль. Победоносное осуществление социалистических революций, руководящей силой которых были нелегальные коммунистические партии, является убедитель-

тельным доказательством того, что отсутствие легального статуса в рамках системы не представляет собой непреодолимого препятствия, если нелегальная партия пользуется подлинной поддержкой масс. Это относится и ко многим партиям национально-освободительного движения, возникшим в условиях нелегальной борьбы против колониального господства. В период господства фашизма в подполье действовали и партии умеренного центра, и даже правые нефашистские партии.

С другой стороны, формальное допущение деятельности партии еще не означает, что такая партия может быть автоматически признана полностью легализованным элементом системы. Во многих капиталистических странах действуют разного рода ограничения, которые не позволяют коммунистическим партиям вести полностью легальную деятельность. В этом случае мы можем говорить о «полулегальном» статусе некоторых партий. Таким образом, с точки зрения возможности легальной деятельности политические партии можно подразделить на легальные, полулегальные и нелегальные.

Тип избирательной системы косвенно определяет характер партий, содействуя или препятствуя их идейно-политической кристаллизации. Как правило, мажоритарная избирательная система, при которой (например, в США или Великобритании) выборы проводятся в одномандатных округах, где побеждает тот, кто получает наибольшее количество голосов, содействует сохранению крупными политическими партиями своих преимуществ в рамках системы¹⁶.

Напротив, пропорциональная система, при которой мандаты делятся в соответствии с полученными голосами, способствует тому, что политические меньшинства обособливаются от крупных партий и выступают отдельно. Пропорциональная система, таким образом, содействует идейно-политической кристаллизации партий. Наконец, политическая система, допускающая или даже поддерживающая прочные межпартийные коалиции, как это, например, имеет место в Польше и в ряде других социалистических стран, содействует такой эволюции политических партий, которая превращает их не в

инструменты политического соперничества, а в формы осуществления политического сотрудничества. Это сотрудничество развивается на основе четко определенных политических и программных принципов, например в условиях Польши — на основе полного согласия с руководящей ролью ПОРП в отношении двух других политических партий и всех общественно-политических организаций¹⁷.

Говоря об идеологической обусловленности, я имею в виду влияние, которое оказывает на политические партии степень идеологической кристаллизации, проявляющаяся в обществе в целом. Западные авторы уже с давних пор доказывают, что характерной чертой эволюции капиталистических обществ после второй мировой войны является «отмирание идеологии» или, во всяком случае, ослабление идеологических различий между политическими партиями¹⁸.

Это явление значительно более сложное (я покажу это в другой своей работе¹⁹), так как нельзя говорить о едином процессе «конца идеологии», а скорее о различиях в степени идеологической кристаллизации данной социально-экономической и политической системы. Периоды относительного ослабления идеологической кристаллизации связаны с периодами социально-экономической и политической стабилизации, а периоды кризисов приводят к усилению идеологических разногласий, в том числе и внутри политических партий²⁰.

Таким образом, общий идеологический климат влияет на характер политических партий, вызывая у них больший или меньший интерес к идеологии, или, другими словами, определяя их идеологический либо прагматический облик.

В результате можно сказать, что хотя политические партии объединяют основные, общие для всех черты (сформулированные в определении политической партии), однако в их характере имеются значительные различия. Эти различия касаются классового характера партий, типа их организации, места, занимаемого ими в системе власти, их идеологического облика. Это можно представить следующим образом:

1. Политические партии в зависимости от своего классового характера делятся на

1.1. *Классовые партии*, например рабочие, буржуазные, крестьянские, мелкобуржуазные, помещичьи.

1.2. *Межклассовые*, например буржуазно-помещичьи.

1.3. *Партии классовоподобных групп*, например состоящие из представителей прослоек, групп.

2. В зависимости от типа своей организационной структуры партии делятся на

2.1. *Кадровые партии*.

2.2. *Массовые партии*, в том числе

2.2.1. с рыхлой организационной структурой,

2.2.2. с прочной организационной структурой.

3. По месту, которое партии занимают в системе власти, они делятся на

3.1. *Легальные партии*, в том числе

3.1.1. играющие существенную роль в рамках политической системы или

3.1.2. играющие незначительную роль.

3.2. *Нелегальные партии*.

4. В зависимости от доминирующего в них идеологического облика партии можно разделить на

4.1. *Идейно-политические партии*, в том числе

4.1.1. революционные,

4.1.2. реформистские,

4.1.3. консервативные,

4.1.4. реакционные, или контрреволюционные.

4.2. *Прагматические*, или, говоря иначе, *избирательные партии*.

4.3. *Харизматическо-вождистские партии**²¹.

Перечисленные выше типы политических партий взаимно не исключают друг друга, напротив, они часто совмещаются, создавая хорошую основу для анализа. Так, например, коммунистическая партия как *классовая* партия обычно бывает *массовой* (хотя в период нелегальной деятельности чаще всего она носит кадровый

* Определение фашистской партии включает в себя также идеологическую и социальную характеристику (нацизм, национал-социализм, опора на мелкую буржуазию и защита совокупных интересов монополий). — *Прим. ред.*

характер); в зависимости от системы, в которой она действует, партия может быть *легальной* или *нелегальной*, с точки зрения идеологии — *революционной* (как кадровой, так и массовой партией); для нее характерна сильная внутренняя организация; в политических системах она играет различную роль — от главенствующей (в социалистической системе) до побочной (в условиях, когда она или лишена массового влияния, или в результате юридических или других ограничений искусственно отодвинута на второстепенные позиции) ²².

Социология политических партий показывает их функционирование как в качестве организованных групп деятелей и сторонников, так и в качестве составной части политической системы. В этом смысле анализ политических партий как политического института приводит к анализу партийной системы как существенного элемента политической системы.

3. Партийные системы

Понятие партийной системы представляет собой трудную и еще недостаточно четко определенную категорию социологии политических отношений ²³. Под партийной системой я понимаю совокупность отношений между легально действующими политическими партиями. Эти отношения выражаются в соперничестве или в совместной борьбе за власть или осуществление власти. Я не включаю в партийную систему ни государственные институты, ни непартийные группы интересов или другие организации подобного типа. Этим данный подход существенно отличается от определения, предлагавшегося в прошлом В. Закшевским ²⁴. Однако следует выяснить следующие вопросы:

Во-первых, следует ли включать в партийную систему все легально действующие политические партии, в том числе даже и те, которые играют совершенно незначительную роль вследствие своей малочисленности и

слабого влияния, а также партии, находящиеся в оппозиции к существующему строю и существующей партийной системе, которая является его выражением? На первую часть вопроса — о малочисленных партиях — я не стал бы отвечать однозначно. Эти партии не могут быть полностью исключены из партийной системы. Они входят в нее постольку, поскольку вступают в отношения, основанные на соперничестве или сотрудничестве с другими партиями партийной системы. Многие совсем незначительные, сектантские партии, по существу, не удовлетворяют этим критериям и тем самым оказываются на периферии или даже за рамками партийной системы. Что касается партий, занимающих позиции, кардинально противоположные существующей системе (например, коммунистические партии в буржуазных партийных системах), то я считаю, что они являются составной частью системы, хотя их присутствие в рамках системы выражается в борьбе против существующего строя. Ибо такие партии находятся в отношениях борьбы с другими партиями системы и тем самым сами представляют ее часть, хотя эта часть дисфункциональна по отношению ко всей системе, поскольку партии борются за то, чтобы заменить существующую систему другой ²⁵.

Во-вторых, следует ли исключать из партийной системы те партии, которые действуют нелегально? Партийная система, действовавшая в Польше в период гитлеровской оккупации, охватывала конспиративные политические партии, которые вступали в разнообразные отношения друг с другом. То же самое можно сказать о нелегальной партийной системе франкистской Испании, когда конспиративные партии поддерживали взаимоотношения, контактировали и до определенной степени координировали свои действия. Можно предположить, что делегализация всей партийной системы является проявлением нестабильности политической системы, и рассматривать такую ситуацию как переходную, предвещающую формирование в будущем нормальной, легальной партийной системы. В то же время акцентирование внимания на том обстоятельстве, что к партийной системе относятся партии, действующие легально, необ-

ходимо, чтобы определить типичную платформу функционирования партийной системы. Ею является соперничество или сотрудничество в борьбе за власть или за осуществление власти в конституционно установленных рамках.

В-третьих, в литературе, посвященной данному предмету, спорным остается вопрос, можно ли отнести к партийным системам однопартийные системы. Соболевский, ограничиваясь в своих рассуждениях лишь эпохой капитализма, допускает такую возможность на той основе, что «однопартийная система — это система, исключающая существование других, в особенности конкурирующих, партий»²⁶. Именно это он считает наиболее характерной и самой важной чертой однопартийной системы. Это правильное утверждение, и нет оснований распространять его только на капитализм. И в социалистических однопартийных системах не делают тайны из того, что организация оппозиционных партий не уместится в правовых рамках строя. Но является ли исключение конкурирующих партий, как отмечает Соболевский, самой важной чертой таких партийных систем — это уже совсем иной вопрос. Во всяком случае, в применении к социализму такое утверждение не представляется мне обоснованным, и в этом смысле я понимаю оговорку М. Соболевского, ограничившего свои рассуждения партийными системами капиталистического общества. По мере упрочения социалистического строя отсутствие оппозиционных партий все в большей мере становится проблемой сложившихся традиций, чем проблемой фактически действующих ограничений. Существом этой системы становится не столько исключение других партий из легальной политической жизни, сколько, как указывает Г. Шахназаров, согласование интересов различных классов и общественных слоев «в рамках одной партии и одной партийной политики»²⁷. Именно это — согласование стремлений и интересов в рамках одной партии — представляет собой существо социалистических однопартийных систем.

Многочисленные спорные проблемы возникают не

только при определении, но и при классификации партийных систем. В буржуазной литературе почти безраздельно господствует обычай классификации партийных систем по количеству партий, эффективно участвующих в борьбе за власть; в результате все партийные системы делятся на много-, двух- и однопартийные. В литературе социалистических стран уже много раз указывалось, что подобного рода классификации затемняют проблему, так как

а) опираются на чисто формальные критерии и не вникают в определяемые строем различия между партийными системами;

б) оперируют лишь количественными критериями и тем самым игнорируют качественные аспекты межпартийных отношений;

в) не позволяют увидеть ни многих видов партийных систем в рамках многопартийности, ни многих партийных систем, которые не уместятся в такой тройственной классификации.

И в немарксистской литературе можно иногда встретить критику классификации партийных систем, основанных на количественных критериях. В свое время Дюверже вышел за рамки такой классификации, предложив особый тип партийных систем под названием «системы доминирующей партии»²⁸. Сартори вообще отбросил тройственную классификацию партийных систем и предложил поделить все системы на 1) однопартийные, 2) партии-гегемона, 3) доминирующей партии, 4) двухпартийные, 5) умеренно многопартийные, 6) крайне многопартийные, 7) атомизированные²⁹. И такая классификация имеет свои слабые стороны, в особенности если учесть, что она не учитывает в достаточной мере различия строя. Однако эта попытка является самым большим в немарксистской литературе шагом к преодолению формальных схем, которые до сих пор господствуют в ней.

Основываясь на предложенной типологии партийных систем, которую я представил ранее вместе с Котари, а также на интересной типологии буржуазных партийных систем, разработанной М. Соболевским³⁰, я хотел бы предложить следующую развернутую типологию партийных систем:

1. Партийные системы капиталистических государств

1.1. *Альтернативная система*, в которой по крайней мере один альтернативный коллектив политиков организован в виде политической партии или политических партий и имеет реальные шансы заменить коллектив, правящий в данный момент; в рамках этой группы могут иметь место:

1.1.1. *Система многопартийной раздробленности*, в которой ни одна партия или группа партий не имеет явного преобладания, а власть осуществляется коалициями, изменяющимися по составу.

1.1.2. *Двухблоковая система*, в которой существуют несколько политических партий, но они делятся на два постоянно соперничающих политических блока.

1.1.3. *Двухпартийная система*, где хотя и существуют более мелкие партии, но подлинное соперничество за власть происходит между двумя самыми крупными партиями системы.

1.2. *Неальтернативные системы*, в которых либо конституционные принципы, либо фактическое соотношение сил приводит к тому, что нет подлинного соперничества между политическими партиями за власть; в рамках этого могут иметь место:

1.2.1. *Система кооперации партий*, характеризующаяся блокированием главных политических партий и фактическим исчезновением действенной оппозиции.

1.2.2. *Система партий национального соглашения* (или доминирующей партии), в которой хотя и существуют многочисленные политические партии, соперничающие на выборах, но одна партия постоянно доминирует над всей политической системой и безраздельно осуществляет власть, а другие партии действуют либо как критики правительства, либо как представители отдельных групп интересов, имея четко ограниченную и, как правило, локализованную базу влияния.

1.2.3. *Ограниченные партийные системы*, в которых существуют различные политические партии и между ними осуществляется соперничество за политическое влияние, но власть находится в руках одной политической силы — чаще всего армии, заявляющей, что она независима от партий и стоит над ними.

1.2.4. *Однопартийная система*, исключающая существование других политических партий, кроме правящей.

2. Партийные системы социалистических государств

2.1. *Однопартийная система*, в которой согласование интересов классов и общественных слоев осуществляется в рамках одной партии, партии рабочего класса, и где эта партия постоянно является руководящей силой по отношению ко всем другим общественным и политическим организациям.

2.2. *Система партии-гегемона*, в которой гегемония одной партии, партии рабочего класса, основывается на том, что другие существующие в рамках системы политические партии, как и остальные общественно-политические организации, признают ее руководящую

роль; в этой системе коммунистическая партия осуществляет руководство многопартийной коалицией партий, стоящих на принципах социализма, а другие политические партии не допускаются к участию в политической системе.

Сконструированная таким образом типология основывается на известных до сих пор политических формах социалистической государственности. Нельзя утверждать, что партийные системы социалистических государств будут всегда иметь форму однопартийных систем или систем партии-гегемона. Первый период истории советского государства, когда власть находилась в руках коалиции большевиков и левых эсеров, указывает на то, что существовали потенциальные возможности функционирования системы, более близкой тому, что Соболевский называет (правда, анализируя капиталистическое общество) системой кооперации партий. В этот период подчеркивалось, что однопартийность отнюдь не является обязательной чертой политического строя диктатуры пролетариата. Г. Шахназаров указывает на то, что на Втором всероссийском съезде Советов большевики получили абсолютное большинство в избранном съездом законодательном органе (ВЦИК) и имели возможность сформировать однопартийное правительство, но не воспользовались этим. Позиция партии, пишет Г. Шахназаров, исходила из стремления привлечь к участию в правительстве левых эсеров, но это продолжалось недолго, так как последние перешли в контрреволюционную оппозицию³¹. Однопартийность системы оказалась следствием развития исторических событий. Подобным образом обстояло дело и в ряде других социалистических стран, где в конечном счете сформировались однопартийные системы. В других же странах иной ход событий, связанных с борьбой за власть трудящихся, привел к созданию систем партии-гегемона, в рамках которых под руководством коммунистических рабочих партий действуют в прочном союзе другие партии трудящихся масс. Такими партиями являются: в Польше — Объединенная крестьянская партия и Демократическая партия, в ГДР — Либерально-демократическая партия Германии, Христианско-демократический союз, Нацио-

нально-демократическая партия Германии и Демократическая крестьянская партия Германии; в Чехословакии — Чехословацкая социалистическая партия, Чехословацкая народная партия, Партия словацкого возрождения и Словацкая партия свободы; в Болгарии — Болгарский земледельческий народный союз; в Китае — Революционный комитет гоминьдана, Демократическая лига, Крестьянско-рабочая демократическая партия, а также другие небольшие партии локального характера; в Корейской Народно-Демократической Республике — Демократическая партия Кореи и религиозная партия Ченудан; в Социалистической Республике Вьетнам — Социалистическая партия и Демократическая партия. Существование в этих странах систем партии-гегемона указывает на существенную роль, которую эти системы — наряду с действующими в других социалистических странах однопартийными системами — играют на современном этапе строительства социализма.

Открытым остается вопрос о том, как будет формироваться партийная система в условиях перехода к социализму, в особенности в случае осуществления мирного пути к социализму. Завершившийся контрреволюционным переворотом и установлением фашистской диктатуры трехлетний период правительства Народного единства в Чили (1970 — 1973 годы) показал, что коммунисты и другие левые партии были готовы лояльно относиться к принципам многопартийной системы, не исключая из нее даже партий правого направления. В Португалии после свержения существовавшей почти полвека фашистской диктатуры в 1974 году сложилась система, в которой левые партии создали политическую коалицию, от участия в выборах были отстранены правые партии и маоистские «ультралевые» группы, а Революционный совет вооруженных сил сохранил верховные политические полномочия. Такая система, имеющая, впрочем, черты переходной системы, содержит элементы различных партийных систем, и в частности многопартийной кооперации партий и ограниченной партийной системы. Наконец, следует отметить, что в программах итальянской, французской и других коммунистических

партий Западной Европы ясно говорится, что в условиях перехода к социализму будет сохранена многопартийная система.

Все эти проблемы требуют внимательного анализа в свете изменяющихся исторических условий. Однако неизменным остается принцип марксизма — независимо от типа партийной системы руководящей силой борьбы за социализм всегда является коммунистическая партия. Меняются лишь формы осуществления коммунистической партией своей руководящей роли, но не существо проблемы.

4. Партия рабочего класса как партия нового типа

Коммунистическая партия представляет собой партию нового типа как вследствие ее классового содержания и исторической роли, так и ее организационных форм и методов деятельности. Она является революционной партией рабочего класса, опирающейся на принципы марксизма-ленинизма и ставящей перед собой цель победоносного осуществления социалистической революции, установления диктатуры пролетариата и построение коммунистического общества. Это массовая партия, построенная на принципах демократического централизма, действующая в качестве руководящей силы рабочего класса и масс трудящихся, а после победы социалистической революции — в качестве руководящей силы всего социалистического государства.

Положение о том, что революционная, марксистско-ленинская партия должна стоять во главе классовой борьбы пролетариата и что ее политическое руководство является условием победы, относится к основополагающим принципам марксизма. Эту мысль сформулировал уже К. Маркс, указывая — прежде всего в Коммунистическом манифесте — на важную роль коммунистов в революционной борьбе рабочего класса. Вопрос о руководящей роли партии подробно развил и обосновал

В. И. Ленин, в особенности в работе «Что делать?». В. И. Ленин указывал, что

рабочий класс, лишенный политического руководства в лице революционной партии, не в состоянии полностью осознать свои задачи и возможности, иначе говоря, рабочий класс не в состоянии стихийным образом выработать революционное классовое сознание;

поэтому необходима постоянная деятельность партии как идеологического руководителя и воспитателя масс, который вносит революционную теорию в ряды рабочего класса, стихийно поднимающегося на борьбу;

на основании этой теории партия должна выработать применительно к существующим условиям конкретную программу революционных действий; тем самым партия становится штабом, планирующим направление борьбы рабочего класса;

будучи штабом, руководящим классовой борьбой пролетариата, партия одновременно является передовым отрядом (авангардом) рабочего класса; в ее рядах сплачиваются наиболее самоотверженные и наиболее преданные деятели, которые собственным примером указывают всему рабочему классу, трудящимся массам путь борьбы за свержение капитализма и построение социализма.

В этом состоит руководящая роль партии в подготовке и победоносном осуществлении социалистической революции. Эту роль партия может выполнить только в том случае, если

имеет революционную идеологию и руководствуется ею в определении целей и средств борьбы;

построена на принципах демократического централизма и придерживается железной дисциплины при осуществлении задач, которые демократическим образом определяются руководящими партийными органами и которые находятся под контролем всей партии;

находится в тесной связи с массами, воспитывает их, а одновременно и учится у них.

В. И. Ленин следующим образом разъяснял характер партийной дисциплины в революционной партии. Отвечая на вопрос, на чем держится, чем проверяется и чем подкрепляется эта дисциплина, он писал: «Во-первых,

сознательностью пролетарского авангарда и его преданностью революции, его выдержкой, самопожертвовани-ем, героизмом. Во-вторых, его умением связаться, сбли-зиться, до известной степени, если хотите, слиться с самой широкой массой трудящихся, в первую голову пролетарской, но также и с непролетарской трудящейся массой. В-третьих, правильностью политического руко-водства, осуществляемого этим авангардом, правиль-ностью его политической стратегии и тактики, при усло-вии, чтобы самые широкие массы *собственным опытом* убедились в этой правильности»³².

Формулируя таким образом характер и задачи пар-тии рабочего класса, В. И. Ленин особо подчеркивал следующие четыре основных принципа деятельности партии:

1. Принцип авангардной роли партии, выражающий-ся в том, что партия руководствуется передовой идеоло-гией и объединяет наиболее передовых рабочих и других трудящихся.

2. Принцип членства партии, содержащий высокие политические, идеологические и моральные обязанности ее членов; с этим принципом связано строгое соблюде-ние качественных критериев приема в партию и забота о том, чтобы позиция членов партии соответствовала ее характеру.

3. Принцип построения партии на основе системы первичных партийных организаций.

4. Принцип демократического централизма, в соот-ветствии с которым для всех членов партии обязательна одинаковая партийная дисциплина и все члены партии должны оказывать действенное влияние на определение линии партии и иметь возможность контролировать все партийные органы.

Принцип демократического централизма составляет основу силы коммунистических партий, а любое отступ-ничество от него ведет к ослаблению руководящей роли партии.

В качестве организатора рабочего класса и всего на-рода партия определяет конкретные цели действий не только для партийных инстанций или организаций, но и

для органов государственной власти и общественных организаций, в которых работают члены партии. Через свой актив партия заботится о том, чтобы вся организационная деятельность в области политической, экономической и культурной жизни соответствовала принципиальной линии партии, то есть вырабатываемой партией программы строительства социализма. Партия делает это как политический организатор строительства социализма. Ее роль состоит в

определении конкретных задач социалистического строительства в данный отрезок времени;

выдвижении, воспитании и контроле за деятельностью кадров актива, который в партийных инстанциях, государственных органах и общественных организациях реализует линию партии;

мобилизации членов партии и беспартийных на активное участие в осуществлении этих задач.

Руководящая роль партии в организационной области не означает передачу ей обязанностей и прав государственной администрации, руководства хозяйственными и другими органами. Партия не должна подменять их, не должна слишком детально контролировать их начинания. Но в то же время она должна придавать их деятельности общее политическое направление и заботиться о том, чтобы партийный актив, действующий в различных областях жизни, сумел сплотить вокруг себя массы для осуществления поставленных партией задач.

Из особого характера и новых задач коммунистической партии как партии нового типа вытекает особый характер социологии партии в условиях социалистического общества. Социологический анализ жизни партии, способа ее функционирования, путей осуществления ею своей руководящей роли, а также социологический анализ отношения беспартийных трудящихся к партии — все это представляет собой не только тему для интересных теоретических исследований, но и непосредственную теоретическую основу для практики.

Этот анализ должен помочь найти еще более совершенные, более эффективные формы деятельности партии в условиях дальнейшего строительства социализма³³.

XI. Социология государства

Исследование политики так тесно связано с функционированием государственной власти, что в работах многих западных теоретиков оно отождествляется с исследованием государства и аппарата государственной власти. Подобная точка зрения грешит преувеличением. В то же время эти авторы совершенно упускают из виду чрезвычайно важные для политики негосударственные формы массовой деятельности, в том числе (о чем речь шла в предыдущей главе) деятельность партий и политических движений, в которых выражается политическая активность классов и других общественных групп. Марксистская теория со всей силой подчеркивает роль государства и придает большое значение социологическим исследованиям проблем государства.

Государство является предметом исследований многих научных дисциплин, в особенности правовых наук. Социология же политических отношений занимается государством с точки зрения общественной обусловленности и общественной эффективности функционирования государственной власти. Следует отметить, что для современного марксистского подхода к теории государства и права весьма характерно проникновение социологической проблематики и методологии в правовую науку, в результате чего попытки разделить социологический и юридический анализ во многих случаях носят искусственный характер.

Социологическая проблематика государства охватывает следующие вопросы: 1) генезис и функции государства, 2) типы и формы государства в их связи с социально-экономическим строем, 3) состав, структура и функции государственного аппарата. Разумеется, существуют и другие вопросы социологии политических отношений, которые тем или иным образом связаны с проблематикой государства, как, например, рассмотренная выше проблематика политических партий и движений. Однако здесь речь идет не о выявлении довольно

очевидных взаимосвязей между отдельными областями социологии политических отношений, а об определении границ той области, которая специально занимается государством и его аппаратом.

1. Происхождение государства

С социологической точки зрения марксизм показал сущность государства как проявления классовых отношений и как инструмента регулирования этих отношений.

Рассматривая государство как классовый институт, марксизм позволил понять характер этого явления социологически, то есть в его отношении к социальной структуре. По существу, марксизм является первой полнотью социологической теорией государства.

Эта теория основывается на трех предпосылках. Во-первых, рассматривая характер государства генетически, с точки зрения его происхождения, марксизм подчеркивает, что государство появилось в результате обострения классовых противоречий. Во-вторых, анализируя данную проблему функционально, марксизм показывает, что основной, хотя и не единственной, функцией государства является обеспечение господства класса, обладающего экономической властью, и подчинение ему других общественных классов. В-третьих, рассматривая проблему структурно, марксизм указывает на то, что структурные особенности аппарата государственной власти формируются главным образом под воздействием задач, которые государство выполняет в интересах господствующего класса. В этих трех аспектах — генетическом, функциональном и структурном — выражается классовый характер марксистской теории государства.

△ «Государство никоим образом не представляет собой силы, извне навязанной обществу... Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запута-

лось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала в границах «порядка». И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство»¹.

Государство сложилось из поздних форм общинно-племенного строя и развивалось в течение продолжительного исторического периода. Оно не возникло вопреки теориям немарксистских историков прошлого в результате однократного акта, например захвата. Подобный акт мог самое большее ускорить окончательное завершение процессов, которые эволюционно проложили себе дорогу уже ранее. Однако чаще всего однократные акты установления государственной власти состояли в создании *нового* государства на руинах уже ранее существовавшей государственной власти.

Эволюция государства в его зародышевом периоде состояла в постепенном обособлении выделенных институтов, осуществляющих власть, в особенности вооруженных сил и финансового аппарата. Учреждение силы, по определению Ф. Энгельса, ставящей себя над обществом, состояло в постепенной передаче функций, которые прежде осуществлялись всем родом или племенем, специализированным институтам. Они-то и становились постепенно государством.

Генезис этого процесса берет начало в классовых изменениях, происходивших в поздний период общинно-племенного строя. До тех пор пока это общество было в принципе экономически недифференцированным, а только было разделено социально (скорее всего, с точки зрения престижа, а не различий в обладании имуществом и властью), основные политические функции этого общества — оборона от внешних врагов и поддержание внутреннего порядка — могли осуществляться коллек-

тивными усилиями, без создания для этих целей выделенных институтов. Так происходило не только потому, что эти функции были более простыми, поскольку основной ячейкой было малочисленное племя, но прежде всего потому, что не существовало антагонистических внутренних конфликтов, вынуждавших навязывать волю одной группы другой. Племя выступало как единое целое, имеющее одинаковые интересы, и могло осуществлять эти интересы путем коллективных действий всех своих членов. Власть опиралась на авторитет старейшин, поддерживаемых в случае необходимости силой всех членов общества, и не требовала специального аппарата насилия. Положение изменилось лишь тогда, когда в результате развития производительных сил, разделения труда и накопления имущества в частных руках постепенно сформировалось разделение общества на классы. В некоторых случаях этот процесс протекал более быстро под воздействием внешних факторов, например войны, захвата, миграции. Его сущность состояла в том, что экономические изменения вызвали новые отношения внутри общества, а те в свою очередь выразились в эволюции характера политической власти. Таким образом, государство возникло только тогда, когда под воздействием глубокого разделения на классы политическая власть приобрела форму обособленного аппарата. Станислав Эрлих выделяет четыре главные черты, отличающие государственную организацию от догосударственной, общинно-племенной организации.

1. Возникновение власти, которая уже не отождествляется с обществом; это публичная государственная власть, звеньями которой являются организации вооруженных людей, профессионально занимающихся военным ремеслом, в то время как прежде все мужское население было вооружено и принимало участие в военных походах.

2. Территориальное разделение населения, при котором уже не учитываются кровные связи.

3. Появление групп людей, профессией которых стало управление, а не производительный труд, — другими словами, возникновение государственного аппарата.

4. Появление различного рода налогов²,

На основе анализа возникновения государства у славянских народов Генрик Ловмянский сконструировал следующие модели племенного строя в его поздней фазе и государственного строя в его ранней фазе³.

Модель племенного строя:

1. Основной политической единицей является небольшое племя, которое входит в состав крупного племени. Оно делится на более мелкие территориальные единицы, имеющие самоуправление, — общины.

2. Племенной строй опирается на демократию, органом которой служит вече (народное собрание). Вече избирает князя, контролирует его деятельность, определяет политику племени, решает вопросы войны и мира, а также, по всей видимости, распоряжается землей, принадлежащей племени.

3. В общественной структуре племенные старейшины занимают позицию, которая дает им право быть избранным племенным князем или главой общины, но осуществлять власть самостоятельно они не могут. Их позиция опирается на авторитет среди населения. Старейшины занимаются политикой, организуют набеги на соседние племена, присваивают доходы от земли, обрабатываемой рабами. Таким образом, группа старейшин является зародышем правящего класса.

4. Существует категория воинов ополчения, которая занимается земледелием и лишь в качестве побочного занятия — военным ремеслом.

5. Основная масса сельскохозяйственного населения состоит из свободных людей, которые обрабатывают собственную землю, пользуются политическими правами и принимают участие в оборонительных войнах. Так называемая «военная демократия» основывается на том, что каждый земледелец одновременно является воином.

6. Вече осуществляет контроль над казной. Княжеская казна отделена от племенной.

7. Военная организация основана на ополчении, включающем всех свободных членов племени, и на дружинах, создаваемых на определенный период.

8. Судебная система состоит из племенных и соседских судов, которые действуют в форме веча.

Модель государственного строя:

1. Основой государственной организации являются прежде всего территории крупных племен с тенденцией объединения нескольких крупных племен. Прежние общины становятся базой самоуправленческих единиц, а небольшие племена теряют значение.

2. Князь, ставший независимым от контроля племени, имеет право на государственную территорию и на осуществление власти; рождается структура власти, опирающаяся на господствующий класс. Возникает новая административная машина.

3. Кристаллизуется классовое расслоение; господствующий класс поставляет кадры для аппарата управления и пользуется доходами

что универсального, повсюду обязательного механизма порабощения не существовало. Рассматривая, к примеру, так называемую норманнскую теорию генезиса польского государства, Г. Ловмянский приходит к выводу, что она является «конструкцией, лишенной обоснованных фактов, подтвержденных источниками», и утверждает, что «она возникла как результат определенных тенденций, выходящих за пределы науки»⁷. Общетеоретическое значение исторических исследований процессов возникновения славянских государств состоит в том, что они представляют иной вариант этих процессов, отличный от известных нам по истории Западной Европы. Образование славянских государств в значительно меньшей степени, чем государств, возникших на территории бывшей Римской империи, происходило в результате захватов.

2. *Влияние проникновения чужих образцов* не является обязательным условием, но может быть обстоятельством, облегчающим возникновение государств. И снова я обращаюсь к важным исследованиям Г. Ловмянского. Образование первого славянского государства — Карантии (на территории нынешней Словении), страны с недостаточно высоким уровнем экономического развития, со слабым развитием классовой структуры, Ловмянский объясняет влиянием римской государственной идеи, с которой данная этническая группа имела возможность соприкоснуться раньше других. Далее Ловмянский отмечает: «Главным фактором, тормозящим возникновение государства, мы считаем отсутствие концепции строя, отвечающей тем условиям, которые были обеспечены благодаря изменениям в технике (пахотное земледелие) и социальных отношениях (разложение родов, развитие индивидуальной собственности, включая и собственность, основанную на эксплуатации рабской силы). Только наличие такого рода концепции позволяет осуществить перелом. Складываются три вида возможностей формирования новой модели строя на новой, хотя и подготовленной с экономической точки зрения основе: 1) порабощение иноземной силой, которая реорганизует строй на захваченной территории; 2) стихийное усвое-

ние концепции новой модели; 3) использование опыта соседей, далее продвинувшихся в области формирования государства и идеологии, с целью выработки новой модели, которая соответствует собственным внутренним потребностям»⁸.

Проникновение чужих образцов не всегда было обязательным условием процессов создания государства, но не раз ускоряло и облегчало эти процессы. Более того, там, где такое проникновение имело место, оно оказывало большое влияние на формы будущей государственности. Ведь существенную роль играл факт, принимались ли римские или византийские образцы государственности, или же обращались к иным источникам.

3. *Этнический состав населения.* Классовые отношения и первые основы государства формировались в зависимости от того, возникало ли государство на территории с однородным или этнически близким населением или же на территории, где жили различные по этническому составу группы, а пленники, которых можно было превращать в рабов, были этнически чуждым элементом. Рабовладельческие отношения, указывает Ловмянский, складывались прежде всего там, где существовали значительные этнические различия и был приток иноплеменных пленников, попадавших в новые условия⁹. Ибо легче превратить в рабов и держать в подчинении чужих, чем соплеменников.

В условиях же более однородной этнической структуры возникновение классового угнетения и государства происходило путем изменения прежней родовой структуры, то есть, скорее, в форме создания крепостнических отношений, что также оказывало влияние на формы складывающегося государства.

4. *Географические условия.* Возникновение государств на обширных территориях, с сильной централизованной властью, имеющей деспотический характер, было связано с формированием так называемого азиатского способа производства, географической основой которого была необходимость проведения в широких масштабах ирригационных работ. Географические условия становились катализатором социальных и политических

изменений, приводивших к возникновению государства. Но и здесь основную роль играли преобразования, вызываемые развитием производительных сил и соответствующих им производственных отношений. В то же время иные факторы, связанные с географическими и демографическими условиями (например, проживание немногочисленных индейских племен на бескрайних просторах Северной Америки), не могли способствовать быстрому образованию государства хотя бы по причине недостаточной концентрации населения и вытекающей отсюда невозможности создания сильных центров власти. Анализируя данную проблему в общем виде, можно утверждать, что географические условия наряду с перечисленными выше представляют собой фактор, влияющий на ход процессов возникновения государств, хотя они и не играют в них решающей и самостоятельной роли.

2. Функции государства

Изложенная ранее проблематика генезиса государства уже содержит некоторые существенные элементы марксистского понимания функций государства. Тесно увязывая процесс возникновения государства с процессом классового расслоения, марксизм подчеркивает роль государства как инструмента классового господства. Именно это и принято называть «внутренней функцией государства». Наряду с этой функцией существуют также внешняя функция, организационно-хозяйственная и культурно-воспитательная, определяемые также как общественно-экономическая и культурно-идеологическая¹⁰. К этим функциям следовало бы, по моему мнению, добавить функцию, проявляющуюся во многих, хотя и не во всех условиях, — функцию формирования нации, когда государство выступает как инструмент национальной интеграции¹¹. В некоторых новых теоретических работах говорится также о социальной функции

государства, хотя, по моему мнению, это скорее определенный аспект организационно-хозяйственной функции.

Эти функции эволюционируют, играя в различные периоды неодинаково важную роль. Так, например, внутренняя функция государства, хотя она является основной при его возникновении и неоднократно доминирующей по сравнению со всеми другими, отходит на задний план в периоды относительной стабилизации классовых отношений, когда конфликты становятся не столь острыми и не требуют прямого вмешательства государства. Внешняя функция выдвигается на первый план в моменты серьезной военной угрозы, что находит выражение даже в подчинении гражданских органов власти органам, создаваемым для координации национальной обороны (типа военного института диктатора в республиканском Риме). Роль организационно-хозяйственной и культурно-воспитательной функций зависит, в частности, от степени вмешательства государства в эти области жизни.

В условиях не только современного социализма, но даже и современного капитализма наблюдается возрастание роли организационно-хозяйственной и культурно-воспитательной деятельности государства. Наконец, функция создания нации выступает особенно сильно там, где возникновение государства предшествует формированию нации и государство предпринимает сознательные действия в этом направлении. В настоящее время это происходит прежде всего во многих государствах, возникших в бывших колониях, где национальные связи еще находятся в стадии формирования и государство предпринимает определенные действия в этом направлении. Об осуществлении государством этой функции можно говорить также и там, где государственные органы не предпринимали сознательных действий в этом направлении, как это имело место в Европе, но где само существование государства и проводимая им политика привели к ускорению процессов создания нации.

Марксистская теория функций государства непосредственно связана с ответом на вопрос, в каком смысле и в какой мере государство является инструментом

классового господства*. Я уже отмечал выше, что государство возникает из классового расслоения и установления классового господства эксплуататорского класса. Однако этот аспект классового характера государства касается его происхождения, а не актуально осуществляемых функций. По существу, не генетический, а функциональный аспект анализа государства дает ключ к пониманию того, в чем состоит его классовый характер.

Рассматривая эту проблему, следует иметь в виду следующее обстоятельство. Хотя государство возникло как инструмент классового господства, однако в ходе своего развития оно взяло на себя осуществление различных функций, важных для всего общества. Оно стало, как отмечает Б. Леснодорский, «самой крупной правовой и общественной организацией, которая включает все население данной территории, стало глобальной структурой»¹². Между классовым характером государства и его ролью как самой крупной «глобальной структурой» общества нет противоречия, но нет и идентичности. Государство осуществляет функции, вытекающие из его характера как инструмента классового господства, но оно выполняет и функции, имеющие общий характер. Более того, эта двойственная сущность государства основывается не на разделении его функций на классовые и неклассовые, а на взаимопроникновении классовых и общесоциальных аспектов государства в рамках каждой из его функций. Отмечая, что государство имеет классовый характер, мы имеем в виду, что в каждой из его функций интересы господствующего класса проявляются таким образом, что реализация общих задач «окрашивается» классовым аспектом.

Особенно отчетливо это видно на примере внутренней функции государства, но это проявляется и в остальных функциях. Существо внутренней функции государства составляет поддержание господства класса, доминирующего в экономике, а в социалистическом государстве — также осуществление социальных преобразований, направленных на создание полностью бесклассового общества и ликвидацию всякого классового господства.

* О функциях государства см. Предисловие. — Прим. ред.

Однако внутреннюю функцию государство осуществляет в рамках определенного правового порядка, который является в самом общем смысле выражением воли господствующего класса, но не может отождествляться с системой норм, служащих исключительно его интересам. Например, существующие в рамках правового порядка гарантии охраны жизни и здоровья граждан от покушений на них со стороны преступных элементов служат не только господствующему классу, так как не только его представители могут стать жертвой убийцы. Содержание нормы в данном случае не имеет классового характера. В то же время многочисленные социологические и правовые исследования показывают, что в деятельности органов правосудия классовых обществ наблюдается тенденция более строго относиться к преступлениям, совершаемым представителями «низших» классов, чем к преступлениям членов привилегированных классов, а также более тщательно расследовать преступления, совершаемые в отношении людей, принадлежащих к привилегированным классам¹³.

Здесь мы сталкиваемся с действием механизма классовой селекции осуществления определенного аспекта внутренней функции, который сам по себе, рассматриваемый абстрактно, мог бы трактоваться как важный для всего общества. Но это не означает, что в данном случае государство и его органы юстиции действуют исключительно в интересах господствующего класса. Они действуют в общих интересах, хотя методы их деятельности деформированы классовым характером. Это особенно касается наказаний за преступления против собственности, а также всей сферы действия гражданского права, где нормы, выгодные господствующему классу, навязываются силой закона. Таким образом, хотя в рамках внутренней функции и можно найти элементы общих для всего общества задач, однако доминирование интересов господствующего класса здесь преобладает.

Внешняя функция государства представляет собой явление несравненно более сложное. В некоторых популяризаторских работах данная проблема излагается

таким образом, что внешняя функция государства якобы состоит в защите интересов господствующего класса от покушений извне. Это серьезное упрощение. Хотя легко привести примеры, когда внешняя деятельность государства диктовалась исключительно интересами господствующего класса (например, создание европейскими державами колониальных империй), но это не является правилом. Оборонительная война польского народа в 1939 году (пример осуществления «внешней функции» польского государства) отражала интересы не только буржуазии, а была вопросом жизни или смерти всего народа, была общенациональной проблемой. Разумеется, это не изменяет того факта, что общенациональная проблема по-разному понималась различными общественными классами и вследствие своей классовой ограниченности буржуазные партии не были в состоянии защищать интересы Польши последовательно и в соответствии с реальными обстоятельствами того периода. Это мог сделать только рабочий класс. Но, с другой стороны, хотя реализация внешней функции государства Польским комитетом национального освобождения и временным правительством выражала классовый характер первого народного правительства, однако его внешняя политика совпадала с интересами всей польской нации, включая и имущие классы. Ибо для всей Польши имели принципиальное значение победа над гитлеризмом, установление справедливых и нерушимых границ, гарантирование безопасности и суверенитета страны.

Подводя итоги, можно, таким образом, сказать, что во внешней функции государства переплетаются классовые и общенациональные задачи, соотношение между которыми бывает различным, требующим изучения в каждом конкретном случае. Однако классовый характер государства, то обстоятельство, какой класс является господствующим, всегда определяет цели и способ осуществления внешней функции.

Так же обстоит дело при осуществлении двух других функций: организационно-хозяйственной и культурно-воспитательной. По своей сущности обе эти функции

связаны с реализацией государством определенных задач, имеющих значение для всего общества, таких, как организация финансовой системы, осуществление хозяйственно-организационной деятельности в ряде областей экономики (например, строительство дорог), содействие развитию просвещения и культуры (например, путем создания государственных школ). Со временем и в особенности в условиях строительства социализма эти функции распространяются на все новые области экономической и общественной жизни. В рамках этой деятельности появляется очень важная социальная функция (которая, как я уже отмечал, входит в состав организационно-хозяйственной функции), состоящая в обеспечении защиты индивидов и групп, нуждающихся в помощи со стороны общества (например, инвалидов, престарелых и больных граждан и т. п.). Эти задачи имеют важное значение для общества в целом. О некоторых из них, например входящих в социальную функцию, можно даже сказать, что они имеют более важное значение для представителей трудящихся классов, чем для имущих классов. Поэтому нельзя все эти функции свести к осуществлению только интересов господствующих классов. Однако и они не являются классово нейтральными, так как 1) классовое господство требует достаточно четкой реализации разного рода задач, без чего общество оказалось бы в состоянии разложения и упадка (также и во вред господствующему классу); 2) способ реализации приводимых здесь функций зависит от классового характера государства. Это можно проиллюстрировать сравнением масштабов и способов реализации социальных задач в Польше и в Соединенных Штатах. Несмотря на то что национальный доход, как валовой, так и на душу населения, в Соединенных Штатах значительно выше, чем в Польше, однако Польша предоставляет гражданам значительно больше благ в социальной области, например в области здравоохранения, обеспечения в старости, заботы об инвалидах и больных и т. п. Примером классового характера реализации организационно-хозяйственной функции социалистическими государствами является конституционная гарантия права на

надстройкой которого является государство. Вследствие этого мы различаем следующие типы государства: 1) рабовладельческий (в двух основных вариантах: а) азиатском и б) античном), 2) феодальный, 3) буржуазный, 4) социалистический. Кроме этого, имеют место смешанные типы, характерные для переходных периодов от рабовладельческого строя к феодализму и от феодализма к капитализму. Что касается государства переходного периода от капитализма к социализму — то есть государства диктатуры пролетариата, — то оно не носит смешанного характера, являясь по своему классовому существу социалистическим государством, некоторые особенности которого вытекают из еще не завершенного процесса социалистического строительства.

Эта типология не учитывает проблематики государства в условиях коммунистического общества в мировом масштабе. Основоположники марксизма отмечали, что в условиях окончательной победы коммунизма произойдет полное отмирание государства и замена его формами общественного коммунистического самоуправления¹⁵.

Разумеется, этот прогноз относился к условиям полной и окончательной победы коммунизма в мировом масштабе и поэтому не может применяться к условиям современного мира, разделенного на противостоящие системы с различным строем. Поэтому утверждения некоторых авторов, видящих в отсутствии процессов отмирания государства мнимое противоречие с марксизмом, лишены каких-либо оснований. Однако остается проблема уточнения этого прогноза и соотнесения его с тем, что мы сегодня знаем о характере государства. В частности, этот прогноз должен ныне учитывать огромное развитие организационно-хозяйственной и культурно-воспитательной функций государства, которые не исчезнут вместе с процессом отмирания его внутренней и внешней функции, если мы даже выскажем предположение, что эти две функции отомрут полностью. Но и тогда должна сохраниться функция поддержания общественного порядка. Утверждать противоположное можно, лишь исходя из предпосылки, что в построенном комму-

нистическом обществе исчезнут или станут весьма редкими преступные действия, которые в настоящее время требуют превентивных мер и репрессий со стороны государства.

Учитывая все это, следует, по моему мнению, понимать процесс отмирания государства не как процесс исчезновения этого института, а как процесс глубокой перестройки его характера и функций. Коммунистическое «государство» уже не будет, таким образом, государством в значении марксистской теории государства, хотя сохранится его организационная структура с уже измененными функциями и характером*.

От типов государства мы отличаем формы государства, которые характеризуются «совокупностью способов и методов осуществления власти тем общественным классом (или классами), которому принадлежит государственная власть»¹⁶. Для формы государства определяющим является не только его конституция, а совокупность правил политической игры, в сумме составляющих способы осуществления власти. В этом смысле можно говорить, что форма государства зависит от *формы правления*, определяемой законодательным путем (например, монархия или республика, парламентарная или президентская система), а также от *политического режима*¹⁷ (например, демократический, авторитарный, милитаристский). С учетом обоих анализируемых здесь понятий — типа и формы государства — получаем следующую типологию основных типов и форм государства в историческом разрезе¹⁸.

Типы государства	Формы государства
1. Рабовладельческий	
а) азиатский	Деспотическая монархия
б) античный	Республика, монархия, военная диктатура
2. Феодальный	Абсолютная или ограниченная монархия, в исключительных случаях республика

* В советской литературе принято понятие «общественное коммунистическое самоуправление», а не «коммунистическое государство». — Прим. ред.

Типы государства	Формы государства
3. Буржуазный	Конституционная монархия, республика (парламентская, президентская), фашистская диктатура, военная диктатура
4. Социалистический	Социалистическая республика

Данная типология не является исчерпывающей и указывает лишь на основные, наиболее часто встречающиеся типы и формы государства. Она прежде всего не учитывает смешанных типов и форм государства в переходные периоды. Она не принимает во внимание некоторые исторически важные, но типологически второстепенные деформации формы государства в условиях социализма.

Как справедливо отмечает Г. Шахназаров, «коренное и принципиальное различие между социалистическим государством и государствами формаций, основанных на эксплуатации, состоит в том, что единственной адекватной ему формой является социалистическая демократия»¹⁹.

Военно-бюрократическая диктатура, которая сформировалась в Китае в результате так называемой «культурной революции» в середине шестидесятых годов, является деформацией политической структуры²⁰; однако остается открытым вопрос, не приведет ли эта деформация надстройки, если она сохранится на длительное время, к изменениям в экономическом базисе китайского общества, ведущим к отходу от ранее существовавших элементов социалистического базиса.

То, как складываются формы государства, зависит от многих факторов. Перечислим наиболее важные из них.

Соотношение классовых сил серьезно влияет на то, какой является форма государства. Цезаристские диктатуры возникали чаще всего тогда, когда между главными классовыми силами складывалось своего рода равновесие, в результате чего ни одна из этих сил не могла обеспечить своего господства, что создавало благоприятные условия для установления личной диктатуры²¹. Демократия в классовых обществах (а следова-

тельно, демократия рабовладельцев в Греции или Рима, дворянская демократия, например в Польше и Англии, и, наконец, буржуазная демократия) появляется там, где господствующий класс имеет явный перевес сил над эксплуатируемым классом. В ходе всей истории — от диктатур Суллы и Цезаря, через диктатуры Кромвеля и Бонапарта до фашистских или военных диктатур — повторяется закономерность, что господствующий класс, чувствуя угрозу для своей власти со стороны народных масс, прибегает к «чрезвычайным средствам», уничтожая демократическую форму государства ради сохранения своего господства. Однако следует отметить, что сила класса трудящихся может быть достаточно значительной, чтобы не допустить подобное изменение формы государства и защитить республику. Это является одним из существенных элементов нынешней политики коммунистических партий в капиталистических странах.

Исторический субстрат, то есть совокупность унаследованных от прошлого институтов, взглядов, обычаев, в значительной мере определяет форму государства. Глубоко укоренившиеся в американском обществе демократические традиции буржуазного типа являются, как указывалось в одной из моих работ, основным препятствием для реализации попыток фашизации США. Напротив, традиции германского, и в особенности прусского, автократизма способствовали победе гитлеризма. Хотя историческим субстратом нельзя объяснить изменений, происходящих в формах государства, тем не менее этот фактор не следует упускать из виду. Представляется, что он определяет границы, в рамках которых происходят изменения. Другими словами, зная черты исторического субстрата, мы не можем предвидеть всех изменений форм государства, но можем определить, какие из них являются наиболее правдоподобными, а какие совершенно исключаются.

Геополитические условия косвенно воздействуют на форму государства, так как определяют обстоятельства, содействующие формированию внешней и военной политики государства, что в свою очередь оказывает влияние на внутреннюю форму государства. Островное поло-

жение государства (например, Англии) в значительной мере предохраняет от нападения сухопутных сил, что в результате приводит к развитию сильного флота при незначительной сухопутной армии. А так как обычно сухопутные войска, а не военно-морской флот являются опорой военных диктатур, то островное положение в принципе содействует сохранению гражданских форм правления и подчинению армии этому правлению. Со всем иначе воздействуют условия больших открытых пространств, в особенности если непосредственным соседом данного государства является сильный потенциальный противник. В свою очередь условия жизни в горах благоприятствуют формированию черт личной независимости и воинственности, что находит отражение в формах государств, возникших в такой местности.

Влияние личности выдающихся государственных деятелей также является фактором, который нельзя игнорировать. Чтобы мы ни говорили о географических условиях или соотношении классовых сил в Северной Америке периода создания Соединенных Штатов, трудно отрицать, что такие выдающиеся личности, как Франклин, Джефферсон, Гамильтон и Мэдисон, не оказали влияния на окончательную форму американской конституции. Признавая наличие благоприятных объективных условий, следует подчеркнуть, что именно личность Кромвеля, Наполеона Бонапарта или де Голля оказала огромное воздействие на форму создавшегося государственного строя.

4. Государственный аппарат; армия как объект социологического анализа.

Из приведенного выше анализа функций государства вытекает особая роль государственного аппарата, которую подчеркивали и подробно исследовали классики марксизма. Весьма характерно, что самые ранние рабо-

ты К. Маркса посвящены именно конкретному анализу деятельности бюрократического государственного аппарата²². Из этих работ выросла марксова теория государства, его классовой сущности, его отчуждения. Теоретический анализ соединяет в них функциональный подход со структурным, иначе говоря, ведет от поиска ответа на вопрос, кому служит государство, до ответа на вопрос, как государство это делает, с помощью каких институтов. В результате возникла теория государственного аппарата эксплуататорских классов. В соответствии с этой теорией государственный аппарат представляет собой особый инструмент, который служит сохранению и упрочению классового господства экономически господствующего класса путем легального применения насилия.

Основой понимаемого таким образом государственного аппарата являются институты организованного насилия: армия и полиция, причем выделение особых полицейских учреждений представляет собой явление сравнительно более позднего периода. До этого как внешняя, так и внутренняя функции осуществлялись одним институтом — армией²³.

Подчеркивая, что основой государственного аппарата являются институты организованного насилия, мы не утверждаем, что этот аппарат ограничивается только ими. В состав государственного аппарата входят также институты администрации и правосудия, без которых государство не было бы в состоянии осуществлять свои функции в нормальных, мирных условиях. Хотя насилие — а следовательно, и организации легализованного насилия — является сущностью государства имущих классов, однако насилие используется только в случае необходимости, обычно же государство применяет свой административный аппарат для регулирования разнообразных общественных проблем в соответствии с интересами правящего класса.

Государственный аппарат эксплуататорских государств имеет бюрократический характер, что вытекает из его отчуждения от общества. Эта черта органически присуща всем государствам имущих классов, так как

они, по определению Ф. Энгельса, являются силой, стоящей над обществом. Бюрократизм же в социалистическом государстве, хотя он и является угрозой, против которой борются руководящие социалистическим государством партии рабочего класса, вытекает не из классовых черт государства, а прежде всего 1) из остатков старых, досоциалистических государственных институтов, старых навыков как граждан в целом, так и людей, работающих в администрации, а также 2) из группового партикуляризма, против которого борются коммунистические партии. Однако до тех пор, пока будет существовать профессионально выделенный государственный аппарат, будет существовать и проблема рецидива бюрократических явлений, а следовательно, и необходимость борьбы с ними. Поэтому социологический анализ государственного аппарата, глубокое познание характера его деятельности имеют существенное значение для упрочения социалистической демократии и успешной борьбы против извращений бюрократического типа. Одновременно такой анализ нужен для того, чтобы постоянно совершенствовать структуру и принципы деятельности аппарата социалистического государства, устраняя расхождение между все более широко внедряемыми современными методами, в том числе использованием технических средств, и устарелой структурой аппарата государственной администрации.

Социалистический государственный аппарат действует на основе демократического централизма. Одним из важнейших аспектов демократического централизма является то, что государственный аппарат опирается на деятельность широких масс трудящихся, прежде всего в рамках представительных органов, имеющих контрольные функции по отношению к государственной администрации²⁴. Поэтому анализ деятельности представительных органов, как общенациональных (в польских условиях — сейм), так и местных (народные советы), является обязательной составной частью анализа государственного аппарата. Одновременно демократический централизм выражается в осуществлении партией рабочего класса руководящей роли по отношению к государствен-

ному аппарату; тем самым анализ деятельности этого аппарата должен быть связан с анализом функционирования партии. Наконец, в деятельности государственного аппарата все большее значение приобретает научная организация труда, и, следовательно, социологические исследования государственного аппарата должны быть связаны с наукой об организации. Все это приводит к выводу, что из основополагающих черт социалистического государственного аппарата вытекает необходимость комплексного, междисциплинарного подхода к изучению его проблем, причем в таком комплексном подходе социологический аспект будет представлять анализ социального состава государственного аппарата и его связи с различными общественными классами, слоями и группами в рамках общества в целом. Поэтому здесь можно говорить о внешней и внутренней сторонах социологического анализа государственного аппарата.

Это касается и исследований той части государственного аппарата, которая из-за своих специфических черт с некоторых пор является предметом многочисленных социологических анализов, — именно армии. Этой проблематикой занимается особая социологическая дисциплина — социология армии, которая в значительной степени, хотя и не полностью, является частью социологии политических отношений. За рамками социологии политических отношений остаются прежде всего проблематика малых групп в армии и проблематика социальных основ и последствий развития военной техники.

Предметом исследований социологии армии являются вооруженные силы как общественный институт: система их внутренних отношений (как вытекающих из формальной системы власти, так и других отношений, которые возникают из сети неформальных социальных групп), их связи с другими общественными институтами (в особенности, хотя и не исключительно, с гражданскими органами общественной власти), а также их роль в обществе в целом. Рассматривая эти проблемы, социология армии использует опыт нескольких других дисциплин, прилегающих к области исследований собственно социологии армии, и в особенности:

2) она является специфическим государственным институтом;

3) она представляет общественную группу с собственной системой внутренней дифференциации и одновременно является частью системы общественного расслоения*;

4) она представляет собой боевую группу, организованную для достижения победы.

Из этих черт самой важной является последняя — то, что армия представляет собой боевую группу, организованную для борьбы с целью достижения победы. Черты боевой группы, в особенности внутренняя сплоченность и солидарность, своеобразное чувство чести и групповой гордости, опасения армии перед вмешательством в ее внутренние дела со стороны групп или индивидов извне, можно понять лишь на основе анализа функций, которые армия должна выполнять. Однако следует помнить, что история знает примеры дегенерации функций и черт армий, в особенности когда они перестают быть инструментом подготовки или ведения войны, а становятся почти кастовыми организациями, служащими собственным целям. Это явление, свойственное, например, латиноамериканским армиям, стало причиной превращения их в инструмент внутренней борьбы за власть.

Особая роль армии как боевой группы приводит к еще одному важному следствию — она располагает самой большой физической силой в государстве. В этих условиях сохранение превосходства гражданских властей над армией далеко не всегда является чисто автоматическим, а требует выполнения ряда условий. В самой общей форме можно сказать, что подчинение армии гражданским властям зависит от следующих факторов:

а) степени, в которой существующая система власти пользуется поддержкой в обществе и признается в качестве законной самими военными;

* Эта черта относится к армиям эксплуататорских обществ. — Прим. ред.

б) степени, в которой эта система сумеет обеспечить осуществление интересов армии, причем как ее групповых или институциональных, так и общих интересов национальной обороны;

в) степени, в которой командные кадры армии воспитаны в духе признания функционального разделения ролей между гражданским и военным аппаратами.

Доминирование гражданских властей приобретает различные формы. Самой древней из них было подчинение армии правителю, в руках которого осуществлялось объединение всего аппарата власти. Но уже в древнем мире, в особенности в республиканском Риме, мы встречаемся в другой форме преобладания гражданских властей над военными — в виде законодательно гарантированного превосходства гражданских властей, например сената. В современных буржуазных государствах гражданский контроль над армией проявляется прежде всего в двух формах: президентского и парламентского контроля. В президентской системе этот контроль состоит в том, что президент сам является верховным главнокомандующим вооруженных сил (как, например, в США) или высшим руководителем вооруженных сил, имеющим право назначать верховного главнокомандующего. Степень влияния верховного законодательного органа на армию бывает при этом различной (в США конгресс определяет бюджет и имеет право отказать в утверждении назначений на высшие командные посты в армии). В парламентско-правительственной системе контроль над армией осуществляется парламентом и правительством, причем правительство находится в свою очередь под контролем парламента (например, путем принятия вотума недоверия). В фашистских системах контроль над армией сосредоточен в руках вождя правящей партии, который часто берет на себя (как, например, Гитлер) и верховное командование вооруженными силами. Одновременно армия оказывает значительное влияние на фашистскую партию, в особенности в части создания ее военизированного крыла и формирования ее военной политики.

Многие современные капиталистические государства

со слабым уровнем экономического развития, как и многочисленные государства, возникшие после распада колониальной системы, находящаяся под властью военных. Это явление имеет столь массовое распространение — в Латинской Америке, Африке и в определенной степени в Азии, — что можно определить его общие закономерности. В этом случае действуют следующие факторы:

1. На фоне тяжелого экономического положения в этих странах возникает острая классовая борьба, в результате чего создаются условия для установления военной диктатуры как средства сохранения внутреннего спокойствия или как средства осуществления контрреволюции.

2. В большинстве этих стран нет прочных традиций гражданской политической системы, идеология такой системы слабо укоренилась в обществе, а сама система гражданского управления недостаточно эффективна.

3. В остальных странах военные представляют собой группу, умеющую обращаться с современной техникой, способную осуществить задачи по ее модернизации.

4. Будучи зачастую выходцами из народных масс или менее зажиточных мелкобуржуазных слоев, военные понимают несправедливость строя, основанного на угнетении, и из-за отсутствия других революционных сил становятся руководителями борьбы за прогрессивные преобразования.

Эти разнородные факторы, содействующие установлению военной диктатуры, приводят к тому, что под этим общим наименованием скрываются весьма различные формы государства. Так, среди них можно выделить:

а) консервативную военную диктатуру, цель которой — сохранить существующие отношения и защитить собственные интересы и интересы имущих классов; такой характер имело большинство латиноамериканских диктатур в XIX и в первой половине XX века;

б) фашиствующую военную диктатуру, которая с помощью террора стремится уничтожить завоевания, достигнутые прогрессивными силами. В качестве примера можно привести диктатуру в Греции в 1967 — 1974 годах и диктатуру в Чили после 1973 года;

в) прогрессивные военные диктатуры, которые осуществляют более или менее глубокие социальные преобразования, как, например, в Египте под руководством Насера или еще ранее в Турции под руководством Кемаля Ататюрка * 25.

В социалистических обществах вооруженные силы находятся под руководством и контролем коммунистических партий и гражданских государственных властей. Армия, вышедшая из народа, тесно связана с партией и всеми звеньями государственного аппарата, благодаря чему полностью решена проблема отношений между военными и гражданскими властями. Основой этого решения является политическая интеграция вооруженных сил со всем государственным аппаратом под идейно-политическим руководством партии рабочего класса. Руководящая роль партии является фундаментом такого решения проблемы, и всякое искажение роли партии и ее марксистско-ленинского характера может привести (как это произошло в Китае во время «культурной революции» середины шестидесятых годов) к отходу от ленинских принципов интеграции армии с государственным аппаратом и ее подчинения гражданским властям и вследствие этого — к своеобразной форме доминирования военных. И с этой точки зрения процесс бюрократическо-милитаристских деформаций, который происходит в Китае, дает материал для важных обобщающих выводов. Он показывает, что заложенный в модели социалистического государства принцип интеграции может быть успешно реализован лишь тогда, когда коммунистическая партия сохраняет свой революционный характер. Это является основой правильного функционирования всего социалистического государства, всех его звеньев.

* В советской литературе политический режим под руководством Насера, как и Турецкую республику периода К. Ататюрка, не принято относить к военной диктатуре. — Прим. ред.

XII. Социология политического поведения

То, как ведут себя люди в сфере политики, то есть в сфере борьбы за власть и осуществление власти, является одной из важнейших областей исследования социологии политических отношений. Она тесно сопрягается с другими областями, поскольку при анализе деятельности политических партий или государственного аппарата необходим бихевиористский анализ поведения людей. Однако в настоящее время все сильнее проявляется тенденция к исследованию общих закономерностей политического поведения и тем самым выделения социологии политического поведения как автономной области социологии политических отношений. Поэтому этим вопросам следует уделить определенное внимание.

Западные исследования политического поведения, составляющие одно из главных направлений современной немарксистской социологии политических отношений и науки о политике, имеют множество слабых мест, что отмечают и буржуазные ученые¹. К важнейшим из них следует отнести:

во-первых, тенденцию анализировать политическое поведение прежде всего, а во многих случаях исключительно как поведение на выборах, другими словами, абсолютизация одной, без сомнения важной, но, пожалуй, не самой важной, формы политической жизни;

во-вторых, тенденцию анализировать политическое поведение в условиях стабилизации системы, выводя за рамки исследования этой формы политической жизни политическое поведение в революционных условиях или хотя бы в условиях политического кризиса;

в-третьих, тенденцию к узкому пониманию политического поведения, так что многие важные явления политического поведения, которые нельзя учесть количественно, вообще остаются вне поля зрения;

в-четвертых, тенденцию к ограничению анализа лишь вербальными оценками поведения (в особенности

в виде ответов на анкеты или социологических опросов) без достаточного учета невербальных проявлений политического поведения.

Эти недостатки необходимо иметь в виду, но они не могут быть основанием для исключения самой проблематики политического поведения из сферы исследований. В марксистской социологической и политической литературе эта проблематика до сих пор изучается недостаточно. Она отодвигается в значительной мере на второй план исследованиями общественных и политико-правовых структур², хотя именно в трудах классиков марксизма мы находим чрезвычайно важные, сохранившие актуальность до сегодняшнего дня образцы анализа политического поведения.

Особое значение в этом отношении имеет работа К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», ибо в этом произведении К. Маркс показал механизм политического поведения широких народных масс, проанализировал психологические основы коллективного политического поведения (роль «наполеоновских идей» в сознании крестьянских и солдатских масс), разъяснил условия, определяющие возможности деятельности индивида-вождя. Другие произведения основоположников марксизма, в особенности «Классовая борьба во Франции. 1848—1850 годы» К. Маркса и «Крестьянская война в Германии» Ф. Энгельса, также содержат важные материалы для социологического анализа массового политического поведения. Позднее на значение эмпирического анализа (в том числе и использование количественной техники) политического поведения обращал внимание В. И. Ленин. Труды классиков марксизма являются основой для определения того, в чем состоит марксистский подход к исследованию политического поведения. В этом подходе можно выделить следующие черты.

Во-первых, марксизм всегда рассматривает политическое поведение индивидов в контексте коллективного поведения, акцентируя внимание прежде всего на том, как действуют большие коллективы людей.

Во-вторых, марксизм рассматривает актуально проявляющееся и поддающееся эмпирическому исследованию

политическое поведение с учетом теоретических знаний об объективном положении классов и других общественных групп и на этой основе стремится сделать выводы, в какой мере это поддающееся эмпирическому исследованию поведение соответствует или не соответствует объективным закономерностям, вытекающим из положения данного класса или общественной группы. Тем самым марксизм выходит за рамки простого описания политического поведения и стремится предвидеть его будущие тенденции, а одновременно участвует в формировании этих тенденций, определяя правильное направление развития политического поведения.

В-третьих, марксизм соединяет количественный и качественный подходы при исследовании политического поведения, что исключает впадение в крайности, выражающееся в использовании лишь одного из названных методологических подходов.

В-четвертых, марксизм обращает особое внимание на политическое поведение, связанное с борьбой за свержение или сохранение существующего строя, и тем самым переносит центр тяжести в исследовании политического поведения на главные проблемы классовой борьбы.

Эти черты нельзя, однако, рассматривать как догмы, ограничивающие горизонты современных марксистских исследований проблем политического поведения. В условиях, когда уже несколько десятилетий существует социалистическая политическая система, в которой коммунистические партии осуществляют политическое руководство, возникает необходимость проведения таких исследований политического поведения, которые вскрывали бы закономерности участия граждан в управлении и обеспечивали бы оптимизацию развития социалистической демократии. Изменение политической обстановки означает, таким образом, изменение направлений в исследовании политического поведения, а тем самым и необходимость поиска исследовательских методов, соответствующих этим новым потребностям.

На первый план выдвигаются при этом три проблемы: *процессы политической социализации*, то есть комплекс тех социально-политических процессов, которые

подготавливают индивид к активной политической жизни, *участие граждан в политической жизни и политическое поведение индивидов и групп, принимающих решения*. Приведенное разграничение в определенном смысле носит искусственный характер, то есть эти три процесса, в которых проявляется политическое поведение в социалистической системе, взаимно переплетаются друг с другом, но оно может быть полезным для упорядочения проблематики. В качестве особой области мы выделяем область воспитательной деятельности, имеющей целью формирование черт и поведения, адекватного потребностям социалистической системы. Мы различаем также сферу политического поведения людей, которые лишь sporadически занимаются политикой, и, наконец, политическое поведение тех, от кого в значительной степени зависит принятие политических решений³.

1. Политическая социализация

Под политической социализацией понимается совокупность тех общественных процессов, в результате которых индивид принимает определенную политическую роль. Политическая социализация происходит во многих сферах жизни: в семье, группе ровесников, школе, политической организации. Ее инструментами являются непосредственное воспитательное воздействие, косвенный пример, воздействие политической пропаганды и, наконец, собственный политический опыт⁴.

В обществе, строящем социализм, процессы политической социализации развиваются как часть идеологического политического воспитания, в котором социалистические силы противостоят силам, открыто или скрыто враждебным социализму. И если в сфере общественной жизни социалистическое направление политической социализации обеспечивает себе превосходство или даже полное господство, то в непосредственных, личных воз-

действиях, в особенности в рамках семьи, возможно появление других тенденций, не совпадающих с социалистическими принципами. Поэтому проблематика политической социализации является проблематикой, по существу, идеологической, в которой идет борьба за будущие формы массового политического поведения в социалистическом обществе.

Политическая социализация начинается в семье как составная часть общего процесса воспитания. Родители и старшие члены семьи передают ребенку не только определенные политические взгляды, но и образцы политического поведения. От родителей и других членов семьи ребенок впервые получает примеры участия и уклонения от участия в политической жизни, первые эмоциональные и рациональные оценки. Все это можно назвать непосредственной политической социализацией в семье. Одновременно протекает процесс косвенной политической социализации, представляющий собой побочное следствие жизни в семье и воспитательных процессов в целом. Авторитет родителей, который они сумеют себе создать, косвенно воздействует на то, как будет формироваться отношение индивида к большим авторитетам, в том числе к политическим. Атмосфера, царящая в доме родителей, формирует те черты личности индивида, вступающего в самостоятельную жизнь, которые в будущем будут иметь большое значение для его политического поведения, как, например, способность к согласованным действиям, умение обсуждать вопросы, не совпадающие с собственной позицией, проявление или отсутствие агрессивных тенденций. В целом можно сказать, что уже в семье происходит кристаллизация основных черт будущего политического поведения индивида. Однако одновременно следует помнить о том, что семья действует не в социальной пустоте и ее воздействие разными способами связано с воздействием других инструментов политической социализации. Если эти воздействия совпадают, то процесс социализации развивается гармонично. Столкновение воздействий несет в себе зародыш будущих конфликтов и угрозу неприспособления индивида к социальному окружению.

Наряду с семьей большое значение для формирования будущего политического поведения индивида имеет воздействие группы ровесников. Она выполняет важную роль в деле политической социализации по двум причинам. Во-первых, эта группа является первым форумом, на котором ребенок сопоставляет взгляды, усвоенные в семье, со взглядами других индивидов. Тем самым группа ровесников впервые создает возможность для формулирования и выражения собственных взглядов вне сферы контроля старших. Во-вторых, группа ровесников создает свои формы игрового взаимодействия, имеющие определенные парapolитические черты. Группы ровесников имеют свою иерархию власти, создают собственные нормы солидарности и образцы поведения, которые, с одной стороны, являются отражением определенных образцов, почерпнутых из жизни старших, а с другой — автономными образцами, идеализирующими такие принципы поведения, которые считаются ценными в группе. Иллюстрацией такого воздействия групп ровесников на политическую социализацию является известный роман Ференца Мольнара «Мальчишки с улицы Пала» (1907 год), в котором две группы подростков ведут между собой сложную «политическую борьбу», отличающуюся высокими этическими качествами лояльности, мужества и чести.

Воздействие семьи и групп ровесников на политическую социализацию происходит вне сферы деятельности институтов, создаваемых политической системой для осуществления социализации. Тем не менее это воздействие имеет большое, часто определяющее для всей жизни значение.

В рамках политической системы действуют специальные институты, целью которых является развитие процессов политической социализации. Ими являются (перечисляем их в той последовательности, в которой индивид в нормальных условиях оказывается под их воздействием): а) школа, б) молодежная организация, в) армия, г) общественно-политическая организация или политическая партия. Одновременно уже с детских лет каналом политической социализации являются средства

массовой коммуникации (в особенности телевидение, радио, несколько позже — печать), а также литература и искусство. Посредством этих институтов происходит передача определенной политической информации, которая должна способствовать формированию политического поведения, соответствующего интересам социалистической системы. Воздействие общественно-политической системы на социализацию осуществляется двояким способом: непосредственно путем пропаганды определенных сведений, несущих познавательную и эмоциональную нагрузку, популяризации образцов личностей, которые могут служить примером для других, и т. п., а также косвенно — путем создания условий деятельности, в которых возникает склонность поступать таким, а не иным образом. Так, например, воспитание дисциплинированности осуществляется не только путем пропаганды достоинств дисциплины и выдвижения в качестве образцов высокодисциплинированных людей, но и в результате приведения в действие общественных механизмов, которые прививают — методом наказаний и поощрений — дисциплинированное поведение.

Принципиальное значение имеет проблема, в какой степени вербальное содержание социализирующего воздействия, распространяемого с помощью различных каналов информации воздействия, соответствует тому невербальному содержанию, которое усваивается индивидом в результате накопления социального и политического опыта. Конфликты между этими двумя видами воздействия ведут к нарушению всего процесса социализации, одним из следствий которого может быть внешнее принятие одних ценностей при одновременном руководстве на практике другими ценностями. Вот что пишет по этому поводу Ян Щепаньский: «Чрезвычайно важно, чтобы функционирование политических институтов соответствовало принципам идеологии. А так как функционирование идеологии должно находиться в гармонии с идеалом культуры личности, каждое искажение идеологии политическими институтами деформирует и процесс формирования личности. Человек

социализма — это прежде всего «политический человек». Поэтому извращения в политике имеют необычайно сильное влияние на формирование личности, и в результате типы личности формируются в соответствии с функционированием политических институтов. Применяемые ими не в словесных декларациях, а в фактических действиях принципы создают образцы для подражания, создают мотивации и правила поведения и в результате определяют поведение граждан, то есть политическую жизнь народа в целом»⁵.

Огромное значение для процессов политической социализации в каждом обществе, и в особенности в социалистическом обществе, где эти процессы происходят на основе определенных, четко сформулированных идеологических принципов, имеет образец личности, пропагандируемый в процессе воспитания. Социалистический образец личности изменяется в процессе преобразования социалистического общества, хотя определенные его черты остаются постоянными. В интересующей нас в данном случае области к таким постоянным чертам социалистического образца личности относятся готовность внести личный вклад в защиту социалистического строя и его национальных интересов, интернационализм и социалистический патриотизм, активная позиция по отношению к явлениям политической жизни, готовность как к личному участию в политической жизни на основе принципов социализма, так и активизация других индивидов в этом духе. Однако одновременно можно констатировать, что в области политической социализации образец человека социалистического общества проявляется как бы в двух видах — образец-максимум и образец-минимум. Образец-максимум — это образец человека политически активного, глубоко сознательного, хорошо подготовленного идеологически, посвящающего политической деятельности значительную часть своего времени и энергии. Другими словами, это образец социалистического политического деятеля. Наряду с этим образцом функционирует образец-минимум, в соответствии с которым гражданин социалистического государства, даже если он особенно не интересуется политикой

и посвящает основную часть своей энергии другим проблемам, все же должен ориентироваться в основных вопросах политики социалистического государства, активно поддерживать ее в формах и степени, соответствующих его месту в обществе, прежде всего в своей трудовой деятельности. Наконец, он должен быть готовым к мобилизации всех своих сил в случае, если чрезвычайная политическая обстановка этого потребует. Существование этих двух образцов личности не свидетельствует о противоречивости процесса социализации, а лишь отражает простой факт, что не все граждане могут и даже должны быть политическими деятелями, хотя каждый гражданин социалистического государства должен развивать в себе черты активного и убежденного участника политической жизни.

Процессы политической социализации определяются не только образцом личности или практическим опытом, полученным в результате контактов с политическими институтами. На результаты этого процесса оказывают воздействие и сложившиеся в прошлом типы личности, которые изменяются постепенно и которые имеют тенденцию к воспроизведению в следующем поколении в результате влияния семьи, а также и воздействия различных общественных микросред, которые не всегда влияют на воспитание индивида в духе, соответствующем общему процессу политической социализации. Эмпирический анализ процессов социализации позволяет сделать вывод, в какой степени меры воспитания привели к распространению тех черт личности, которые соответствуют потребностям политической системы социализма.

2. Участие граждан в политической жизни

Одним из коренных вопросов такого эмпирического анализа является проблема участия граждан в политической жизни. В какой мере гражданин интересуется

политической жизнью и принимает в ней деятельное участие — это первый аспект политического поведения. Второй аспект — это методы поведения деятелей, принимающих политические решения. Лишь рассматривая обе эти проблемы, можно оценить результаты процессов политической социализации и определить доминирующий тип политического поведения.

В условиях социалистического строя на первый план выдвигается политическое участие граждан в организованных формах политической жизни, то есть их принадлежность к партиям и политическим организациям, деятельность в выборных органах государственной власти, в особенности на разных уровнях местной власти (народные советы и т. п.), их участие в политических собраниях (например, в предвыборных собраниях, во встречах с депутатами верховных и местных советов и т. п.), а также в выборах. Массовым участием в политической жизни можно считать чтение периодической печати и ознакомление с политическими передачами радио и телевидения, хотя последнее — это уже другая, пассивная форма участия в политической жизни. Наконец, особой формой политического поведения является обращение к государственным и партийным органам, а также в редакции газет, журналов, на радио и телевидение с инициативами об улучшении существующего положения, в том случае, если такие обращения выходят за рамки личных проблем и носят характер действий, затрагивающих общественные интересы.

Активное участие граждан в управлении в значительной степени является следствием социальных преобразований, осуществляемых в ходе социалистического строительства, а в особенности экономического развития и повышения культурного уровня населения. Исследования польских ученых⁶ показали, что существует прямая зависимость между уровнем экономического развития и темпами экономического роста, с одной стороны, и общественно-политической активностью — с другой. Характер этой взаимосвязи заслуживает тщательного анализа. Здесь могут проявляться

двусторонние взаимосвязи. С одной стороны, более высокий уровень политической активности способствует ускорению экономического развития. С другой стороны, прогресс, достигнутый в экономическом развитии, а следовательно, и в повышении жизненного уровня населения, может способствовать высвобождению дополнительных сил и энергии для развития общественно-политической активности. Подобным же образом более высокий уровень развития культуры и просвещения создает условия для расширения сознательного участия в политической жизни.

Подчеркивая связь между общественными преобразованиями и уровнем политической активности граждан, следует, однако, иметь в виду, что эта связь далеко не исчерпывает всей проблемы. Уровень политической активности граждан не является лишь следствием общественных преобразований, о которых шла речь выше. В значительной степени он результат изменений классового характера политики, а также сознательных действий, направленных на усиление политической активности масс.

Изменение классового характера политики, осуществленное благодаря победе социалистической революции, влечет за собой активизацию широких народных масс. Преобладающее влияние оказывает политика социалистического государства, в которой трудящиеся с полным правом могут видеть претворение в жизнь своих собственных интересов. С другой стороны, чрезвычайно важным представляется здесь и то, что изменился стереотип политики, которую прежде включали в элитарную сферу, считали «господским делом». С этой точки зрения социальные преобразования, осуществленные в Народной Польше, имеют огромное, историческое значение. Они коренным образом изменили отношение народных масс к политике, как, впрочем, и к другим областям жизни, когда-то считавшимся делом привилегированных классов.

Возрастание в послевоенные годы общественной роли миллионов рабочих и крестьян явилось следствием трех взаимосвязанных факторов: прежде всего *револю-*

ционных преобразований строя, которые сделали именно эти общественные классы естественной и самой прочной опорой народной власти, затем бурных *процессов социалистической индустриализации*, результатом чего явилось создание большого количества новых постов в социальной структуре общества, и, наконец, в немалой степени *военных потерь*, что вызвало необходимость восполнения кадров, утраченных в годы войны.

Массовое выдвижение рабочих и крестьян вызвало изменение отношения этих самых многочисленных классов к государству и нации в целом. На основе анализа дневников молодых крестьян Юзеф Халасиньский пишет о двух видах изменений. «Один аспект — это вращение народных масс в национальную культуру, рост национального сознания. Другой аспект — это автономизация личности представителей крестьян и рабочих, то есть тех классов, которые до революции были несвободны, полусвободны, зависимы и духовно подчинены привилегированным слоям»⁷.

Рост национального сознания и «автономизация личности» народных масс охватывает ряд проблем. Начнем с простейшей: крестьянин и рабочий (в особенности первый из них, так как позиция подчиненности была более распространенной среди крестьян, чем среди рабочих) перестали мыслить в категориях разделения на сферы крестьянских (или рабочих) проблем и сферы проблем «господ». Это видно на примере пользования такими формами культуры, как театр, в прошлом почти неизвестный для этих общественных слоев. Крестьянин и рабочий до войны не посещали театры не только потому, что это было для них слишком дорого. Театр был принадлежностью культуры других общественных слоев, он был в отличие от кино элитарным, «господским» развлечением. Речь идет, однако, не только о потреблении культуры. Только после войны народные массы начали пользоваться такими, в прошлом «господскими», привилегиями, как отдых за пределами постоянного места жительства. «Господскими» перестали быть не только определенные формы культурной жизни. Перестала быть

«господской» и сфера политики. Положение в этой области начало меняться уже в конце XIX века, когда возникло организованное рабочее и крестьянское движение. Но еще в межвоенный период были широко распространены — и не только среди привилегированных классов и прослоек — стереотипы, в соответствии с которыми политика была «господским» делом, а рабочие и крестьяне не должны были ею заниматься. Ныне в этом отношении произошли принципиальные изменения. Речь идет не только о массовом участии рабочих и крестьян в активной политической жизни, но и о широко распространившемся в обществе понимании, что политика не является областью, зарезервированной исключительно для какой-то общественной группы. Огромное значение имеет и тот факт, что руководителями ПОРП стали в прошлом простые рабочие: Болеслав Берут, Владислав Гомулка, Александр Завадский, Эдвард Герек и другие. Этот факт наглядно демонстрирует широким массам трудящихся, что политика перестала быть делом, социально чуждым рабочему классу. В данном случае я хочу особо подчеркнуть не только момент политической поддержки, оказываемой власти, но и понимание того, что эта власть своя, социально близкая.

Наряду с этими последствиями социальных изменений большое значение для развития политической активности широких масс граждан имеет сознательная деятельность партии и государственных властей. Одним из основополагающих принципов марксистско-ленинской политической теории стало требование широкой активизации народных масс в политической жизни. В. И. Ленин говорил: «И теперь впервые наступает в истории человечества переворот, который может привести к полной победе социализма, — и это лишь при условии, что новые громадные массы возьмутся за дело управления самостоятельно»⁸.

Это направление деятельности коммунистических и рабочих партий является важным рычагом массового участия граждан в политической жизни социалистических государств.

3. Процессы принятия политических решений

Проблема принятия политических решений была уже затронута в главе VI в качестве одного из аспектов теоретического анализа явления власти. Поэтому нет необходимости возвращаться еще раз к вопросам терминологии. Достаточно сказать, что принятие политических решений может также рассматриваться как один из аспектов политического поведения, а именно как политическое поведение политических деятелей. Такой взгляд на процесс принятия политических решений может рассматриваться как анализ разнообразных личностных обусловленностей политического поведения. Черты психики деятеля, его темперамент, характер, его взгляды и моральные оценки — все это существенным образом определяет параметры процесса принятия решений в сфере политики.

Такой, бихевиористский, анализ политики в условиях социалистического строя имеет особенно большое значение, учитывая значительное возрастание политического фактора в общественном развитии социалистического строя. Это, разумеется, не означает, что политическое поведение деятелей является самостоятельной, ничем не детерминированной силой, формирующей социальные процессы в социалистическом обществе. Необходимо всегда рассматривать роль политических деятелей на фоне более широких социальных процессов, в особенности в тесной связи с политическим поведением широких масс граждан. Однако способ действий политических деятелей в рамках этих обусловленностей имеет существенное значение для развития общественно-политических процессов в условиях каждого строя, и в особенности в условиях строя социалистического. Проблема эта все еще ожидает более глубоких эмпирических исследований.

Исследование процессов принятия политических решений должно учитывать типы этих процессов (например, консультация в расширенном составе с участием или без участия непосредственно заинтересованных сто-

рон, голосование, единоличное решение вопросов), степень информированности лиц, принимающих решения⁹, мотивацию принимаемых решений.

В свою очередь определение упомянутых особенностей процесса принятия решений должно учитывать, с одной стороны, *обстановку* (характер существующих альтернатив, организационная структура, в рамках которой принимаются решения), а с другой — характерные *черты деятелей*. Только такой всеобъемлющий анализ позволит определить, как формируется специфический тип политического поведения, каким является принятие политических решений.

XIII. Социология политического сознания

Самостоятельным разделом социологии политических отношений является социология политического сознания, в рамках которой можно выделить проблематику политических позиций, общественного мнения и идеологии. Все эти проблемы объединяет то, что они относятся к индивидуальному или коллективному сознанию, объектом которого являются политические отношения. Хотя субъективный элемент, связанный с сознанием, содержится и в других политических явлениях и хотя нельзя анализировать политические явления без учета именно этого элемента сознания, все же вполне оправданно и даже необходимо рассматривать отдельно некоторые политические аспекты общественного сознания в качестве специфической, до определенной степени автономной, сферы исследований социологии политических отношений.

1. Политические позиции

По общетеоретическим проблемам позиций имеется обширная литература, освещающая, в частности, с разных точек зрения вопрос определения позиции и способы её исследования. Я не буду подробно рассматривать эти вопросы, ограничившись констатацией, что под понятием «политические позиции» я понимаю те черты личности человека, которые выражаются в тенденции к специфическому, или постоянному политическому поведению, то есть поведению, относящемуся к сфере политических проблем, понимаемых как сфера борьбы за власть и осуществление власти. Таким образом, в понятие политических позиций мы включаем:

а) определенные или постоянные эмоциональные состояния, касающиеся политических явлений,

б) убеждения, касающиеся политических явлений,
в) предрасположение к деятельности в области политики.

Понимаемая таким образом сфера политических позиций шире, чем сфера политических оценок. Политические оценки являются лишь составным элементом политических позиций, проявляющихся, впрочем, в связи с другими — эмоциональными и директивными — элементами позиций.

Политическую позицию я понимаю как индивидуальное явление, позволяющее понять поведение личности. Значение исследования политических позиций в том и состоит, что оно дает нам возможность понять мотивы индивидуального политического поведения. Если таким образом рассматривать политические позиции, то следует учитывать и те теоретические трудности, которые заключаются в исследовании и интерпретации позиций.

Позиции не поддаются непосредственному наблюдению. То, что мы можем наблюдать, — это лишь определенные внешние манифестации, представляющие собой либо словесные (вербальные) или другие (невербальные) проявления позиций. Иначе говоря, мы делаем вывод о наличии позиций на основании того, что люди говорят (вербальные проявления), или того, как они действуют (невербальные проявления). Мы полностью отдаем себе отчет в том, что высказывания людей об их отношении к различным политическим явлениям могут быть искажены сознательным желанием представить свою позицию не такой, какой она является на самом деле, или же неосознанной тенденцией к высказыванию оценок, принятых в обществе, хотя и не совпадающих с подлинными взглядами индивида. Поэтому в эмпирических исследованиях политических позиций (как, впрочем, и позиций вообще) проявляется стремление к тому, чтобы заменить простые и прямые вопросы об отношении к тем или иным политическим явлениям сложной шкалой позиций, благодаря которым можно сделать вывод о подлинных позициях посредством косвенной интерпретации ответов. Например, вместо того чтобы спра-

шивать кого-нибудь, является ли он сторонником какой-то политической программы, ему задают ряд вопросов, косвенно относящихся к этой программе, и на основании полученных ответов выводится его отношение к программе.

Институт социальных исследований в Энн-Арборе (США) опубликовал в свое время очень подробное перечисление использованных, главным образом в США, шкал исследования политических позиций¹. Они сгруппированы по следующим проблемам: 1) шкала либерализма и консерватизма, 2) шкала отношения к демократическим принципам, 3) шкала, касающаяся внутренней политики государства, 4) шкала расовых этнических позиций (пожалуй, неправильно относить эти проблемы к «политическим позициям»), 5) шкала позиций по международным проблемам, 6) шкала враждебности к другим национальностям, 7) шкала позиций по отношению к политическим проблемам на уровне общественной группы, 8) шкала политической информации, 9) шкала участия в политике и 10) шкала позиций по отношению к политическому процессу. Легко заметить, что шкалы взаимосвязаны между собой. В международных сравнительных исследованиях местных властей, проведенных в Польше, Югославии, Индии и США, были использованы десять шкал ценностей, понимая, впрочем, термин «ценность» как особого рода политическую позицию (то есть как «стандарт или принцип, применяемый людьми для оправдания или отрицания какого-либо направления действий») ². Эти шкалы затрагивали следующие ценности: 1) экономическое развитие, 2) недопущение конфликтов, 3) участие граждан в принятии политических решений, 4) бескорыстие, 5) ориентация на локальные или общегосударственные политические цели, 6) готовность к действиям, 7) правдивость, 8) отношение к изменениям, 9) равенство и 10) ответственность политического деятеля. В этом исследовании впервые был использован метод конструирования шкал, в котором были объединены элементы, идентичные для всех четырех стран и характерные для каждой из них в отдельности. Тем самым была обеспечена возможность

учета факторов, отражающих особенности национального развития. Значительный прогресс, который был достигнут в совершенствовании шкал политических позиций, позволяет со все большим доверием пользоваться этими методами. Однако это не устраняет трудностей, о которых упоминалось выше.

Эти трудности состоят в невозможности непосредственного наблюдения позиции, а следовательно, и невозможности утверждать, действительно ли поведение соответствует позиции, и даже существует ли сама позиция (понимаемая как предрасположение к поведению). Ведь если поведение людей не соответствует тому, что они декларируют в качестве позиции (в прямых высказываниях или в ответах на вопросы, заключенные в шкалах позиций), то можно истолковывать это расхождение различными способами. Речь может идти о несовершенстве наших методов исследования позиций путем анализа вербального поведения или о том, что какие-то внешние обстоятельства привели к несоответствию поведения людей с их позициями (например, в результате сильного внешнего давления). Дополнительно осложняют проблему может и то, что в ситуациях практического выбора, определяющих поведение, часто дело доходит до конфликта между позициями, которые различными, внешне противоречивыми способами влияют на поведение. По всем этим причинам определение соотношения между позициями, их внешними проявлениями и поведением относится к числу самых сложных проблем социологии и социальной психологии, а в сфере политических отношений эти сложности возрастают из-за многообразия политических явлений и многочисленных связей политических позиций с другими позициями и с особенностями социальной обстановки.

Тем не менее знания о политических позициях чрезвычайно важны для социологии политических отношений. Теоретик, занимающийся выяснением явлений политики, не может абстрагироваться от тех ее компонентов, которые связаны с сознанием, а политик всегда должен считаться с тем, что люди думают о политических действиях и как они воспринимают те политические

явления, участниками или даже просто объектами которых являются. Поэтому важной составной частью политической практики является политическое воспитание, то есть воздействие в определенном направлении на политические позиции граждан. В программных документах коммунистических и рабочих партий отражена важность формирования политических позиций. Так, например, в директивах VII съезду Польской объединенной рабочей партии (1975 год) подчеркивалось:

«Одной из важнейших задач партии и основой ее руководящей роли является работа с массами, воспитание рабочего класса и всего общества в духе социалистических идеалов. Социалистическое сознание граждан, самоотверженное участие их в решении общенациональных задач представляет собой важнейший фактор силы социалистического строя. Формирование социалистического сознания содействует устранению противоречий между текущими интересами и перспективными потребностями, между локальными и групповыми интересами и интересами всего общества»³.

Столь большое значение, которое ПОРП уделяет проблемам формирования политических позиций общества, является важным аргументом в пользу углубления научных знаний в этой области путем проведения эмпирических исследований политических позиций и теоретического осмысления этого сложного и важного явления социологии политических отношений. Подобным образом обстоит дело и с изучением роли общественного мнения в политической системе социализма.

2. Общественное мнение

Развитие и углубление социалистической демократии, что является политическим аспектом процесса формирования развитого социалистического общества, предусматривает усиление роли общественного мнения в решении проблем, стоящих перед обществом. Однако

если другие, прежде всего институциональные, аспекты социалистической демократии часто обсуждаются и глубоко изучаются, то вопросы, связанные с общественным мнением, являются малоисследованной областью марксистской социологии политических отношений. Это не означает, что проблемы общественного мнения не были предметом эмпирических социологических исследований. Совсем наоборот, развитие эмпирических исследований общественного мнения является одним из достижений общественных наук в Польше и других социалистических странах. Однако вряд ли можно утверждать, что эмпирические знания и теоретическая проблематика общественного мнения как составного элемента политической системы социализма тесно взаимосвязаны.

В научной литературе дается множество определений общественного мнения.

Одно из них выдвигает на первый план то, что касается «общественных проблем»⁴. Другие принимают как наиболее важный для определения критерий публичное высказывание мнения⁵. Третьи требуют, чтобы мнение имело достаточно широкое распространение, чтобы его разделяли многие индивиды⁶. Наконец, некоторые отмечают, что под общественным мнением понимается (по крайней мере в англосакской политической традиции) мнение народных масс, то есть мнение тех, кто не осуществляет власти, — в отличие от точки зрения правящих классов⁷. Хотя элементы этих определений могут в какой-то степени применяться при создании марксистской теории общественного мнения, однако они несут на себе слишком сильный отпечаток определенного рода формализма: в них общественное мнение рассматривается вне контекста теории государства и классового господства, а тем самым упускается из виду возможность такой трактовки общественного мнения, при которой становится возможным показать его роль и значение во всей совокупности политической жизни, и в особенности в рамках системы социалистической демократии.

В марксистской литературе раньше других дал определение общественного мнения Грамши, заметки которого на эту тему — к сожалению, весьма краткие — можно

было бы рассматривать как наброски марксистской теории общественного мнения. «То, что обычно называют «общественным мнением», — писал он, — тесно связано с политической гегемонией и является точкой соприкосновения «гражданского общества» и «политического общества». Когда государство намеревается предпринять какую-то не особенно популярную акцию, оно обычно заблаговременно обрабатывает общественное мнение, то есть организует и централизует определенные элементы гражданского общества. «История общественного мнения»: элементы общественного мнения, разумеется, существовали всегда, даже в азиатских сатрапиях, но общественное мнение в том виде, в каком мы понимаем его сегодня, родилось накануне упадка абсолютных монархий, то есть в период борьбы нового буржуазного класса за политическую гегемонию и за завоевание власти. Общественное мнение является политическим содержанием коллективной политической воли. Именно поэтому ведется борьба за монополию органов общественного мнения: печати, партий, парламента, — с тем чтобы одна и та же сила формировала мнение и одновременно политическую волю нации, чтобы развеять в пыль все, что препятствует формированию этой единой воли»⁸.

Общественное мнение не идентично совокупности мнений, высказываемых лицами или группами, из которых складывается общество. Частные мнения, проявляющиеся в сфере деятельности индивидов или исключительно в малых общественных группах, относительно изолированных от совокупности политической системы (например, в семьях, среди соседей, в игровых группах), могут иметь большое потенциальное значение как материал, из которого в определенных условиях может возникнуть общественное мнение, но они еще не являются сами по себе общественным мнением. Можно здесь добавить, что обоснованием для использования определения «исследование общественного мнения» при проведении различного рода зондажей, имеющих целью выяснить взгляды членов какой-либо общности на ту или иную тему, является то, что исследования такого типа в определенной степени преобразуют индивидуальные

частные мнения в общественное мнение. Происходит это потому, что суммированные и проанализированные результаты зондажа уже представляют собой определенную форму общественного мнения и тем самым становятся элементом политической системы. Однако следует особо подчеркнуть, что ответы опрашиваемых представителей являются лишь суммой частных мнений. Общественным мнением они становятся лишь в результате широкого распространения в обществе.

Общественное мнение — это исторически обусловленное и изменяющееся состояние общественного сознания больших групп людей, выражаемое публично по проблемам, важным для политической системы. Оно становится элементом функционирования самой политической системы. Общественное мнение отсутствует там, где политическая система не допускает какого-либо выражения политических позиций, имеющего целью воздействовать на функционирование системы.

Полная монополия публичного мнения в одних руках была бы равнозначна ликвидации общественного мнения как такового, хотя это и не означало бы, разумеется, что люди, составляющие управляемое таким образом общество, не имеют вообще мнения по политическим проблемам. Общественное мнение существует тогда, когда потенциально различные точки зрения могут быть выражены публично и когда их согласование осуществляется путем представления и сопоставления различных позиций. Борьба в сфере общественного мнения никогда не осуществляется лишь в виде дискуссии между представителями различных взглядов. Грамши убедительно показывает диалектику политической борьбы, которая происходит в сфере общественного мнения. В эту борьбу вовлекаются экономические и политические силы, так как формирование мнений и выражение того, что становится общественным мнением, зависят от существования определенных экономических предпосылок (материальные средства формулирования и распространения мнений) и политических предпосылок (средства принуждения, позволяющие тем или иным способом

определить границы общественного мнения, легального в рамках политической системы).

Таким образом, общественное мнение не является простой суммой мнений членов общества или какой-то средней величиной. Это — политическое явление, сущность которого состоит в определении соотношения сил, фактически действующих в обществе. Взгляды индивидов составляют элементы этого сложного уравнения, но не только они определяют характер общественного мнения. Лишь преобразование индивидуально проявляющихся, разрозненных взглядов создает общественное мнение. Механизм этого преобразования представляет собой одну из центральных проблем теории политики.

Возникает вопрос, сколько «общественных мнений» может одновременно существовать в одном и том же обществе. Языковая привычка навязывает в данном случае единственное число, предполагает существование только одного общественного мнения. Возможно, именно так следует понимать слова Грамши о «коллективной политической воле, которая могла бы быть противоречивой». Однако определение общественного мнения как лишь одного-единственного для всего общества в лучшем случае служит определением модели. Политические стремления, как удачно заметил Грамши, направлены на то, чтобы сознание, разделенное на разные, часто противоположные течения, преобразовать в однородное — по крайней мере в определенном смысле — Общественное Мнение. Однако такое Общественное Мнение является в эмпирическом смысле почти всегда фикцией. Ни одно общество даже с невысоким уровнем политической активности — не говоря уже об объективных противоречиях, вытекающих из классовых различий или других важных социальных различий, — не является и не может быть единым в том, что его члены *думают* о политической действительности. Унификация индивидуальных мнений является нереальным требованием, не говоря уже о том, что оно вредно, поскольку направлено против новаторских взглядов, прокладывающих дорогу прогрессивным преобразованиям.

В действительности как в буржуазно-демократических, так и социалистических системах мы встречаемся со сложной структурой общественного мнения. Сложная структура общественного мнения основывается на том, что публично высказываются различные мнения и путем их столкновения формируется доминирующее течение общественного мнения, часто называемое попросту общественным мнением. Степень плюрализма общественного мнения зависит от многих факторов: от силы объективных классовых или иных противоречий, которые приводят к формированию более или менее отличающихся друг от друга публично выражаемых мнений, от границ возможностей, в рамках которых отдельные группы общества могут публично выражать свою точку зрения, от степени активизации масс, взгляды которых учитываются и воздействуют на окончательную форму общественного мнения или, напротив, игнорируются. Ответ на вопрос, насколько плюралистическим является общественное мнение и какого рода этот плюрализм, требует комплексного анализа социальных и политических условий, в которых формируется общественное мнение.

Давая определение общественного мнения, я отметил, в частности, что оно становится элементом функционирования политической системы. Общественное мнение не существует там, где система полностью исключает даже потенциальную возможность участия в ее функционировании. Фашистские режимы потому и не имеют общественного мнения (в принятом смысле этого понятия), что не допускают даже потенциальной возможности включения общественного мнения в политическую систему. Общественное мнение в соответствии с фашистской доктриной не существует, оно не имеет никаких задач. Существует только воля вождя, принятие которой должно стать сознанием членов общества. Общественное мнение, независимое от воли вождя, не имеет в этой системе права на существование.

Несмотря на огромные различия буржуазной и социалистической концепций демократии, обе они исходят из того, что общественное мнение реально существу-

ет и должно иметь гарантированное влияние на функционирование политической системы. Частью этой системы являются институты формирования и выражения общественного мнения, а также институты, посредством которых осуществляется воздействие общественного мнения на процесс принятия политических решений. Конкретные формы действия здесь чрезвычайно разнообразны, причем различия наблюдаются не только между социалистическим и капиталистическим обществами, но и между странами, имеющими одинаковый общественно-политический строй. Однако общим элементом этих систем служит включение общественного мнения в совокупность институтов и норм политической жизни, что дает возможность влиять на решение проблем общества.

Принципиальное различие между либерально-буржуазной и социалистической концепциями роли общественного мнения в политической системе состоит в том, что первая основывается на доктринальной фикции равенства в политической сфере при фактическом неравенстве в социально-экономической сфере. Эта ее черта столько раз подчеркивалась в критических анализах либерально-буржуазных доктрин, что нет необходимости подробно возвращаться к этому вопросу. В то же время стоит обратить внимание на трактовку позиции, которую занимает общественное мнение, и даже самого характера общественного мнения в либерально-буржуазных системах.

Исходя из принципа политически-правового равенства возможностей, либерально-буржуазная доктрина провозглашает постулат свободной игры политических сил в сфере формирования и выражения общественного мнения. От этой доктринальной позиции бывают более или менее многочисленные отступления, особенно по отношению к революционным силам и там, где либерально-буржуазная система находится под давлением крайне правых сил. Но эти отступления не относятся к самой доктрине. Из самой доктрины вытекает, что при равенстве формально-правовых возможностей и свободной игре сил, формирующих и выражающих общественное мнение, привилегированные классы, обладающие не-

сравнимо более мощным экономическим потенциалом, а кроме того, имеющие в своем распоряжении силу, которую дает традиция, получают преимущество и формируют доминирующее направление общественного мнения в соответствии со своими интересами. В этом выражается, в частности, идеологический аспект классового господства.

В условиях социализма дело обстоит иначе. Отбрасывая либерально-буржуазные принципы, рабочее движение исходит из классовых предпосылок. Оно не выступает против свободы слова, но стремится к тому, чтобы не допустить использование этой свободы в интересах имущих классов. Рабочее движение обеспечивает себе преимущество в сфере формирования и выражения общественного мнения с помощью параллельно осуществляемых и взаимно дополняющих друг друга мероприятий: обобществления основных (или же всех) материальных средств воздействия на сознание общества (типографии, печать, радиостанции) и введения государственного контроля масс над содержанием информации, которая распространяется в обществе. Не все социалистические страны применяют одинаковые формы контроля за содержанием информации, распространяемой в обществе, хотя все они играют активную роль в области формирования и выражения общественного мнения.

С точки зрения теории общественного мнения это рождает следующую проблему: в какой степени при осуществлении вышеназванных принципов социалистической политики, определяющих место общественного мнения в политической системе, можно говорить о существовании общественного мнения? Некоторые буржуазные ученые, исходя из принципов либерально-буржуазной доктрины, прямо утверждают, что при социализме нет общественного мнения, а существует лишь мнение правительства.

Суть проблемы состоит в том, что общественное мнение при социализме есть качественно новое, отличающееся от общественного мнения в либерально-демократических системах. Прежде всего оно *социалистическое* — в том смысле, что кристаллизация и публичное выражение

точек зрения по общественным проблемам осуществляется на основе признания основ социалистического строя. Независимо от того, насколько широко еще распространены среди членов общества несоциалистические или даже антисоциалистические взгляды и позиции, то, что кристаллизуется в качестве общественного мнения, имеет социалистический характер. Руководящая роль партии, а вместе с ней активное участие других организованных политических сил, имеющих социалистический характер, приводят к тому, что общественное мнение формируется как социалистическое мнение. Только в условиях временной утраты коммунистической партией своей руководящей роли происходит деформация этой черты общественного мнения, — деформация, проявляющаяся в сфере общественного мнения раньше, чем в сфере институтов государства.

Социалистический характер общественного мнения не предопределяет, что во всех случаях это мнение соответствует проводимой в данный момент конкретной политике в том или ином вопросе. Именно из характера общественного мнения как совокупности мнений, публично выражаемых по потенциально спорным проблемам, вытекает, что возможно появление противоречий между социалистическим общественным мнением по той или иной проблеме и осуществляемой политикой. Противоречие между общественным мнением и проводимой политикой должно быть устранено — и, как правило, устраняется с помощью одного из двух способов: или путем изменения проводимой политики, или путем эффективного воздействия на общественное мнение с целью восстановления соответствия между ним и политикой.

Однако с этим связана вторая черта социалистического общественного мнения, а именно то, что оно является *критически-конструктивным*. Доминирующее направление общественного мнения в условиях социализма имеет двойственный характер, если рассматривать его отношение к социально-политической действительности. С одной стороны, это отношение поддержки (афирмации), основанное на убеждении, что достижения в строи-

тельстве социализма представляют собой огромный, имеющий историческое значение шаг вперед, который заслуживает поддержки. Но одновременно это и критическое отношение, поскольку социалистическое общественное мнение подвергает критике недостатки в процессе социалистических преобразований, или, говоря иначе, критикует нынешнее состояние во имя более совершенного будущего, которое реализуется в процессе социалистического строительства. В области теории нет противоречия между критической и афирмативной сторонами социалистического общественного мнения, так как обе они — следствие того, что социалистическое общество находится в процессе формирования нового строя. На практике же нередко равновесие между этими двумя сторонами социалистического общественного мнения нарушается, в результате чего проявляется или апологетика достигнутого уровня, или же тотальное отрицание завоеванных достижений.

Наконец, характерным для социалистического общественного мнения является то, что в нем своеобразно согласуются точки зрения политического руководства и спонтанно формирующиеся мнения членов обществ. В некоторых областях это согласование не вызывает никаких проблем, так как преобладающая часть спонтанно формирующихся мнений идентична точке зрения, выдвигаемой политическим руководством. В качестве примера можно указать на необычайно близкое совпадение (почти идентичность) позиции партии и правительства по вопросу послевоенных границ Польши по Одре и Нисе с позицией польских граждан. Однако не по всем вопросам и не с самого начала такое совпадение существует. Во многих случаях необходим сложный процесс формирования общественного сознания и учета его при принятии решений. Существенным элементом данного процесса является формирование и выражение социалистического общественного мнения. Пренебрежение сложностью этого процесса, как правило, приводит к деформации и ограничениям социалистической демократии и как следствие этого — даже к политическим кризисам. Политика, соответствующая принципам соци-

алистической демократии в области общественного мнения, состоит в том, что активное воздействие на сознание масс происходит с учетом того, какие решения принимаются и как они пропагандируются в обществе. При умелом соединении этих принципов общественное мнение становится могучей силой, содействующей ускорению строительства социализма.

3. Политическая идеология

Третьей областью анализа политического сознания является анализ идеологии и ее роли в политической жизни. Идеологию можно определить как относительно систематизированную совокупность взглядов, отличительной чертой которой является функциональная связь с интересами и стремлениями общественной группы и в состав которой входят возникшие на основе исторического опыта и условий жизни данной группы идеи, отображающие и оценивающие действительность, а также директивы к действиям, основанные на этих идеях⁹.

Идеология является одной из форм *общественного сознания*. Под общественным сознанием мы понимаем, в соответствии с положениями, высказанными К. Марксом в Предисловии к «К политической экономии», совокупность форм духовной жизни, определяемых общественным бытием¹⁰. Идеологией мы называем ту часть общественного сознания, которая:

- а) находится в функциональной зависимости от интересов и действий общественной группы (например, класса, нации), то есть служит удовлетворению интересов не всего общества, а частичных, групповых интересов;
- б) отличается относительно высокой степенью систематизации.

Первая из вышеупомянутых особенностей идеологии отражает двойственный характер процесса

общественного познания. Род человеческий познает действительность в общественной жизни, причем процесс познания осуществляется в тесной связи с процессом практической деятельности людей. Можно было бы даже сказать, что познание само является частью, особым аспектом процесса практической деятельности человека. Человеческая практика делится, говоря в самой общей форме, на два вида.

Во-первых, человек воздействует на природу, стремясь активным образом приспособиться к ней, подчинить ее себе. В этих действиях род человеческий выступает как единое целое (если исключить ситуации, возникающие в результате политического и экономического соперничества). Поэтому и познавательная сторона этой практики выражает общие, одинаковые интересы всего человечества. Если в познании природы появляются моменты идеологии (как, например, при открытиях Коперника или Дарвина), то причиной служит не естественно-научная суть самого открытия, а социальные причины, например, если это открытие противоречит интересам какой-либо группы или общественного института. В приведенных примерах под угрозу был поставлен престиж католической церкви, которая выступала в защиту суждений, идущих вразрез с упомянутыми открытиями.

Иначе обстоит дело с другой формой познавательной деятельности человека, той, которая представляет собой интеллектуальный эквивалент практики, направленной на преобразование отношений между людьми. В этом втором виде практики род человеческий предстает как дифференцированное, разделенное объективными интересами целое. Эти интересы могут быть различными: экономическими, политическими и т. п. В классовом обществе на первый план выступает противоположность интересов, вытекающая из объективного конфликта классовых интересов. Однако дифференциация интересов происходит не только на классовой основе. Национальные и государственные различия, различия между географическими регионами, профессиональными группами и т. п. дают импульсы для создания (чаще всего неосознанно) образа социальной действительности с

точки зрения группы, интересы и действия которой лежат в основе интеллектуальной деятельности теоретика, распространителя идей, духовного вождя. Именно в этом случае мы говорим, что определенная совокупность взглядов является функциональной по отношению к интересам и стремлениям общественной группы или что она представляет собой «коррелят группы».

Следовательно, идеология не представляет собой общественного сознания в целом, так как в сферу идеологии входят лишь такие формы сознания, в которых находит интеллектуальное выражение деятельность групп людей с различными интересами.

Однако и этого недостаточно для определения идеологии, поскольку не все взгляды и представления, которые отражают различные интересы разных общественных групп, мы включаем в идеологию. Идеология — это совокупность систематизированных, а точнее говоря, относительно систематизированных взглядов. «В тех границах, в которых люди осознают общественные отношения, — писал, например, Оскар Ланге, — в их умах возникают идеи, в виде которых они осознают эти отношения, а также идеи правовые и политические, моральные и религиозные, философские, научные и художественные, на основе которых люди оценивают общественные отношения. Эти идеи мы называем общественными идеями, а систематизированное собрание таких идей называем *идеологией*»¹¹.

Определяя идеологию как относительно систематизированную совокупность взглядов, функциональных по отношению к интересам и стремлениям групп, мы отличаем это понятие от двух других: «мировоззрение» и «доктрина». Оба они входят в понятие идеологии.

Мировоззрение — это определенный, особый вид идеологии, в соответствии с которым осуществляется систематизация образа мира, человека, общества, а также дается ответ на вопрос о смысле жизни и о моральном долге человека. Другими словами, это обобщенный, философский образ мира. Во внутренне разделенном обществе различные мировоззрения отражают особые пози-

ции и интересы общественных групп и в этом значении являются идеологиями. Однако далеко не все идеологии содержат мировоззренческую прослойку.

Именно поэтому идеология является более широким понятием, чем мировоззрение. Подобным образом обстоит дело и с понятием «доктрина» (например, правовая, политическая, экономическая доктрина). *Доктрина* — это идеология с очень высокой степенью систематизации, как правило изложенная в виде теоретических обобщений. Хотя мы определяем доктрины такого типа как идеологию, однако не каждую идеологию мы можем назвать доктриной. Разницу здесь установить трудно, и она в значительной степени зависит как от чувства языка, так и от оценки анализируемых взглядов.

Одной из важных задач социологии политических отношений является сравнительный анализ различных типов идеологий и их функций в обществе. Сравнение разных типов идеологий мы приводим одновременно в нескольких сферах, руководствуясь следующими основными критериями: а) функцией идеологии, б) общественной базой идеологии, в) внутренней структурой и г) устойчивостью и сферой действия идеологии.

Когда мы анализируем *функцию* идеологии, то задаем вопрос, кому и чему она служит, указывая прежде всего на функцию идеологии по отношению к общественным классам и другим большим группам людей. Так, мы говорим, что фашизм является идеологией монополистической буржуазии, поскольку он представляет собой один из вариантов идеологического обоснования интересов и стремлений монополистического капитала в условиях империализма. Мы можем определить функцию идеологии в отношении не только интересов отдельных групп, но и интересов общества в целом, понимая эти интересы как совпадающие с процессом прогрессивного общественного развития. Идеология может быть прогрессивной, консервативной и реакционной.

С точки зрения *социальной базы* идеология делится на классовую (то есть открыто связанную с каким-либо классом общества), национальную и т. п. Когда мы говорим, что какая-то идеология является

идеологией рабочего класса, то имеем в виду границы распространения, влияния и характер ее социальной базы. С точки зрения функциональной зависимости классовой идеологией пролетариата является марксизм-ленинизм, однако бывает и так, что общественной базой идеологии верхушки рабочего класса может быть какая-либо иная идеология (например, британский лейборизм).

Во *внутренней структуре* идеологии мы различаем три пары противоположностей: идеологии религиозные и светские, рациональные и иррациональные, универсальные и партикулярные. Основой различий служат главные ценности, или доминирующие типы обоснований. Различие религиозных и светских идеологий состоит в наличии или отсутствии элемента «сакральности», специфически понимаемого элемента «святости»¹². Впрочем, это отличие не является до конца исследованным, так как элементы сакральности появляются с различной интенсивностью в различных (хотя и не во всех) идеологиях.

Различие рациональных и иррациональных идеологий основывается на том, в какой степени идеология готова подвергнуть свои утверждения логическому и рациональному контролю. Иррациональные идеологии (например, вождистские идеологии фашизма) обращаются к интуиции вождя, «голосу крови» и тому подобным иррациональным критериям. Наконец, различие между универсальными и партикулярными идеологиями основывается на том, кому адресуются лозунги идеологии. Христианство представляет собой универсальную идеологию, поскольку потенциально обращается ко всем верующим, а расизм — уже в силу самого определения — идеологией партикулярной, так как обращается к привилегированной расе.

С этой точки зрения марксизм — особая идеология, разрывающая узкие рамки упомянутого подразделения. Он обращается к рабочему классу, но одновременно — вследствие общечеловеческого, универсального характера перспективных интересов трудящихся — является идеологией, утверждающей освобождение всего человечества.

Наконец, последним критерием различия является устойчивость и сфера действия идеологии. Здесь мы имеем дело с идеологиями, которые существуют длительное время (иногда в течение веков), и теми, которые быстро исчезают, идеологиями, охватывающими своим влиянием весь мир или отдельную страну, а также региональными и даже локальными. Эти различия, важные при эмпирических исследованиях, в незначительной степени сказываются на теоретических качествах идеологии.

С точки зрения анализа границ распространения и продолжительности существования идеологии особое значение имеет критика тех концепций буржуазной науки, в которых высказывается (или высказывалось) мнение о том, что роль идеологии неизбежно уменьшается по мере роста благосостояния в «индустриальных» обществах. Эта теория стала одним из самых модных направлений антикоммунизма в послевоенные годы. Появилась она в середине пятидесятых годов (хотя подобные высказывания отмечались и ранее) в качестве своеобразного варианта «теории конвергенции», имевшей в то время широкую популярность на Западе. Ее пропагандировали такие философы и социологи, как Р. Арон¹³, Д. Белл¹⁴, С. Липсет¹⁵, Р. Лейн¹⁶. Хотя с самого начала эта теория подвергалась критике многими известными западными учеными¹⁷, но все же она завоевала значительную популярность и широко использовалась в пропаганде против социалистических стран.

Теоретики «конца века идеологии» отстаивали два тезиса. Во-первых, с ростом благосостояния неизбежно происходит падение интереса и приверженности к идеологии, а политика все больше приобретает характер прагматической игры, свободной от идеологии и связанного с ней фанатизма. Во-вторых, ликвидация идеологии в политике, а конкретнее ликвидация радикальной идеологии, является благоприятным явлением, достойным поддержки и быстрее претворения в жизнь.

Эти концепции, с одной стороны, отражали поспешные обобщения временной социально-политической ста-

билизации на Западе, конец которой положили бурные события конца шестидесятых годов (например, майские события 1968 года во Франции), а с другой стороны, выражали надежды идеологов современного антикоммунизма, которые, не будучи в состоянии противопоставить марксизму-ленинизму другую, более привлекательную идеологию, строили планы подрыва марксизма путем идеологической эрозии. Ныне все чаще раздаются — в том числе и на Западе — голоса, отрицающие научный характер теорий «конца века идеологии».

Однако проблема становления отношений между идеологией и политикой остается открытой. В самом обобщенном виде мы можем сказать, что идеология представляет собой интеллектуальную, духовную основу политической деятельности, а следовательно, отношение идеологии и политики является особым примером отношения теории и практики, сознания и действий.

Взаимоотношения между идеологией и политикой можно, следовательно, определить следующим образом:

а) Идеология разъясняет силам, действующим в политике, общую картину мира, ценности, которые лежат в основе действий, указывает средства, обеспечивающие реализацию этих ценностей, а также дает — по крайней мере во многих случаях, если не всегда, — общие директивы для действий. Именно в этом смысле идеология является интеллектуальной, теоретической основой действий. Различные политические движения по-разному используют четко сформулированную и последовательно осуществляемую идеологию. Гитлеризм в принципе отрицал постоянные и неизменные идейные принципы, заменяя их волей вождя. Во многих реформистских мелкобуржуазных или рабочих партиях прагматически понимаемая целесообразность заслоняет идейные принципы. Однако каждое политическое движение имеет какие-то, более или менее конкретизированные, постоянные идеологические принципы, которые определяют направление и характер его деятельности.

б) Идеология является фактом, объединяющим политическое движение. Убеждение в принадлежности к сообществу одинаково мыслящих (или по крайней мере

подобно мыслящих) является важным связующим звеном каждого крупного политического движения.

в) Идеология представляет собой совокупность символов, имеющих эмоциональное содержание, которые действуют интенсификации действий индивидов и групп. Так, например, идея отечества, нации, которую национальные идеологи подчеркивали в XVIII, XIX, XX веках, оказалась способной вызывать более значительные и более героические акты самопожертвования, чем простое чувство долга по отношению к монарху и чувство чести.

Таким образом, идеология выполняет важную функцию как составная часть политических действий, а сфера идеологической деятельности может быть с полным правом признана одной из форм политической борьбы. Не случайна история литературы, философии, публицистики, искусства полна примерами того, как идеологи прогрессивных сил вовлекались в политические действия.

Признание сильного влияния идеологии на политику не исключает, однако, и того, что существует относительная автономия политики от идеологии. Эта автономия проявляется в средствах деятельности. Политик-реалист отдает себе отчет в том, что бывают ситуации, когда мало руководствоваться даже самыми благородными идеологическими мотивами, а следует также учитывать фактическое положение дел. Можно быть сторонником идеи создания общества, в котором исчезнут имущественные различия между людьми, и одновременно применять и совершенствовать систему распределения материальных благ в зависимости от результатов труда, так как это необходимо для достижения такого уровня экономического развития, без которого осуществление этой главной цели будет немыслимо.

Можно привести много таких примеров. Поэтому зависимость политики от идеологии имеет относительный характер, она затрагивает основные направления деятельности и выбор основных методов поведения, но не исключает прагматического решения конкретных проблем, тактики политической деятельности. Политик-реа-

лист тем и отличается от фанатика, что умеет соединить приверженность к идейным принципам с эластичностью и конкретностью в решении отдельных проблем, которые присущи любой политической деятельности.

Углубленный социологический анализ проблем идеологии и идеологической борьбы может способствовать такому соединению. Социология политических отношений, исследуя политическую идеологию в ее социальной обусловленности, позволяет лучше понять ее функционирование и тем самым помочь политику найти оптимальное соотношение между принципиальными положениями идеологии и практическими потребностями политической тактики. Для рабочего движения, политика которого основана на четко сформулированных идеологических принципах марксизма-ленинизма, эта проблема имеет принципиальное значение.

XIV. Социология международных отношений

Проблематика международных отношений, подробно рассматриваемая наукой о политике и наукой о международных отношениях (эта область исследований в последнее время становится все более самостоятельной), лишь в очень малой степени изучалась социологией. В XIX веке интерес к международным отношениям проявляли только немногие социологи, например Гумплович в теории захвата как источника возникновения классов и государства, Спенсер в теории отношений между «воинственными» и «индустриальными» государствами. XX век принес лишь незначительное увеличение числа социологических исследований международных отношений. Эта область в течение длительного времени могла с полным правом считаться запущенной отраслью социологии. Иллюстрацией этого может быть следующий пример.

VI Всемирный социологический конгресс, состоявшийся в сентябре 1966 года в Эвиане, был первым международным форумом, уделившим определенное внимание проблематике международных отношений. На этом конгрессе Роберт Энджелл представил доклад «Социология международных отношений», содержащий анализ социологических исследований по тематике международных отношений. В соответствии с предложенными принципами классификации из всех публикаций по проблематике международных отношений только 106 работ можно отнести к социологии международных отношений. Более того, к ним относятся работы, написанные не социологами, а политологами (например, Дойчем, Хаасом). В целом, по мнению Энджелла, достижения социологии в области международных отношений невелики.

Это мнение разделяют и другие наблюдатели¹. За исключением периода конца XIX — начала XX века,

когда работы Спенсера и Гумпловича обратили внимание социологов на представляющие интерес проблемы отношений между государствами и народами, социология, как правило, не занималась серьезно этой проблематикой. Расцвет эмпирических методов исследований в XX веке не сопровождался попытками применить их к исследованию социологических аспектов международных отношений. Если в настоящее время выдвигаются требования заняться этой проблематикой и делаются попытки определить задачи социологии в области международных отношений, то это вызвано прежде всего растущим пониманием того, что в нынешнем мире — столь изменившемся вследствие бурного развития технологии и столь противоречивом в условиях сосуществования и борьбы противоположных систем — отношения между государствами и народами имеют первостепенное значение для понимания и формирования общественных процессов. В этом проявляется осознание необходимости развития современной теории международных отношений как дисциплины, объединяющей опыт и точки зрения различных общественных наук, и учета при этом социологической точки зрения².

1. Предмет и характер социологии международных отношений

В современной социологии — в том числе и в польской — существует тенденция к созданию новых социологических дисциплин, изучающих определенную область действительности. Рассматривая проблему с такой точки зрения, нет оснований отрицать, что международные отношения не могут быть предметом исследований в рамках поддисциплины, называемой «социологией международных отношений». Инициативы, предпринимаемые в этом направлении, наверняка будут встречены с интересом. Однако остается нерешенной проблема, в какой мере социология международных отношений яв-

ляется или может стать подлинно научной дисциплиной, имеющей собственный предмет и собственный метод исследования³. В упомянутой выше статье я высказал мнение, что «проблема, стоящая перед социологом, состоит... прежде всего в том, чтобы определить, в какой степени и каким образом социология может внести вклад в анализ международных отношений, в чем состоит социологический подход к этой проблематике. Сформируется ли вслед за другими социологическими дисциплинами также отдельная «социология международных отношений», по моему мнению, не столь существенно, но вклад, который социология может внести в научное познание этой области общественной жизни, заслуживает серьезного внимания». В принципе я и сейчас подтверждаю эту точку зрения, хотя в настоящее время следует высказать несколько дополнительных положений. Вопрос заключается не только в том, что может внести социология в теорию международных отношений, но и в том, в какой мере исследование международных отношений представляет ныне потенциально плодотворное и важное направление развития социологической теории. Значение социологии международных отношений состоит в том, что

а) она является основой развития теории международных отношений в направлении анализа «общественных» переменных;

б) она стала основой развития социологической теории в направлении анализа «международных переменных».

Выделение этих двух видов переменных является предварительным и недостаточно точным, поэтому я использую эти термины в кавычках. Попробуем проанализировать характер этих двух групп переменных и их взаимоотношения.

Говоря об общественных переменных, я имею в виду элементы общественной среды, в которой функционирует политическая система, оказывающие и потенциально способные оказывать внешнее воздействие на эту систему («входы» системы). Используя в данном случае терминологию Д. Истона⁴, я не хочу подробно оценивать до-

стоинства и недостатки теории системы — по этому вопросу уже имеется большое количество полемических исследований. В то же время представляется полезным воспользоваться различием между общественными (то есть связанными с общественной средой) обусловленностями политической системы и самой системой. В этом значении общественными переменными в анализе политической системы будут составные элементы общественной среды, в которой действует эта система, являющаяся «входом» системы. Говоря точнее, это будут те элементы общественной среды, которые являются постулатами и подкреплениями по отношению к политической системе или же обуславливают появление этих постулатов и подкреплений.

Принятие такой точки зрения предусматривает диалектическое взаимодействие политической системы и среды. Это предполагает отказ от свойственных политическим наукам прошлого попыток жесткого разграничения политической и неполитической сфер общественной жизни, поскольку одни и те же элементы общественной жизни могут приобретать и терять политическое значение в зависимости от конкретных ситуаций (например, от масштабов действий, осуществляемых государством, от потребностей и возможностей регулирования в сфере политики распределения ценностей и т. п.).

Социологию международных отношений интересует, однако, не вся сфера воздействия «среды» на «политическую систему», а только та ее часть, которая имеет значение для интерпретации отношений между по крайней мере двумя системами (или, говоря упрощенно, между двумя государствами).

Проблема, однако, становится более сложной, если мы примем во внимание связи, существующие между государствами. На эти связи оказывают влияние общественные переменные, относящиеся к каждой «национальной» среде, в которой действуют отдельные политические системы, поддерживающие международные связи. Таким образом, на политическую систему А непосредственно влияют общественные переменные,

входящие в состав среды А, и косвенно — входящие в состав среды Б, В, Г... и т. д., в которых действуют системы Б, В, Г... и т. д., поддерживающие отношения с политической системой А. Требование учета общественных переменных в анализе международных отношений можно, таким образом, выразить как требование учета следующих влияний:

1) влияния, оказываемого общественной средой на отношения, которые политическая система, действующая в этой среде, устанавливает с другими политическими системами;

2) влияния, оказываемого на эту систему общественными средами, в которых действуют политические системы, с которыми исследуемая нами система поддерживает международные отношения.

Иначе говоря, мы можем выделить два уровня общественных переменных, называя их условно а) непосредственными и б) косвенными общественными переменными.

Следует заметить, что политическая система не является лишь пассивным объектом воздействия среды. Наоборот, путем принятия решений и осуществления действий, направленных на реализацию этих решений, она влияет на изменение среды («выходы» системы). Сохраняя вышепринятый метод рассуждений, ограничимся при анализе данной проблемы только теми «выходами» политической системы, которые являются следствием ее отношений с другими системами (международных отношений). Тогда мы сможем выделить, как и в случае с общественными переменными, два дополнительных вида международных переменных;

3) влияние действий, предпринимаемых политической системой по отношению к другим политическим системам, на ее собственную общественную среду;

4) влияние действий, предпринимаемых другими политическими системами, на общественную среду интересующей нас политической системы.

Однако этим проблема еще не исчерпывается, так как существует «международная политическая система», под которой понимается совокупность межгосударствен-

ных политических организаций. Хотя понятие «международная политическая система» вызывает сомнения (поскольку возникает вопрос, имеет ли такая система суверенное право применения силы), однако исследования по проблемам Организации Объединенных Наций⁵ дают основания считать, что она имеет по крайней мере некоторые черты международной политической системы. В той степени, в какой эта система могла бы быть объектом, интересующим теорию международных отношений, можно было бы обоснованно применить к ней социологические методы, определив, каковы общественные обусловленности этой системы и как она в свою очередь влияет на общественную среду. Средой международной политической системы явилась бы, по моему мнению, сумма сред отдельных национальных политических систем. В то же время следовало бы эмпирически выяснить, входит ли международная система в контакт со средой исключительно через посредство национальных систем (стран — членов данной международной организации), или же существуют непосредственные «входы» и «выходы» международной системы.

В результате мы получили общую типологию пяти видов переменных, анализ которых может стать основой для проведения исследований в области социологии международных отношений:

- 1) непосредственные общественные переменные,
- 2) косвенные общественные переменные,
- 3) непосредственные международные переменные,
- 4) косвенные международные переменные,
- 5) международные общественные переменные.

Постулат выделения социологии международных отношений в самостоятельную отрасль можно было бы, таким образом, сформулировать как постулат создания теории международных отношений и общей социологической теории с учетом зависимостей, существующих между пятью вышеупомянутыми группами переменных. Говоря конкретнее, это был бы постулат исследования — как на уровне анализа отношений между группами государств, так и на уровне анализа международной системы — разнородных зависимостей, которые

существуют между международными отношениями государств и общественной структурой.

Что же не входит в социологию международных отношений, понимаемую в том виде, как она представлена выше? Этот вопрос имеет значение для определения границ этой научной дисциплины, то есть для выяснения, остается ли за пределами социологии международных отношений место для других дисциплин, занимающихся этой проблематикой.

Социология международных отношений не является теорией отношений между государствами, рассматриваемой как с юридической, так и политологической точки зрения. Хотя чисто политологический анализ не удовлетворяет требованиям многих исследователей, которые, даже и не будучи марксистами, вскрывают общественные обусловленности и последствия, но мы можем признать такой анализ вполне обоснованным и важным видом исследований. Примером может служить все более часто в последнее время применяемая теория игр и симуляции международных конфликтов. Такой род анализа предполагает, что государства выступают как индивиды, и он не предусматривает обязательного (хотя и возможного) включения внеполитических обусловленностей отношений между ними⁶.

Социология международных отношений не является социологией «чужих» обществ. В польских научных исследованиях принято, что в рамках «международных проблем» изучаются не только международные отношения, но и внутренние проблемы иностранных государств. Возможно, что это полезно для принятия решений по внешнеполитическим вопросам, а также важно для определения обусловленностей внешней политики, но с точки зрения классификации наук эти проблемы нельзя включать в теорию международных отношений и социологию международных отношений⁷. Ибо, когда польский ученый пишет книгу о Франции или Соединенных Штатах, о роли военных в Черной Африке или о бунте молодежи на Западе, он занимается не теорией или социологией международных отношений, а научным исследованием в области политологии или социологии,

отличающимся от анализа деятельности политических партий, армии или народных советов в Польше только тем, что исследователь обрабатывает материал, касающийся зарубежной страны.

Наконец, социология международных отношений — это не то же самое, что социология, основанная на международных сравнительных анализах. Иначе говоря, социологическая компаративистика может затрагивать любые проблемы, исследуемые путем сравнения данных различных стран. Следовательно, можно использовать и компаративные исследования в области международных отношений. Примером такого исследования может служить проведенный польскими, норвежскими и французскими учеными анализ общественного мнения по вопросам войны, мира, разоружения⁸. Однако международные сравнения сами по себе не дают основания причислять эти исследования к области социологии международных отношений.

2. Социологические методы исследования международных отношений

Росту популярности социологического подхода к различным областям общественных и политических исследований сопутствует и все более широкое использование социологических методов. Впрочем, не всегда точно можно называть все эти методы социологическими, так как некоторые из них (например, применение математической статистики или шкал позиций) появились сначала в психологии и уже затем проникли в другие общественные науки, прежде всего в социологию. Мне представляется, что проблема социологического метода в исследовании международных отношений может рассматриваться в двух отдельных аспектах. Первым из них является использование социологического метода интерпретации политических явлений. Вторым — применение в области международных отношений методов

сбора, обработки информации, которые были созданы или развиты в социологических исследованиях. Между этими проблемами существует связь, но это не идентичные вопросы.

Основные элементы социологического подхода к политическим явлениям полностью относятся к методу социологической интерпретации международных отношений⁹. Данная интерпретация заключается в анализе зависимостей, существующих между общественными переменными и международными отношениями (которые в свою очередь рассматриваются как переменные, воздействующие на развитие общественных процессов); в исследовании международных институтов и институтов, с помощью которых осуществляются действия в сфере международных отношений (вооруженные силы, дипломатия и т. п.) в конкретных исторических обстоятельствах и в функциональных взаимосвязях с политической системой в целом. Это предполагает также необходимость учета в сфере отношений между государствами и народами объективизированных в культуре черт личности как факторов, формирующих коллективное поведение.

Конкретизируя это выдвинутое в несколько общей форме положение, я считаю необходимым отметить, что применение социологического метода в первом из выделенных здесь значений требует использования накопленных теоретических знаний в области социологии (причем как наиболее общих законов, так и теорий среднего уровня) для выяснения явлений, возникающих во взаимоотношениях между государствами. Это не единственный метод интерпретации (так как можно попробовать объяснить эти отношения с помощью имманентных зависимостей, содержащихся в самой природе «игры», каковой являются международные отношения), но метод достаточно плодотворный. Его применение не может быть исключительной областью только социологии международных отношений. В противоположном случае следовало бы считать социологию международных отношений чем-то вроде теории международных отношений, что является ошибочным и искусственным.

В то же время использование социологической точки зрения при построении теории международных отношений представляется мне необходимым для ее развития на марксистской основе — другими словами, для того, чтобы с помощью этой теории можно было определять отношения между государствами, чтобы она стала основой успешной деятельности.

Таким образом, социологию международных отношений отличает не столько сама теория (хотя в сфере теории социолог, естественно, проявил бы склонность преферировать социологический метод в изложенном здесь понимании), сколько соединение этой теории с определенным типом эмпирических исследований. Особое место, которое социология может занять в исследовании международных отношений, может быть определено методическим использованием процедур, выработанных или развитых социологией в области получения обработки информации. Речь здесь идет:

а) о широком использовании статистического анализа зависимостей между общественными переменными и международными переменными, в том числе об использовании их для интерпретации поведения в сфере международных отношений¹⁰;

б) о применении социологических методов исследования мнений и позиций для интерпретации мотивов действий в области международных отношений; при этом имеются в виду как более традиционные методы качественного анализа (личных документов, например мемуаров государственных деятелей), так и современные методы анализа мнений, шкал позиций и ценностей и т. п.;

в) об использовании социологических методов анализа пропаганды (в особенности так называемого анализа содержания) для интерпретации роли пропаганды в международных отношениях; по существу, именно в этой области впервые производился количественный анализ содержания¹¹;

г) о применении социологических методов исследования больших организаций для анализа функционирования и влияния как крупных международных организаций

(например, аппарата ООН), так и крупных национальных организаций, которые своей деятельностью оказывают особенно сильное влияние на международные отношения; в этой последней области получили развитие исследования армии и в значительно меньшей степени исследования дипломатии, международных информационно-пропагандистских служб и т. п.

В настоящее время растет осознание того, что в современном мире понимание и тем более решение социальных проблем требуют учета глобальной перспективы. Это касается не только области, традиционно входящей в международные отношения, — вопросов войны и мира¹². Голод и демографический взрыв, диффузия культур и распространение информации, освоение космоса и исследование мирового океана — эти и другие проблемы нашей эпохи вызывают необходимость совместных действий, выходящих за пределы государств. В современном мире это проблемы достаточно сложные, но это не значит, что они не могут быть решены из-за различия в политических системах и еще незавершенной борьбы между социализмом и капитализмом. Однако сама эта борьба придает социальным преобразованиям международный масштаб. Создание нового, социалистического строя также связано с международными отношениями, оно происходит под сильным их воздействием и в первую очередь само, являясь составной частью мирового революционного процесса — процесса перехода от капитализма к социализму, — приводит к важным международным последствиям. Такое многостороннее значение, которое международные отношения имеют в современном мире, окажет, по моему мнению, определяющее воздействие на дальнейшее развитие социологии международных отношений, роль которой в социологии политических отношений в будущем будет возрастать. Учет международного аспекта общественно-политических явлений позволяет глубже и полнее понять эти явления. В этом смысле социология международных отношений является важным разделом социологии и существенным образом влияет на углубление теории политической социологии.

Примечания

От автора

¹ J. Wiatr. *Spoleczeństwo. Wstęp do socjologii systematycznej*. Warszawa, 1976; *Marksiowska teoria rozwoju społecznego*. Warszawa, 1973.

² J. Wiatr. *Współczesny antykomunizm a nauki społeczne*, 1970; *Czy zwierzczy ery ideologii?*, 1966.

Глава I

¹ С этой точкой зрения согласны различные теоретические школы. Как область борьбы за власть и осуществление власти политику трактуют и Большая советская энциклопедия, и *International Encyclopedia of Social Sciences*, а также авторы, принадлежащие к разным теоретическим направлениям. См., например: Reinhard Bendix, S. M. Lipset. *Political Sociology in «Current Sociology»*. 1957, vol. VI, № 2, p. 87; O. Stammer. *Gesellschaft und Politik in сборнике под редакцией Werner Ziegler. «Handbuch der Soziologie»*. Stuttgart, 1956, S. 562; Ф. М. Бурлацкий. *Ленин, государство, политика*. М., 1970, с. 47—48.

² Это название ввел в научный оборот Юлиан Хохфельд в статье «Марксизм и социология политических отношений» («*Studia Socjologiczno-Polityczne*» 1958, № 1). В начале этой статьи Хохфельд вспоминает, что в свое время Ян Станислав Быстринь (Jan Stanislaw Bystron). *Socjologia. Wstęp informacyjny i bibliograficzny*. Warszawa, 1947, s. 133 писал о «социологии политической жизни», а также называет применяемые параллельно термины «социология политики» и «политическая социология». Как представляется, в понимании Хохфельда термин «социология политических отношений» мог бы быть синонимом этих понятий. На мой взгляд, как я показываю далее, можно провести различие между политической социологией, с одной стороны, и социологией политических отношений (относительно «социологии политической жизни» и «социологии политики») — с другой.

³ Иначе рассуждает Джовани Сартори в статье «From the Sociology of Politics to Political Sociology». — In: S. M. Lipset (ed.). *Politics and the Social Sciences*. N.-Y., 1969, p. 65—100. Я разделяю мнение Д. Сартори о необходимости разграничения этих двух понятий, но не считаю, по крайней мере в отношении марксистской социологии политических отношений, возможным согласиться с его обвинением в том, что «социология политики является принижением политики» (с. 69), иными словами, сведением политики к определениям, опирающимся на непостоянные «социологические» (то есть неполитические) категории. Хотя марксизм особо отмечает влияние экономики на политическую надстройку, он, однако, указывает и на политическую обусловленность явлений не только в политике, но и в

экономике, культуре и т. д. В то же время тенденция к «социологическому редукционизму» — и здесь я вновь разделяю мнение Сартори — проявляется во многих течениях немарксистских политических наук и, добавил бы я, во многих упрощенных интерпретациях марксизма.

⁴ Jerzy Wiatr. *Nauki Polityczne: charakter i perspektywy*, «Kultura i społeczeństwo», 1963, № 4, rok VII, s. 7.

⁵ J. Hochfeld. *Marksizm a socjologia stosunków politycznych*, «Studia socjologiczno-polityczne», 1958, № 1, s. 14.

⁶ Maurice Duverger. *Introduction à une sociologie des régimes politiques*; G. Gurvitch (ed.). *Traité de sociologie*. Paris, 1960, t. II, p. 3.

⁷ R.-G. Schwartzberg. *Sociologie politique*. Paris, 1971.

⁸ Jean Meynaud. *Sciences politiques et science politique*. — «Res Publica: Revue de l'Institut Belge de Science Politique», 1960, vol. II, № 1, p. 6, 9.

⁹ R. Bendix, S. M. Lipset. *Political Sociology*, p. 87.

¹⁰ Более подробно об этом понятии говорится в главе пятой. Очень хорошо эта проблема освещена в статье: Heinz Eulau. *Political Behavior*, опубликованной в «International Encyclopedia of the Social Sciences», v. 12, p. 203—204. Критический обзор бихевиористского направления в американской науке дал Christian Bay. *Politics and Pseudopolitics: A Critical Evaluation of Some Behavioral Literatures*. — «The American Political Sciences Review», 1965, March, p. 39—51. Эта критика представляет собой одно из самых ранних свидетельств отказа от доминирующей роли бихевиористских понятий; несколько позднее такой отказ связывался также с протестом радикальной интеллигенции против идеологического конформизма, который она видела в бихевиористском направлении. Независимо, однако, от дальнейшей судьбы этого направления оно оказало на Западе существенное влияние на науку о политике и способствовало преодолению формально-институциональных ограничений.

¹¹ G. Sartori. *From the Sociology...*, p. 93.

¹² J. Hochfeld. *Marksizm a socjologia stosunków politycznych*, s. 7. В другом месте (с. 6) он даже пишет, что «ныне наука о политике становится в такой же мере интеграционной дисциплиной, своеобразной по отношению к другим политическим наукам, в какой она становится именно социологией политических отношений».

¹³ Ф. М. Бурлацкий. *Ленин, государство, политика*, с. 43.

¹⁴ Stanislaw Widerzpil. *Przedmiot marksistowskiej socjologii życia politycznego*. — W: St. Widerzpil, Czeslaw Herod, Janusz Janicki i Aleksander Owieczko (red.). *Problemy struktury i aktywności społecznej*. Warszawa, 1970, s. 15).

¹⁵ Marek Sobolewski. *Zasady demokracji burżuazyjnej i ich zastosowanie*. Warszawa, 1969, s. 10. См. более раннюю работу того же автора: *Reprezentacja w ustroju współczesnych demokracji burżuazyjnych*, Kraków, 1962.

¹⁶ «Studia Socjologiczne», 1970, № 3/38.

¹⁷ Разрабатываемая в последние годы на Западе «политическая биология» — это не возрождение устарелых, бытовавших в прошлом

концепций так называемого социального дарвинизма, а попытка эмпирически изучить воздействие биологических особенностей человеческого организма на политическое поведение. Более или менее существенную роль в развитии этого направления в последние годы играют концепции Конрада Лоренца и Роберта Ардрея, которые ищут общие черты в политическом поведении людей и поведении животных. Многие моменты в этих концепциях заслуживают серьезной и принципиальной критики. Например, выдвинутая Лоренцом теория врожденной агрессии, якобы объясняющая возникновение войн, подвергается критике как со стороны марксистов, так и ряда немарксистских исследователей. Богатый материал для критики концепции Лоренца дала конференция, проведенная в 1971 году в Вене Международным институтом мира (см. сборник под редакцией W. Hollitzer. *Aggressionstrieb und Krieg*, Symposium des Internationalen Instituts für den Frieden. Wien, Stuttgart, 1973). Эта конференция, в которой довелось участвовать и мне, была хорошим примером сотрудничества марксистов и представителей других направлений в их полемике с реакционными идеологическими концепциями в науке. Критика подобного рода не означает, однако, отрицания необходимости серьезного изучения всех биологических механизмов, которые могут оказывать влияние на политическую жизнь. Новейшую научную литературу, посвященную «биологии политики», рассматривает Альберт Сомит (Albert Somit. *Biopolitics*. — «British Journal of Political Science», 1972, April). См. также: Jean A. Lapouze. *Of Gods, Devils, Monsters and One-eyed Variables*, «The Canadian Journal of Political Science», 1974, June.

¹⁸ William C. Mitchell. *The Shape of Political Theory to Come: From Political Sociology to Political Economy*. — In: S. M. Lipset (ed.). *Politics and the Social Sciences*. New York, 1969, p. 101, 102, 129, 130.

¹⁹ Winicjusz Narojek. *Spoleczeństwo planujące. Próba socjologii gospodarki socjalistycznej*. Warszawa, 1973, s. 14.

²⁰ Несколько ранее толкование «экономической социологии» дал Анджей Кожминский в очень интересной статье «Социология и экономика»: *Socjologia a ekonomia*, «Studia socjologiczne», 1969, № 1 (32).

²¹ Более широко свою точку зрения на характер социологии как исторической науки я излагаю в статье «Социология как историческая наука» («Historyka», 1974, t. IV), основные положения которой нашли место в данных рассуждениях.

²² По этому вопросу очень интересное рассуждение см.: F. Ryszk a. *Nauka o polityce a nauka historii*, «Historika», 1969, t. II.

²³ См., в частности: A. Malewski. *Dwa modele socjologii*. — «Studia Sociologiczne», 1961, № 3; *O zastosowaniach teorii zachowania*. Warszawa, 1964, s. 25—29.

²⁴ Morris Janowitz. *Political Sociology*. — «International Encyclopedia of Social Sciences», vol. 12, p. 298. Определяет политическую социологию только как науку, занимающуюся «общественными основами власти во всех институционализированных секторах общества». На мой взгляд, важным является и то, как власть влияет

на общество, — то есть, проблема не только общественных основ, но и общественных результатов власти.

²⁵ Несколько лет назад я писал о социологии политических отношений как о дисциплине несуществующей, хотя и имеющей много оснований для существования (Jerzy Wiatr. *Socjologia stosunków międzynarodowych — możliwości nie istniejącej poddyscypliny*. — «*Studia Nauk Politycznych*», 1972, № 3 (9)). Убежден, что развитие марксистской социологии международных отношений, именно в рамках широко понимаемой социологии политических отношений, составляет одно из важнейших направлений, в которых необходимо сосредоточить усилия в социологической области анализа политических явлений. Очень ценную работу в этой области опубликовали советские ученые Ф. Бурлацкий и А. Галкин («Социология. Политика. Международные отношения». Москва, 1974).

²⁶ См., напр.: Marek Sobolewski. *Partie i systemy partyjne świata kapitalistycznego*. Warszawa, 1974; Michał Sadowski. *Przemiany społeczne a system partyjny PRL*. Warszawa, 1969.

²⁷ См.: Jerzy Wiatr. *Socjologia wojska*. Warszawa, 1964.

Глава II

¹ Reinhard Bendix Seymour M., Lipset. *Political Sociology in «Current Sociology»*, 1957, vol. VI, № 2, p. 97.

² Наряду с работами, посвященными отдельным авторам и их исследованиям, я использовал в этом разделе прежде всего два обобщающих труда: Howard Becker, Harry Elmer Barnes. *Rozwój myśli społecznej od wiedzy ludowej do socjologii*. Warszawa, 1964—1965; Konstanty Grzybowski. *Historia doktryn politycznych i prawnych. Od państwa niewolniczego do rewolucji burżuazyjnych*. Warszawa, 1967.

³ Mikołaj Machiavelli. *Książę*. Wrocław, 1969, s. LXI.

⁴ См.: Antonin Kłoskowski. *Machiavelli jako humanista na tle włoskiego Odrodzenia*. Łódź, 1954; Jan Malarszyk. *U źródeł włoskiego realizmu politycznego. Machiavelli i Guicciardini*. Lublin, 1963.

⁵ См.: С. В. Macpherson. *The Political Theory of Possessive Individualism: Hobbes to Locke*. Oxford, 1962.

⁶ Н. Becker, Н. Е. Barnes. *Rozwój myśli społecznej...*, cz. II, s. 154.

⁷ Творцом сравнительного метода в политических науках Леон Д. Эпштейн считает Токвиля, см.: Leon D. Epstein (ed.). *The Comparison of Western Political Parties*. — In: Oliver Garceau. *Political Research and Political Theory*. Cambridge, Mass., 1968, p. 163—164. Я, однако, согласен с теми авторами, которые признают первенство Макиавелли.

⁸ Анализ политических взглядов Гегеля см.: В. С. Нерсисяни. *Политическая философия Гегеля: становление и развитие*. — В книге «Гегель. Политические произведения». М., «Наука», 1978, с. 6—48.

⁹ См. изложение взглядов Фрыч Моджевского в следующих ра-

ботах: Lukasz Kurdybach. *Ideologia Frycza Modrzewskiego*. Warszawa, 1953; Kazimierz Lepsi. *Andrzej Frycz Modrzewski*. Warszawa, 1954; Kazimierz Dobrowolski. *Andrzej Frycz Modrzewski jako prekursor nauki o społeczeństwie*. — W: «*Studia z pogranicza historii i socjologii*». Wrocław, 1967.

¹⁰ См.: Kazimierz Opalek. *Hugona Kollątaja poglądy na państwo i prawo*. Warszawa, 1952.

¹¹ См.: Barbara Szacka. *Teoria i utopia Stanisława Staszica*. Warszawa, 1965.

¹² Эту тему рассматривает Jerzy Szacki в работе *Ojczyzna naród, rewolucja. Problematyka narodowa w polskiej myśli szlachecko-rewolucyjnej*. Warszawa, 1962.

Глава III

¹ Antonio Gramsci. *Pisma wybrane*. Warszawa, 1961, t. 1, s. 604.

² Julian Hochfeld. *Marxizm a socjologia stosunków politycznych*, «*Studia Socjologiczno-Polityczne*», 1958, № 1, s. 16.

³ Ф. М. Бурлацкий и А. Галкин. *Социология, политика, международные отношения*. М., 1974, с. 7.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. *Соч.*, т. 13, с. 6—7.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. *Соч.*, т. 21, с. 169—170.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. *Соч.*, т. 21, с. 161.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. *Соч.*, т. 23, с. 761.

⁸ Ревизию позиций творцов марксизма в этом вопросе предпринял Карл Каутский (1854—1938), пытаясь перенести на почву марксизма теорию возникновения классов и государства как результат завоеваний.

⁹ Włodzimierz Wesolowski. *Klasy, warstwy i władza*. Warszawa, 1974, s. 96.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. *Соч.*, т. 3, с. 45—46.

¹¹ См. очень интересное и объясняющее эту сложную проблему исследование в работе: Jerzy Szacki. *Uwagi o marksowskim pojęciu «Świadomości fałszywej»*. — «*Studia Socjologiczne*», 1966, № 2 (21).

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. *Соч.*, т. 1, с. 427—428.

¹³ Heinrich Cunov. *Marxistische Geschichts-, Gesellschafts- und Staatstheorie. Grundzüge der Marxschen Soziologie*. Berlin, 1920—1921, t. 1, 2.

¹⁴ Критика этой части работы Кунова дана в книге: J. Wiatr. *Naród i państwo*. Warszawa, 1973, s. 52—57.

¹⁵ В частности, в работах: *Demokratie oder Diktatur*. Berlin, 1918; *Die Diktatur des Proletariats*. Wien, 1918; *Terrorismus und Kommunismus. Ein Beitrag zur Naturgeschichte der Revolution*, Berlin, 1919.

Ответом на выпады Каутского была известная работа В. И. Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский», изданная в 1918 году. Каутский развил свою социолого-политическую теорию в ревизионистском, самом крупном теоретическом труде «Die materia-

listische Geschichtsauffassung». Berlin, 1927. Подробный критический анализ эволюции взглядов Каутского дан в работе: Marek Waldenberg. Wzlot i upadek Karola Kautskyego. Kraków, 1972, 2 tomu.

¹⁶ Roza Luksemburg. Reforma socjalna czy rewolucja? Wybor pism. Warszawa, 1959, t. 1, s. 141—235; Strajk masowy, partia i zwiazki zawodowe (ibidem, s. 492—588); Kryzys socjal-demokracji, t. 2, s. 255—396.

¹⁷ Речь идет о написанной в заключении, незадолго до смерти, и никогда не подписывавшейся Розой Люксембург к публикации работы «Die Russische Revolution» (изданной в 1922 г.). В рабочем движении вокруг этой работы велись долгие споры. Хотя авторство Розы Люксембург не подвергается сомнению, остается спорным, собиралась ли она в тех условиях вообще публиковать эту работу. «Русская революция» представляет собой эмоциональное выражение поддержки Октябрьской революции, несмотря на критику некоторых начинаний Советской власти. Необоснованность некоторых обвинений очевидна. Наиболее сложной является проблема тех решений, в которых Роза Люксембург предвидела перегибы более позднего периода так называемого «культа личности». В данном случае она была во многом права, хотя связь между формами власти в период совершения революции и их более поздними преобразованиями требует более глубокого анализа.

¹⁸ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 371, и т. 44, с. 421—422.

¹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 200.

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 219.

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 25.

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 7.

²³ Jakub Banaszkievicz. Marksistowsko-leninowska koncepcja partii politycznej. — «Studia Socjologiczne», 1970, № 4(3), s. 10.

²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 30.

²⁵ Там же, с. 41.

²⁶ György Lukács. Geschichte und Klassenbewusstsein. Studien über marxistische Dialektik. Berlin, 1923.

²⁷ György Lukács. History and Class Consciousness. Studies in Marxist Dialectics. Cambridge, Mass., 1971, t. IX—XXXIX.

²⁸ Palmiro Togliatti. Aktualne znaczenie myśli i Działalności Gramsci. — W. Antonio Gramsci. Pisma wybrane. Warszawa, 1961, t. 1, s. XXVI.

²⁹ Antonio Gramsci. Pisma wybrane, t. 1, s. 510—511.

³⁰ Antonio Gramsci. Pisma wybrane, t. II, s. 410.

³¹ Антонио Грамши. Избранные произведения, т. 3, с. 134.

³² Там же, с. 134—135.

³³ Там же, с. 139—140.

³⁴ Antonio Gramsci. Pisma wybrane, t. 2, s. 601.

³⁵ Ibidem, t. 1, s. 95.

³⁶ Ibidem, s. 606.

³⁷ Эта тема широко освещена мною в работе «Marksistowska teoria rozwoju społecznego», s. 173—187.

³⁸ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 18.

³⁹ Там же, с. 76.

⁴⁰ Там же, с. 72.

⁴¹ VII съезд Польской объединенной рабочей партии. 8—12 декабря 1975 г. М., 1976, с. 102.

⁴² Там же, с. 106.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Déclaration commune du Parti Communiste Italien et du Parti Communiste Français, «L'Humanité», 18.XI.1975.

⁴⁵ Jerzy J. Wiatr. Political Sociology in Eastern Europe. — «Current Sociology», 1964, vol. XIII, № 2.

⁴⁶ Kazimierz Kelles-Krauz. Pisma wybrane. Warszawa, 1962, t. 2, s. 396—473.

⁴⁷ Ludwik Krzywicki. Wstęp do historii ruchów społecznych. Warszawa, 1926.

⁴⁸ Bolesław Limanowski. Naród i państwo. Kraków, 1906.

⁴⁹ Julian Brun. W kwestii narodowej. — W: «Pisma wybrane». Warszawa, 1955, t. 1.

⁵⁰ Henryk Jabłoński. Opinia, parlament, prasa. Warszawa, 1947.

⁵¹ Julian Hochfeld. Studia o marksowskiej teorii społeczeństwa. Warszawa, 1963.

Глава IV

¹ Таково отношение, например, Ф. М. Бурлацкого к основным буржуазным теориям. См.: Ленин, государство, политика. М., 1970. Из обширной литературы, содержащей критику немарксистской социологии политических отношений и науки о политике, следует назвать работы ученых-марксистов. См.: Н. М. Кейзеров. Власть и авторитет. М., 1973; Б. Топорнин и Э. Мачульский. Социализм и демократия. М., 1974; Zoltan Péteri. La science politique bourgeoise et la théorie marxiste-leniniste de l'État. Acta Juridica Academiae Scientiarum Hungaricae, 1964, t. IV, № 3—4; а также Miloslav Formánek. Krize a výhledy «Akademické» politikologie, «Sociologický časopis», 1971, № 5.

² Howard Becker i Elmer Barnes. Rozwój myśli społecznej od wiedzy ludowej do socjologii. Warszawa, 1965 cz. 2, s. 336.

³ Людвиг Гумплович многие западные авторы считают австрийским ученым, хотя он воспитывался в Кракове, окончил Краковский университет, писал некоторые свои работы по-польски и всегда поддерживал живую связь с Польшей. В то же время он автор известных произведений на немецком языке и оказал огромное влияние на социологию стран, говорящих на немецком языке, а также на социологию других стран, в частности США.

⁴ Подробнее об этом направлении в социологии см. в цитированной выше работе Беккера и Барнса, ч. 2, с. 327—384.

⁵ Stanisław Ossowski. Więź społeczna a dziedzictwo krwi. Dzieła, t. 2. Warszawa, 1966, s. 125.

⁶ Очень аргументированно критикует эту теорию применительно

к генезису польского государства: H. Lomniński. Początki Polski. Z dziejów Słowian w I tysiącleciu, t. V. Warszawa, 1973, s. 464—467.

⁷ Такую интерпретацию теории завоевания см. в моих ранних работах Socjologia wojska. Warszawa, 1964, s. 179—183; Marksistowska teoria rozwoju społecznego. Warszawa, 1973, s. 341—345. Там же изложена типология завоеваний с точки зрения их социологических результатов и типология путей возникновения государства.

⁸ Так трактует этот вопрос Марио Делла Пьяне в статье о Моске. — In: «International Encyclopedia of the Social Sciences». New York, 1968, vol. 10, p. 504—507. См. также: H. Meisel. The Myth of the Ruling Class: Gaetano Mosca and the «Elite», Ann Arbor, 1958.

⁹ Gaetano Mosca. Historia doktryn politycznych. Warszawa, (około 1935), s. 278.

¹⁰ В данном случае я пользуюсь английским вариантом Vilfredo Pareto. The Mind and Society: A Treatise on General Sociology. New York, 1963 (1 английское издание — 1935).

¹¹ Свои взгляды Маннгейм изложил в своем главном труде «Идеология и утопия», впервые изданном в 1929 г. (см.: K. Mannheim. Ideologie und Utopie. Frankfurt am Main, 1952). В области социологии политических отношений Маннгейм также известен своими интересными, хотя и очень противоречивыми, работами о кризисе современного капитализма, необходимости планирования, предотвращения войн и т. п. (K. Mannheim. Człowiek i społeczeństwo w dobie przebudowy. Warszawa, 1974; первое издание на английском языке вышло в 1940 г.). Критика этой работы с указанием ее значения и недостатков дана во введении к польскому изданию.

¹² Harold D. Lasswell. Politics — Who Gets What, When, How. New York, 1936. Этой книгой открывается целый цикл современных работ, посвященных так называемой политической элите, независимых от идеологических и историко-философских концепций Моски и Парето.

¹³ См.: Thomas V. Bottomore. Elites and Society. London 1954; Lewis J. Edinger. Political Leadership in Industrialized Societies. New York, 1967; Suzanne Keller. Beyond the Ruling Class. New York, 1963; Robert Putman. Comparative Political Elites. New York, 1976.

¹⁴ Например: Raymond Barkley. The Theory of the Elite and Mythology of Power. — «Science and Society», 1955, № 2.

¹⁵ Р. Миллс. Властвующая элита. М., 1959. Миллс доказывал, что в Соединенных Штатах власть находится в руках узкой элиты, состоящей из верхушки «мира политики, экономики и армии». Концепция эта вызвала острую критику ученых, утверждающих, что власть в Америке распределена между различными группами интересов. В частности, это пытался доказать Роберт Даль (Robert Dahl. Critique of the Ruling Elite. — «American Science Review», 1958, № 3).

¹⁶ Так пишет Сеймур М. Липсет в статье об Острогорском в «International Encyclopedia of the Social Sciences». New York, 1968, vol. 11, p. 347.

¹⁷ Moisei Ostrogorski. Democracy and the Organization of Political Parties. London — New York, 1902, vol. 1, England; vol. II, The United States.

¹⁸ Robert Michels. Zur Soziologie des Parteiwesens in der Modernen Demokratie. Leipzig, 1911; английское издание Political Parties: A sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. New York, 1962; там же см. вступительную статью Сеймура М. Липсета, в которой он дает характеристику вклада Михельса в социологию политических отношений.

¹⁹ Robert Michels. First Lectures in Political Sociology. Minneapolis, 1949, p. 134—155, The Sociological Character of Political Parties, впервые опубликованные в 1927 г. на страницах «American Political Science Review».

²⁰ International Encyclopedia of the Social Sciences, New York, 1968, vol. 10, p. 268 (библиографическая статья о Михельсе).

²¹ Seymour Martin Lipset, Martin A. Trow, James S. Coleman. Union Democracy. The Internal Politics of the International Typographical Union. Glencoe, 1956.

²² Hanp.: C. W. Cosinelli. The Law of Oligarchy. — «American Political Science Review», 1953, № 3.

²³ Giovanni Sartori. Democratic Theory. Detroit, 1962, p. 120—124.

²⁴ См.: A. Gramsci. Pisma wybrane. Warszawa, 1961, t. 1, s. 111—112.

²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, с. 61—67.

²⁶ См. статью Рейнхарда Бендикса о Вебере в «International Encyclopedia of the Sciences». New York, 1968, vol. 16, p. 492—502.

²⁷ Stanisław Kozyr-Kowalski. Max Weber a Karol Marks. Warszawa, 1967.

²⁸ Reinhard Bendix. Max Weber. Portret uczonego. Warszawa, 1975, cz. III, а также David Beetham. Max Weber and the Theory of Modern Politics. London, 1974.

²⁹ Raymond Aron. Max Weber and die Machtpolitik, в общей работе под редакцией Otto Stammer. Max Weber und die Soziologie Heute. Tübingen, 1965, S. 103—156. Это рефераты, представленные на съезде западногерманского общества социологов в 1964 г., посвященном 100-летию со дня рождения Вебера.

³⁰ Wolfgang J. Mommsen. Max Weber und die deutsche Politik, 1890—1920. Tübingen, 1959, а также полемика Рейнхарда Бендикса, Пауля Хонингсхайма и Карла Левенштейна на страницах «Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie», 1961 (vol. 13, S. 258—289).

³¹ Как бы предисловием социологии государства являются две статьи Вебера «Социология государства» и «Три чистых типа закононого господства» в книге «Staatssoziologie». Berlin, 1956, под редакцией и со вступительной статьей «Johannes Winckelmann».

³² Max Weber. Wirtschaft und Gesellschaft, Grundriss der verstehenden Soziologie. Я пользовался английским переводом Галькотта Парсонса The Theory of Social and Economic Organization. New York, 1947.

- ³³ Max Weber. *Gesammelte Politische Schriften*. Tübingen, 1971.
- ³⁴ David Beetham. Max Weber..., p. 252—253.
- ³⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, с. 213.
- ³⁶ Наиболее полно Макс Вебер объясняет смысл понятия «идеального типа» в статье «Объективность в общественной науке и общественной политике» (1904), опубликованной в его сборнике: Max Weber. *The Methodology of Social Sciences*. Glencoe, 1949, p. 89—90. Подробнее об этой конструкции я пишу в работе «Marksistowska Teoria rozwoju społecznego». Warszawa, 1973, s. 255—266.
- ³⁷ Max Weber. *Staatssoziologie*, цит. изд. S. 101.
- ³⁸ Max Weber. *The Theory of Social and Economic Organization*, p. 347.
- ³⁹ *Ibid.*, 364—366.
- ⁴⁰ См.: R. Bendix. Max Weber. *Portret uczynego*, s. 376. Это более ясная и простая форма изложения, чем у самого Вебера. См.: M. Weber. *The Theory of Social and Economic Organization*, p. 329—330.
- ⁴¹ M. Weber. *The Theory of Social and Economic Organization*, p. 330—332.
- ⁴² *Ibid.*, p. 342—345.
- ⁴³ См.: David Beetham. Max Weber..., p. 64—66.
- ⁴⁴ См. там же, с. 240—245. В анализе, проводимом Битгамом, широко и позитивно используются труды Маркса.

Глава V

¹ Черты сравнительно-исторического подхода, в том числе методологические проблемы, связанные с использованием исторического материала для социологических обобщений, более подробно рассматриваются мною в главе «Законы общественного развития и сравнительно-исторический метод» в работе «Marksistowska teoria rozwoju społecznego». Warszawa, 1973, s. 212—270.

² Различные методологические направления в политических науках рассматриваются в сборнике под редакцией Kazimierz Orłaka. *Methodologiczne i teoretyczne problemy nauk politycznych*. Warszawa, 1975. Излагаемые в нем мысли в большей степени касаются также социологии политических отношений.

³ См., напр.: Heinz Eulau. *Political Behavior*. — In: «International Encyclopedia of Social Sciences». New York, 1968, vol. 12, p. 203—214.

⁴ Lewis Richardson. *Arms and Insecurity. A Mathematical Study of the Causes and Origins of War*. Pittsburg — Chicago, 1960.

⁵ Сборник *Values and the Active Community. A Cross-National Study of the Influence of Local Leadership*. New York, 1971. Некоторые выводы этих исследований рассматриваются в моей книге «Społeczństwo, polityka, nauka». Warszawa, 1973.

⁶ Karl W. Deutsch. *Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundations of Nationality*. Cambridge, Mass., 1953.

⁷ Stein Rokkan. *Electoral Mobilization. Party Competition and Territorial Integration*. — In: Joseph La Palombara, Myron Weiner (eds.). *Political Parties and Political Development*. Princeton, 1966.

⁸ Zygmunta Gostkowski. *Zainteresowania wyborami do Rad Narodowych wśród ludności Łodzi w roku 1958*. — «*Studia Socjologiczne*», 1961, № 2, s. 146—159.

⁹ T. W. Adorno, E. Frenkel-Brunswick, D. J. Levinson, R. N. Sanford. *The Authoritarian Personality*. New York, 1950.

¹⁰ Gabriel Almond and Sydney Verba. *The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton, 1963.

¹¹ Jerzy J. Wiatr. *Zachowanie polityczne: eksperyment a rzeczywistość*. — «*Studia Socjologiczne*», 1962, № 4(7), s. 117—134.

¹² Jean A. Laponce and Paul Smoker (eds.). *Experimentation and Simulation in Political Science*. Toronto, 1972.

¹³ Подробнее об этом исследовательском методе см.: Longin Pastusiak. *Komputery a polityka*. Warszawa, 1975.

¹⁴ См.: Józef Chalasiński. *Młode pokolenie chłopów*. Warszawa, 1938. Разделы этой книги, касающиеся явлений политической жизни, представляют характерный пример использования анализа личных документов в социологии политических отношений.

¹⁵ William E. Connolly. *Political Science and Ideology*. New York, 1967.

¹⁶ Christian Bay. *Politics and Pseudopolitics: A Critical Evaluation of Some Behavioral Literatures*. — «*The American Political Science Review*», 1965, March, p. 39—51.

¹⁷ Alfred de Grazia. *Research on Voters and Elections*. — In: «*Research Frontiers in Politics and Government*». Washington, 1955, p. 104.

¹⁸ В. И. Ленин был одним из первых политиков и первым ученым-марксистом, применившим статистическо-социологический метод интерпретации итогов выборов, в частности в работе «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата». См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, с. 1—24.

¹⁹ Такой подход проявляется во многих современных работах западных авторов. См., напр.: Roger E. De Smet, René Evalenko. *Les élections belges. Explication de la répartition géographique des suffrages*. Bruxelles, 1956; J. Bonham. *The Middle Class Vote*. London, 1954.

²⁰ C. E. Merriam, H. F. Gosnell. *Non-Voting. Causes and Methods of Control*. Chicago, 1924; H. F. Gosnell. *Getting Out of Vote*. Chicago, 1927.

²¹ Herbert Tingsten. *Political Behaviour. Studies in Election Statistics*. London, 1937.

²² *Ibidem*, p. 230—231.

²³ См., напр.: Harold F. Gosnell. *Negro Politicians, The Rise of Negro Politics in Chicago*, Chicago, 1935.

- ²⁴ Francois Goguel. Géographie des élections francaises de 1870 à 1951. Paris, 1951. — «Cahiers de la Fondation Nationale des Sciences Politiques», № 27.
- ²⁵ Jacques Fauvet. Les forces politiques en France. De Thorez à de Gaulle. Paris, 1951.
- ²⁶ André Siegfried. Géographie électorale de l'Ardèche sous la III République. Paris, 1949.
- ²⁷ Philippe Bernard. Economie et sociologie de la Seine et Marne, 1850—1950. Paris, 1953.
- ²⁸ Jean Pataut. Sociologie électorale de la Nièvre au XX-e siècle (1902—1951). Paris, 1956.
- ²⁹ Ibidem, p. 100.
- ³⁰ Elio Caranti. Sociologia e statistica delle elezioni italiane del dopoguerra. Roma, 1954; Francesco Compagna, Vittorio de Caprariis. Geografia delle elezioni italiane del 1946 al 1953. Bologna, 1954.
- ³¹ Jerzy J. Wiatr. Niekłóre zagadnienia opinii publicznej w swietle wyborów 1957 i 1958 roku. — «Studia Socjologiczno-Polityczne», 1959, № 4, oraz Stanislaw Bereza. Wybory do Dzielnicowej Rady Narodowej Warszawa-Ochota w roku 1958. — «Studia Socjologiczno-Polityczne», 1959, № 2, s. 159—194.
- ³² Трудности первоначальных исследований интересно описываются в работе: George Gallup, Saul Forbes Rae. The pulse of Democracy. The Public Opinion Poll and How It Works. New York, 1940. Авторы сообщают, что начало избирательных прогнозов и, следовательно, предсказание результатов можно отнести к концу XIX века, когда в 1883 г. Чарльз Х. Тейлор, издатель «Бостон глоб», организовал предварительный подсчет первых итогов голосования, чтобы на их основе предсказать окончательный итог выборов. В тридцатые годы нынешнего столетия Джордж Гэллуп ввел систематическое моделированное изучение общественного мнения; одновременно оно стало исходным пунктом нового направления исследования выборов.
- ³³ См., в частности: A. Campbell and R. L. Kahn. The People Elect a President. Ann Arbor, 1952; M. Janowitz, D. Marvick. Competitive Pressure and Democratic Consent. An Interpretation of the 1952 Presidential Election. Ann Arbor, 1956; A. Campbell, P. E. Converse, W. E. Miller, D. E. Stokes. The American Voter. New York, 1960. Последняя работа считается наиболее серьезным американским исследованием поведения избирателей.
- ³⁴ См., напр.: M. Duverger, F. Goguel, J. Touchard (eds.). Les élections du 2 janvier 1956. Paris, 1957.
- ³⁵ P. F. Lazarsfeld, B. R. Berelson, H. Gaudet. The People's Choice. New York, 1944.
- ³⁶ B. R. Berelson, P. F. Lazarsfeld, W. M. McPhee. Voting, A Study of Opinion Formation in a Presidential Campaign. Chicago, 1954.
- ³⁷ M. Benney, A. P. Gray, R. H. Pear. How People Vote. A Study of Electoral Behaviour in Greenwich. London, 1956.
- ³⁸ R. B. MacCallum and A. Readman. The British General Election of 1945. Oxford, 1947. Большинство более поздних работ,

посвященных выборам в Англии в последующие годы, вышли из-под пера или при участии Давида Э. Батлера. См. его характеристику данного направления в статье «Voting Behaviour and Its Study in Britain». — «British Journal of Sociology», 1955, vol. 6, p. 93—103.

³⁹ Zbigniew A. Pelczynski. Poland. — In: D. E. Butler (ed). Elections Abroad. London, 1959.

⁴⁰ D. H. Kurtzman. Methods of Controlling Voters in Philadelphia. Philadelphia, 1935; J. T. Salter. Boss Rule. New York, 1935; Roy V. Peel. The Political Clubs of New York City. New York, 1935; Harold F. Gosnell. Machine Politics: Chicago Model. Chicago, 1937.

⁴¹ Theodore Abel. Why Hitler Came To Power: An Answer Based on the Original Life Stories of Six Hundred of His Followers. New York, 1938.

⁴² Maurice Duverger. Les parties politiques. Paris, 1951; а также того же автора «Sociologie des parties politiques». — In: Georges Gurvitch (ed.). Traité de sociologie, t. II. Paris, 1960.

⁴³ Jakub Banaszkiwicz. Marksistowsko-leninowska koncepcja partii politycznej. — «Studia Socjologiczne», 1970, № 4 (39), s. 14.

⁴⁴ Sigmund Neumann. Modern Political Parties. Chicago, 1956.

⁴⁵ Robert T. McKenzie. British Political Parties. The Distribution of Power within the Conservative and Labour Parties. London, 1954.

⁴⁶ V. O. Key. Politics, Parties and Pressure Groups. New York, 1958; American State Politics. New York, 1956; Public Opinion and American Democracy. New York, 1961.

⁴⁷ Samuel J. Eldersveld. Political Parties: A Behavioral Analysis. Chicago, 1964.

⁴⁸ Mattei Dogan, Orazio Maria Petracca (ed.). Partiti politici e struttura sociale in Italia. Milano, 1968; Alberto Spreafico, Franco Cazzola. Correnti di partito e processi di indentificazione. — «II Politico», 1970, vol. XXXV, p. 3—23.

⁴⁹ Franco Cazzola. Il partito come organizzazione. Studio di un caso: il P. S. I. Roma, 1970.

⁵⁰ Klaus von Beyme. Bibliographical Essay on the State of Research in Political Science in the Federal Republic of Germany. — «German Political Studies», 1974, vol. I, p. 261.

⁵¹ Jean Blondel. Voters, Parties and Leaders. The Social Fabric of British Politics. London, 1963; Stein Rokkan, Henry Valen. Regional Contrasts in Norwegian Politics. — In: Erik Allardt and Stein Rokkan (eds.). Mass Politics, Studies in Political Sociology. New York, 1970, p. 190—247.

⁵² Maurice Duverger. Sociologie des partis politiques.

⁵³ Giovanni Sartori. The Typology of Party Systems — Proposals for Improvement. — In: Erik Allardt, Stein Rokkan (eds.). Mass Politics, p. 322—352.

⁵⁴ Juan J. Linz. An Authoritarian Regime: Spain, там же, p. 251—283. Из новейших работ о политических партиях заслужи-

вает внимания книга Kay Lawson. *The Comparative Study of Political Parties*. New York, 1976.

⁵⁶ Michał Sadowski, *Przemiany słoeczne a system partyjny PRL*. Warszawa, 1969; Zenon Mikolajczyk i Emil Pafryn. *Struktura i funkcje partii szlopskiej na przykladzie ZSL*. Warszawa, 1968; Krzysztof Ostrowski i Zbigniew Sufin. *Problemy rozwoju partii między IV i V Zjazdem*. — «Nowe Drogi», 1969, s. 30—36; Aleksander Stasiuk. *Czynni i bierni członkowie partii w zakładzie przemysłowym*. — «Studia Socjologiczno-Polityczne», 1964, № 16, s. 77—94.

⁵⁶ Walter Lippmann. *Public Opinion*. New York, 1938, p. 96.

⁵⁷ Bernard Berelson. *Democratic Theory and Public Opinion*. — «Public Opinion Quarterly», 1952, vol. XVI, № 3, p. 330.

⁵⁸ B. R. Berelson, P. F. Lazarsfeld, W. N. McPhee. *Voting. A Study of Opinion Formation in a Presidential Campaign*, p. 307.

⁵⁹ Ibidem, p. 322.

⁶⁰ David Riesman and Natan Glazer. *The Meaning of Opinion*. — «Public Opinion Quarterly», 1948, vol. XII, № 4, p. 635.

⁶¹ John Plamenatz. *The Psychologists and Democratic Theory* (реферат на конференции, посвященной исследованиям выборов в странах Европы. Оксфорд, март 1957 г.).

⁶² Jean Stoetzel. *La théorie des opinions*. Paris, 1943.

⁶³ См.: Bernard Berelson and Morris Janowitz (eds.). *Reader in Public Opinion and Communication*. New York, 1966.

⁶⁴ Gabriel A. Almond. *The American People and Foreign Policy*. New York, 1967.

⁶⁵ Pierre Fougereyrolles. *La conscience politique dans la France contemporaine*. Paris, 1963.

⁶⁶ Andrzej Siciński. *Opinie o problemach międzynarodowych jako element współczesnej ideologii społeczeństwa polskiego*. — «Studia Socjologiczne», 1966, № 2/21, s. 137—170.

⁶⁷ Samuel A. Stouffer. *Communism, Conformity and Civic Liberties: A Cross-Section of the Nation Speaks Its Mind*. New York, 1955; Paul F. Lazarsfeld. *The Academic Mind: Social Scientists in a Time of Crisis*. Glencoe, 1958.

⁶⁸ Robert E. Lane. *Political Ideology: Why the American Common Man Believes What He Does*. New York, 1962.

⁶⁹ Самый полный анализ и библиографию этих исследований см.: Stein Rokkan, Jean Viet, Sidney Verba, Elina Almasy. *Comparative Survey Analysis*, Hague—Paris, 1969.

⁷⁰ Maurice Duverger. *La participation des femmes à la vie politique*. Paris, 1955.

⁷¹ Karl W. Deutsch (в соавторстве). *France, Germany and the Western Alliance: A Study of Elite Attitudes on European Integration and World Politics*. New York, 1967.

⁷² Robert D. Putnam. *The Beliefs of Politicians. Ideology, Conflict and Democracy in Britain and Italy*. New Haven, 1973.

⁷³ Gabriel A. Almond and G. Bingham Powell. *Comparative Politics: A Development Approach*. Boston, 1966, p. 50;

Władysław Markiewicz. *Socjologia a służba społeczna*. Poznań, 1972, s. 321.

⁷⁴ Gabriel A. Almond and Sidney Verba. *Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton, 1963.

⁷⁵ Ф. Бурлацкий и А. Галкин. *Социология. Политика. Международные отношения*. М., 1974, с. 110—113.

⁷⁶ Систематизацию современных польских исследований см.: Andrzej Siciński. *Spoleczeństwo polskie w badaniach ankietowych Ośrodka Badania Opinii Publicznej przy Polskim Radio i TV (lata 1958—1964)*. Warszawa, 1966. Проблемы политического знания в течение ряда лет были предметом исследования института философии и социологии Польской Академии наук. См.: Marek Kesy i Jerzy Wiatr. *Wiedza obywatelska mieszkańców małych miast*, в сборнике под редакцией B. Suchodolski. *Uproszczenie nauki*. Warszawa, 1971, s. 97—120.

⁷⁷ См.: Kálmán Kulcsár. *A közvelemény mint szociológiai jelenség*. (Общественное мнение как социальное явление) — «Magyar Filozófiai Szemle», 1962, № 3, p. 397—420; А. К. Уледов. *Общественное мнение советского общества*. М., 1963; Б. Грушин. *О предмете общественного мнения*. — «Studia Socjologiczne», 1966, № 2(21), s. 21—56.

⁷⁸ Robert Angell. *Sociology of International Relations* (реферат, представленный на VI Международном конгрессе социологов. Эвиан, сентябрь 1966 г.).

⁷⁹ Raymond Aron. *Paix et guerre entre les nations*. Paris, 1962.

⁸⁰ См., напр., сборник: J. David Singer (ed.), *Quantitative International Politics: Insights and Ovidence*. New York, 1968, в котором при анализе международных отношений широко применяется социологический метод.

⁸¹ Интересное толкование обеих этих проблем дал Марсель Мерле. См.: Marcel Merle. *Sociologie des relations internationales*. Paris, 1974.

⁸² Особенно важной в этом плане представляется работа: G. A. Almond. *The American People and Foreign Policy*. New York, 1967. См. также исследования национализма, интернационализма и других индивидуальных черт среди студентов 12 стран из различных континентов: K. W. Terhune. *Nationalistic Aspirations, Loyalty and Internationalism*. — «Journal of Peace Research», 1965, № 3, p. 277—287, а также выводы сравнительных исследований формирования у английских, бельгийских, австрийских и греческих детей представлений о собственном и чужих народах. См.: H. Tajfel and G. Jahoda. *Development in children of concepts and attitudes about their own and other nations* (реферат на XVIII Международном конгрессе психологов. Москва, август, 1966).

⁸³ См., напр.: Michael Haas. *Social Change and National Aggressiveness, 1900—1960*. — In: J. David Singer. *Quantitative International Politics*, p. 215—244.

⁸⁴ Очень важным и в этой области явилось международное исследование представлений о мире 2000 г. (в том числе в Польше,

Чехословакии и Югославии). Выводы этого исследования, касающиеся международных отношений, были представлены в сборнике: Eino Hosiа (ed.). Future prospects of the Jouth. Tampere, 1970.

⁸⁵ См.: Bernard Berelson. Content Analysis in Communication Research. New York, 1952; Michael Haas. Communication Factor in Decision Making. — «Peace Research Society» (International Papers, 1969, vol. XII, p. 65—86); Morris Davis. The Structuring of International Communications about the Nigeria-Biafra War, 1972, vol. XVIII, p. 61—72; George Kent. Perceptions of Foreign Policies Middle East, 1970, vol. XV, p. 90—121.

⁸⁶ См.: James Rosenau. The Scientific Study of Foreign Policy. New York, 1971, p. 151—173. Здесь представлены исследования поведения американских сенаторов по внешнеполитическим вопросам: David Garnham. State Department Rigidity: Testing a Psychological Hypothesis. — «International Study Quarterly», 1974, vol. 18, № 1, p. 31—39; Howard Thomas Rowe. Aid and Coups d'Etat: Aspects of the Impact of American Military Assistance Programs in the Less Developed Countries, там же, 1974, vol. 18, № 2, p. 239—255.

⁸⁷ Более подробно об этом см.: Jerzy J. Wiatr. Socjologia stosunkow międzynarodowych — możliwości nieistniejącej poddyscypliny. — «Studia Nauk Politycznych», 1972, № 3, s. 95—104.

⁸⁸ Такую работу с 1960 г. проводит Комитет политической социологии Международной ассоциации социологов (с 1970 г. имеющей также филиал при Международной ассоциации политических наук).

Глава VI

¹ См.: Н. А. Симон. Models of Men. New York, 1957, p. 5. Интересная критика бихевиористских и других определений власти, используемых буржуазными авторами, дана в работе Н. Кейзерова «Власть и авторитет». М., 1973.

² См.: Talcott Parsons. Szkice z teorii socjologicznej. Warszawa, 1972, s. 503.

³ См.: Н. Д. Лассвелл, А. Каплан. Power and Society. New Haven, 1950, p. 76.

⁴ См.: Maurice Duverger. Méthodes de la science politique. Paris, 1958, p. 5.

⁵ См.: E. C. Vanfield. Political Influence. A Contribution to the Theoretical Understanding of Political Pressure in Various Settings. Glencoe, 1961, p. 3.

⁶ См.: Harold D. Lasswell. Politics, Who Gets What, When, How. New York, 1936.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 447.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, с. 439.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 108.

¹⁰ Там же, с. 169—170.

¹¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 292.

¹² Julian Hochfeld. Studia o marksowskiej teorii społeczeństwa. Warszawa, 1963, s. 220—221.

¹³ Włodzimierz Wesolowski. Studia z socjologii klas i warstw społecznych. Warszawa, 1962, s. 106—107. Предложенное Весоловским отношение между понятиями «классовое господство» и «политическая власть» широко принято в польской социологической и политологической литературе (я также использую его в моей работе «Общество. Введение в систематическую социологию») и представляет важный вклад в уточнение понятийного аппарата марксистской политической социологии.

¹⁴ Ф. М. Бурлацкий. Ленин, государство, политика. М., 1970, с. 125. Считаю это определение более точным, чем утверждение А. К. Бельх о том, что «политическая власть — это государственно-административная власть». См.: А. К. Бельх. Политическая организация общества и социалистическое управление. Л., 1967, с. 112.

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, с. 439.

¹⁶ Włodzimierz Wesolowski. Klasy, warstwy i władza. Warszawa, 1966, s. 107—108.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, с. 40.

¹⁸ Antonio Gramsci. Pisma wybrane. Warszawa, 1961, t. 1, s. 121—124.

¹⁹ Julian Hochfeld. Studia o marksowskiej teorii społeczeństwa, s. 188—190.

²⁰ Анализ этой проблемы, в частности роли, которую в современном капиталистическом обществе играют разного рода «группы интереса», дан в работе Stanisław Ehrlich. Władza i interesy. Studium struktury politycznej kapitalizmu. Warszawa, 1967.

²¹ См. на эту тему: Artur Bodnar. Ekonomia rozwiniętego społeczeństwa socjalistycznego. — «Ideologia i Polityka» 1973, № 10, s. 39—46.

²² Stanisław Widerszpil. Preobrażenia struktury społecznej w Polsce Ludowej. Warszawa, 1973, s. 91—92.

²³ См. Jerzy J. Wiatr. Społeczeństwo, polityka, nauka. Warszawa, 1973, s. 35—62. О проблеме гармонизации различных интересов в социалистическом обществе интересно пишет Г. Шахназаров в работе «Социалистическая демократия». М., 1974.

²⁴ Artur Bodnar. Problemy teorii decyzji politycznych. — W «Prace zespołu marksistowskiej teorii polityki Centralnego ośrodka metodycznego studiów nauk politycznych». Warszawa, 1974, s. 137.

²⁵ Так, например, Роберт О. Шульце пытается «ниспровергнуть» марксистское положение о классовом господстве, придав ему упрощенный вид, в соответствии с которым власть должны осуществлять владельцы средств производства. После этой необоснованной манипуляции в интерпретации на основе эмпирических исследований он доказывает, что политическая действительность американского города этому положению противоречит (см.: R. O. Schulze. The Bifurcation of Power in a Satellite City. — In: M. Janowitz (ed.). Community Political Systems, Glencoe, 1961, s. 19—80.

²⁶ Г. Шахназаров. Социалистическая демократия. М., 1974, с. 177.

²⁷ Ср. напр., такие работы ученых-немарксистов, как: Suzanna Keller. Beyond the Ruling Class. Strategic Elites in Modern So-

cietу. New York, 1967; Thomas B. Bottomore. *Elites and Society*. Kondon, 1954; Otto Stammer. *Elite und Elitenbildung* (в сборнике Wilhelm Bernsdorf, Fredrich Büllow. *Wörterbuch der Soziologie*. Stuttgart, 1955). Впрочем, это является доминирующей методологической тенденцией в немарксистской науке. На ее ограниченность и терминологическую непоследовательность обратил внимание в интересной статье William A. Welsh. *Methodological Problems in the Study of Political Leadership in Latin America*. — «Latin American Research Review», 1970, № 3, p. 3—30. В польской литературе взгляд на руководящую политическую группу как элиту представляет Владимеж Весоловский. «Элиту, в самом общем значении этого слова, — пишет он, — составляют те, кто в связи со своим местом в политической структуре принимает государственные решения или имеет непосредственное влияние на эти решения» (Klasy, warstwy i Wladza, s. 86). В каких условиях правящая группа является, а в каких не является «политической элитой» (или в соответствии с другим его термином «элитой власти»), Весоловский не исследует. Это, конечно, вопрос принятой терминологии, то есть вопрос, в котором каждый автор пользуется свободой при условии, что строго придерживается своей терминологии. Из терминологии, принятой Весоловским, должно следовать, что и в социалистическом государстве также существует именно так понимаемая политическая элита, поскольку, бесспорно, существуют люди, «которые в связи со своим местом в политической структуре принимают государственные решения или имеют непосредственное влияние на эти решения». Говоря, однако, о проблемах «политического влияния» в социалистическом государстве, Весоловский пользуется другими терминами вместо термина «элита», например «политическое руководство страной» (s. 224). Трудно сказать, сознательное ли это отступление от ранее принятого определения, или это вопрос стилистики. Во всяком случае, я считаю, что иная терминология, позволяющая более точно определить «политическую элиту», выделить ее среди других типов политического руководства или предводительства, позволяет мне более ясно представить теоретические проблемы, содержащиеся в явлении власти.

²⁸ Более ранний вариант этого уточнения понятия я представил вместе с развернутой аргументацией в статье «Political Elites and Political Leadership: Conceptual Problems and Selected Hypotheses for Comparative Research». — «Indian Journal of Politics», 1973, № 2, p. 137—149, явившейся результатом размышлений, связанных с моим семинаром на тему сравнительного исследования политического руководства, состоявшемся в Мичиганском университете в 1973 г.

²⁹ См.: Г. Шахназаров. Социалистическая демократия, с. 166—167.

³⁰ Ср., в частности: R. Barry Farrell (ed.). *Political Leadership in Eastern Europe and the Soviet Union*. Chicago, 1970; Carl Beck, Frederick J. Fleron, Milton Lodge, Derek J. Waller, William A. Welsh, M. George Zaninovich. *Comparative Communist Political Leadership*. New York, 1973; Peter C. Ludz. *The Changing Party Elite in East Germany*. Cambridge, Mass., 1972, перевод с нем.: Thomas A. Baylis. *The Techni-*

cal Intelligentsia and the East German Elite: Legitimacy and Social Change in Mature Communism. Berkeley and Los Angeles, 1974.

Западные авторы, однако, отодвигают на второй план вопросы социального состава политического руководства, больше внимания уделяя анализу политических биографий. В повышении уровня образованности политического руководства буржуазные идеологи видят «технократическую» тенденцию. В действительности создание широких возможностей для образования рабочей и крестьянской молодежи в условиях социалистической системы ведет к массовому продвижению по социальной лестнице, в том числе по «лестнице власти».

³¹ См. также, кроме упомянутых ранее работ, следующие: Lewis J. Edinger. *Political Leadership in Industrialized Societies*. New York, 1967; Donald R. Matthews. *The Social Background of Political Decision-Makers*. New York, 1962; Dwayne Marvick (ed.). *Political Decision-Makers*. Glencoe, 1961; Allen H. Barton, Bogdan Denitch, Charles Kadushin. *Opinion-Making: Elites in Yugoslavia*. New York, 1973; Robert Putnam. *Comparative Political Elites*. New York, 1976. Интересный анализ, опирающийся на данные западных авторов, представляют также Ф. Бурлацкий и А. Галкин в работе «Социология, политика, международные отношения». Москва, 1974, с. 124—157.

³² См. по этому вопросу, в частности: Morris Janowitz. *The Military in the Political Development of New Nations*. Chicago, 1964; Catherine McArdle Kellener (ed.). *Political-Military Systems. Comparative Perspectives*. Beverly Hills-London, 1974; Anouar Abdel-Malek. *Armee und Technokratie in den Ländern der drei Kontinente* (в сборнике под редакцией René König. *Beiträge zur Militärsoziologie*. Köln und Opladen, 1968, S. 89—98); Manfred Kossok. *Changes in the Political and Social Functions of the Armed Forces in the Developing Countries: The Case of Latin America* в сборнике Morris Janowitz, Jacques van Doorn (eds.). *On Military Intervention*. Rotterdam, 1971, s. 403—424; Anna Maria Gentili. *I militari nell'Africa sub-sahariana*. — «Rassegna Italiana di Sociologia», 1971, № 4, p. 635—675; Jerzy J. Wiatr. *Socjologia wojska*. Warszawa, 1964, s. 255—280.

³³ По проблеме политического руководства в Индии см., в частности: Lalita Prasad Vidyarthi (ed.). *Leadership in India*. Bombay, 1967. Эта коллективная работа содержит также материалы специальной конференции, организованной в 1962 г.: Ramaswami Bhaskaran. *Sociology of Politics. Tradition and Politics in India*. Madras, 1967 (особенно раздел 4, *Social Determination of Political Leadership in India*); Rajni Kothari. *Politics in India*. Boston, 1970.

³⁴ Иначе, однако, обстоит дело в Китае, где политическое руководство, особенно после так называемой «культурной революции» в середине шестидесятых годов, оказалось в руках военной бюрократии. На тему милитаризации китайского политического руководства см.: Ф. М. Бурлацкий. Ленин, государство, политика, раздел

«Деформация политической структуры в Китае», а также: А. Румянцев. Истоки и эволюция идей Мао Цзэдуна. М., 1972. В 1969 г. свыше 51% членов Коммунистической партии Китая составляли военные. После устранения и смерти маршала Линь Бяо их доля упала (в 1973 г.) до неполных 32%, что и так составляет очень высокий процент. Более того, концентрация военных в узком политическом руководстве Китая еще больше, а армия во многих случаях попросту контролирует партийные органы и органы гражданской государственной власти.

³⁵ Julian Hochfeld. *Studia o marksowskiej teorii społeczeństwa*, s. 200.

³⁶ Ibidem, s. 202—203.

³⁷ См.: Ф. Бурлацкий и А. Галкин. Социология, политика, международные отношения. М., 1974, с. 124—171.

³⁸ Из немногочисленных социологических работ этого типа хочу обратить внимание на весьма интересное исследование. См.: Dennis Kavanagh. *Crisis, Charisma and British Political Leadership: Winston Churchill as the Outsider*. London-Beverly Hills, 1974.—«Contemporary Political Sociology», № 1. Существует, конечно, много исторических работ об отдельных лидерах, но обычно они не дают развернутого социологического анализа личностных черт лидеров. Исключением в этом отношении является монография советского историка Евгения Тарле «Наполеон». М., 1957.

³⁹ Я использую термин «социотехника» в кавычках, поскольку мое понимание его отходит от того, которое получило распространение в Польше благодаря работам Адама Подгурецкого (например, в работе *Zasady socjotechniki*. Warszawa, 1966). Критику ограниченности этого типа социотехники провел Ян Щепаньский, справедливо упрекая ее в том, что она слишком мало внимания уделяет исследованию институтов, групп и личностей, которые должны провести желаемые изменения, и довольствуется рекомендацией общих принципов эффективной деятельности (см.: J. Szczepański. *Nauki społeczne a rozwiązywanie problemów praktyki*.—«Zeszyty Akademii Spraw Wewnętrznych», 1974, № 7, s. 123—139.

⁴⁰ Jan Zieleniewski. *Organizacja zespołów ludzkich*. Warszawa, 1965, s. 406.

⁴¹ В польской литературе все больше внимания уделяется проблемам оптимизации политических решений. См., в частности, сборник «Prace Zespołu marksistowskiej teorii polityki centralnego ośrodka metodycznego studium nauk politycznych». Warszawa, 1974; Artur Bodnar. *Problemy teorii decyzji politycznych*; Janina Grenda. *Metodologiczne aspekty optymalizacji decyzji politycznych*; Wiktor Pianański. *Z problematyki podejmowania decyzji politycznych*; Sylwester Zawadzki. *Przyczynek do teorii podejmowania decyzji politycznych*.—«Studia Nauk Politycznych», 1975, № 1. В советской литературе эта проблема освещена в работе Ю. А. Тихомирова «Власть и управление в социалистическом обществе». М., 1968.

⁴² Очень точно раскрывает это Янина Гренда (см. Janina Grenda. *Metodologiczne aspekty optymalizacji*, s. 160—161).

⁴³ См. Michał Bobrzyński. *Dzieje Polski w zarysie*. Warszawa, 1974 (1 wyd. 1879); Konstanty Grzybowski. *Rzeczy odległe a bliskie. Rozmyślenia o historii Polski*. Warszawa, 1969.

⁴⁴ Konstanty Grzybowski. *Silna władza*.—W: «Refleksje sceptyczne». Warszawa, 1972, t. I, s. 69—70.

⁴⁵ В польской социологической литературе новаторский анализ этой проблематики см.: Jadwiga Staniszkis. *Patologie struktur organizacyjnych*. Wrocław, 1972.

⁴⁶ Это положение особо подчеркивает В. Г. Афанасьев в работе «Об интенсификации развития социалистического общества». М., 1969. См. также: Д. М. Гвишиани. *Организация и управление. Социологический анализ буржуазных теорий*. М., 1970.

⁴⁷ Вопрос о необходимости развития марксистского анализа власти рассматривает и обосновывает Н. М. Кейзеров в работе «Власть и авторитет». М., 1973.

Глава VII

¹ Эту точку зрения проводит Оскар Ланге в своей книге «Политическая экономия». Уже во введении он говорит о «политической экономии, или о социальной экономии». См.: O. Lange. *Ekonomia polityczna, t. I, Zagadnienia ogólne*. Warszawa, 1963, s. 15. Он добавляет далее, что «задачей политической экономии является исследование ... общественных законов, управляющих экономическим процессом» (см. 72). Критикуя основные направления буржуазной экономической мысли, Ланге ставит им в вину отказ от политического анализа социальных сторон экономического процесса.

² См.: Artur Bodnar. *W sprawie przedmiotu i metody nauki o polityce*.—In: «Prace zespołu marksistowskiej teorii polityki Centralnego ośrodka metodycznego studiów nauk politycznych». Warszawa, 1974.

³ См., напр., статью югославского автора Янеса Становника в: A. Bibić i P. Novosel (red.). *Ekonomija i politika, Politicka znanost*. Zagreb, 1971, s. 207. В то же время совершенно справедлива точка зрения, что «характерной чертой социалистического государства является то, что оно представляет собой не только политическую, но также и экономическую организацию». Б. Топорнин, Е. Мочульский. *Социализм и демократия*. М., 1974, с. 79.

⁴ См. Oskar Lange. *Ekonomia polityczna*, с. 80—81.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. *Соч.*, т. 25, ч. II, с. 354. См. также ранние произведения К. Маркса, где он определяет различие между собственностью высшего порядка (то есть именно государственной собственностью на землю) и наследственным владением на уровне малых групп. К. Маркс и Ф. Энгельс. *Соч.*, т. 46, ч. I, с. 463—464.

⁶ Проблема азиатского способа производства была и остается одним из наиболее спорных вопросов. Шире я рассматриваю эту проблему в работе «Marksistowska teoria rozwoju społecznego». Warszawa, 1973, s. 118—121. См. также: J. Gargasjan. *O azjatyckim*

sposobie produkcji. — «Zeszyty Teoretyczno-Polityczne», 1966, № 5, s. 102—110; Stanisław Kozyr-Kowalski, Max Weber a Karol Marks. Warszawa, 1967, s. 423—433, где содержится интересный, хотя местами спорный, анализ этой проблемы. Оскар Ланге (Oskar Lange. Ekonomia polityczna, s. 45) определяет азиатский способ производства как «самостоятельный способ производства, в котором дань натурой, принудительный труд, а также рабство объединены в единый способ производства государственной собственностью на землю и государственным руководством общественными работами по орошению земель, проводимыми в крупных масштабах». Julian Hochfeld. Studia o marksowskiej teorii społeczeństwa. Warszawa, 1963, s. 168.

⁷ Witold Kula. Teoria ekonomiczna ustroju feudalnego. Warszawa, 1963, s. 9.

⁸ Термин «лобби» (кулуары), пишет Станислав Эрлих, «возник в прошлом веке из практики обработки конгрессменов представителями или агентами крупных компаний, заинтересованных в принятии или недопущении принятия некоторых законов. Многие американские авторы распространяют этот термин также на действия представителей организованного бизнеса в различных звеньях государственного аппарата, а также на попытки воздействия органов администрации на законодательную и политическую деятельность конгресса». Stanisław Ehrlich. Władza i interesy. Studium struktury politycznej kapitalizmu. Warszawa, 1967, s. 224. Интересный анализ роли и форм деятельности американских лоббистов дал L. Milbrath. The Washington Lobbyists. Chicago, 1964. Действия лобби в условиях Англии подробнее всего описал Samuel E. Finer. Anonymous Empire. A Study of the Lobby in Great Britain. London, 1958, а в условиях Франции Jean Meunaud. Les groupes de pression en France. Paris, 1958.

⁹ Более подробно я пишу об этом в работе «Kapitalizm — zmierzcz formacji». Warszawa, 1976.

¹⁰ Здесь наблюдается влияние теории Джона Кейнса на современную экономическую политику капиталистических государств, которая предполагает необходимость активного участия государства в экономической жизни.

¹¹ См.: С. Wright Mills. Elita władzy. Warszawa, 1961. Критика концепции Миллса содержится в работе американского марксиста, см.: Herbert Aptheker. Świat Millsa. Warszawa, 1963, который однако, не подвергает сомнению тезис о срастании верхушки гражданской и военной бюрократии с верхушкой мира большого бизнеса.

¹² Более подробно я рассматриваю этот вопрос в статье «Polityka i ekonomika w okresie budownictwa socjalizmu» — «Studia Socjologiczne», 1974, № 4 (55). См. также на эту тему: Artur Bodnar. Stosunki polityczne w procesie rozwoju gospodarki socjalistycznej. — «Studia Nauk Politycznych», 1972, № 4; Irena Sieńko. Niektóre problemy metodologiczne analizy stosunku ekonomiki i polityki w społeczeństwie socjalistycznym — «Studia Socjologiczne», 1974, № 3 (54). Необходимость интегрального соединения экономиче-

ского и социолого-политического анализа формулирует Winicjusz Narojek. Społeczeństwo plapijące. Proba socjologii gospodarki socjalistycznej. Warszawa, 1973.

¹³ Так формулирует эту проблему Оскар Ланге. См.: Oskar Lange. Ekonomia polityczna socjalizmu. — In: Oskar Lange. Pisma ekonomiczne i społeczne, 1930—1960. Warszawa, 1961.

¹⁴ См.: Sylwester Zawadzki. Marksizm a technokratyczne koncepcje polityczne organizacji społeczeństwa. — «Studia Nauk Politycznych», 1972, № 1.

¹⁵ David Lane. The End of Inequality? Stratification under State Socialism. Harmondsworth, 1971.

¹⁶ См. материалы VIII Пленума ЦК ПОРП (1971 г.) в специальном номере журнала «Нове дрого».

¹⁷ Более подробно я рассматриваю эти вопросы в статьях, опубликованных в книге «Społeczeństwo, polityka, nauka». Warszawa, 1973.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 761.

¹⁹ Samuel P. Huntington. Political Order in Changing Societies. New Haven, 1969, p. 337.

²⁰ Среди марксистских авторов существуют разногласия относительно того, проявились ли в истории марксизма XX века два противоположных течения — детерминистский и активистский, — интересующие процессы общественного развития. Существование этих двух течений и необходимость их противопоставления я подчеркивал в рецензии на книгу Марка Вальденберга о взглядах Кауцкого «Studia Socjologiczne», 1974, № 3(54), s. 295, и в статье «К вопросу о «двух течениях» в марксистской теории общества». — «Życie Lite-rackie», 24. III. 1974). Я согласен с Вальденбергом, что эти течения не были четко оформленными и что их представители разделяли многие взгляды на характер общественного развития, но я по-прежнему считаю, что между ними существовало различие в степени, в которой они рассматривали процесс общественного развития в категориях сознательной деятельности людей. Представители «двух течений», однако, придерживались по многим вопросам одинаковых взглядов, так что ни одно из них не может быть признано «чисто экономическим» или же «чисто политическим», как полагают критики марксизма.

²¹ W. W. Rostow. The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge, Mass., 1971, и его же: Politics and the Stages of Economic Growth, Cambridge, Mass., 1971.

²² W. W. Rostow. The Stages of Economic Growth, p. 2.

²³ Stanisław Kozyr-Kowalski i Jarosław Ładosz. Dialektyka a społeczeństwo. Wstęp do materializmu historycznego. Warszawa, 1972, s. 140—141.

²⁴ W. W. Rostow. The Stages of Economic Growth, p. 4.

²⁵ Ibidem, p. 149.

²⁶ Ibidem, p. 160—161.

²⁷ W. W. Rostow. Politics and the Stages of Growth, p. 269.

²⁸ Ibidem, p. 279.

²⁹ Ibidem, p. 300.

³⁰ Такой подход свойствен, в частности, С. М. Липсету. См.:

S. M. Lipset. The First New Nations: The United States in Historical and Comparative Perspective. New York, 1963, в которой не только экономическое, но и политическое развитие Соединенных Штатов выставляется в качестве образца для развивающихся стран.

³¹ Gabriel A. Almond, G. Bingham Powell. Comparative Politics. A Developmental Approach. Boston, 1966.

³² Karl W. Deutsch. Social Mobilization and Political Development. — «American Political Science Review», 1961, vol. LV, № 3.

³³ Dankwart A. Rustow. A World of Nations. Problems of Political Modernization. Washington D. C., 1967.

³⁴ Stanisław Widerszpil. Teoretyczne problemy budowy rozwiniętego społeczeństwa socjalistycznego. — «Państwo i Prawo», 1975, № 12 (358).

³⁵ W. W. Rostow. The Stages of Economic Growth, p. 151.

³⁶ Этот аспект марксистской теории нашел выражение в сформулированном Казимиром Келлес-Краузом «законе революционной ретроспекции», опирающемся на формулировки К. Маркса (в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта») об использовании в эпоху революции идей прошлого. Формулирование этого закона было попыткой (представленной в предварительном виде и не доведенной автором до конца) объяснить, почему социалистический идеал возникает задолго до того, как складываются условия для его реализации, и даже задолго до появления класса, интересам которого этот идеал служит (К. Kelles-Kraus. Socjologiczne prawo retrospekcji. — «Pisma wybrane». Warszawa, t. 1, s. 241—277). Анализ этой концепции и ее отношения к марксистской теории общественного развития я изложил в работе «Marksistowska teoria rozwoju społecznego», s. 190—199.

³⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 117.

³⁸ Там же, с. 30.

³⁹ Там же, с. 25.

Глава VIII

¹ См. статью Богдана Суходольского «Культура». — «Wielka Encyklopedia Powszechna PWN», t. 6, s. 294—296.

² Stefan Czarnowski. Kultura, Dzieła, t. I. Warszawa, 1956, s. 13.

³ Ibidem, s. 20.

⁴ Ян Щепаньский. Элементарные понятия социологии. М., 1969, с. 42.

⁵ Clyde Kluckholm. Mirror of Man. New York, 1949, p. 18.

⁶ Melville I. Herskovits. Man and His Work. New York, 1948, p. 17.

⁷ Alfred Louis Kroeber. Istota kultury. Warszawa, 1973, s. 291.

⁸ Ibidem, s. 277—278.

⁹ Ibidem, s. 13. См. очень интересный и содержательный анализ взглядов Крёбера на проблемы теории культуры во вступительной статье Петра Штопки к польскому изданию книги «Istota kultury».

¹⁰ E. L. Hartley, R. E. Hartley. Fundamentals of Social Psychology. New York, 1952, p. 205.

¹¹ Florian Znaniecki. Nauka o kulturze. Warszawa, 1971, s. 413.

¹² Оценка концепции «гуманитарного фактора» порождает много трудностей. Ян Щепаньский различает ее онтологический и методологический аспекты. В методологическом аспекте эта концепция требует исследовать действительность с точки зрения того, чем она является для людей. В онтологическом аспекте она определяет, как критически отмечает Щепаньский, что «предметы мира культуры являются такими, какими их люди воспринимают, что они существуют только в ощущении людей, а вне такого ощущения теряют всякое значение» (см.: J. Szczepański. Odmiany czasu teraźniejszego. Warszawa, 1971, s. 591).

¹³ Об этом интересно пишет Антонина Клоковская в статье «Znanieckiego koncepcja kultury a sociologia kultury», в сборнике под редакцией Анджея Квилецкого «Marian Znaniecki i jego rola w socjologii». Poznań, 1975.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, с. 119—120.

¹⁵ Kazimierz Dobrowolski. Studia nad teorią kultury ludowej. «Etnografia Polska», 1961, t. IV, s. 15—16.

¹⁶ Otto Bauer. Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie. Wien, 1907, S. 6.

¹⁷ Э. А. Баграмов. Национальный вопрос и буржуазная идеология. М., 1966, с. 91, а также А. И. Холмогоров. Интернациональные черты советских наций. М., 1970, с. 162—165.

¹⁸ Morris Ginsberg. Reason and Unreason in Society. London, 1960.

¹⁹ Margaret Mead. The Study of National Character. — In: D. Lerner, H. Lasswell (eds.). The Policy Sciences: Recent Developments in Scope and Methods. Stanford, 1951.

²⁰ Alex Inkeles, S. J. Levinson. National Character: The Study of Modal Personality and Sociocultural Systems. — In: G. Lindzey (ed.) Handbook of Social Psychology. Cambridge, Mass., 1954, t. II.

²¹ Abram Kardiner, Ralph Linton. The Individual and His Society. New York, 1949.

²² Ernest Baker. Charakter narodowy i kształtujące go czynniki. Warszawa, 1933.

²³ H. C. J. Duijker, N. H. Frijda. National Character and National Stereotypes. Amsterdam, 1960, p. 12—28.

²⁴ Przemiany Polaków (praca zbiorowa). Warszawa, 1969.

²⁵ Jan Szczepański. Osobowość ludzka w procesie powstawania społeczeństwa socjalistycznego. — W: zbiorze «Odmiany czasu teraźniejszego», s. 271—310.

²⁶ Władysław Markiewicz. Kultura polityczna społeczeństwa, w zbiorze tegoż autora «Sociologia a służba społeczna». Poznań, 1972, s. 320—340.

²⁷ Jan Szczepański. Rozważania o Rzeczypospolitej. Warszawa, 1971.

²⁸ Aleksander Bocheński. Rzecz o psychice narodu polskiego. Warszawa, 1971.

²⁹ Jerzy J. Wiatr. Naród i państwo. Warszawa, 1973, s. 345—384.

³⁰ Jerzy J. Wiatr. Polska — nowy naród. Warszawa, 1971.

³¹ Kazimierz Dobrowolski. Studia nad życiem społecznym i kultura. Wrocław, 1966, s. 105—106.

³² К такому выводу приходит испанский политолог Мануэль Фрага Ирибарне (Manuel Fraga Iribarne. Sociedad, política y gobierno en Hispanoamérica. Madrid, 1962). Из провала попыток применения североамериканских образцов к латиноамериканской действительности он делает вывод, что и политическая система в Испании не может оцениваться, исходя из критериев, взятых из других систем. Критика фашизма основана не на том, что он отличается от других политических систем, а на том, что он выполняет реакционные общественные функции и нарушает элементарные права человека.

³³ Jerzy J. Wiatr. Społeczeństwo. Warszawa, 1973, s. 367. Gabriel A. Almond, G. Bingham Powell. Comparative Politics.

³⁴ A Developmental Approach Boston, 1966, p. 50. Алмонд впервые сформулировал концепцию политической культуры в статье «Comparative Political Systems». — «Journal of Politics», 1956, vol. XVIII.

³⁵ Władysław Markiewicz. Kultura polityczna społeczeństwa, s. 321.

³⁶ Ф. М. Бурлацкий. Ленин, государство, политика. М., 1970, с. 55.

³⁷ Czesław Mojsiewicz. Problemy kultury politycznej społeczeństwa socjalistycznego w dobie rewolucji naukowo-technicznej. — «Studia nauk politycznych», 1974, № 1.

³⁸ Gary K. Berisch, M. George Zaninovich. A Factor-Analytic Method of Identifying Different Political Culture: The Multinational Yugoslav Case. — «Comparative Politics», 1974, № 1.

³⁹ Robert Putnam. Studying Elite Political Culture: The Case of Ideology. — «American Political Science Review», 1971, vol. 65, № 3.

⁴⁰ Robert Putnam. The Beliefs of Politicians. Ideology, Conflict and Democracy in Britain and Italy. New Haven — London, 1973.

⁴¹ Kenneth Jovitt. An Organizational Approach to the Study of Political Culture in Marxist-Leninist Systems. — «American Political Science Review», 1974, vol. 68, № 3.

⁴² Gabriel A. Almond, Sidney Verba. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Boston, 1965.

⁴³ См. подробный и тщательный критический анализ, проведенный Ф. Бурлацким и А. Галкиным в работе «Социология. Политика. Международные отношения». М., 1974 с. 110—113. В западной литературе особенно острой критике работу Алмонда и Вербы подвергла Кэрол Пейтман. См.: Carole Pateman. Political Culture, Poli-

tical Structure and Political Change. — «British Journal of Political Science», 1971, vol. 1, № 3.

⁴⁴ G. A. Almond, S. Verba. The Civic Culture, p. 16—29.

⁴⁵ Ibidem, p. 22.

⁴⁶ Ibidem, p. 30.

⁴⁷ Об этих слабых сторонах работы Алмонда и Вербы я писал в свое время в рецензии на эту книгу, помещенной в «Social Science Information» (1965, vol. IV, № 2, p. 220—223). Это замечание, сформулированное, насколько мне известно, впервые в моей рецензии, затем повторялось в многочисленных критических разборах книги «Гражданская культура», см., напр., Carole Pateman (Political Culture..., p. 292).

⁴⁸ Используя термин «тоталитарная политическая культура», я указываю определенные черты политической культуры, а не строя. По отношению к политическому строю по-прежнему наиболее подходящим мне представляется название «фашистский», широко употребляемое в марксистской литературе. В то же время следует отметить, что некоторые фашистские режимы имели скорее авторитарную политическую культуру, чем тоталитарную (например, Испания под властью Франко).

⁴⁹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 10—11; т. 42, с. 208

Глава IX

¹ Erich Fromm. Ucieczka od wolności. Warszawa, 1970, s. 277—278. «Общественный характер, — указывает Фромм выше, — охватывает только избранные черты, основное ядро структуры характера большинства членов группы, которое развилось как результат основополагающего опыта и способа совместной жизни в группе» (с. 259). Фромм считает также концепцию общественного характера ключом к «пониманию общественного процесса» (с. 260). Как правильно отмечает Ф. Рышка в предисловии к польскому изданию «Бегства от свободы», Эрих Фромм не только отмечает, но и явно подчеркивает деморализующее влияние капиталистических межличностных отношений на коллективное сознание и, хотя он не является марксистом, все же твердо придерживается исторических фактов (с. 13).

² Интересный и по-прежнему актуальный критический анализ «психологизма» и «социологизма» был проведен еще до второй мировой войны Тадеушем Шуркевичем. См.: T. Szczurkiewicz. Studia socjologiczne. Warszawa, 1969 s. 447—458.

³ Arnold A. Rogow. Psychiatry and Political Science: Some Reflections and Prospects. — In: S. M. Lipset (ed.) Politics and the Social Sciences. New York, 1969.

⁴ Harold D. Lasswell. Psychopathology and Politics. New York, 1960 (1 ed. 1930).

⁵ Florian Znaniecki. Ludzie terażniejsi a cywilizacja przyszłości. Warszawa, 1974, s. 259—260.

⁶ Ibidem, s. 271.

⁷ Ibidem, s. 270.

⁸ Ibidem, s. 280—283.

⁹ Ibidem, s. 283—284.

¹⁰ Jerzy Wiatr. Upadek Ryszarda Nixona. — «Kultura i Społeczeństwo», 1974, № 4.

¹¹ F. Znaniecki. Ludzie terazniejsi..., s. 284.

¹² E. Fromm. Ucieczka od wolności, s. 163.

¹³ Ibidem, s. 161 (выделено в оригинале).

¹⁴ Ibidem, s. 167.

¹⁵ Ibidem, s. 171.

¹⁶ T. W. Adorno, Else Frenkel-Brunswik, Daniel J. Levinson, R. Nevitt Sanford. The Authoritarian Personality. New York, 1969, (1 ed. 1950), p. 228.

¹⁷ См. обзор этих исследований в упомянутом выше предисловии Ф. Рышки к книге Э. Фромма «Бегство от свободы».

¹⁸ Harold D. Lasswell. Psychopathology..., s. 54.

¹⁹ Эта проблема более подробно рассмотрена мною с использованием литературы, посвященной данному предмету, в статье «Political Elites and Political Leadership; Conceptual Problems and Selected Hypotheses for Comparative Research». — «Indian Journal of Politics», 1973, vol. 7, № 2, p. 137—149.

²⁰ Этот параграф основан исключительно на американских и немногочисленных западноевропейских работах, а формулируемые в нем выводы относятся к политическим условиям некоторых капиталистических систем. Ограничивая таким образом границы этих выводов, я не утверждаю ни того, что невозможно провести аналогичный анализ на основе политической действительности социалистических стран, ни того, что такой анализ должен привести к результатам, полностью отличающимся от приведенных здесь. Эта проблема должна быть предметом эмпирических исследований, которые, однако, находятся еще в зачаточной стадии. Особенно интересными представляются экспериментальные исследования психологических аспектов политического поведения, проведенные в Польше Анной Потоцкой-Хосер, которая, повторяя в польских условиях экспериментальные исследования, сделанные в Канаде, США и во Франции, установила интересные различия, обусловленные особенностями политической системы ПНР и польской политической культуры. См.: Anna Potocka-Hoser. Experiments on the Tendency to Equivalence in a Political System: the Polish Case. — «Polish Round Table», 1974—1975, vol. VI. По моему мнению, только таким путем, с помощью эмпирического сравнения психологических аспектов участия в политической жизни в странах с различными политическими системами, мы сможем в будущем определить границы, в которых действуют обобщения, сформулированные в опубликованных до сих пор работах. Такие исследования, как отмечалось выше, находятся сейчас в начальной стадии.

²¹ Подобный упрек Г. Алмонду и С. Вербе делает К. Пэйтман. См.: Carole Pateman. Political Culture, Political Structure and Political Change. — «British Journal of Political Science», 1971, vol. 1, part 3, p. 291—305.

²² Robert E. Lane. Political Life: Why and How People Get Involved in Politics. New York, 1959; Lester W. Milbrath. Political Participation: How and Why Do People Get Involved in Politics? Chicago, 1965; Angus Campbell. The Passive Citizen. — «Acta Sociologica», 1962, vol. 6, № 1—2; Hans Daudt. Floating Voters and the Floating Vote. A Critical Analysis of American and English Election Studies. Leiden, 1961.

²³ Из работ, содержащих анализ этой проблемы на основе сравнительных материалов нескольких стран, следует в первую очередь назвать «International Social Science Journal», 1960, vol. XII, № 1, посвященный участию граждан в политической жизни; Stein Rokkan (ed.). Approaches to the Study of Political Participation. Bergen, 1962; L. Milbrath. Political Participation.

²⁴ В своем анализе психологических условий участия в политике Милбрайт пишет о том, что определенный тип политической жизни, в данном случае основанный на открытом соперничестве партий и индивидов, может соответствовать одним типам личности и не соответствовать другим. В свою очередь добавим, что эти другие типы личности могут полностью подходить к условиям иного типа политики. Милбрайт не развивает свою мысль, очевидно, из-за отсутствия сравнительных данных из других стран. Однако эта идея наверняка заслуживает внимания и открывает интересные возможности для выдвижения гипотез и проведения сравнительных исследований.

²⁵ Lester W. Milbrath. Political Participation..., p. 88.

²⁶ См.: Morris Janowitz, Dwaine Marvic. Competitive Pressure and Democratic Consent: An Interpretation of the 1952 Presidential Election. Ann Arbor, p. 123.

²⁷ См. в особенности: Haynes Johnson. Richard Milhous Nixon, the 37-th President. Whose Trust was in Himself. — «Washington Post». New York, 1974; William Safire. Before the Fall: An Inside View of the Pre-Watergate White House. New York, 1975; Theodore H. White. Breach of Faith: The Fall of Richard Nixon. New York, 1975.

²⁸ John Dollard. Caste and Class in Southern Town. New Haven, 1937. Этот аспект рассматриваемой теории я подверг критическому анализу в книге «Zagadnienia rasowe w socjologii amerykańskiej». Warszawa, 1959, s. 113—122.

²⁹ John Dollard, L. W. Doob, W. E. Miller, O. H. Mowrer, R. R. Sears. Frustration and Agression. New Haven, 1954, 1 ed., 1939, p. 9—10.

³⁰ Ibidem, p. 45.

³¹ Arnold M. Rose. L'origine des préjugés. Paris, 1951, p. 32—33.

³² Bruno Bettelheim, Morris Janowitz. Dynamics of Prejudice. A Psychological and Sociological Study of Veterans. New York, 1950.

³³ Alexis de Tocqueville. Dawny ustrój i rewolucja. Warszawa, 1970, s. 239.

³⁴ Ted Robert Gurr. Why Men Rebel. Princeton, 1970.

³⁵ Herbert Hyman. Political Socialization. Glencoe, 1959.

³⁶ H. H. Remmers. Early Socialization of Attitudes. — In: Eugene Burdick, Arthur H. Brodbeck (eds.) *American Voting Behavior*. Glencoe, 1961, p. 61.

³⁷ David Easton, Robert D. Hess. *The Child's Political World*, доклад на V Международном конгрессе политических наук. Paris, 1961, p. 19.

³⁸ Richard E. Dawson, Kenneth Prewitt. *Political Socialization*. Boston, 1969.

Глава X

¹ Ян Шепаньский. Элементарные понятия социологии. М., 1969, с. 214. В то же время представляется неправильным сужать определение общественного движения (а следовательно, и политического движения) только до стремления, направленного на изменение существующих условий, как это делает С. Wendell King. *Social Movements in the United States*. New York, 1956, p. 27, так как это исключает движения, имеющие целью сохранить существующий порядок.

² По поводу определения политической партии существует множество различных взглядов. В немарксистской литературе продолжительное время преобладало определение партии как группы, объединенной общей идеологией или действующей на основе общей программы. Однако многие авторы параллельно акцентировали элемент организации как основную черту партии; институционализацию партии сделал основой своего определения Maurice Duverger. *Les parties politiques*. Paris, 1951.

³ Julian Hochfeld. *Studia o marksowskiej teorii społeczeństwa*. Warszawa, 1963, s. 207, 208.

⁴ Об этом я более подробно пишу в: *Spółczesność. Wstęp do socjologii systematycznej*. Warszawa, 1973; *Marksistowska teoria rozwoju społecznego*. Warszawa, 1973.

⁵ Работа К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» содержит также очень интересный анализ прототипа фашистской партии, каким было «Общество 10 декабря», основанное, чтобы осуществить политические амбиции Луи Бонапарта; одной из черт этого общества была опора на стихию люмпен-пролетариата, деклассированных элементов и отбросы общества.

⁶ См.: Stefan Czarnowski. *Ludzie zbedni w służbie przemocy*, Dziela, t. II. Warszawa, 1965; Jakub Banaszkiewicz. *Powstanie partii hitlerowskiej 1919—1923*. Poznań, 1968.

⁷ В современных условиях мы наблюдаем такой механизм создания политических движений во многих странах, где утвердилась власть военных. В ряде случаев эти военные спустя некоторое время предпринимали действия, направленные на создание сверху политического движения, с целью упрочения своей власти и мобилизации масс на осуществление программы преобразований. Таким был механизм возникновения Арабского социалистического союза в Египте. См.: Anouar Abdel-Malek. *Egypte — Société Militaire*, Paris, 1962;

Kazimierz Sidor. *Rewolucja pod piramidami*. Warszawa, 1969. В межвоенной Польше примерами политического движения, создаваемого сверху, по инициативе правящих военных кругов, с использованием механизмов государственной власти, были Беспартийный блок сотрудничества с правительством (1928—1937 гг.) и его преемник — Лагерь национального объединения.

⁸ «Этимологически слово «партия», — пишет Marek Sobolewski, — происходит из латыни и означает часть более крупной общности. Уже в древнем мире его использовали для обозначения политической организации. В этом значении Цицерон, Плавт или Саллюстия говорят о «фракции» или «партии» в отличие от «амичитиа», благородного, хорошего союза друзей. Фракция была неблагородным, плохим союзом. Это толкование вошло в историю, и еще в XVIII веке для Робеспьера во Франции или Вашингтона в США фракция ассоциировалась со злом. Однако в римской политической литературе употребление слова «партия» еще не было четко определено и этот термин имел различные значения. Им обозначали как политиков вокруг вождя (так, говорили о партии Цезаря, Марня, Суллы и т. п.), так и группу людей, управляющих государством, или (у Саллюстия сенат в противоположность народу». M. Sobolewski. *Partie i systemy partyjne świata kapitalistycznego*. Warszawa, 1974, s. 17—18.

⁹ Связь между введением избирательного права и развитием массовых партий показал С. Роккэн. См.: Stein Rokkan. *The Comparative Study of Political Participation: Notes Toward a Perspective on Current Research*. — In «Essays on the Behavioral Study of Politics, Urbana, 1962. Связь политических партий с победой эгалитарных — в формально-правовом смысле — антифеодальных тенденций показал на сравнительном американско-европейском материале Everett Carl Ladd. *American Political Parties: Social Change and Political Response*. New York, 1970.

¹⁰ Marek Sobolewski. *Partie i systemy partyjne...*, s. 64.

¹¹ «Вместо аморфного патриотического клуба, который заседал в период деятельности сейма, — пишет Богуслав Лесьнодорский, — в мае 1791 г. была создана первая организованная польская политическая партия. В нее входили депутаты сейма и внепарламентские деятели. Названа она была на французский лад: Объединение друзей конституции, — а лозунг взят из идеологии просвещения и масонства: «Fiat lux» (Да будет свет). Boguslaw Leśnodorski. *Rozmowy z przeszłością*. Warszawa, 1970, s. 268—269.

¹² Joseph La Palombara, Myron Weiner. *Political Parties and Political Development*. Princeton, 1966, p. 29.

¹³ M. Sobolewski. *Partie i systemy partyjne...*, s. 62.

¹⁴ См.: napr., Maurice Duverger. *Les parties politiques*; Everett Carl Ladd. *American Political Parties...*

¹⁵ Яновитц и Сегал доказали, что степень совпадения классовых различий с партийными сильно проявляется в Великобритании, меньше в ФРГ и слабее всего в США, см.: Morris Janowitz, David R. Segal. *Social Cleavage and Party Affiliation: Germany, Great Britain and the United States*. — «The American Journal of

Sociology», 1967, vol. 72, № 6, p. 601—618. Связь между классовой принадлежностью и политическими взглядами очень четко прослеживается в Италии. См.: *Mattei Dogan, Orazio Maria Petrasca* (ed.). *Partiti politici o strutture sociali in Italia*. Milano, 1968. Дюверже и его сотрудники выявили подобное явление и во Франции. См.: *M. Duverger* (ed.) *Les parties politiques et classes sociales en France*. Paris, 1955. Эта проблематика рассматривается в новейших работах по социологии политических отношений, как, например: *Henry H. Kerr*. *Switzerland: Social Cleavages and Partisan Conflict*. — «Sage Professional Paper in Contemporary Political Sociology», vol. 1, № 06—002, London, Beverly Hills, 1974; *John Meisel*. *Cleavages, Parties and Values in Canada*, vol. 1, № 06—003, London and Beverly Hills, 1974.

¹⁶ Правда, между американской и английской системами имеются существенные отличия. Характерной чертой американской системы является то, что почти всегда в масштабах всей страны доминирует одна партия (хотя она и может проиграть президентские выборы, если партия меньшинства сумеет выставить кандидата, который якобы стоит «над партиями», и получить голоса независимых избирателей; такими кандидатами часто бывают военные, как, например, в недавнем прошлом генерал Д. Эйзенхауэр). Доминирующими партиями в политической жизни США были республиканцы под руководством Джефферсона и его преемников, затем демократы под руководством Джефферсона и его преемников, затем, после гражданской войны, — республиканцы (до периода кризиса 1929—1933 гг.) и, наконец, демократы. Разумеется, подобное доминирование не исключает, что партия меньшинства имеет преобладающее влияние в отдельных штатах и даже спорадически может одержать победу на выборах при описанных выше обстоятельствах. Самуэль Лабелл (см. *Samuel Lubell*. *The Future of American Politics*. Garden City, 1956) определяет это как существование в американской системе партии — «солнца» и партии — «луны». В английской системе также происходит изменение масштабов влияния отдельных партий, но различия между правящей партией и оппозицией формируются иначе, в частности под влиянием парламентской системы правления. См.: *Robert T. McKenzie*. *British Political Parties: The Distribution of Power within the Conservative and Labour Parties*. London, 1955.

¹⁷ *Witold Zakrzewski*. *W sprawie klasyfikacji systemów partyjnych*. — «*Studia Socjologiczno-Polityczne*», 1961, № 10, s. 45—69.

¹⁸ *John Clayton Thomas*. *The Decline of Ideology in Western Political Parties: A Study of Changing Policy Orientations*. — «Sage Professional Paper in Contemporary Political Sociology», vol. 1, № 06—012, London, Beverly Hills, 1975. В отличие от более ранних работ на эту тему (Р. Арона, Д. Белла, С. М. Липсета и других) в этом исследовании гипотеза об «отмирании идеологии» подвергается статистической проверке. Однако автор не касается проблемы радикализации, появляющейся в условиях кризиса системы, тем самым оказываясь на позициях антиисторизма, характерного для всего этого направления в западной социологии политических отношений.

¹⁹ *Jerzy J. Wiatr*. *Czy zmierzchn ery ideologii? Problemy polityki i ideologii w świecie współczesnym*. Warszawa, 1966, 1968.

²⁰ В этом отношении характерными являются два четко определенных идеологических течения внутри крупных американских партий, получивших развитие за последние полтора десятка лет. В 1964 г. руководство республиканской партии примкнуло к правому крылу, отличающемуся явно консервативной идеологией. Его кандидат, сенатор Барри Голдуотер, не имел шансов на победу на выборах, но его сторонники хотели добиться идеологической кристаллизации любой ценой, даже ценой неизбежного поражения на выборах. См. об этом интересное исследование *Arton Wildawsky*. *The Goldwater Phenomenon: Purists, Politicians and the Two-Party System*. — In: «*The Revolt Against Masses*». New York, London, 1971, p. 246—269. Подобное явление повторилось в демократической партии, когда левое крыло этой партии в 1972 г. взяло верх на предвыборном съезде партии и выдвинуло кандидатом в президенты сенатора Джорджа Макговерна. В обоих случаях налицо был примат идеологических соображений над тактико-прагматическими. Однако такие явления в американской системе являются скорее исключением. Лишь весьма значительное углубление политического и социального кризиса и связанная с ним радикализация масс могли бы привести к более определенным и глубоким идеологическим расхождениям внутри политических партий в США.

²¹ Понятие «харизматическо-вождистской партии», исходящее из веберовского понимания вождистской харизмы, ввел М. Дюверже, который писал о такой партии следующее: «Фашистская партия, по существу, является определенным видом приватной армии, с помощью которой делается попытка силой захватить власть и таким же образом удержать ее. Вся структура этой партии опирается на доктрину фашизма, которая противопоставляет элиту и массы и дает элите естественное право руководить массами, чтобы осуществить это, необходима вооруженная сила, которая компенсирует численность». *M. Duverger*. *Sociologie des parties politiques*, «*Traité de sociologie*», t. II. Paris, 1960, p. 31. Еще раньше на подобный характер фашистских партий указывал польский социолог Александр Гертц (*Aleksander Hertz*. *Drużyna wodza*. — «*Przegląd Socjologiczny*», 1937, t. 5).

²² В период «холодной войны» коммунистические партии искусственно отодвигались на второстепенные позиции в западноевропейских политических системах даже там, где (например, во Франции и Италии) они всегда сохраняли сильные позиции среди избирателей. В последние годы эта ситуация, однако, изменилась, о чем свидетельствуют значительные успехи фронта левых сил. В Италии коммунистическая партия играет все более значительную роль в системе местных властей, контролируя некоторые области, а также оказывает все более сильное влияние на общенациональную политику.

²³ В польской социологической и политологической литературе уже давно идет дискуссия по вопросу различных концепций партийной системы. В особенности она касается разграничения между партийной системой и политической системой, а также составных частей

партийной системы. См. по этим вопросам: Witold Zakrzewski. *W sprawie klasyfikacji...*; Marek Sobolewski. *Partie i systemy partyjne...*; Michał Sadowski. *Systemy partyjne — system partyjny PRL*. Warszawa, 1974; Adolf Dobieszewski (red.). *Wiedza o partii. Wybrane problemy*. Warszawa, 1974.

²⁴ В моих более ранних работах, в особенности в написанном вместе с В. Весоловским докладе «Формирование политических институтов Народной Польши», я выражал мнение, что в польскую партийную систему следует также включать общественно-политические католические организации (хотя они и не являются партиями), учитывая их политическую роль в рамках Фронта единства народа. Однако мне представляется убедительным аргумент Садовского («Systemy partyjne...», s. 93—94), что это затемняет понятие партийной системы и что организации этого типа следует рассматривать скорее как «элементы широко понимаемого политического механизма нашей страны».

²⁵ Иначе, но, по моему мнению, ошибочно считает М. Садовский («Systemy partyjne...», s. 90—91), который доказывает, что коммунистические партии не являются элементами капиталистических партийных систем, так как они борются против классового господства буржуазии. Этот аргумент не является убедительным, так как он предполагает, что партийная система должна охватывать только партии, признающие капитализм. Крупные коммунистические партии Запада (например, французская и итальянская) как в теории, так и на практике подчеркивают, что они являются и хотят быть частью партийной системы.

²⁶ M. Sobolewski. *Partie i systemy partyjne...*, s. 393—394.

²⁷ Г. Шахназаров. *Социалистическая демократия*, с. 52.

²⁸ M. Duverger. *Sociologie des partis politiques*, p. 44.

²⁹ Giovanni Sartori. *The Typology of Party Systems — Proposals for Improvement*. — In: E. Allardt, S. Rokkna (eds.). *Mass Politics: Studies in Political Sociology*. New York, London, 1970, p. 324.

³⁰ M. Sobolewski. *Partie i systemy partyjne...*, s. 421.

³¹ Г. Шахназаров. *Социалистическая демократия*, с. 46—47.

³² В. И. Ленин. *Полн. собр. соч.*, т. 41, с. 7.

³³ Именно таким образом рассматривает проблему Г. Шахназаров в работе «Социалистическая демократия».

Глава XI

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. *Соч.* т. 21, с. 169—170.

² St. Ehrlich. *Wstęp do nauki o państwie i prawie*. Warszawa, 1971, s. 26—27.

³ Henryk Lowmiański. *Początki Polski. Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n.e.*, t. IV. Warszawa, 1970, s. 226—228.

⁴ Ibidem, t. V. Warszawa, 1973, s. 125—126.

⁵ Jerzy J. Wiatr. *Marksistowska teoria rozwoju społecznego*. Warszawa, 1973, s. 341—342.

⁶ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. *Соч.*, т. 21.

⁷ H. Lowmiański. *Początki Polski...*, t. V, s. 467.

⁸ Ibidem, t. IV, s. 231.

⁹ Ibidem, t. III, s. 496—497.

¹⁰ См.: St. Ehrlich. *Wstęp do nauki o państwie...*, s. 60.

¹¹ См.: J. Wiatr. *Naród i państwo. Socjologiczne problemy kwestii narodowej*. Warszawa, 1966.

¹² Bogusław Lesnodorski. *Rozmowy z przeszłością*. Warszawa, 1970, s. 30.

¹³ Это касается, впрочем, не только неодинакового отношения к представителям отдельных общественных классов, но также (и даже в особенности) различного отношения к этническим меньшинствам, например к неграм в США.

¹⁴ Henryk Lowmiański. *Początki Polski...*, t. III, s. 6.

¹⁵ «Государство, — писал Ф. Энгельс, — было официальным представителем всего общества, его сосредоточением в видимой корпорации, но оно было таковым лишь постольку, поскольку оно было государством того класса, который для своей эпохи один представлял все общество: в древности оно было государством рабовладельцев — граждан государства, в средние века — феодального дворянства, в наше время — буржуазии. Когда государство наконец-то становится действительно представителем всего общества, тогда оно само себя делает излишним. С того времени, когда не будет ни одного общественного класса, который надо бы было держать в подавлении, с того времени, когда исчезнут вместе с классовым господством, вместе с борьбой за отдельное существование, порождаемой теперешней анархией в производстве, те столкновения и эксцессы, которые происходят из этой борьбы, — с этого времени нечего будет подавлять, не будет и надобности в особой силе для подавления, в государстве. Первый акт, в котором государство выступает действительно как представитель всего общества — взятие во владение средств производства от имени общества, — является в то же время последним самостоятельным актом его как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения становится тогда в одной области за другой излишним и само собой засыпает. На место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами. Государство не «отменяется», оно «отмирает»» (К. Маркс и Ф. Энгельс. *Соч.*, т. 20, с. 291—292).

¹⁶ A. Lopatka. *Wstęp do prawoznawstwa*, s. 75.

¹⁷ Это понятие — также и в отношении социалистической государственности — ввел Ф. М. Бурлацкий в работе «Ленин, государство, политика». М., 1970, с. 138—140.

¹⁸ Эта незначительно модифицированная типология была представлена мной в работе «Marksistowska teoria rozwoju społecznego», s. 348—349.

¹⁹ Г. Шахназаров. *Социалистическая демократия*, с. 16.

²⁰ Такое определение употребляет Ф. М. Бурлацкий в своей книге «Ленин, государство, политика», с. 441 и далее.

²¹ Так характеризовал это явление К. Маркс в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс,

Соч., т. 8). См. также важное определение цезаризма, данное А. Грамши в работе «Современный государь».

²² См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, с. 3—27, 30—84.

²³ Зачатки выделенной полиции мы находим уже в древнем мире в некоторых деспотических государствах, например в Сиракузах во время правления Хиерона (478—467 гг. до н. э.). Он создал сеть платных агентов, задачей которых была слежка за политической деятельностью подданных. Греческие республики и республиканский Рим не знали института полиции. Полностью этот институт получил развитие лишь в период позднего феодализма в абсолютных монархиях.

²⁴ См.: Барабашев Г. В., Шеремет К. Ф. Советское строительство. Москва, 1970.

²⁵ Турецкое государство того периода, впрочем, не было чистой военной диктатурой, так как Кемаль Ататюрк проводил политику отделения армии от гражданских органов власти, хотя на руководящие посты в эти органы назначались бывшие военные.

Глава XII

¹ См., например, сборник Heinz Eulau (ed.). *Behavioralism in Political Science*. New York, 1969, где содержится обстоятельная критика слабых сторон бихевиорального направления при исследовании политики.

² По вопросу необходимости и возможности бихевиористских исследований в марксистских политических науках см. мой раздел «Бихевиористские методы в науке о политике» в сборнике К. Оралка (red.). *Metodologiczne i teoretyczne problemy nauk politycznych*. Warszawa, 1975.

³ При дальнейшем исследовании мною не затрагиваются проблемы политического поведения в капиталистических системах, так как об этом речь частично шла в главе V при анализе направлений эмпирических социолого-политических исследований в современной науке. Полное сравнительное исследование политического поведения в различных системах могло бы составить по меньшей мере отдельную книгу. О политическом поведении в капиталистических странах лучшей книгой, по моему мнению, остается сборник Samuel E. Elder-sveld, Heinz Eulau, Morris Janowitz (eds.). *Political Behavior*. Glencoe, 1956. См. также: Robert E. Lane. *Political Life. Why and How People Got Involved in Politics*. New York, 1959.

⁴ См. теоретическое исследование этой проблемы в работе R. Dawson, K. Prewitt. *Political Socialization*. Boston, 1969, где подобным образом определяются формы и инструменты политической социализации. Доусон и Превитт различают прямые (непосредственные) и косвенные формы политической социализации, а среди инструментов выделяют а) семью, б) группы ровесников, в) школьную систему, включая политическое образование, г) общественные группы, политический опыт, влияние средств массовой коммуникации. По моему мнению, последняя группа слишком неоднородна и охватывает явления, требующие специального анализа,

⁵ Jan Szczepański. *Odmiany czasu teraźniejszego*. Warszawa, 1971, с. 306—307.

⁶ K. Doktor, K. Ostrowski, Z. Sufin. *Tendencje rozwoju aktywności społeczno-politycznej w społeczeństwie socjalistycznym*. — W: *Pracy zbiorowej pod redakcją J. Kowalskiego «Społeczeństwo a państwo socjalistyczne»*. Warszawa, 1972.

⁷ Józef Chalasiński. *Kultura i naród*. Studia i szkice. Warszawa, 1965, s. 11.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 443.

⁹ Интересно подходит к этой проблеме В. Г. Афанасьев в книге «Об интенсификации развития социалистического общества». М., 1969. Он обращает внимание на необходимость применения кибернетики в процессе принятия решений в социалистическом обществе.

Глава XIII

¹ John P. Robinson, Jerrold G. Rusk, Kendra B. Heald. *Measures of Political Attitudes*. Ann Arbor, 1965.

² Values and the Active Community. A Cross-National Study of the Influence of Local Leadership. New York, 1971, p. 6.

³ O dynamiczny rozwój budownictwa socjalistycznego — o wyższą jakość warunków życia narodu. Wytyczne Komitetu Centralnego na VII Zjazd PZPR. Warszawa, 1975, s. 29.

⁴ Walter Lippmann. *Public Opinion*. New York, 1938 (1 ed. 1922), p. 29.

⁵ Jean Stoetzel. *Théorie des opinions*. Paris, 1943, p. 165; William Albig. *Modern Public Opinion*. New York, 1956, p. 4.

⁶ Floyd H. Allport. *Toward a Science of Public Opinion*. — «The Public Opinion Quarterly», 1937, vol. I, № 1, p. 23.

⁷ Paul F. Lazarsfeld. *Public Opinion and the Classical Tradition*, там же 1957, vol. XXI, № 1, p. 41.

⁸ Antoni Gramsci. *Notatki encyklopedyczne, Pisma Wybrane*. Warszawa, 1961, s. 2, 409—410.

⁹ Более широкое обоснование определения идеологии дано в моей работе «Czy zmierzcz ery ideologii? Problemy polityki i ideologii w świecie współczesnym». Warszawa, 1968.

¹⁰ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, с. 7.

¹¹ Oskar Lange. *Ekonomia polityczna. Zagadnienia ogólne*. Warszawa, 1963, s. 40.

¹² H. Becker, H. E. Barnes. *Rozwój myśli społecznej od wiedzy ludowej do socjologii*, cz. 2. Warszawa, 1965, s. 442—469. Возражения Беккера и Барнеса в связи с отождествлением терминов «сакральность» и «святость» основываются на эмоциональных ассоциациях этого последнего определения (с. 447), что не представляется самым убедительным аргументом.

¹³ R. Aron. *Koniec wieku ideologii*, 1965.

¹⁴ D. Bell. *The End of Ideology. On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties*. New York, 1962.

¹⁵ S. M. Lipset. The Changing Class Structure and Contemporary European Politics. — «Daedalus», 1963, vol. 93, № 1.

¹⁶ R. E. Lane. Political Ideology. New York, 1962, а также The Decline of Politics and Ideology in a Knowledgeable Society. — «American Sociological Review», 1966, vol. 31, № 5.

¹⁷ C. J. Friedrich. Man and his Government An Empirical Theory of Politics. New York, 1963, p. 91.

Глава XIV

¹ L. Kriesberg (ed.). Social Processes in International Relations. New York, 1968; C. F. Alger. Trends in International Relations Research. — In: N. D. Palmer (ed.). A Design for International Relations Research: Scope, Theory, Methods and Relevance. Philadelphia, 1970, p. 7—28.

² См. мою статью «Socjologiczne ujęcie stosunków międzynarodowych». — «Studia Nauk Politycznych», 1969, № 3, s. 55—70. Здесь я хотел бы подчеркнуть, что марксистская теория внешней политики как функция внутренней политики и общественных отношений государства имеет фундаментальное значение для социологической интерпретации международных отношений.

³ Сторонниками выделения социологии международных отношений являются, в частности, советские авторы Ф. Бурлацкий и А. Галкин, которые изложили эту проблематику в интересной работе «Социология, политика, международные отношения». М., 1974. Заслуживает внимания и работа М. Мерля. Sociologie des relations internationales. Paris, 1974, в которой впервые обобщается опыт социологии в этой области. Мерль подробно излагает марксистскую точку зрения.

⁴ D. Easton. A Systems Analysis of Political Life. New York, 1965. Системный подход к области международных отношений применяет прежде всего H. J. Spiro. World Politics: The Global System, Homewood, Illinois, 1966. Ф. М. Бурлацкий в книге «Ленин. Государство. Политика» считает, что системный подход особенно характерен для материалистической теории политики как теории среднего уровня.

⁵ R. N. Gardner. In Pursuit of World Order. U. S. Foreign Policy and International Organizations. New York, 1964; W. Morawiecki. Organizacje międzynarodowe. Warszawa, 1965.

⁶ Этот вид анализа стал особенно распространенным с середины шестидесятых годов в связи с применением ЭВМ и «исследованием проблем мира» с помощью математических методов. Анализ этого вопроса с обширной библиографией содержится в работе P. Stocker. Analyses of Conflict Behaviors in an International Processes Simulation and an International System 1955—1960. Evanston, 1968. Ряд интересных работ по этой проблеме публикуется на страницах журналов «Papers of the Peace Research Society (International)», W. Isard (ed.); «Journal of Peace Research», J. Galtung (ed.).

⁷ Исследование внутренних проблем иностранных государств может лишь постольку быть отнесено к науке о международных отношениях, поскольку оно содержит анализ связей этих проблем с внешней политикой. Само исследование социальной политики и общественных отношений иностранного государства являются частью соответствующей дисциплины политологии или социологии, но не относятся к науке о международных отношениях.

⁸ A. Siciński. Peace and War in Polish Public Opinion. — «The Polish Sociological Bulletin», 1967, № 2(16), p. 25—40; Młodzi o roku 2000. Opinie, wyobrażenia, postawy. Warszawa, 1975.

⁹ I. Hochfeld. Marksizm a socjologia stosunków politycznych. — «Studia Socjologiczno-Polityczne», 1958, № 1, s. 6. В этой статье дается в наиболее синтетичном виде характеристика марксистского подхода к социологическому анализу политических явлений, на ней я основываю свою интерпретацию рассматриваемой здесь проблемы. О методе исследований международных отношений писал R. Bierzanek. Współczesne stosunki międzynarodowe. Warszawa, 1972.

¹⁰ Такой анализ проводят некоторые западные политологи. См.: J. D. Singer (ed.). Quantitative International Politics: Insights and Evidence. New York, 1968.

¹¹ B. Berelson. Content Analysis in Communication Research. New York, 1952; A. de Lillo. L'analisi del contenuto: Dalla teoria dell'informazione allo strutturalismo. Bologna, 1971.

¹² К важнейшим работам по этой тематике вышедшим за последнее десятилетие, следует отнести: R. Agon. Paix et guerre entre les nations. Paris, 1962. Ряд интересных социологических работ опубликован в сборнике: S. Doernberg, J. Galtung, A. Gromyko, D. Senghaas (Hrsg.). Probleme des Friedens, der Sicherheit und der Zusammenarbeit. См. также: D. Senghaas. Abschreckung und Frieden. Frankfurt, 1969. Недавно польская литература обогатилась глубокой, содержащей большое количество социологических аспектов работой: F. Ryszka. Polityka a wojna. Świadomość potoczna a teorie XX wieku. Warszawa, 1975.

Именной указатель

- Абель Т. 138
Адлер М. 275
Адорно Т. 113, 292, 293
Алмонд Г. 113, 150, 151, 260, 262, 263, 264, 265
Аристотель 34, 35, 39, 50
Арон Р. 95, 154, 406
Ататюрк К. 371
Бакер Э. 249
Банашкевич Я. 139
Барнард Р. 126
Барнс Г. 41, 78
Бауэр О. 249
Беккер Х. 41, 78
Белл Д. 406
Бендикс Р. 23, 24, 33, 95, 101
Бентам И. 121
Берельсон Б. 145
Бёрк Э. 37, 40, 41, 121, 147
Берут В. 384
Берч Г. 261
Беттельхейм Б. 307
Битгам Д. 95, 96
Блэкстон У. 147
Бобжинский М. 198
Боден Ж. 38, 77
Боднар А. 177
Бохеньский А. 251
Брежнев Л. И. 71, 72
Брун-Бронович Ю. 74
Бурлацкий Ф. М. 24, 52, 152, 168, 192, 260, 264
Бэдждот У. 78, 79
Вебер М. 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 107, 137, 138, 199, 323
Верба С. 113, 151, 262, 263, 264, 265
Весоловский В. 167, 170
Видершпиль С. 24, 25, 177
Вятр Е. 5, 7, 8, 10, 11, 13, 15, 16, 72
Галкин А. А. 52, 152, 192, 264
Гамильтон А. 362
Гегель Г.-В.-Ф. 45, 46, 47, 165
Гексли Т. 81, 82
Герек Э. 72, 384
Гердер И. 40, 41
Гершкович М. 242
Гесиод 37
Гжыбовский К. 37, 198
Гизо Ф.-П.-Г. 42
Гинзберг М. 249
Гитлер А. 369
Глазер Н. 146
Гоббс Т. 38, 39, 77, 274
Гобино А. 42
Гогель Ф. 125, 126
Голль Ш. де 362
Гомулка В. 384
Госнелл Г. 122, 124, 125, 130, 133
Гостовский З. 113
Грамши А. 52, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 90, 94, 150, 172, 182, 392, 394, 395
Грасна А. де 120
Гумплович Л. 36, 38, 79, 80, 410, 411
Гурр Т. 308
Гэллард Д. 112, 144
Дарвин Ч. 78, 82, 402
Джефферсон Т. 362
Джилас М. 211, 212, 216
Джовитт К. 261, 262
Добровольский К. 48, 246, 254
Дойч К. 112, 151, 153, 226, 410
Доллард Д. 275, 304
Доусон Р. 311
Дуйкер Г. 250
Дюверже М. 22, 94, 138, 139, 141, 142, 151, 333
Завадский А. 384
Закшевский В. 330
Замойский Я. 50, 51
Занинович М. 261
Зеленевский Я. 194
Зигфрид А. 126

- Знанецкий Ф. В. 244, 250, 286, 287, 288, 289, 290
Зомбарт В. 94
Ибн Хальдун 36, 37, 77
Инкелес А. 249
Истон Д. 309, 310, 412

- Каллес-Крауз К. 74
Кардинер А. 249
Карлейль Т. 84
Кан Р. 131
Каутский К. 61, 81, 218
Каццола Ф. 141
Кей В. 140
Кемпбелл А. 309
Клосковская А. 254
Клукхон К. 242
Козыр-Ковальский С. 95, 220
Колеман Д. 93
Коллонтай Г. 48, 49, 50
Конт О. 43, 44
Коперник Н. 402
Котари Р. 333
Крёбер А. 242, 243
Крживицкий Л. 74
Кромвель О. 361, 362
Куля В. 206
Кунов Г. 61
Кэмпбелл А. 131
Лабриола А. 220
Лазарсфельд П. 132, 136, 150
Ланге О. 403
Лапонс Ж. 115
Лассвэлл Г. 89, 274, 293, 294
Лебон Г. 84, 85
Лейн Р. 151, 406
Лейн Д. 216
Лелевель И. 42
Ленн В. И. 6, 14, 62, 63, 64, 65, 66, 94, 106, 164, 167, 168, 182, 199, 218, 219, 236, 237, 238, 269, 293, 338, 339, 367, 373, 384
Леснодорский Б. 352
Либбей О. 122
Лимановский Б. 74
Линтон Р. 249
Лиц Ж. 92, 142
Липпман У. 144, 145, 149

- Липсет С. 23, 24, 33, 93, 226, 406
Ловмянский Г. 345, 346, 348, 349, 356
Локк Д. 38, 39, 274
Лукач Д. 65
Люксембург Р. 61, 62, 74, 367
Лютер М. 190, 246
Макиавелли Н. 37, 38, 43, 274
Маккензи Р. 94, 139
Ман Г. де 94
Маннгейм К. 87
Марвик Д. 130, 131
Маркевич В. 251, 260
Маркс К. 5, 6, 33, 43, 45, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 62, 67, 97, 106, 150, 163, 164, 166, 171, 175, 182, 190, 199, 200, 201, 204, 207, 208, 217, 219, 220, 223, 224, 233, 234, 236, 245, 315, 317, 337, 363, 366, 367, 373, 401
Маски Э. 300
Мейно Ж. 23
Мид М. 249
Миколайчик З. 143
Милбрайт Л. 299, 300, 303
Миллер В. 275, 304
Миллс Р. 90, 184, 209
Митчелл У. 26—27
Михельс Р. 90, 92, 93, 94, 95, 137, 138, 147, 199
Мишле Ж. 42
Моджевский-Фрич А. 47, 48, 49
Мойсевич Ч. 261
Мольнар Ф. 377
Моммзен В. 96
Монтескьё Ш.-Л. 37, 40, 41, 147
Москва Г. 85, 86, 89, 92, 93, 107, 137
МуССолини Б. 89
Мэдисон Д. 362
Мюнцер Т. 190
Наполеон Луи Бонапарт 58, 97, 175, 176, 190, 233, 245, 274, 317, 361, 362, 366, 373
Наройек В. 27, 28
Насер Г. А. 371
Недзялковский М. 61

Нейман З. 94, 139
 Никсон Р. 303
 Новиков Ж. 81
 Ньютон И. 222
 Опенгеймер Ф. 80, 81
 Оссовский С. 82
 Островский К. 143
 Острогорский М. 90, 91, 92, 93,
 94, 95, 137, 138, 142, 147
 Парето В. 36, 85, 86, 87, 88, 89,
 92, 93, 107, 137, 274
 Патнэм Р. 151, 261
 Пато Ж. 126
 Патрин Э. 143
 Пельчинский З. 45, 135
 Пилсудский Ю. 195
 Пламенатц Д. 147, 148
 Платон 34
 Плеханов Г. В. 220
 Поуэлл Д. 260
 Превитт К. 311
 Пэйтмэн К. 264
 Растоу Д. 226
 Ратценхофер Г. 80
 Реммерс Г. 309
 Рисман Д. 146
 Ричардсон Л. 110
 Роккан С. 112
 Ростоу У. 219, 220, 221, 222,
 223, 225, 226, 233
 Рузвельт Ф. 179
 Руссо Ж.-Ж. 147, 274
 Садовский М. 143
 Сартори Д. 24, 93, 142, 333
 Смет де 125
 Смит Т. 147
 Спенсер Г. 43, 44, 410, 411
 Соболевский М. 25, 322, 323,
 332, 333, 335
 Стасюк А. 143
 Сташиц С. 48, 50, 51
 Стетцель Ж. 149
 Стоуффер С. 150
 Сулла Л. 361
 Суффин З. 143
 Тард Г. 274
 Тацит П. 198

Тингстен Г. 122, 123, 124, 130, 136
 Токвиль А. 42, 43, 107, 308
 Тольятти П. 65
 Троу М. 93
 Тьер Л. 42
 Тьерри Ж. 42
 Уоллес А. 82
 Уорд Л. 79, 80
 Фергюсон А. 40, 41, 77
 Фове Ж. 126
 Фогейроль П. 150
 Франклин Б. 362
 Фрейд З. 274, 275, 291
 Фрийда Н. 250
 Фромм Э. 272, 275, 290, 291, 292
 Хаас М. 153, 410
 Хайман Г. 309
 Халасиньский Ю. 383
 Хантингтон С. 217, 218, 219
 Харрингтон Д. 147
 Хесс Р. 309, 310
 Хорни К. 275, 291
 Хохфельд Ю. 22, 24, 26, 52, 75,
 166, 172, 190, 191, 315
 Цезарь Г. Ю. 361
 Чарновский С. 241
 Шахназаров Г. Х. 182, 185, 332,
 335, 360
 Швартценберг Р. 22
 Штаммер О. 22
 Щепаньский Я. 241, 242, 251, 378
 Эваленко Р. 125
 Элмонд Г. 226
 Эльдерсвелд С. 140, 141
 Энгельс Ф. 5, 6, 42, 52, 53, 54,
 55, 56, 58, 60, 81, 163, 164,
 165, 166, 171, 190, 224, 233, 234,
 315, 343, 347, 364, 366, 367, 373
 Энджелл Р. 153, 410
 Эрлих С. 344
 Юм Д. 40
 Юнг К. 275
 Яблоньский Г. 74
 Ягеллоны 195, 228
 Яновиц М. 130, 131, 307

Содержание

Предисловие	5
От автора	17
Часть первая. Общие вопросы	21
I. Предмет и сфера исследования социологии политиче- ских отношений	21
II. Элементы домарксовской социологии политических от- ношений	33
III. Марксистско-ленинская философия как основа социоло- гии политических отношений	52
IV. Основные немарксистские теории социологии полити- ческих отношений	76
V. Направление и методы эмпирических исследований в социологии политических отношений	105
Часть вторая. Теоретические основы политической социологии .	157
VI. Власть как социологическое явление	157
VII. Экономика и политика	200
VIII. Культура и политика	240
IX. Психология политических явлений	272
Часть третья. Области исследований социологии политических отношений	313
X. Социология политических движений и партий	313
XI. Социология государства	341
XII. Социология политического поведения	372
XIII. Социология политического сознания	387
XIV. Социология международных отношений	410
Примечания	421
Именной указатель	460